

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО
НАУЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И СОЦИАЛЬНЫЕ
ПЕРЕМЕНЫ:
ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ**

**Журнал выходит по решению руководителей экономических институтов РАН:
Северо-Западного федерального округа**

Институт экономики Карельского научного центра РАН (Республика Карелия)
Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского научного центра РАН (Мурманская область)
Институт социально-экономического развития территорий РАН (Вологодская область)

руководства

Санкт-Петербургского государственного экономического университета
Череповецкого государственного университета (Вологодская область)

других регионов РФ

Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН (Республика Башкортостан)
Институт экономики Уральского отделения РАН (Свердловская область)

Редакционный совет:

Решением Президиума
Высшей аттестационной
комиссии Минобрнауки
России от 19 февраля
2010 года №6/6
журнал включён
в Перечень ведущих
научных изданий,
рекомендуемых для
публикации основных
результатов
диссертаций
на соискание учёной
степени доктора
и кандидата наук.

Журнал включён в базы
данных ВИНТИ РАН,
Ulrich's Periodicals
Directory, Index
Sopernicus International,
EBSCOhost, Proquest,
а также в Российский
индекс научного
цитирования и
представлен в открытом
доступе на платформе
Научной электронной
библиотеки
(<http://www.elibrary.ru>).

С 2014 года Германская
национальная
экономическая
библиотека
включила журнал
в свой фонд.

Журнал также
направляется в
Библиотеку Конгресса
США.

Макаров В.Л., академик РАН, директор Центрального экономико-математического института РАН (Москва, Россия)
Ивантер В.В., академик РАН, директор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН (Москва, Россия)
Окрепилов В.В., академик РАН, генеральный директор Центра испытаний и сертификации (ТЕСТ-Санкт-Петербург, Россия)
Татаркин А.И., академик РАН, директор Института экономики УРО РАН (Екатеринбург, Россия)
Витязь П.А., академик, руководитель Аппарата НАН Беларуси (Минск, Беларусь)
Никитенко П.Г., академик НАН Беларуси (Минск, Беларусь)
Лажнецов В.Н., член-корреспондент РАН, советник РАН, гл.н.с. Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УРО РАН (Сыктывкар, Россия)
Сапир Ж., проф., директор Высшей школы социальных наук (HESS), Центра исследований индустриализации (СЕМІ) (Париж, Франция)
Валентей С.Д., д.э.н., проф., научный руководитель Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова (Москва, Россия)
Гайнанов Д.А., д.э.н., проф., директор Института социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН (Уфа, Россия)
Дайнеко А.Е., д.э.н., проф., директор Института экономики НАН Беларуси (Минск, Беларусь)
Ильин В.А., д.э.н., проф., директор Института социально-экономического развития территорий РАН (Вологда, Россия)
Кибиткин А.И., д.э.н., проф., заместитель ректора по науке и стратегическому развитию Мурманского государственного технического университета (Мурманск, Россия)
Кивинен М., проф., директор Александровского института Хельсинского университета (Хельсинки, Финляндия)
Котляров И.В., д.с.н., проф., директор Института социологии НАН Беларуси (Минск, Беларусь)
Кузнецов С.В., д.э.н., проф., директор Института проблем региональной экономики РАН (Санкт-Петербург, Россия)
Ларичкин Ф.Д., д.э.н., проф., директор Института экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского научного центра РАН (Апатиты, Россия)
Максимцев И.А., д.э.н., профессор, ректор Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Санкт-Петербург, Россия)
Полтерович В.М., академик РАН, зав. лаб. ЦЭМИ РАН, заместитель директора Московской школы экономики МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия)
Путилов А.В., д.т.н., проф., декан факультета управления и экономики высоких технологий Научно-исследовательского ядерного университета МИФИ (Москва, Россия)
Чукреев Ю.Я., д.т.н., директор Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УРО РАН (Сыктывкар, Россия)
Штомпка Пётр, профессор, декан факультета теоретической социологии Ягеллонского университета (Краков, Польша)
Чжан Шухуа, доктор, проф., зам. начальника научного центра информации и документации Китайской академии общественных наук (Пекин, Китай)
У Эньюань, проф., Институт российских, восточно-европейских и центрально-азиатских исследований Китайской академии общественных наук (Пекин, Китай)
Афанасьев Д.В., к.с.н., доцент, ректор Череповецкого государственного университета (Череповец, Россия)

Главный редактор – В.А. Ильин

Редакционная коллегия:

д.э.н., проф. Л.А. Аносова, д.э.н., проф. А.Г. Воробьев,
д.э.н., проф. Е.С. Губанова, к.э.н. К.А. Задумкин,
д.э.н. К.А. Гулин (зам. главного редактора), к.э.н. М.Ф. Сычев (зам. главного редактора),
к.филол.н. О.В. Третьякова (зам. главного редактора, отв. секретарь),
д.э.н. Т.В. Ускова, д.э.н. А.А. Шабунова, к.э.н. Г.В. Леонидова, к.э.н. С.В. Терёбова

Все статьи проходят обязательное рецензирование.

Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций.

FEDERAL AGENCY
FOR SCIENTIFIC ORGANISATIONS

RUSSIAN
ACADEMY OF SCIENCES

FEDERAL STATE BUDGETARY INSTITUTION OF SCIENCE
INSTITUTE OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF TERRITORIES
OF RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCE

**ECONOMIC
AND SOCIAL
CHANGES:
FACTS, TRENDS, FORECAST**

4 (40) 2015

The journal is published according to the decision of RAS economic institutions' administration in the North-West Federal District

Institute of Economics of Karelian Scientific Centre of RAS (Karelia Republic)
G.P. Luzin Institute of Economic Problems of Kola Scientific Centre of RAS (the Murmansk Oblast)
Institute of Socio-Economic Development of Territories of RAS (the Vologda Oblast)

and according to the decision of the administration of

Saint Petersburg State University of Economics and Finance
Cherepovets State University (the Vologda Oblast)

and RAS institutions of other RF regions

Institute of Social and Economic Research of Ufa Science Centre of RAS (Bashkortostan Republic)
Institute of Economics of the Ural RAS Department (the Sverdlovsk Oblast)

Editorial Council:

The decision of Presidium of the Higher Attestation Commission of the Russian MES (No.6/6, dated 19.02.2010) the journal is included in the list of leading scientific editions, recommended for publication of the main results of dissertations for the degree of Doctor and Candidate of Sciences.

The journal is included into databases: VINITI RAS, Ulrich's Periodicals Directory, Index Copernicus International, EBSCOhost, Proquest, and also into the Russian Science Citation Index, and is presented in the open access on the platform of the Scientific e-Library (<http://www.elibrary.ru>).

In 2014 the German National Library of Economics included the Journal into its fund.

The journal is also sent to the Library of Congress, the USA.

Makarov V.L., RAS Academician, Director of the Central Economic Mathematical Institute of the RAS (Moscow, Russia)
Ivanter V.V., RAS Academician, Director of the Institute of Economic Forecasting of the RAS (Moscow, Russia)
Okrepilov V.V., RAS Academician, General Director of State Regional Center for Standardization, Metrology and Testing (St. Petersburg, Russia)
Tatarkin A.I., RAS Academician, Director of the Institute of Economics, Ural Branch of the RAS (Yekaterinburg, Russia)
Vityaz P.A., Academician, Head of Academy Staff of the NASB (Minsk, Belarus)
Nikitenko P.G., Academician of the NASB (Minsk, Belarus)
Lazhentsev V.N., RAS Corresponding Member, RAS Advisor, Senior Research Associate of the Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of the RAS (Syktyvkar, Russia)
Sapir J., Professor, Director of Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales (EHESS), Head of the Centre d'Etude des Modes d'Industrialisation (CEMI-EHESS) (Paris, France)
Valentey S.D., Doctor of Economics, Professor, Supervisor of Plekhanov Russian University of Economics (Moscow, Russia)
Gaynanov D.A., Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute for Social and Economic Research, Ufa Scientific Center of the RAS (Ufa, Russia)
Dayneko A.E., Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Economics of the NASB (Minsk, Belarus)
Ilyin V.A., Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Socio-Economic Development of Territories of the RAS (Vologda, Russia)
Kibitkin A.I., Doctor of Economics, Professor, Vice Rector for Science and Strategic Development of the Murmansk State Technical University (Murmansk, Russia)
Kivinen M., Professor, Director of the Aleksanteri Institute of the University of Helsinki (Helsinki, Finland)
Kotlyarov I.V., Doctor of Sociology, Professor, Director of the Institute of Sociology of NASB (Minsk, Belarus)
Kuznetsov S.V., Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Problems of Regional Economics (St. Petersburg, Russia)
Larichkin F.D., Doctor of Economics, Professor, Director of Luzin Institute of Economic Problems of Kola Scientific Centre of the RAS (Apatity, Russia)
Maksimtsev I.A., Doctor of Economics, Professor, Rector of the Saint Petersburg State University of Economics (St. Petersburg, Russia)
Putilov A.V., Doctor of Technical Sciences, Professor, Dean at the Department of Management and Economics of High Technologies of National Research Nuclear University MEPhI (Moscow, Russia)
Polterovich V.M., RAS Academician, Head of Laboratory of the Central Economics and Mathematics Institute (Moscow, Russia)
Chukreev Yu.Ya., Doctor of Technical Sciences, Director of the Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of the RAS (Syktyvkar, Russia)
Sztompka, P., Professor, Dean at the Department of Theoretical Sociology of the Jagiellonian University (Kraków, Poland)
Zhang Shuhua, Doctor, Professor (Beijing, China), Deputy Director of the Center for Documentary and Information of the Chinese Academy of Social Sciences
Wu Enyuan (Beijing, China), Professor, the Institute of Russian, Eastern European & Central Asian Studies of the Chinese Academy of Social Sciences
Afanasyev D.V., Ph.D. in Sociology, Associate Professor, Rector of Cherepovets State University (Cherepovets, Russia)

Chief Editor - V.A. Ilyin

Editorial Board:

Doctor of Economics, Professor L.A. Anosova, Doctor of Economics, Professor A.G. Vorobyov,
Doctor of Economics, Professor E.S. Gubanova, Ph.D. in Economics K.A. Zadumkin,
Doctor of Economics K.A. Gulin (Deputy Chief Editor), Ph.D. in Economics M.F. Sychev (Deputy Chief Editor),
Ph.D. in Philology O.V. Tretyakova (Deputy Chief Editor, Executive Editor),
Doctor of Economics T.V. Uskova, Doctor of Economics A.A. Shabunova,
Ph.D. in Economics G.V. Leonidova, Ph.D. in Economics S.V. Terebova

*All research articles submitted to the Journal are subject to mandatory peer-review.
Opinions presented in the articles can differ from the editorial board's point of view.
Authors of the articles are responsible for the material selected and stated.*

ISSN 1998-0698

Internet address: <http://esc.vsc.ac.ru>

© ISED T RAS, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

- Ильин В.А.* Экономическая политика Правительства продолжает противоречить интересам основной части населения страны 9
- Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества 21

СТРАТЕГИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

- Ускова Т.В.* Социально-экономические проблемы территорий в фокусе внимания вологодских ученых 33
- Кульков В.М.* Завершился ли переходный период в экономике России? 45

ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

- Селин В.С.* Современные тенденции и проблемы развития арктических морских грузопотоков 60
- Васильев А.М.* Основные направления повышения эффективности внешне-экономической деятельности рыбной отрасли Европейского Севера 74

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

- Афанасьев Д.В.* К исследованию роли социального капитала регионов в условиях социально-экономического кризиса 88
- Силин А.Н.* Социологические аспекты вахтового труда на территориях севера Западной Сибири 109
- Панов М.М.* Анализ миграционных потоков населения районов Вологодской области 124

ЭКОНОМИКА АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА

- Чекавинский А.Н.* Резервы роста молочного скотоводства в Вологодской области в контексте решения стратегических задач государства по освоению Арктики 139

ЭКОНОМИКА ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

<i>Михайлова Г.В., Ефимов В.А.</i> Социальное измерение особо охраняемых природных территорий.....	151
--	-----

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

<i>УФэнган.</i> Исследование устойчивого развития процесса урбанизации в Китае.....	165
<i>Гао Мэй.</i> Низкоуглеродное производство: проблемы и выбор пути (на примере провинции Цзянси)	171

МОЛОДЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ

<i>Маковеев В.Н.</i> Совершенствование механизма управления инновационной деятельностью в обрабатывающей промышленности	180
<i>Короленко А.В.</i> Динамика смертности населения России в контексте концепции эпидемиологического перехода	192

НАУЧНЫЕ ОБЗОРЫ. НАУЧНЫЕ РЕЦЕНЗИИ. ОТЗЫВЫ

Рецензируется: Д.Л. Константиновский, Е.Д. Вознесенская, Г.А. Чередниченко «Молодежь России на рубеже XX–XXI веков: образование, труд, социальное самочувствие»	211
Требования к оформлению статей.....	215
Информация о подписке	220

CONTENT

FROM THE CHIEF EDITOR

<i>Ilyin V.A.</i> Economic Policy Pursued by the Government Is Still Inconsistent with the Interests of the Majority of Russia's Population	9
Public Opinion Monitoring of the State of the Russian Society	21

SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT STRATEGY

<i>Uskova T.V.</i> Socio-Economic Issues of Territories in the Focus of Attention of Researchers in Vologda	33
<i>Kul'kov V.M.</i> Is Transition in the Russian Economy Complete?	45

BRANCH-WISE ECONOMY

<i>Selin V.S.</i> Current Trends and Problems of Development of the Arctic Marine Freight Traffic	60
<i>Vasil'ev A.M.</i> Main Directions of Increasing Efficiency of Foreign Trade Activities of the Fishing Industry of the European North	74

SOCIAL DEVELOPMENT

<i>Afanas'ev D.V.</i> On the Question of Studying the Role of Social Capital under the Conditions of the Socio-Economic Crisis	88
<i>Silin A.N.</i> Sociological Aspects of Rotational Employment in the Northern Territories of Western Siberia	109
<i>Panov M.M.</i> Analysis of Migration Flows of the Population of the Vologda Oblast Districts	124

ECONOMICS OF THE AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX

<i>Chekavinskii A.N.</i> Reserves of Dairy Cattle Breeding Growth in the Vologda Oblast in the Context of Solving State Strategic Tasks to Develop the Arctic	139
--	-----

ENVIRONMENTAL ECONOMICS

Mikhailova G.V., Efimov V.A. Social Assessment of Specially Protected Natural Areas 151

FOREIGN EXPERIENCE

Wu Fenggang. Research on the Sustainable Development of China's Urbanization 165

Gao Mei. Industrial Low-Carbon: Dilemma and Path Selection (Case Study of Jiangxi Province) 171

YOUNG RESEARCHERS

Makoveev V.N. Improvement of the Mechanism for the Management of Innovation Activity in the Manufacturing Industry 180

Korolenko A.V. Dynamics of Mortality in Russia in the Context of the Epidemiologic Transition Concept 192

SCIENTIFIC REVIEWS. OPINIONS

Review of the Monograph: D.L. Konstantinovskii, E.D. Voznesenskaya, G.A. Cherednichenko "The Young People of Russia at the Turn of the 21st Century: Education, Employment, Social Well-Being" 211

Requirements to Manuscripts 215

Subscription Information..... 220

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

DOI: 10.15838/esc/2015.4.40.1
УДК 338(470), ББК 65.050.11(2Рос)

© Ильин В.А.

Экономическая политика Правительства продолжает противоречить интересам основной части населения страны

**Владимир Александрович
ИЛЬИН**

доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
Институт социально-экономического развития территорий РАН
160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, ilin@vscc.ac.ru

В июле 2014 г. был опубликован доклад С.Ю. Глазьева о состоянии дел в экономике России и конфликте с Украиной «Как не проиграть в войне». В нем автор обращал внимание на глубинные причины военных действий в Украине, указывал на то, что суть вопроса лежит в плоскости конфликтного поля, действующего уже многие столетия. Это поле «агрессии Запада против России»¹, и стратегические и тактические меры, которые позволят России победить в войне, являются мерами опережающего развития и модернизации отечественной экономики. Их реализация требует «высокой согласованности действий и определенной солидарности основных социальных групп российских граждан. Это предполагает кардинальное снижение социального неравенства, порождающего

¹ Глазьев С.Ю. Как не проиграть в войне // Официальный сайт С.Ю. Глазьева. — Режим доступа: http://www.glazev.ru/sodr_ssn/368/

антагонистическое и отчужденное отношение граждан к политике государства»². Необходимо также отметить, что в своём докладе С.Ю. Глазьев предлагал набор конкретных мер, которые могли бы способствовать эффективному разрешению сложившихся в стране противоречий.

Прошел год... Стало очевидным, что планы Запада «с наскока» разрушить фундаментальные основы российской государственности провалились. «Блицкриг», рассчитанный на полгода, плавно перерос в длительную, по прогнозам экспертов — многолетнюю, осаду с использованием экономических санкций и различного рода ограничений для граждан России.

В июле 2015 г. в статье «Запредельное неравенство. Политика государства противоречит интересам населения» С.Ю. Глазьев продолжает развивать свои мысли по

² Там же.

поводу актуальных вызовов, с которыми сталкивается Россия, акцентируя внимание на том, что одним из главных среди них по-прежнему является запредельное неравенство. Как и в 2014 г., в новой статье предлагается конкретный набор действий, которые позволят в достаточно короткие сроки привести макроэкономическую политику «в соответствие с общепринятым пониманием принципов социальной справедливости и правды, а также в интересах развития производственной сферы»³.

Академик Глазьев еще раз подчёркивает: несмотря на то, что противостояние между Россией и США вошло в новую стадию своего развития, война продолжается.

«Не нужно быть пророком, чтобы догадаться о главных направлениях западной агрессии против России. Удары будут наноситься прежде всего по опорам высшей государственной власти. Бюрократия будет обвиняться в коррупции и дискредитироваться в глазах населения. Крупный бизнес будет настраиваться против власти под страхом экономических и персональных санкций. Правоохранительные органы будут выбиваться из-под государства страхом перед ответственностью за противоправные насильственные действия. Все это уже происходит на наших глазах... Чтобы выстоять в ведущейся против России гибридной войне, главе государства необходимо опираться прежде всего на народ. И в первую очередь на трудящееся население»⁴.

Подавляющая часть населения поддерживает Президента (уровень одобрения его деятельности, по данным ВЦИОМ, Левада-Центра, составляет свыше 85%). В то же время, по мнению автора статьи,

«проводимая в интересах международных спекулянтов макроэкономическая политика несовместима с жизненными интересами производственной сферы и населения»... Ориентация денежных властей на обслуживание интересов валютно-финансовых спекулянтов и офшорную олигархию ежедневно усиливает противоречия между властвующей элитой и народом, доводя их до состояния антагонистических. Это подрывает доверие населения к институтам государственной власти, ослабляя две ее опоры — бюрократию и правоохранительные органы»⁵.

Также ряд аналитиков удивила субъективная не критичная оценка председателя кабинета министров Д.А. Медведева, заявившего о том, что Правительство за последние три года достигло «очень хороших изменений, изменений к лучшему»⁶. Ведь существует множество объективных подтверждений того, что российская экономика уже третий год находится в состоянии рецессии и никаких позитивных сдвигов Правительство Медведева добиться не может. Об этом говорят следующие факты:

✓ «Россия занимает первое место в мире среди крупных стран по неравенству распределения богатства. В странах с социал-демократической традицией (Скандинавия, Германия) коэффициент фондов составляет 3–7 раз. В России в 1991 г. он составлял 4,5 раза, в 2014 г. — 16 раз по официальной статистике и от 25 до 40 раз по экспертным оценкам (с учетом скрытых доходов). При этом предельно критическим соотношением доходов крайних 10% наиболее и наименее обеспеченных групп населения считается 10 к 1. Численность россиян с денежными доходами

³ Глазьев С.Ю. Запредельное неравенство. Политика государства противоречит интересам населения [Электронный ресурс] // Завтра. — 2015. — № 29 (1130). — 23 июля. — Режим доступа: <http://zavtra.ru/content/view/zapredelnoe-neravenstvo/>

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Интервью Дмитрия Медведева телеканалу «Россия» 23 мая 2015 // Новости на официальном сайте Правительства РФ. — Режим доступа: <http://government.ru/news/18220/>

ниже величины прожиточного минимума в I квартале 2015 г. достигла 23 млн. человек и, судя по прогнозу инфляции и доходов населения, может увеличиться еще на треть. ...Закрепление этой тенденции до конца года повлечет ощутимое снижение уровня и качества жизни для большинства населения. По уровню бедности российское общество откатится на 10 лет назад»⁷.

✓ «Главный локомотив, главный драйвер подъема экономики — это наука, образование, информационные технологии, биотехнологии и здравоохранение. У нас доля экономики знаний в создании валового продукта — 15%, в Европе — 35, в США — больше 40, потому что там это все росло в 2 раза быстрее валового продукта. А у нас именно эти расходы больше режутся, они растут медленнее валового продукта. У нас инфляция 16,4 сейчас, годовая будет 12. Прошлый год был 7,8. И ясно, что Центральный Банк не может подавить инфляцию, от него зависит менее половины факторов, которые на нее влияют»⁸.

✓ «...Можно утверждать, что в 2014 г. мы ощутили только частичное влияние антироссийских мер, годом санкций станет 2015 г. В 2014 г. ухудшились многие показатели: инвестиции, рекордная девальвация рубля, начиная с 2012 г. стала ускоряться инфляция. Произошло ухудшение социально-экономической ситуации в целом. В отличие от кризиса (2008 г. — В.И.), это не кратковременный, а долго-

срочный процесс, поэтому восстановление предсказать невозможно»⁹.

✓ «Шоки 2014 г. обострили проблемы, накопившиеся за четверть века. В начале 2015 г. — проседание отдельных отраслей, экспорта-импорта на десятки процентов. Убытки реального сектора и банков — в целом по стране. Ожидаемая динамика — стабилизация на более низком уровне, как после инсульта, новые скачки рубля, пространство неопределенности и риски. Слабые ответы на вызовы (антикризисный план), при том что внешние факторы действуют с той же силой и негативно. Итог — экономика, находящаяся на наклонной траектории»¹⁰.

О негативных тенденциях в российской экономике говорят и объективные статистические данные: только за первую половину 2015 г. по сравнению с январем — июнем 2014 г. ВВП снизился на 3,4%, индекс промышленного производства — на 2,7%, инвестиции в основной капитал — на 5,4%, реальные располагаемые денежные доходы населения — на 3,1%, индекс потребительских цен возрос на 8,5%¹¹.

Несмотря на это, Правительство Медведева и финансовый блок продолжают давать достаточно благоприятные прогнозы относительно перспектив развития экономической ситуации в стране: согласно

⁷ Глазьев С.Ю. Запредельное неравенство. Политика государства противоречит интересам населения [Электронный ресурс] // Завтра. — 2015. — № 29 (1130). — 23 июля. — Режим доступа: <http://zavtra.ru/content/view/zapredelnoe-neravenstvo/>

⁸ Аганбегян А.Г. Кризис в России начался задолго до присоединения Крыма и введения санкций: материалы выступления А.Г. Аганбегяна на Втором симпозиуме им. Заславской (г. Калининград, май 2015) // Интернет-портал Freekaliningrad.ru. — Режим доступа: http://freekaliningrad.ru/academician-aganbegyan-the-crisis-in-russia-began-long-before-the-annexation-of-crimea-and-the-impos_photo/

⁹ Аганбегян А.Г. Социально-экономическое развитие России: итоги и перспективы, санкции (материалы открытого семинара) // Новости на официальном сайте Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.emba.ranepa.ru/novosti/seminar-abela-gezevicha-aganbegyana-abel-aganbegyan-naibolshiy-uscherbot-sanktsiy-zhdet-rossiu-v-2015-g>

¹⁰ Миркин Я.М. Внезапный поворот // Журнал новой экономической ассоциации. — 2015. — № 2 (26). — С. 197.

¹¹ О текущей ситуации в экономике Российской Федерации по итогам первого полугодия 2015 года. — С. 5. (28 июля 2015 г.) // Официальный сайт Министерства экономического развития РФ. — Режим доступа: <http://economy.gov.ru/minrec/activity/sections/macro/monitoring/20150728>

Таблица 1. Прогноз основных макроэкономических показателей в 2015 г.
(% к предыдущему году в сопоставимых ценах)

Показатели	Дата представления прогноза					
	11.05.2012	12.09.2012	12.04.2013	23.10.2013	26.09.2014	16.02.2015
ВВП	104,7	104,5	104,1	103,1	101,2	97,0
Индекс промышленного производства	104,2	103,7	103,4	102,3	101,6	98,4
Индекс потребительских цен	104,5	104,5	104,5	104,5	105,5	112,2
Инвестиции в основной капитал	107,8	107,9	107,2	105,6	102,0	86,3
Оборот розничной торговли	105,7	105,8	105,0	104,4	100,6	91,8
Реальная заработная плата	106,0	105,9	106,0	103,8	100,5	90,4
Реальные денежные доходы населения	105,2	105,3	104,6	103,0	100,4	93,7

базовому сценарию «при низком потребительском спросе ожидается, что инфляция в 2016 году замедлится почти вдвое — до 6,5–7,5%. К 2018 году в условиях укрепления рубля инфляция снизится до 5%. Снижение инфляции и возобновление экономического роста обеспечат рост реальных доходов населения темпами 1,1% в 2016 году и 2,6–2,8% в 2017–2018 годах. В 2015 году на фоне существенного падения инвестиций и сокращения расходов домашних хозяйств ВВП в реальном выражении снижается на 2,8%. При этом уже в конце текущего года Правительством предполагается возобновление экономического роста до 2,3% в 2016 году и до 2,3–2,4% в 2017–2018 годах»¹².

Однако оптимизма эти цифры не прибавляют. В реальности министры правительства с легкостью дают позитивные значения прогнозных индикаторов и с такой же легкостью изменяют их, так как никто не несет персональной ответственности за несбывшиеся прогнозы, даже если они в несколько раз отклоняются от первоначальных значений. В последние годы эта

¹² Сценарные условия, основные параметры прогноза социально-экономического развития Российской Федерации и предельные уровни цен (тарифов) на услуги компаний инфраструктурного сектора на 2016 год и на плановый период 2017 и 2018 годов // Официальный сайт Министерства экономического развития РФ. — Режим доступа: <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/macro/monitoring/20150728>

практика приобрела регулярный характер. К примеру, в мае 2012 г. прогнозировался рост ВВП на 4,7%, реальных денежных доходов населения — на 5,2%. В апреле 2013 г. эти показатели были понижены до 4,1 и 4,6% соответственно (в 1,1 раза). В сентябре 2014 г. — до 1,2 и 0,4% (то есть в 4 и 13 раз соответственно). А по факту в феврале 2015 г. прогнозировалось уже снижение ВВП на 3%, реальных доходов — на 6,3% (табл. 1).

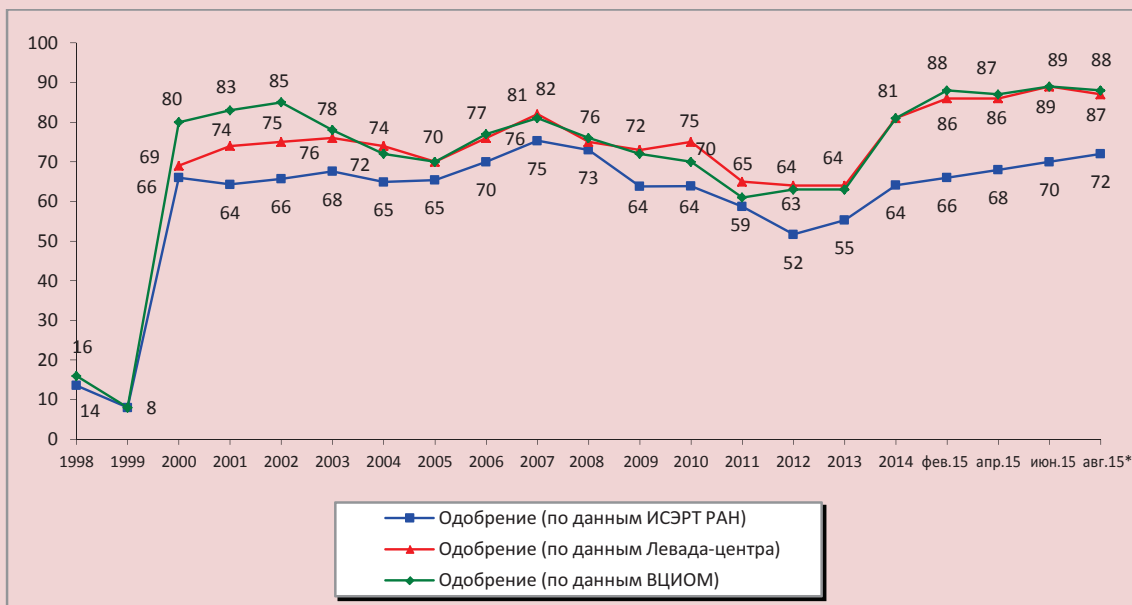
Данные официальной статистики, мнение представителей экспертного сообщества, а также факт регулярной корректировки правительственных индикаторов подводят к заключению, сформулированному экспертами: «Наши чиновники не владеют элементарной техникой проведения институциональных реформ»¹³. «Ориентиры нашей власти и финансовые вложения в принципе неправильные»¹⁴.

Почему же в таком случае уровень одобрения деятельности Президента, в целом ответственного за состав и работу кабинета министров, настолько высок в российском обществе? По последним данным веду-

¹³ Полтерович В.М. Реформаторам науки не хватает квалификации // Поиск. — 2015. — № 23 (1357). — 5 июня; Новости Центрального экономико-математического Института РАН [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.cemi.rssi.ru/news/science/Полтерович%20Поиск.pdf>

¹⁴ Малинецкий Г.Г. Карта распада // Официальный сайт Изборского клуба. — Режим доступа: <http://www.dynacon.ru/content/articles/3777/>

Рисунок 1. Уровень одобрения деятельности Президента РФ (в % от числа опрошенных)

* Данные ВЦИОМ и Левада-центра приведены за июль 2015 г.
Источники: данные ВЦИОМ, Левада-центра, ИСЭРТ РАН.

щие социологические центры, проводящие свои исследования на федеральном (ВЦИОМ, Левада-Центр) и региональном (ИСЭРТ РАН) уровнях, фиксируют значительную поддержку деятельности главы государства: в среднем 88% по стране и 72% в Вологодской области (рис. 1).

С нашей точки зрения этому может быть несколько объяснений.

Во-первых, на оценку деятельности главы государства все еще имеют сильное влияние последствия «крымской весны». «Отношение к воссоединению Крыма с Россией самым тесным образом связано с рейтингом Президента»¹⁵. Рейтинг доверия россияне В. Путину порядка 70–90% обусловлен «пропагандой, присоединением Крыма и информационной войной с Западом»¹⁶.

¹⁵ Российская повседневность в условиях кризиса: как живем и что чувствуем? Информационно-аналитическое резюме ИС РАН по итогам второго этапа общенационального исследования: обнародовано 20.05.2015 / ИС РАН. – М., 2015. – С. 13.

¹⁶ Горбачев А., Гармоненко Д. Президент и его рейтинг [Электронный ресурс] // Независимая газета. – 2015. – 10 июля. – Режим доступа: http://www.ng.ru/politics/2015-07-10/1_president.html

Во-вторых, высокий уровень доверия главе государства во многом является следствием недоверия другим государственным и общественным институтам. Высокий рейтинг Президента может объясняться следующим образом: «Когда люди не доверяют никому, они бы, наверное, делегировали полномочия на уровень богов. Глава государства – это последний единый уровень для делегирования и там это все желаемое и невостребованное доверие и сосредоточилось. Это фиктивное производство доверия, иллюзия. А настоящее производство доверия происходит в условиях реального человеческого взаимодействия»¹⁷.

Сегодня российское общество расколото на две примерно равные части – оптимистов и пессимистов. Оно не знает, куда

¹⁷ Аузан А.А. Общественный договор и гражданское общество: стенограмма публичной лекции А.А. Аузана от 23.12.2005 // Информационно-аналитический портал «Полит.ру». – Режим доступа: <http://polit.ru/article/2005/01/11/auzan/>

двигаться, кому верить¹⁸. И в этой ситуации естественным «ответом» на вопрос «за кем идти?» становится действующий глава государства, при котором страна плохо или хорошо, но преодолела последствия экономического кризиса 1998 г., мировой финансовый кризис 2008 г. и реальную угрозу втягивания в «большую» войну в 2014 г.

В-третьих, точка зрения руководства страны активно транслируется средствами массовой информации по всем федеральным, региональным и местным телеканалам. Мнение же экспертов если и появляется в эфире федеральных каналов, то в таких программах, как «Политика», «Вечер с В. Соловьевым», «Структура момента», и других телепередачах, которые, во-первых, имеют статус ток-шоу, а во-вторых, транслируются по будням после 23.00.

«Внимание власти сосредоточено на пропаганде.»¹⁹ «Сейчас возникли новые методы управления обществом — информационное управление, при котором поведение людей программируется со-

¹⁸ «Что касается ожиданий населения относительно будущего страны, они могут быть охарактеризованы как сдержанно тревожные: почти половина респондентов сходится во мнении, что страну ожидают трудные времена, четверть россиян считают, что страна будет развиваться успешно, и аналогичная доля не ожидает никаких принципиальных изменений в развитии страны. Причем подобная тревожность свойственна россиянам в отношении не только ситуации в России, но и в мире. Социальный контекст происходящих в стране трансформаций отражается в противоречивом социально-психологическом состоянии населения. Немногим более половины наших сограждан позитивно оценивают своё психоэмоциональное состояние, и почти половина россиян к концу 2014 года отличалась негативным социально-психологическим самочувствием (четверть ощущала чувство тревоги, каждый пятый испытывал апатию, раздраженность, реже — озлобленность)». Источник: Российское общество в контексте новых реалий (тезисы о главном): информационно-аналитическое резюме по итогам общенационального исследования / ИС РАН. — М., 2015. — С. 3.

¹⁹ Горбачев А. Россияне отделяют Путина от чиновников [Электронный ресурс] // Независимая газета. — 2015. — № 136. — 7 июля. — Режим доступа: http://www.ng.ru/politics/2015-07-07/1_putin.html

общаемой ему или скрываемой от него информацией...»²⁰ И это не «чисто российская» технология, а общемировая тенденция, корни которой уходят в развитие геополитических событий и информационную войну, развернувшуюся между Россией и США в 2014 году. «На сегодняшний момент информационная война играет значительно большую роль, чем военная сила.»²¹

Что же касается точки зрения представителей науки, то исчерпывающий комментарий, на наш взгляд, по этому поводу дал журнал «Эксперт», проанализировав такие стратегические документы, как «Инновационная стратегия», «Об Основах политики в области науки и технологий», госпрограмма «Развитие науки и технологий»: «Народ наш просто отупеет, если тенденции деградации науки и образования не будут преодолены»²².

Таким образом, высокая оценка деятельности главы государства отражает реальную ситуацию лишь с одной стороны. С другой стороны — это «рейтинг надежд»²³. Поддержка Президента обусловлена разными причинами, но ни одна из них не затрагивает сферу экономики и уровня жизни — те самые вызовы, с которыми сталкивается сегодня российское общество и государство.

²⁰ Малинецкий Г.Г. Междисциплинарные идеи в социологии и вызовы будущего // Социс. — 2015. — № 4 (372). — С. 153.

²¹ Стариков Н.В. Лекция на Всероссийском молодежном форуме «Территория смыслов» на Клязьме 26.07.2015 // Официальный блог Н. Старикова. — Режим доступа: <http://nstarikov.ru/blog/53726>

²² Фадеев В.А. Этот выпуск «Эксперта» — необычный, он — юбилейный [Электронный ресурс] // Эксперт. — 2015. — № 30–34 (953). — Режим доступа: <http://expert.ru/expert/2015/30/ekspert/>

²³ Андреева Ю. Надежда на «рейтинг надежд» // Завтра. — 2015. — № 31 (1132) / Официальный сайт газеты «Завтра». — Режим доступа: <http://zavtra.ru/content/view/vtsiom/>

Таблица 2. Соотношение положительных и отрицательных оценок населением текущей динамики и перспектив развития экономической ситуации в стране, в области, собственного материального положения (август 2015 г., в % от числа опрошенных)

Категория	Доля положительных оценок (прогнозов)	Доля отрицательных оценок (прогнозов)	Доля нейтральных оценок (прогнозов)	Соотношение доли положительных и отрицательных оценок (раз)
Оценка экономической ситуации в стране	6,5	34,3	48,0	7
Оценка развития экономической ситуации в стране в ближайшие 12 месяцев	12,0	36,6	34,2	3
Оценка экономической ситуации в области	6,3	40,3	42,5	7
Оценка развития экономической ситуации в области в ближайшие 12 месяцев	10,7	38,0	33,3	3
Оценка изменения материального положения по сравнению с прошлым годом	8,1	35,8	43,2	5
Оценка перспектив материального положения через год	4,8	25,2	37,5	8

Наоборот, как показывают исследования ИСЭРТ РАН²⁴, в оценках населением экономической ситуации в стране и регионе, в суждениях о динамике собственного материального положения, а также в ожиданиях их изменений в ближайший год доля негативных отзывов значительно выше, чем удельный вес положительных характеристик.

Соотношение доли позитивных и негативных оценок населением экономической ситуации в стране и области составило 1 к 7 (7 и 48% в стране, 6 и 43% – в области), изменения собственного материального положения – 1 к 5 (8 и 43%). Не внушают оптимизма и прогнозы населения относительно перспектив развития экономической ситуации в ближайший год: соотно-

шение доли положительных и отрицательных прогнозов по поводу экономической ситуации в стране и области составило 1 к 3 (12 и 34% в стране, 11 и 33% – в области), в плане перспектив личного материального положения – 1 к 8 (5 и 38%; табл. 2).

Динамика оценки жителями Вологодской области экономической ситуации в стране и регионе, собственного материального положения, а также прогнозов их развития за период с 2012-го (начало третьего президентского срока В.В. Путина) по август 2015 г. показана на рис. 2–7.

Поэтому, как отмечают эксперты, сегодняшний рейтинг Президента не отражает того, насколько эффективно работает политическая система, функционируют экономика и Правительство в целом. Президент выступает как фигура, обеспечивающая безопасность²⁵. Однако, возможно, «отрицательные последствия высочайшего рейтинга не за горами»²⁶.

²⁴ Мониторинг общественного мнения ИСЭРТ РАН проводится с 1996 года с периодичностью один раз в два месяца. Опрашивается 1500 респондентов старше 18 лет в городах Вологде и Череповце, в Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском, Шекснинском районах. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением следующих условий: пропорций между городским и сельским населением; пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города); половозрастной структуры взрослого населения области. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Ошибка выборки не превышает 3%.

²⁵ Андреева Ю. Надежда на «рейтинг надежд» (Мнение гендиректора Института приоритетных региональных проектов Н. Миронова) [Электронный ресурс] // Завтра. – 2015. – № 31 (1132). – Режим доступа: <http://zavtra.ru/content/view/vtsiom/>.

²⁶ Горбачев А., Гармоненко Д. Президент и его рейтинг [Электронный ресурс] // Независимая газета. – 2015. – 10 июля. – Режим доступа: http://www.ng.ru/politics/2015-07-10/1_president.html

Как отмечает С.С. Губанов, «главе государства необязательно разбираться во всем и вся. Зато он обязан организовать такой госаппарат, который разбирается во всех тонкостях финансов и функционирования современной экономики. А с этим-то как раз крайне плохо... Господствует олигархически-компрадорская система»²⁷.

За последние годы качество государственного управления характеризуется десятками негативных фактов, связанных с коррупцией. В 2013 г. их пополнила череда расследований в отношении «Роснано» и «Сколково», где в результате проверок Счетной палаты были выявлены миллиардные растраты и финансовые злоупотребления.

В последнее время из России «стремительно бежали» «соратники-поделельники» А. Чубайса: миллиардер А. Раппопорт (президент бизнес-школы в Сколково), бывший зампред правления «Роснано» А. Малышев, директор по инновационному развитию «Роснано» Ю. Удальцов, бывший финансовый директор РАО ЕЭС Д. Журба и член правления «Роснано» Я. Уринсон²⁸. Первый руководитель госкорпорации Л. Меламед, отработав на

²⁷ Губанов С.С. Компрадорский режим держится на волоске истории: интервью С.С. Губанова газете «Бизнес Online» от 24.02.2015 // Официальный сайт газеты «Бизнес Online». — Режим доступа: <http://www.business-gazeta.ru/article/126419/>

²⁸ Как отмечает газета «Завтра», «подобный побег равносителен признанию и саморазоблачению — слишком откровенно эти господа, словно крысы, кинулись прочь с корабля, который дал сильный крен. Поскольку все они давно и плотно повязаны с г-ном Чубайсом не только в «Роснано», но и в других его проектах и могут много чего рассказать о специфике его, пардон, бизнеса» (источник: Максимов А. Сезон крысиных бегов // Завтра. — 2015. — № 30 (1131) // Официальный сайт газеты «Завтра». — Режим доступа: <http://zavtra.ru/content/view/sezon-kryisinyih-begov/>).

своем посту год, организовал себе «золотой парашют», получив после увольнения от бывших сотрудников заказ на 228 млн. рублей²⁹.

Разрушает современную российскую экономику и то, что деятельность власти не способствует эффективным взаимоотношениям крупного частного капитала с бюджетами регионов, что ярко видно на примере металлургических комбинатов³⁰.

В 2013—2014 гг. Череповецкий и Магнитогорский комбинаты не вносили в бюджет налог на прибыль. Поступления от Новолипецкого комбината в бюджет Липецкой области в 2014 г. составили 12% от уровня 2008 г., хотя выручка от продаж увеличилась на 30% (табл. 3).

Устойчивое и масштабное снижение доли налога на прибыль в выручке от продаж служит свидетельством того, что всё меньшая часть налогов локализовалась на комбинатах для последующей мобилизации в бюджеты регионов.

В системе государственного управления отсутствуют инструменты согласованного использования ключевых ресурсов территорий. Региональные власти, не имея законодательных рычагов регулирования деятельности крупного бизнеса, постепенно утрачивают стратегические планы развития экономики и решают преимущественно социальные проблемы в рамках распределения бюджетных средств³¹.

²⁹ Сараев В., Вандышева О., Скоробогатый П. В тисках венчура и nanoиндустрии [Электронный ресурс] // Эксперт. — 2015. — № 29 (952). — 13 июля. — Режим доступа: <http://expert.ru/expert/2015/29/v-tiskah-venchura-i-nanoindustrii/>

³⁰ Поварова А.И. Пассивное поведение правительства. Бюджетные проблемы регионов нарастают // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2015. — № 3. — С. 39-55.

³¹ Там же.

Оценка жителями Вологодской области экономической ситуации в стране, регионе, собственного материального положения, а также перспектив их развития в ближайшие 12 месяцев

Рисунок 2. Оценка экономической ситуации в стране (в % от числа опрошенных)

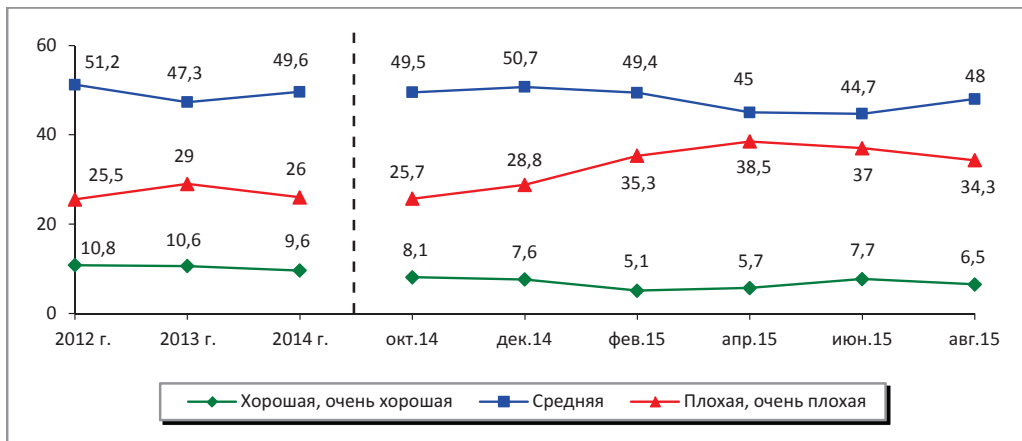

Рисунок 3. Оценка экономической ситуации в области (в % от числа опрошенных)

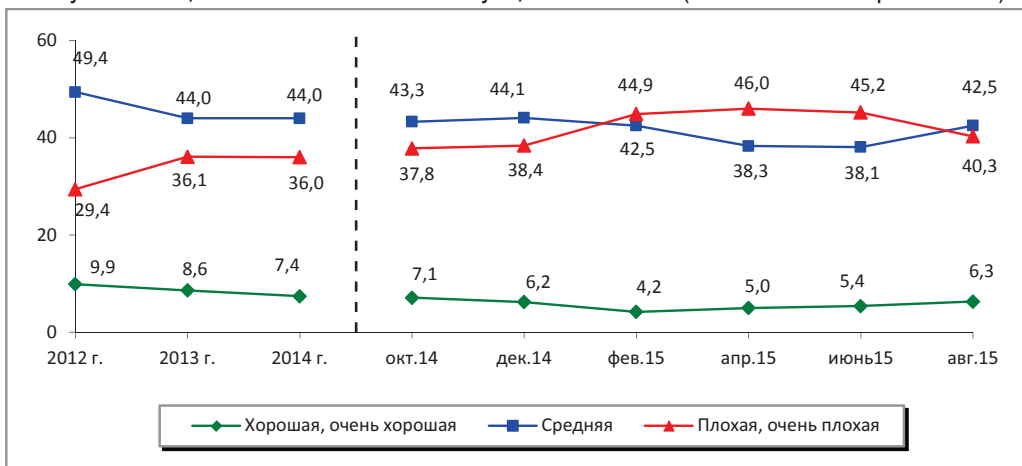

Рисунок 4. Как Вы оцениваете своё материальное положение: оно лучше или хуже, чем было год назад? (в % от числа опрошенных)

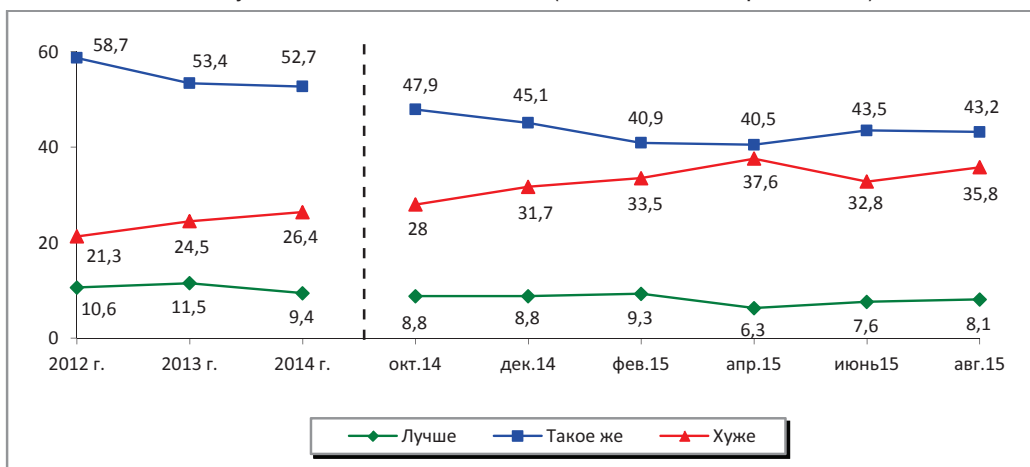

Рисунок 5. Оценка развития экономической ситуации в стране в ближайшие 12 месяцев (в % от числа опрошенных)

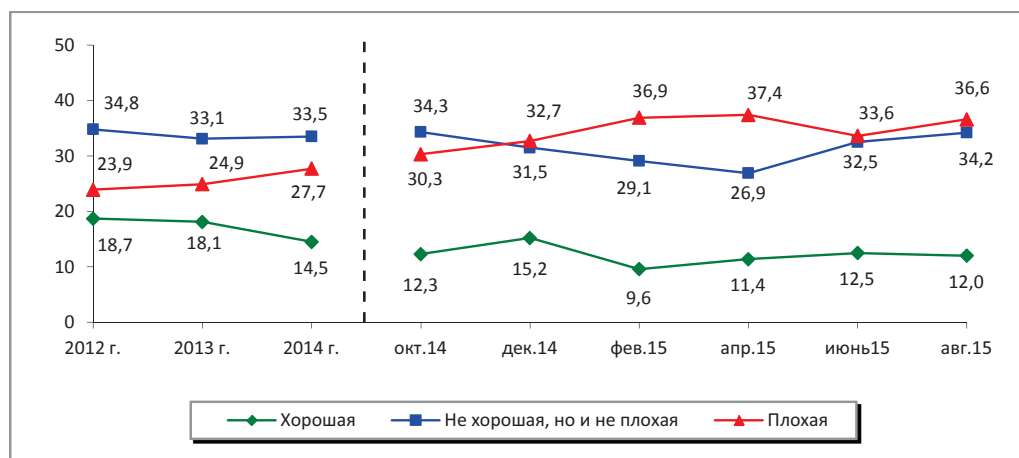

Рисунок 6. Оценка развития экономической ситуации в области в ближайшие 12 месяцев (в % от числа опрошенных)

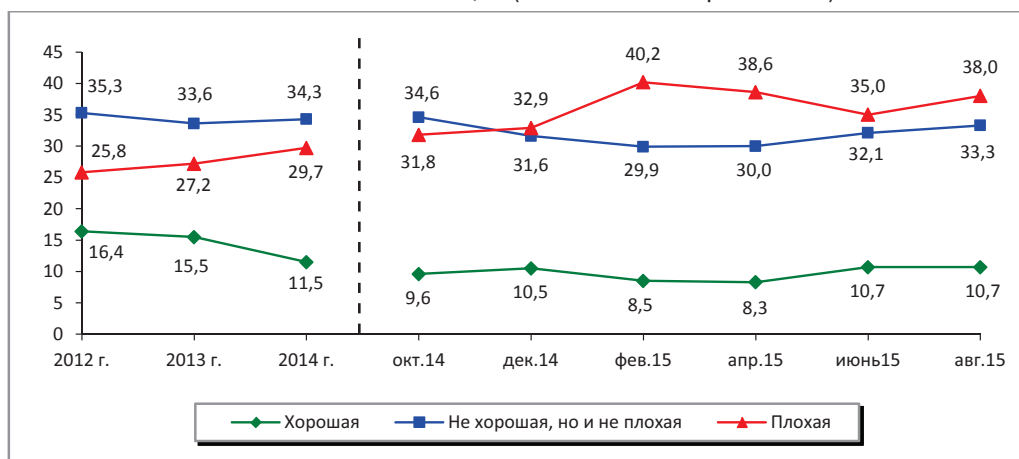

Рисунок 7. Как Вы считаете, через год Ваше материальное положение будет лучше, хуже или примерно такое же, как сейчас? (в % от числа опрошенных)

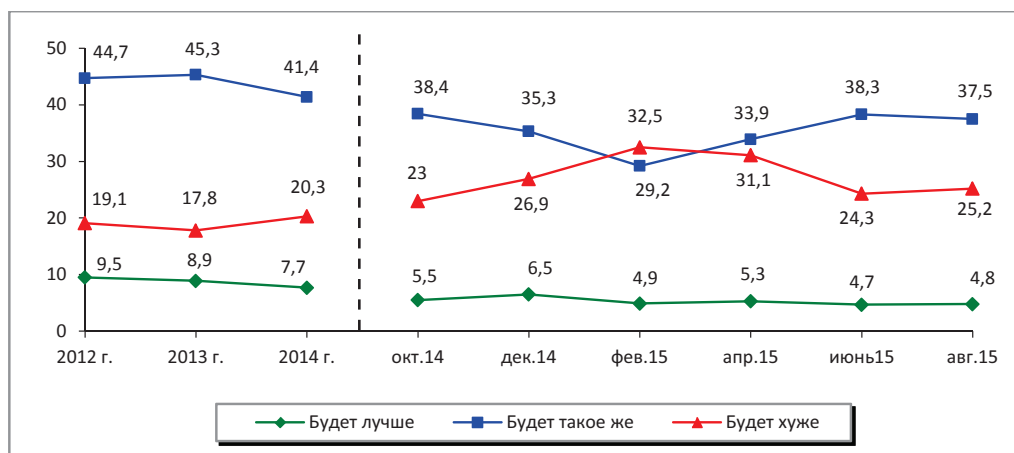

Таблица 3. Поступления налога на прибыль от металлургических комбинатов в 2008–2014 гг.

Показатели	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2014 к 2008, %
ЧерМК								
Выручка, млрд. руб.	243,6	143,6	209,8	254,3	223,6	212,9	233,6	95,9
Налог на прибыль, млн. руб.*	13961,1	3851,2	4352,9	3082,7	2280,2	0,5	0,96	0,007
- в бюджет региона	10191,6	3466,1	3917,6	2774,4	2052,2	0,46	0,8	0,008
К выручке, %	5,7	2,7	2,1	1,2	1,0	0,0002	0,0004	-5,7 п.п.
ММК								
Выручка, млрд. руб.	226,0	137,3	201,8	247,3	243,1	225,5	266,5	117,9
Налог на прибыль, млн. руб.*	10511,8	507,6	1488,0	1595,0	1958,0	0	143,0	1,4
- в бюджет региона	7673,6	456,8	1339,2	1435,5	1762,2	0	128,7	0,002
К выручке, %	4,7	0,4	0,7	0,6	0,7	0	0,05	-4,7 п.п.
НЛМК								
Выручка, млрд. руб.	202,1	128,6	179,9	221,2	240,1	225,5	262,7	130,0
Налог на прибыль, млн. руб.*	15754,6	1284,5	5062,9	6152,8	2729,9	0	1554,4	9,9
- в бюджет региона	11500,9	1156,1	4556,6	5537,5	2456,9	0	1399,0	12,2
К выручке, %	7,8	1,0	2,8	2,8	1,1	0	0,6	-7,2 п.п.
* Поскольку точных данных о внесённых платежах нет, в таблице приведён текущий налог на прибыль, исчисленный в отчётности о прибылях и убытках. Источники: данные финансовой отчётности меткорпораций; расчёты автора.								

Бездействие Правительства РФ в отношении изменения подходов к регулированию прибыли крупного бизнеса не позволяет регионам-экспортёрам сырья и продукции первого передела воспользоваться эффектом девальвации рубля в целях увеличения налоговых платежей в бюджет. Отсутствие кардинальных изменений администрирования прибыли крупных налогоплательщиков создает парадоксальную ситуацию, когда при наличии высокодоходных предприятий неэффективная бюджетно-налоговая политика приводит к искусственной дотационности регионов, на территории которых действуют эти предприятия.

Сравнительный анализ основных тезисов заключений Счетной палаты РФ на законопроект федерального бюджета на 2015–2017 и на 2014–2016 гг.³² показал,

³² Заключение Счетной палаты РФ на проекты федеральных законов: «О федеральном бюджете на 2012 год и на плановый период 2013 и 2014 годов»; «О федеральном бюджете на 2013 год и на плановый период 2014 и 2015 годов»; «О федеральном бюджете на 2014 год и на плановый период 2015 и 2016 годов».

что систематические замечания, высказанные аудиторами Счетной палаты РФ, не принимаются во внимание Правительством³³.

Таким образом, мы видим бездействие Правительства Медведева в отношении ключевых вопросов, решение которых могло бы способствовать эффективному развитию экономики и снижению социально-экономической дифференциации общества. «Олигархически-компрадорское государство усугубляет драматический системный кризис, ведя его ко внутривластическому.»³⁴

«Концентрация денег в руках государственных институтов ведет к усилению бюрократии, к переводу предпринимательского сословия в слишком зависимое

³³ Поварова А.И. Счетная палата РФ: проект бюджета на 2015–2017 гг. не позволит решить стратегические государственные задачи // Проблемы развития территории. – 2015. – № 2. – С. 39.

³⁴ Губанов С.С. Компрадорский режим держится на волоске истории: интервью С.С. Губанова газете «Бизнес Online» от 24.02.2015 // Официальный сайт газеты «Бизнес Online». – Режим доступа: <http://www.business-gazeta.ru/article/126419/>

подчиненное положение, что, конечно, снижает потенциал развития.»³⁵

Между тем роль государства в управлении социально-экономическим развитием территории огромна. «Большинство экспертов, в том числе и российских, теперь знают: утверждение, что частная собственность всегда лучше государственной, неверно. Мало кто думает сейчас, что государство в экономике — это всего-навсего «ночной сторож», что планировать не нужно и что рынок все решит сам.»³⁶ «Философия экономической политики часто базируется на гипертрофированном представлении о всемогуществе частного бизнеса и механизмов саморегулирования. Однако не трудно понять, что для выхода из стагнации не обойтись без мощного и последовательного участия государства в экономике.»³⁷ «Нужен план развития производительных сил страны, план, реализовать который будет российский частный капитал. Однако план этот может быть создан только государством, никакая частная или общественная инициатива не может здесь его подменить.»³⁸ «Мы ругаем плановую экономику, но США, например, очень хорошо планируют развитие страны. Они уже сейчас понимают, какой экономика

США будет к 2050 году. Это понимают и европейские страны. А у нас болезнь под названием «футурофобия»: мы боимся своего будущего.»³⁹

После проведения анализа экспертного мнения, точки зрения власти, статистических данных и результатов опросов общественного мнения становятся вполне очевидными ответы на вопросы: «Почему рецессия российской экономики началась задолго до украинского конфликта?», «Почему со скептицизмом воспринимаются заявления Правительства о том, что виной всему западные санкции?», «Почему современный экономический кризис не исчезнет в ближайшие месяцы, а будет существовать до тех пор, пока властью не будут сделаны соответствующие выводы?», «Почему, несмотря на негативное восприятие экономической ситуации в стране, доверие Президенту остается высоким?»

Во многом лояльное отношение к власти сегодня держится на ощущении безысходности — никому не хочется возвращаться в 1990-е гг. и поэтому сохраняется вера в лидера, при котором страна выстояла; с надеждой на то, что удастся найти эффективный путь развития экономики.

Однако в ее перспективах по-прежнему сохраняется высокая степень неопределенности. Чудовищная социально-экономическая дифференциация и всегда идущие рядом с ней неудовлетворенная потребность в социальной справедливости, социальная напряженность были и остаются. По-видимому, 2015–2016 годы будут непростыми для Президента и российских граждан. Поэтому очень важно, чтобы решения, принимаемые главой государства, были своевременными и понятными для россиян.

³⁹ Малинецкий Г.Г. Карта распада // Официальный сайт Изборского клуба. — Режим доступа: <http://www.dynacon.ru/content/articles/3777/>

³⁵ Фадеев В.А. Этот выпуск «Эксперта» — необычный, он — юбилейный [Электронный ресурс] // Эксперт. — 2015. — № 30–34 (953). — Режим доступа: <http://expert.ru/expert/2015/30/ekspert/>

³⁶ Полтерович В.М. Почему экономические реформы в России терпят неудачу? // Материалы заседания Диспут-клуба «Узлы экономической политики» Ассоциации независимых центров экономического анализа от 15.05.2014 // Официальный сайт экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. — Режим доступа: [http://www.econ.msu.ru/ext/lib/News/x36/x08/13832/file/Disput_Club_2014-05-15_\(reform\).pdf](http://www.econ.msu.ru/ext/lib/News/x36/x08/13832/file/Disput_Club_2014-05-15_(reform).pdf)

³⁷ Гринберг Р.С. Наш экономический кризис — полностью рукотворный: материалы интервью Р.С. Гринберга от 30.06.2015 // Официальный сайт портала «Русский дозор». — Режим доступа: <http://rusdozor.ru/2015/06/30/ruslan-grinberg-nash-ekonomicheskij-krizis-polnostyu-rukotvornyj/>

³⁸ Фадеев В.А. Этот выпуск «Эксперта» — необычный, он — юбилейный»...

Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества

Продолжая сложившуюся традицию нашего издания, приводим результаты мониторинговых оценок общественного мнения о состоянии российского общества, выполняемых ИСЭРТ РАН в Вологодской области¹.

Нижеследующие таблицы показывают динамику ряда параметров социального самочувствия и общественно-политических настроений населения Вологодской области в июне – августе 2015 г., а также в среднем за последние 6 опросов (с октября 2014 по август 2015 г.). Дается сопоставление их с данными за 2013–2014 гг., а также за 2007 (последний год второго президентского срока В.В. Путина, когда были достигнуты наиболее высокие оценки президентской деятельности) и 2011 (последний год президентства Д.А. Медведева).

Оценка деятельности власти

В июне – августе 2015 г. продолжилась тенденция увеличения поддержки деятельности Президента РФ: уровень одобрения возрос с 70 до 72%. Удельный вес негативных оценок возрос с 16 до 18%, однако остается значительно более низким, чем в 2011–2013 гг. (25–29%).

В среднем за последние 6 опросов поддержка федеральных органов государственной власти среди жителей Вологодской области остается более высокой, чем в 2013 и 2014 гг.

Для справки: по данным ВЦИОМ в июне – августе уровень одобрения деятельности Президента РФ снизился с 88 до 86% (удельный вес негативных оценок возрос с 7 до 9%).

По данным Левада-Центра за июнь – июль 2015 г. поддержка главы государства уменьшилась с 89 до 87%, удельный вес отрицательных характеристик возрос с 10 до 12%).

¹ Опросы проводятся 6 раз в год в Вологде, Череповце и в восьми районах области (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском и Шекснинском). Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Объем выборочной совокупности – 1500 человек в возрасте 18 лет и старше.

Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением пропорций между городским и сельским населением, пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города), половозрастной структуры взрослого населения области. Ошибка выборки не превышает 3%.

Более подробную информацию о результатах опросов, проводимых ИСЭРТ РАН, можно найти на сайте <http://www.vscs.ac.ru/>.

Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность..?
(в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2007	2011	2013	2014	Окт. 2014	Дек. 2014	Фев. 2015	Апр. 2015	Июнь 2015	Авг. 2015	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-), последние 6 опросов по отношению к...			
												2014	2013	2011	2007
Президент РФ															
Одобрю	75,3	58,7	55,3	64,1	66,8	66,0	66,3	67,5	69,5	72,0	68,0	+4	+13	+9	-7
Не одобряю	11,5	25,6	29,4	22,3	18,5	19,7	20,5	16,2	16,1	17,8	18,1	-4	-11	-7	+7
Председатель Правительства РФ*															
Одобрю	-*	59,3	48,9	54,2	56,2	56,3	56,1	56,5	59,1	60,7	57,5	+3	+9	-2	-
Не одобряю	-	24,7	32,8	27,6	23,9	24,7	24,7	20,5	19,5	22,5	22,6	-5	-10	-2	-
Губернатор															
Одобрю	55,8	45,7	44,4	40,1	39,7	39,3	38,3	37,1	40,5	41,5	39,4	-1	-5	-6	-16
Не одобряю	22,2	30,5	33,2	38,9	39,6	37,0	37,4	37,5	35,4	35,4	37,1	-2	+4	+7	+15
* Вопрос задается с 2008 г.															

Оценка успешности действий главы государства по решению ключевых проблем страны за последние два месяца существенно не изменилась:

– доля жителей области, считающих, что Президент успешно справляется с проблемой укрепления международных позиций России, сохраняется на уровне 50–52% (удельный вес отрицательных оценок составляет 30–32%);

– доля людей, положительно оценивающих действия главы государства по наведению порядка в стране, также составляет 50–52%, при этом стабильным остается удельный вес отрицательных характеристик (37–38%);

– 40–43% жителей области считают успешной деятельность В. Путина по защите демократии и укреплению свобод граждан (противоположной точки зрения придерживается 38–42%);

34–36% населения отмечают, что Президент успешно справляется с задачей подъема экономики и роста благосостояния граждан (доля отрицательных суждений выше и сохраняется на уровне 50–52%).

В целом оценка жителями области деятельности Президента по всем ключевым проблемам страны остается более позитивной, чем в 2011–2014 гг.

Насколько успешно, на Ваш взгляд, Президент РФ справляется с проблемами..?*(
(в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2007	2011	2013	2014	Окт. 2014	Дек. 2014	Фев. 2015	Апр. 2015	Июнь 2015	Авг. 2015	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-), последние 6 опросов по отношению к...			
												2014	2013	2011	2007
Укрепление международных позиций России															
Успешно	58,4	46,2	45,7	50,4	52,3	50,8	50,4	52,7	51,1	52,2	51,6	+1	+6	+5	-7
Не успешно	24,9	33,7	36,2	32,4	31,0	30,3	29,5	28,7	32,5	32,4	30,7	-2	-5	-3	+6
<i>Индекс успешности**</i>	<i>133,5</i>	<i>112,5</i>	<i>109,5</i>	<i>118,0</i>	<i>121,3</i>	<i>120,5</i>	<i>120,9</i>	<i>124,0</i>	<i>118,6</i>	<i>119,8</i>	<i>120,9</i>	<i>+3</i>	<i>+11</i>	<i>+8</i>	<i>-13</i>
Наведение порядка в стране															
Успешно	53,2	36,6	39,4	48,0	49,4	52,1	50,3	50,1	49,9	51,7	50,6	+3	+11	+14	-3
Не успешно	34,0	50,0	47,5	39,1	37,8	35,1	37,3	37,5	38,0	37,9	37,3	-2	-10	-13	+3
<i>Индекс успешности</i>	<i>119,2</i>	<i>86,6</i>	<i>91,9</i>	<i>108,9</i>	<i>111,6</i>	<i>117,0</i>	<i>113,0</i>	<i>112,6</i>	<i>111,9</i>	<i>113,8</i>	<i>113,3</i>	<i>+4</i>	<i>+21</i>	<i>+27</i>	<i>-6</i>
Защита демократии и укрепление свобод граждан															
Успешно	44,4	32,4	31,8	37,5	38,2	40,7	39,5	39,2	42,2	42,6	40,4	+3	+9	+8	-4
Не успешно	37,0	48,3	51,0	45,4	44,3	41,9	40,9	39,9	38,3	41,7	41,2	-4	-10	-7	+4
<i>Индекс успешности</i>	<i>107,4</i>	<i>84,1</i>	<i>80,8</i>	<i>92,1</i>	<i>93,9</i>	<i>98,8</i>	<i>98,6</i>	<i>99,3</i>	<i>103,9</i>	<i>100,9</i>	<i>99,2</i>	<i>+7</i>	<i>+18</i>	<i>+15</i>	<i>-8</i>
Подъём экономики, рост благосостояния граждан															
Успешно	47,2	30,7	31,3	34,8	33,9	37,6	34,4	34,7	36,2	36,6	35,6	+1	+4	+5	-12
Не успешно	39,1	56,1	56,8	53,4	54,4	50,8	51,5	49,9	49,9	52,6	51,5	-2	-5	-5	+12
<i>Индекс успешности</i>	<i>108,1</i>	<i>74,6</i>	<i>74,5</i>	<i>81,4</i>	<i>79,5</i>	<i>86,8</i>	<i>82,9</i>	<i>84,8</i>	<i>86,3</i>	<i>84,0</i>	<i>84,1</i>	<i>+3</i>	<i>+10</i>	<i>+9</i>	<i>-24</i>
* Ранжировано по среднему значению индекса успешности за последние 6 опросов.															
** Для расчёта индексов из доли положительных ответов вычитается доля отрицательных, затем к полученному значению прибавляется 100, чтобы не иметь отрицательных величин. Таким образом, полностью отрицательные ответы дали бы общий индекс 0, положительные – 200, равновесие первых и вторых выражает значение индекса 100, являющееся, по сути, нейтральной отметкой.															

В структуре партийно-политических предпочтений населения за период с июня по август 2015 г. существенных изменений не произошло: поддержка Единой России составляет 39%, КПРФ – 7%, ЛДПР – 6%, Справедливой России – 4%.

Следует отметить, что в среднем за последние 6 опросов, по сравнению с 2014 г., доля жителей области, считающих, что Единая Россия выражает их интересы, увеличилась на 5 п.п. (с 33 до 38%).

Какая партия выражает Ваши интересы? (в % от числа опрошенных)

Партии	2007	Выборы в ГД РФ 2007 г., факт	2011	Выборы в ГД РФ 2011 г., факт	2013	2014	Окт. 2014	Дек. 2014	Фев. 2015	Апр. 2015	Июнь 2015	Авг. 2015	Среднее за послед- ние 6 опросов	Изменение (+/-), последние 6 опросов по отношению к...			
														2014	2013	2011	2007
Единая Россия	30,2	60,5	31,1	33,4	29,4	32,8	35,5	36,7	38,8	38,2	40,3	38,5	38,0	+5	+9	+7	+8
КПРФ	7,0	9,3	10,3	16,8	11,3	9,7	9,3	8,3	7,7	7,8	6,8	7,1	7,8	-2	-3	-2	+1
ЛДПР	7,5	11,0	7,8	15,4	7,2	7,6	7,3	7,8	6,7	6,1	5,4	5,9	6,5	-1	-1	-1	-1
Справедли- вая Россия	7,8	8,8	5,6	27,2	4,6	3,5	3,9	3,2	4,1	3,7	3,3	3,5	3,6	0	-1	-2	-4
Другая	1,8	–	1,9	–	0,6	0,3	0,7	0,1	0,3	0,1	0,2	0,1	0,3	0	0	-2	-2
Никакая	17,8	–	29,4	–	34,9	34,4	32,6	32,7	30,3	31,5	32,5	33,8	32,2	-2	-3	+3	+14
Затрудняюсь ответить	21,2	–	13,2	–	10,2	11,7	10,7	11,1	12,0	12,5	11,6	11,1	11,5	0	+1	-2	-10

Продолжаются позитивные тенденции в динамике оценок социального самочувствия населения.

В июне – августе 2015 г. доля жителей области, характеризующих свое настроение как «нормальное, прекрасное», увеличилась с 70 до 73%. При этом удельный вес тех, кто испытывает «напряжение, раздражение, страх, тоску», за последние два месяца не изменился (24%), а по сравнению с началом года заметно снизился (с 31% в феврале до 24% в августе).

Удельный вес жителей области, считающих, что «все не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно терпеть», за последние два месяца возрос с 79 до 82%. При этом доля тех, кто уже «не может терпеть свое бедственное положение», в июне – августе составила 13–15%, а по сравнению с началом года – снизилась (с 17% в феврале до 13% в августе).

По-прежнему сохраняется существенный разрыв между «бедными и нищими» и «людьми среднего достатка». По оценке самих жителей области к первым относят себя 51–53% населения, ко вторым – 38–40%. Вместе с тем следует отметить, что этот разрыв (в 11–13 п.п.) на протяжении февраля – августа 2015 г. не увеличивается. В отличие от предыдущих лет измерений: в 2007 г. доля «людей среднего достатка» была выше, чем удельный вес «бедных и нищих» (на 6 п.п.); в 2011 г. – примерно одинакова (разница в 1 п.п.); в 2013 г. доля «бедных и нищих» превысила удельный вес «людей среднего достатка» (на 3 п.п.), а в 2014 г. этот разрыв увеличился до 6 п.п.

Индекс потребительских настроений, который характеризует прогнозы людей относительно перспектив развития экономики и личного благосостояния, после заметного увеличения в апреле – июне (на 7 пунктов, с 73 до 80 п.) вновь снизился и составил в августе 2015 г. 78 пунктов. Это значительно ниже, чем в 2011–2014 гг. (88–90 п.).

В целом оценки социального настроения и запаса терпения в августе 2015 г. остаются более высокими, чем в 2007–2014 гг. В характеристике людьми своего материального положения и прогнозов развития экономики наблюдается противоположная ситуация — оценки хуже, чем в 2007–2014 гг.

Оценка социального состояния (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2007	2011	2013	2014	Окт. 2014	Дек. 2014	Фев. 2015	Апр. 2015	Июнь 2015	Авг. 2015	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-), последние 6 опросов по отношению к...			
												2014	2013	2011	2007
Настроение															
Нормальное состояние, прекрасное настроение	63,6	63,1	68,6	69,4	69,3	70,9	61,8	67,6	69,5	73,1	68,7	-1	0	+6	+5
Испытываю напряжение, раздражение, страх, тоску	27,8	28,9	26,2	24,9	24,6	24,1	31,3	26,6	24,4	23,5	25,8	+1	0	-3	-2
Запас терпения															
Всё не так плохо и жить можно; жить трудно, но можно терпеть	74,1	74,8	79,3	80,8	80,3	80,0	74,3	78,9	79,0	82,2	79,1	-2	0	+4	+5
Терпеть наше бедственное положение невозможно	13,6	15,3	14,2	12,6	12,1	13,6	17,3	14,9	14,7	13,3	14,3	+2	0	-1	+1
Социальная самоидентификация*															
Доля считающих себя людьми среднего достатка	48,2	43,1	43,9	43,2	43,5	42,3	38,3	36,7	39,4	39,9	40,0	-3	-4	-3	-8
Доля считающих себя бедными и нищими	42,4	44,3	46,9	49,1	49,3	51,0	53,3	51,6	48,0	50,5	50,6	+2	+4	+6	+8
Индекс потребительских настроений															
Значение индекса, в пунктах	105,9	89,6	90,3	87,6	84,0	82,3	75,7	73,4	80,1	77,9	78,9	-9	-11	-11	-27

* Формулировка вопроса: «К какой категории Вы себя относите?».

Заключение

Результаты опроса, проведенного в августе 2015 г., свидетельствуют о том, что после напряженного периода, который имел место в конце 2014 — начале 2015 г. и был связан с обострением проблем материального характера (с ростом цен, колебаниями курса национальной валюты, пессимистическими ожиданиями воздействия санкций), динамика оценок общественного мнения жителей Вологодской области стабилизировалась.

За последние два месяца отмечается рост доли людей, позитивно характеризующих свое настроение и обладающих высоким запасом терпения. Не происходит существенных изменений в самооценке собственных доходов и в прогнозах развития экономической ситуации. С февраля по август 2015 г. остается стабильной поддержка деятельности главы государства.

Улучшение общественного мнения во многом связано с информационной политикой федеральных и региональных органов власти, оптимизм которых через средства массовой информации передается населению.

Вместе с тем говорить об улучшении динамики общественного мнения относительно личного материального положения пока не приходится. Удельный вес жителей области, дающих отрицательные оценки своего благосостояния, остается стабильным и более высоким, чем в 2007–2013 гг. В динамике потребительских настроений также преобладают негативные характеристики (значение ИПН ниже нейтрального уровня (100 пунктов)).

По мнению экспертов (Л. Гудков, А. Мухин, Н. Миронов, В. Хомяков и др.), поддержка деятельности власти может увеличиться до 90–91%, «однако принципиального значения это иметь уже не будет. Рост на 2–3% – в пределах статистической погрешности. Эти колебания свидетельствуют о том, что на данном этапе рейтинг стабилизировался»².

Президент выступает как фигура, обеспечивающая безопасность. Немаловажным фактором является «интенсивность действий со стороны США»: чем больше давление, тем выше оценка деятельности Президента РФ, потому что различные группы под внешним прессом «закрывают подобие некоего перемирия». Кроме того, в условиях безальтернативности люди не очень верят в шансы оппозиции³.

Другими словами, сегодняшний рейтинг Президента не отражает того, насколько эффективно работает политическая система, функционируют экономика и Правительство. Это своего рода «рейтинг надежд»⁴. Тем не менее, как отмечают эксперты, именно от экономической ситуации будет зависеть дальнейшая динамика поддержки главы государства. Уже сегодня рейтингу Президента расти в принципе некуда. Поэтому, возможно, «его отрицательные последствия не за горами. Падение рейтинга можно ожидать года через два, и оно будет медленным и долгим»⁵.

Таким образом, дальнейшая динамика общественного мнения будет зависеть в первую очередь от того, что ляжет в основу доверия общества власти – «политическая безальтернативность» или приведение макроэкономической политики «в соответствие с общепринятым пониманием принципов социальной справедливости и правды, а также в интересах развития производственной сферы»⁶.

² Горбачев А., Гармоненко Д. Президент и его рейтинг [Электронный ресурс] // Независимая газета. – 2015. – 10 июля. – Режим доступа: http://www.ng.ru/politics/2015-07-10/1_president.html

³ Там же.

⁴ Андреева Ю. Надежда на «рейтинг надежд» (мнение гендиректора Института приоритетных региональных проектов Н. Миронова) // Завтра. – 2015. – № 31 (1132) / Официальный сайт газеты «Завтра». – Режим доступа <http://zavtra.ru/content/view/vtsiom/>

⁵ Горбачев А., Гармоненко Д. Президент и его рейтинг [Электронный ресурс] // Независимая газета. – 2015. – 10 июля. – Режим доступа: http://www.ng.ru/politics/2015-07-10/1_president.html

⁶ Глазьев С.Ю. Запредельное неравенство. Политика государства противоречит интересам населения [Электронный ресурс] // Завтра. – 2015. – № 29 (1130). – 23 июля. – Режим доступа: <http://zavtra.ru/content/view/zapredelnoe-neravenstvo/>

Углубленный анализ динамики оценок успешности решения Президентом РФ ключевых проблем страны и структурных компонентов индекса потребительских настроений

В июне – августе 2015 г. доля тех, кто считает успешными действия Президента по укреплению международных позиций России, увеличилась преимущественно среди людей 30–55 лет (с 49 до 54%), лиц с неполным средним и средним образованием (с 43 до 49%), 20% наименее обеспеченных (с 22 до 33%).

Ухудшение оценок за последние два месяца отмечается в первую очередь среди людей с высшим и неполным высшим образованием (с 64 до 58%) и 20% наиболее обеспеченных жителей области (с 68 до 61%).

Доля жителей области, считающих успешными действия Президента РФ
по укреплению международных позиций России (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2007	2011	2013	2014	Окт. 2014	Дек. 2014	Фев. 2015	Апр. 2015	Июнь 2015	Авг. 2015	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-), последние 6 опросов по отношению к...			
												2014	2013	2011	2007
Пол															
Мужской	58,9	45,4	44,6	47,9	48,3	49,2	49,2	51,6	49,9	51,4	49,9	+2	+5	+5	-9
Женский	57,9	46,8	46,5	52,3	55,5	52,1	51,3	53,7	52,1	52,9	52,9	+1	+6	+6	-5
Возраст															
До 30 лет	60,3	46,1	45,3	50,7	56,7	52,7	48,7	49,8	53,6	52,8	52,4	+2	+7	+6	-8
30-55 лет	58,7	47,0	46,4	50,3	51,2	49,9	48,5	53,9	48,6	53,5	50,9	+1	+5	+4	-8
Старше 55 лет	56,1	45,0	44,7	50,2	51,1	50,9	54,1	52,9	53,0	49,9	52,0	+2	+7	+7	-4
Образование															
Среднее и н/среднее	52,3	40,6	42,3	42,8	44,0	42,3	46,7	43,5	42,9	48,9	44,7	+2	+2	+4	-8
Среднее специальное	57,7	46,8	44,7	50,5	51,7	51,1	47,7	55,1	47,2	51,2	50,7	0	+6	+4	-7
Высшее и н/высшее	66,6	51,2	50,1	58,9	62,6	60,4	56,6	60,6	63,5	57,6	60,2	+1	+10	+9	-6
Доходные группы															
20% наименее обеспеченных	42,4	28,6	33,1	31,9	32,2	30,5	21,2	33,0	22,2	32,8	28,7	-3	-4	0	-14
60% средне- обеспеченных	60,8	49,1	48,5	52,6	58,1	54,8	59,7	57,4	54,9	56,5	56,9	+4	+8	+8	-4
20% наиболее обеспеченных	71,2	57,2	54,3	65,9	65,5	66,5	63,9	63,3	68,4	60,7	64,7	-1	+10	+8	-7
Территории															
Вологда	56,1	47,0	44,0	50,0	52,8	50,9	49,6	56,0	52,6	50,4	52,1	+2	+8	+5	-4
Череповец	74,3	60,4	50,0	62,5	66,2	65,4	64,9	70,5	69,9	69,9	67,8	+5	+18	+7	-7
Районы	51,5	38,6	44,1	43,9	44,5	42,7	43,0	41,0	39,8	43,4	42,4	-2	-2	+4	-9
Область	58,4	46,2	45,6	50,4	52,3	50,8	50,4	52,7	51,1	52,2	51,6	+1	+6	+5	-7

За последние два месяца оценка успешности решения Президентом проблемы наведения порядка в стране улучшилась среди людей в возрасте до 30 лет (с 53 до 59%), лиц со средним и неполным средним образованием (с 41 до 49%), 20% наименее обеспеченных (с 19 до 34%) и жителей районов (с 38 до 43%).

Негативные изменения отмечаются в первую очередь среди людей с высшим и незаконченным высшим образованием (с 60 до 57%), 20% наиболее обеспеченных (с 65 до 62%).

Доля жителей области, считающих успешными действия Президента РФ по наведению порядка в стране (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2007	2011	2013	2014	Окт. 2014	Дек. 2014	Фев. 2015	Апр. 2015	Июнь 2015	Авг. 2015	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-), последние 6 опросов по отношению к...			
												2014	2013	2011	2007
Пол															
Мужской	53,4	36,0	37,6	46,0	47,3	51,3	51,2	48,4	48,9	50,4	49,6	+12	+12	+14	-4
Женский	52,9	37,8	40,8	49,6	51,1	52,8	49,5	51,4	50,7	52,7	51,4	+11	+11	+14	-2
Возраст															
До 30 лет	57,3	38,0	38,8	48,2	51,4	51,4	49,0	49,8	52,9	59,1	52,3	+4	+14	+14	-5
30-55 лет	53,5	36,5	38,8	47,9	49,6	51,6	52,1	51,3	48,3	50,4	50,6	+3	+12	+14	-3
Старше 55 лет	48,8	37,0	40,7	48,0	47,9	53,3	48,5	48,6	50,1	48,9	49,6	+2	+9	+13	+1
Образование															
Среднее и н/среднее	48,6	32,2	38,0	43,2	43,3	46,3	45,2	45,6	41,1	49,3	45,1	+2	+7	+13	-4
Среднее специальное	53,1	38,9	39,3	48,5	51,9	50,3	49,6	47,9	47,9	49,5	49,5	+1	+10	+11	-4
Высшее и н/высшее	58,7	39,9	40,9	52,8	53,8	60,8	56,2	57,4	60,4	56,9	57,6	+5	+17	+18	-1
Доходные группы															
20% наименее обеспеченных	41,9	26,3	30,5	33,1	32,2	31,6	28,6	31,9	19,3	34,4	29,7	-3	-1	+3	-12
60% средне-обеспеченных	55,0	39,4	41,0	50,6	54,4	56,4	57,0	54,6	55,3	54,8	55,4	+5	+14	+16	0
20% наиболее обеспеченных	63,3	42,1	46,6	60,2	60,7	67,6	59,5	62,6	65,1	62,2	63,0	+3	+16	+21	0
Территории															
Вологда	52,0	39,4	34,8	45,6	44,9	49,1	48,9	54,5	53,1	51,2	50,3	+5	+16	+11	-2
Череповец	65,1	44,2	44,4	59,9	64,1	66,2	63,3	63,0	67,2	68,4	65,4	+6	+21	+21	0
Районы	47,7	32,2	39,0	42,7	43,8	46,0	43,9	40,4	38,4	42,7	42,5	0	+4	+10	-5
Область	53,1	37,0	39,4	48,0	49,4	52,1	50,3	50,1	49,9	51,7	50,6	+3	+11	+14	-3

В июне – августе 2015 г. успешность деятельности главы государства по защите демократии и укреплению свобод граждан стали лучше оценивать люди со средним специальным образованием (с 41 до 46%), 20% наименее обеспеченных (с 18 до 31%), жители районов (с 35 до 38%).

Ухудшение оценок отмечается среди людей с высшим и незаконченным высшим образованием (с 50 до 45%), 20% наиболее обеспеченных (с 58 до 48%), жителей г. Вологды (с 43 до 39%).

Доля жителей области, считающих успешными действия Президента РФ по защите демократии и укреплению свобод граждан (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2007	2011	2013	2014	Окт. 2014	Дек. 2014	Фев. 2015	Апр. 2015	Июнь 2015	Авг. 2015	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-), последние 6 опросов по отношению к...			
												2014	2013	2011	2007
Пол															
Мужской	45,6	32,2	31,1	35,5	36,1	39,3	38,7	38,1	39,9	40,5	38,8	+3	+8	+7	-7
Женский	43,4	33,4	32,3	39,1	39,9	41,8	40,0	40,1	44,1	44,3	41,7	+3	+9	+8	-2
Возраст															
До 30 лет	47,2	32,4	30,4	37,4	38,0	41,5	35,8	38,2	48,0	47,9	41,6	+4	+11	+9	-6
30-55 лет	44,4	32,2	31,9	36,6	38,9	39,8	40,6	41,1	38,4	40,8	39,9	+3	+8	+8	-5
Старше 55 лет	41,8	34,2	32,6	38,9	37,3	41,3	40,1	37,3	43,8	41,9	40,3	+1	+8	+6	-2
Образование															
Среднее и н/среднее	39,8	27,5	30,7	34,1	35,0	33,7	37,7	33,7	35,6	37,5	35,5	+1	+5	+8	-4
Среднее специальное	45,3	34,4	30,6	38,2	39,8	42,4	38,9	38,4	40,7	45,9	41,0	+3	+10	+7	-4
Высшее и н/высшее	48,8	36,6	34,0	40,7	40,4	46,8	41,6	46,2	50,3	45,3	45,1	+4	+11	+9	-4
Доходные группы															
20% наименее обеспеченных	37,1	19,5	25,6	25,2	25,1	23,5	17,1	25,2	18,2	30,9	23,3	-2	-2	+4	-14
60% средне-обеспеченных	45,4	35,4	32,2	38,5	41,9	42,7	48,1	41,5	45,1	45,2	44,1	+6	+12	+9	-1
20% наиболее обеспеченных	53,3	40,3	36,8	48,2	46,8	56,3	43,9	50,0	57,8	48,1	50,5	+2	+14	+10	-3
Территории															
Вологда	38,4	35,7	27,6	32,7	32,8	35,5	36,1	39,4	42,8	39,3	37,7	+5	+10	+2	-1
Череповец	54,9	40,4	32,4	47,9	50,0	52,3	48,5	51,4	54,1	53,7	51,7	+4	+19	+11	-3
Районы	42,0	27,7	33,6	34,5	34,7	37,1	36,4	32,3	35,2	38,3	35,7	+1	+2	+8	-6
Область	44,4	32,8	31,8	37,5	38,2	40,7	39,5	39,2	42,2	42,6	40,4	+3	+9	+8	-4

В июне – августе 2015 г. оценка успешности деятельности Президента по подъему экономики и росту благосостояния граждан увеличилась преимущественно среди 20% наименее обеспеченных (с 15 до 29%), людей со средним, неполным средним (с 32 до 36%) и средним специальным образованием (с 34 до 38%), а также среди жителей районов (с 34 до 38%).

Ухудшение оценок отмечается среди людей с высшим и незаконченным высшим образованием (с 43 до 36%), 20% наиболее обеспеченных (с 49 до 38%).

Доля жителей области, считающих успешными действия Президента РФ по подъему экономики, росту благосостояния граждан (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2007	2011	2013	2014	Окт. 2014	Дек. 2014	Фев. 2015	Апр. 2015	Июнь 2015	Авг. 2015	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-), последние 6 опросов по отношению к...			
												2014	2013	2011	2007
Пол															
Мужской	47,3	30,3	31,3	33,6	32,4	37,2	34,2	35,0	33,9	36,0	34,8	+1	+4	+5	-13
Женский	47,2	31,1	31,3	35,8	35,1	37,9	34,5	34,4	38,1	37,1	36,2	0	+5	+5	-11
Возраст															
До 30 лет	51,6	31,0	29,9	34,8	32,1	37,4	30,0	33,7	39,2	39,9	35,4	+1	+6	+4	-16
30-55 лет	47,9	29,6	31,6	33,4	34,4	35,4	36,1	36,1	35,3	34,9	35,4	+2	+4	+6	-13
Старше 55 лет	42,2	32,3	32,1	36,8	34,5	40,7	34,7	33,4	35,6	37,0	36,0	-1	+4	+4	-6
Образование															
Среднее и н/среднее	43,1	27,4	30,0	32,6	32,3	33,3	32,8	34,7	31,6	36,4	33,5	+1	+4	+6	-10
Среднее специальное	47,9	31,8	31,0	36,1	36,5	37,9	36,5	32,8	33,7	37,5	35,8	0	+5	+4	-12
Высшее и н/высшее	51,5	32,9	33,1	36,0	33,3	42,2	33,7	36,7	43,4	35,6	37,5	+2	+4	+5	-14
Доходные группы															
20% наименее обеспеченных	41,8	20,2	24,2	24,6	24,3	21,3	14,5	27,8	14,9	29,0	22,0	-3	-2	+2	-20
60% средне-обеспеченных	46,6	32,3	31,8	35,7	36,8	39,5	42,9	35,6	38,9	37,4	38,5	+3	+7	+6	-8
20% наиболее обеспеченных	60,2	37,7	37,1	43,6	41,9	52,9	35,3	43,7	49,1	38,2	43,5	0	+6	+6	-17
Территории															
Вологда	41,1	31,2	27,3	30,5	27,3	33,2	29,8	34,4	33,3	31,1	31,5	+1	+4	0	-10
Череповец	58,4	36,7	32,1	40,2	38,5	40,9	36,4	38,5	42,9	39,5	39,5	-1	+7	+3	-19
Районы	44,5	27,5	33,0	34,2	35,2	38,2	35,8	32,7	34,0	38,0	35,7	+2	+3	+8	-9
Область	47,2	30,7	31,3	34,8	33,9	37,6	34,4	34,7	36,2	36,6	35,6	+1	+4	+5	-12

Снижение индекса потребительских настроений (ИПН) происходит преимущественно за счет ухудшения оценки жителями области своего текущего материального положения. С декабря 2014 г. индекс текущего личного материального положения остается более низким, чем все остальные индексы, входящие в структуру ИПН. При этом с декабря 2014 по август 2015 г. он снизился с 77 до 72 пунктов.

Второй компонент, за счет которого происходит снижение ИПН, – индекс ожиданий развития экономики страны в ближайший год. С декабря 2014 по август 2015 г. он снизился с 82 до 75 пунктов.

Следует также отметить заметное снижение индекса целесообразности приобретения товаров длительного пользования (с декабря 2014 по август 2015 г. – с 89 до 79 пунктов), хотя его значение остается более высоким, чем значения индекса текущего личного материального положения и индекса ожиданий развития экономики страны в ближайший год.

Динамика частных индексов, используемых для расчета ИПН
(варианты ответов – в % от числа опрошенных, индексы – в пунктах)

Вариант ответа	2007	2011	2013	2014	Окт. 2014	Дек. 2014	Фев. 2015	Апр. 2015	Июнь 2015	Авг. 2015	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-), последние 6 опросов по отношению к...			
												2014	2013	2011	2007
Как Вы оцениваете свое материальное положение: оно лучше или хуже, чем было год назад?															
Лучше	14,5	9,0	11,5	9,4	8,8	8,8	9,3	6,3	7,6	8,1	8,2	-1	-3	-1	-6
Такое же	60,5	53,6	53,4	52,7	47,9	45,1	40,9	40,5	43,5	43,2	43,5	-9	-10	-10	-17
Хуже	13,4	27,2	24,5	26,4	28,0	31,7	33,5	37,6	32,8	35,8	33,2	+7	+9	+6	+20
Затрудняюсь ответить	11,5	10,3	10,6	11,5	15,3	14,4	16,3	15,7	16,1	12,9	15,1	+4	+5	+5	+4
Индекс текущего личного материального положения	101,1	81,8	87,0	83,0	80,8	77,1	75,8	68,7	74,8	72,3	74,9	-8	-12	-7	-26
Как Вы считаете, следующие 12 месяцев будут хорошим временем или плохим или каким-либо еще для экономики России?															
Хорошим	6,4	3,3	3,0	2,1	2,5	2,3	2,8	1,3	1,0	1,3	1,9	0	-1	-1	-5
Хорошим, но не во всем	29,4	17,2	15,0	12,4	9,8	12,9	6,8	10,1	11,5	10,7	10,3	-2	-5	-7	-19
Не хорошим, но и не плохим	34,6	34,6	33,1	33,5	34,3	31,5	29,1	26,9	32,5	34,2	31,4	-2	-2	-3	-3
Плохим, но не во всем	9,4	16,9	15,7	15,6	16,9	15,0	18,3	18,1	19,3	18,5	17,7	+2	+2	+1	+8
Плохим	2,0	7,1	9,2	12,1	13,4	17,7	18,6	19,3	14,3	18,1	16,9	+5	+8	+10	+15
Затрудняюсь ответить	18,2	20,8	24,0	24,4	23,1	20,6	24,4	24,3	21,5	17,1	21,8	-3	-2	+1	+4
Индекс ожиданий развития экономики страны в ближайший год	124,4	96,5	93,1	86,8	82,0	82,5	72,7	74,0	78,9	75,4	77,6	-9	-16	-19	-47
Как Вы считаете, через год Ваше материальное положение будет лучше или хуже или примерно такое же, как сейчас?															
Будет лучше	15,0	10,4	8,9	7,7	5,5	6,5	4,9	5,3	4,7	4,8	5,3	-2	-4	-5	-10
Будет такое же	46,4	43,0	45,3	41,4	38,4	35,3	29,2	33,9	38,3	37,5	35,4	-6	-10	-8	-11
Будет хуже	11,4	19,8	17,8	20,2	23,0	26,9	32,5	31,1	24,3	25,2	27,2	+7	+9	+7	+16
Затрудняюсь ответить	27,2	26,8	28,1	30,7	33,1	31,3	33,3	29,8	32,7	32,5	32,1	+1	+4	+5	+5
Индекс ожиданий изменения личного материального положения	103,6	90,6	91,1	87,5	82,5	79,6	72,4	74,2	80,4	79,6	78,1	-9	-13	-13	-26
Если говорить о следующих пяти годах, они будут для экономики страны хорошим или плохим временем?															
Хорошим	13,8	6,8	4,6	4,4	3,6	3,9	2,9	4,0	5,2	3,8	3,9	-1	-1	-3	-10
Не хорошим, но и не плохим	49,3	42,3	39,2	37,8	36,5	37,1	31,1	30,2	35,7	34,5	34,2	-4	-5	-8	-15
Плохим	8,7	16,6	17,7	17,9	19,6	20,3	24,2	25,5	19,0	20,7	21,6	+4	+4	+5	+13
Затрудняюсь ответить	28,3	34,3	38,6	40,0	40,3	38,7	41,8	40,3	40,1	41,0	40,4	0	+2	+6	+12
Индекс ожиданий развития экономики в ближайшие пять лет	105,1	90,2	86,9	86,5	84,0	83,6	78,7	78,5	86,2	83,1	82,4	-4	-5	-8	-23
Если говорить о крупных покупках для дома (таких, как мебель, холодильник, бытовая электроника, телевизор), то, говоря в общем, Вы считаете, что сейчас хорошее или плохое время для того, чтобы покупать большинство таких вещей?															
Хорошее	15,7	12,3	14,1	15,6	13,3	12,4	7,1	6,5	9,1	7,7	9,4	-6	-5	-3	-6
Не плохое, но и не хорошее	44,6	43,6	43,6	41,6	40,9	45,1	44,9	37,0	42,5	45,3	42,6	+1	-1	-1	-2
Плохое	20,2	23,2	20,8	21,3	22,4	23,8	28,4	34,8	29,0	28,5	27,8	+7	+7	+5	+8
Затрудняюсь ответить	19,5	20,9	21,6	21,5	23,4	18,7	19,6	21,7	19,5	18,5	20,2	-1	-1	-1	1
Индекс целесообразности приобретения товаров длительного пользования	95,5	89,1	93,3	94,3	90,9	88,6	78,7	71,7	80,1	79,2	81,5	-13	-12	-8	-14

Заключение по результатам углубленного анализа

Анализ оценки успешности деятельности Президента по решению ключевых проблем страны (укрепление международных позиций России, наведение порядка, защита демократии, подъем экономики и рост благосостояния граждан) подтверждает гипотезу о том, что на динамику общественного мнения существенное влияние оказывают средства массовой информации. Ухудшение оценок отмечается среди наиболее обеспеченных жителей области и людей с высшим образованием, то есть среди тех категорий, которые, во-первых, обладают более критичным подходом к представляемым в СМИ сведениям о политической и экономической жизни, во-вторых, имеют более широкий доступ к альтернативным источникам информации (например, к ресурсам сети Интернет).

Улучшение оценок успешности действий Президента отмечается среди людей со средним и неполным средним образованием и среди 20% наименее обеспеченных жителей области. Это те категории, которые обладают меньшей склонностью к глубокому анализу получаемой из СМИ информации и меньшей возможностью для сравнения альтернативных точек зрения. Скорее всего, большинство из них являются потребителями информации из «традиционного» источника – 3-4-х федеральных телевизионных каналов.

Данные, полученные в результате углубленного анализа структурных компонентов индекса потребительских настроений, свидетельствуют о том, что, несмотря на стабильную и высокую поддержку власти, люди всё хуже оценивают своё материальное положение и пессимистически смотрят на будущее российской экономики. Следовательно, уровень одобрения власти «держится» на других столпах – на пропаганде, последствиях «крымской весны» и безальтернативности политического выбора.

Сведения об авторе

Владимир Александрович Ильин – доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, ilin@vscc.ac.ru)

Ilyin V.A.

Economic Policy Pursued by the Government Is Still Inconsistent with the Interests of the Majority of Russia's Population

Vladimir Aleksandrovich Ilyin – Doctor of Economics, Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation, Director, Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, ilin@vscc.ac.ru)

СТРАТЕГИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

DOI: 10.15838/esc/2015.4.40.2

УДК 332.1(470.12), ББК 65.04(2Рос-4Вол)

© Ускова Т.В.

Социально-экономические проблемы территорий в фокусе внимания вологодских ученых

**Тамара Витальевна
УСКОВА**

доктор экономических наук

Институт социально-экономического развития территорий РАН
160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, tvu@vscc.ac.ru

Аннотация. Процесс рыночной трансформации российской экономики в конце XX века сопровождался повышением самостоятельности территорий, становлением института местного самоуправления. В результате разграничения полномочий и предметов ведения на органы местного самоуправления возложены обязанности по обеспечению таких стратегически важных и социально значимых функций государства, как организация предоставления дошкольного, начального, основного и среднего (полного) общего образования, физического воспитания, осуществление социальной политики, организация жилищно-коммунального обслуживания населения. Однако в нашей стране местное самоуправление находится в процессе своего становления, и лишь немногие муниципалитеты в состоянии самостоятельно выполнять все возложенные на них функции ввиду ограниченности бюджетных ресурсов. Поэтому имеет место множество проблем социально-экономического развития территорий, требующих разрешения, в том числе научно-методического обеспечения. В данной статье показаны основные этапы становления и развития в Институте социально-экономического развития территорий РАН научных задач по проблемам социально-экономического развития территорий. Подчеркивается, что тематика исследований в определяющей степени зависела от потребностей органов местного управления.

Ключевые слова: проблемы территорий, социально-экономическое развитие, научное обеспечение, развитие территорий, методы и инструментарий управления.

В декабре 1990 г. на Вологодской земле появилось академическое учреждение – Вологодский научно-координационный центр, ныне – Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук. Его становление проходило в период трансформации планово-распорядительного устройства российской экономики в рыночную. Специфическими особенностями этого этапа социально-экономического развития страны стали переход большей части государственной собственности в частные руки в ходе приватизации, возрастание роли малого бизнеса, формирование основ финансово-кредитной и банковской систем, институциональной, политической структур и др. Однако, наряду с положительными чертами того периода, реформирование сопровождалось значительными кризисными явлениями, в числе которых: глубокое расстройство механизмов воспроизводства; усиление дифференциации территорий; отсутствие собственной институциональной инфраструктуры для расширенного воспроизводства. С включением механизма рыночной конкуренции, разделившего регионы по их конкурентным преимуществам и недостаткам, обнаружилась различная адаптация к рынку регионов с разной структурой экономики и разным менталитетом населения и власти. Одновременно с этим федеральными правительственными структурами провозглашалась экономическая самостоятельность регионов России, происходило становление института местного самоуправления. На места перекладывалась вся полнота ответственности за социально-экономическое развитие подведомственных территорий.

Но проводившаяся правительством социально-экономическая политика базиро-

валась на заимствовании «чужих рецептов» [3], не учитывала специфику развития страны в предыдущие десятилетия. Результатом такой политики стал ряд негативных тенденций как в экономике, так и социальной сфере новой России. Эти проблемы были характерны и для Вологодской области, переживавшей, как и другие регионы, весьма непростые времена.

Негативная динамика большинства социально-экономических показателей была следствием выбранной либеральной модели реформирования экономики, основным инструментом которой является ограничение роли государства как активного субъекта экономического влияния и ограничение его функций контролем за динамикой показателей денежной массы [3]. На самом высоком уровне власти провозглашалась идея необходимости отказа государства от целенаправленного регулирования социально-экономических процессов.

Вместе с тем функционирование национальной экономики в рыночных условиях, интеграция ее в мировое хозяйство требовали новых, научно обоснованных форм и методов управления социально-экономическими процессами. На научно-методическое обеспечение этих задач и была направлена деятельность *отдела проблем социально-экономического развития и управления в территориальных системах* – ведущего научного подразделения Вологодского научно-координационного центра.

В настоящее время разработка научно-методических основ развития региональной экономики в условиях динамичной внешней и внутренней среды, методов и инструментария управления развитием территорий является приоритетным направлением экономических исследова-

ний, проводимых в ИСЭРТ РАН. В числе научных задач отдела проблем социально-экономического развития и управления в территориальных системах – совершенствование теоретико-методологических основ и методического инструментария управления регионом, муниципальными образованиями (городами, районами, поселениями), хозяйствующими субъектами; вопросы организации регулярного социально-экономического мониторинга; научное обоснование факторов и методов управления устойчивым развитием территориальных систем; модернизация управления в регионе на новом этапе реформирования местного самоуправления и др.

Каковы же основные вехи становления и развития в ИСЭРТ РАН научных исследований по проблемам управления развитием территорий?

На наш взгляд, условно можно выделить три этапа.

Первый этап охватывает период 1991–2000 гг. Основной научной задачей академического учреждения в то время являлась разработка методических рекомендаций и инструментария адаптации систем управления на региональном и местном уровнях власти к рыночным условиям хозяйствования.

В эти годы началось освоение сотрудниками Института теории и методологии управления социально-экономическими процессами, апробация имевшегося методического инструментария на материалах Вологодской области, формировалась исследовательская база, происходило становление тематики исследований. Руководствуясь рекомендациями, изложенными в трудах таких ведущих отечественных ученых-экономистов, как

Л.И. Абалкин, А.Г. Гранберг, А.Е. Когут, Д.С. Львов, А.И. Татаркин, В.Н. Лаженцев и др. [4, 8, 9, 14], уже в начале 1990-х годов сотрудники Института под научным руководством д.э.н. *В.А. Ильина* разработали концепции социально-экономического развития Вологодской области и ряда районов. Следует признать неоспоримую помощь в этом представителей властных структур разного уровня. Это прежде всего специалисты Правительства Вологодской области, администраций г. Вологды, Вологодского, Череповецкого, Сокольского, Грязовецкого муниципальных районов. Именно здесь апробировались рекомендации, предложения и выводы, полученные в Институте.

Плодотворное сотрудничество по поиску путей развития города было установлено с Администрацией г. Вологды. С целью комплексной оценки удовлетворенности жителей города условиями проживания и деятельностью органов местного самоуправления, разработки рекомендаций по совершенствованию социально-экономической политики города в этот период был организован *мониторинг условий проживания в городе Вологде*.

С 1994 г. данный мониторинг проводится ежегодно. В опросе участвуют 800 жителей города. Распределение респондентов по полу и возрасту соответствует генеральной совокупности населения. Для учета особенностей условий проживания на территории города опрос проводится по районам, четыре из которых соответствуют территориям избирательных округов: Восточный, Западный, Центр, Заречный. Кроме того в составе районов выделены наиболее удаленные от центра города – окраинные: Лоста, Лукьяново, Прилуки, пос. Молочное.

В Институте создана уникальная база данных, позволяющая анализировать социально-экономические процессы и изменение настроения жителей города в разные периоды экономического развития. В 2012 г. получено Свидетельство о государственной регистрации базы данных.

В рамках проводившихся в эти годы научных исследований вологодскими учеными была доказана необходимость управления социально-экономическим развитием территорий на основе стратегии; высказан ряд предложений по организации планирования социально-экономического развития г. Вологды с учетом опыта городов Европы и нарастания конкуренции между муниципальными образованиями за привлечение инвестиций; разработаны методические рекомендации по корректировке проводимой социально-экономической политики; предложено организовать на регулярной основе мониторинг социально-экономического развития и сформировать систему стимулирования муниципальных служащих. В конце 1990-х годов научные сотрудники Института представили видение перспектив социально-экономического развития города Вологды на долгосрочный период. Наработки ученых легли в основу принятой *Концепции социально-экономического развития города Вологды до 2010 года*.

Основные научные результаты того периода нашли отражение в ряде публикаций, в том числе в таких монографиях, как: «Вологодская область: движение к рынку» (В.А. Ильин, А.А. Пашко, М.Ф. Сычев; под ред. П.А. Усачева); «Условия проживания населения: оценка и проблемы управления» (В.А. Ильин, Е.М. Жирнов, А.С. Якуничев); «Стратегия управления муниципальными образованиями» (коллектив авторов под рук. В.А. Ильина, А.С. Якуничева).

Следующий этап развития исследований по проблемам управления социально-экономическими процессами территорий (2000–2010 гг.) совпал с периодом реформирования института местного самоуправления, перехода его к двухуровневой модели, расширением полномочий и ответственности органов местного самоуправления. Экономисты территорий демонстрировали устойчивый рост вплоть до финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. Вологодские ученые активно включились в процесс развития теоретико-методологических основ управления территориальным развитием. В эти годы создаются авторские методики и методический инструментарий управления, апробация которых происходит на территориях Северо-Западного федерального округа. Этому способствовал не только накопленный опыт, но и существенное расширение и укрепление научных связей ИСЭРТ РАН с ведущими экономическими институтами РАН (Институт проблем региональной экономики РАН, Институт экономики УрО РАН, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера УО РАН, Институт экономики КарНЦ РАН, Центральный экономико-математический институт РАН, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН и др.), развитие дружеских контактов с отечественными учеными. Именно это позволило расширить спектр исследований по проблемам развития территорий и повысить качество и результативность научно-исследовательских проектов, а в конечном итоге сформировать научную школу «Теория и методологии управления устойчивым социально-экономическим развитием региональных систем».

В связи с важностью задач, решаемых органами местного самоуправления, сотрудники Института осуществляют ежегодный мониторинг социально-экономического развития муниципальных районов, а с 2006 г. — *мониторинг реформирования местного самоуправления*. Его цель — оценка результатов реформирования местного самоуправления; выявление проблем и разработка рекомендаций по повышению эффективности функционирования органов региональной и муниципальной власти. Мониторинг проводится на основе анкетного опроса глав всех муниципальных образований Вологодской области (городских и сельских поселений, муниципальных районов и городских округов). Сформированная база данных дает возможность выявлять изменения в становлении этого института власти в Российской Федерации и основные проблемы, причины и тенденции в его развитии. В 2014 г. получено Свидетельство о государственной регистрации базы данных.

В поле зрения вологодских ученых были также проблемы формирования и оптимизации структуры управления в районных и поселенческих органах местного самоуправления, совершенствования взаимодействия органов власти разного уровня (регион — район — поселение) в свете требований закона «Об общих принципах организации Российской Федерации» (ФЗ № 131); повышения эффективности управления бюджетно-финансовыми ресурсами муниципалитетов и развития частно-муниципального партнерства.

Помимо вопросов совершенствования института местного самоуправления научно-исследовательские работы того периода были направлены на решение проблем управления устойчивым развитием

территорий, повышения их конкурентоспособности; на формирование региональных производственных кластеров.

Основными научными результатами исследований сотрудников отдела в то время стали:

- развитие теории и методологии управления устойчивым социально-экономическим развитием территорий;

- научное обоснование необходимости формирования системы непрерывного планирования, органично сочетающей элементы тактического (среднесрочного) и оперативного планирования, способной выступить в качестве механизма реализации стратегии;

- создание методического инструментария формирования многоуровневой системы индикативного планирования социально-экономического развития территории и оценки эффективности управления социально-экономическим развитием муниципального образования;

- разработка таких методик, как формирование и реализация плана и системы мониторинга социально-экономического развития муниципальных образований; оценка конкурентоспособности и устойчивости развития регионов; оценка устойчивости социально-экономических систем;

- обоснование алгоритма создания производственных кластеров; схемы организации местного самоуправления, модели и механизмов совершенствования деятельности органов местного самоуправления; концептуальных подходов и основных направлений оптимизации организационной структуры управления в районных и поселенческих органах местного самоуправления; форм взаимодействия региональных, районных и поселенческих органов власти, а также государственно-частного партнерства и др.

Заседание семинара в администрации
Грязовецкого района

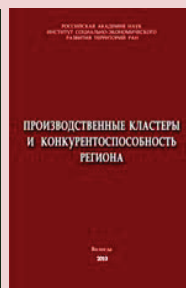
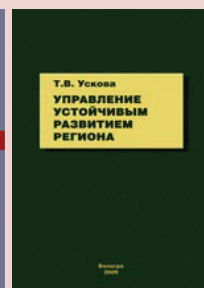
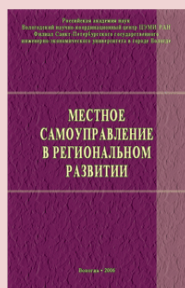
Директор ВНКЦ В.А. Ильин и Глава администрации
Вологодского района А.В. Гордеев (слева направо)

Вместе с тем весьма продуктивно развивалось сотрудничество с администрациями Вологодского и Грязовецкого районов. Результаты научных изысканий, предложения и рекомендации научных сотрудников апробировались на материалах этих муниципалитетов и неоднократно обсуждались на совместных семинарах (фото).

Их использование позволяло районному звену данных территорий сформировать систему управления, обеспечивающую решение многих социально-экономических проблем и высокие позиции в рейтинге муниципальных районов Вологодской области.

Результаты проведенных исследований представлены в таких монографиях, как: «Мониторинг развития муниципальных образований» (Т.В. Ускова, А.Н. Зуев, А.А. Смирнов; под науч. рук. В.А. Ильина);

«Индикативное планирование развития муниципальных образований» (Т.В. Ускова); «Местное самоуправление в сельском районе: тенденции, проблемы, перспективы» (коллектив авторов: В.А. Ильин, В.И. Чирков, Т.В. Ускова, К.А. Гулин, Д.П. Жаравин, И.Н. Дементьева); «Местное самоуправление в региональном развитии» (Д.Е. Амелин); «Стратегическое управление социально-экономическим развитием муниципального образования» (Д.П. Жаравин, Н.А. Пахолков); «Механизм инвестиционного взаимодействия бизнес-структур и местного самоуправления» (Э.О. Орлова, П.М. Советов); «Экономика сельского района: состояние и перспективы» (В.А. Ильин, А.В. Гордеев, Т.В. Ускова, М.Ф. Сычев, К.А. Гулин); «Управление устойчивым развитием региона» (Т.В. Ускова) и др. (фото).

Начало третьего этапа исследований проблем управления развитием территорий совпадает с послекризисным периодом 2008–2009 гг. Для этого периода характерны существенное замедление темпов роста экономики, недостаток финансовых ресурсов федерального и региональных бюджетов для решения стоявших перед ними задач. В этих условиях ответственность не только за обеспечение жизнедеятельности населения, оказания общественных услуг, но и за формирование локальных факторов укрепления региональной и национальной экономики все больше возлагается на органы местного самоуправления [5, 6, 10]. Роль института местного самоуправления в обеспечении устойчивого развития территорий значительно усилилась. Потенциал территорий рассматривается в качестве одного из главных резервов экономического роста и конкурентоспособности региона. Развитие потенциала и его более эффективное использование стали одной из основных задач региональных органов власти и местного самоуправления. Исходя из этих условий и определялись задачи научных исследований отдела проблем социально-экономического развития и управления в территориальных системах.

В числе первоочередных научных задач отдела на период 2010–2015 годов – исследование потенциала муниципальных образований в обеспечении устойчивого развития региона, поиск методов решения социально-экономических проблем локальных территорий, повышение эффективности государственного и муниципального управления, совершенствование региональной социально-экономической политики.

Выполненные в эти годы научно-исследовательские работы, показавшие высокую эффективность управления на всех

уровнях власти, позволили определить основные направления повышения эффективности управления развитием территорий, в том числе на основе совершенствования региональной социально-экономической политики [10]. В перечне предложений на муниципальном уровне: организация территориального общественного самоуправления (ТОС) и применение механизма самообложения граждан как формы повышения эффективности их участия в местном самоуправлении; внедрение механизмов муниципально-частного партнерства; формирование эффективного механизма районно-поселенческого взаимодействия.

На региональном уровне политику в отношении муниципальных образований следует сконцентрировать прежде всего на согласовании действий федеральных и региональных органов государственной власти, органов местного самоуправления, создании максимально благоприятных условий для развития экономики и социальной сферы муниципалитетов с целью привлечения на локальные территории частных инвестиций.

В числе приоритетов региональной политики федерального центра необходимо рассматривать преодоление чрезмерной социально-экономической дифференциации территорий, повышение сбалансированности пространственного развития национальной экономики путем выявления и раскрытия достоинств и преимуществ каждого региона и локальной территории, формирования и содействия укреплению новых агломераций динамичного экономического роста. Региональная политика должна быть направлена:

– на развитие агломераций, поддержку конкурентоспособных территорий, которые могут обеспечить более быстрый рост экономики всей страны;

- создание системы воспроизводства основных параметров конкурентных преимуществ территорий;
- формирование среды, стимулирующей и поддерживающей инновации и развитие;
- формирование внутренних источников развития территории;
- развитие социальной и инженерной инфраструктуры территорий, обеспечивающей равный доступ населения к общественно значимым услугам;
- содействие росту мобильности населения;
- налаживание системы взаимодействия власть – бизнес – население при решении территориальных проблем [2, 13].

В поле зрения сотрудников ИСЭРТ РАН в этот период была проблема внедрения в практику управления такого инструмента региональной политики по решению социально-экономических вопросов локальных территорий, как государственно-частное (муниципально-частное) партнерство. В ходе исследования существенное продвижение получила научная концепция управления экономикой территории, основанная на развитии партнерского взаимодействия власти и бизнес-структур в жилищно-коммунальном хозяйстве – весьма значимой и финансово-затратной для обеспечения жизнедеятельности муниципальных образований сфере [11].

Усилия вологодских ученых были направлены и на поиск путей повышения эффективности использования финансово-экономического и рекреационно-туристского потенциалов, имеющих принципиально важное значение для обеспечения устойчивого социально-экономического развития территорий. В целях развития туристского потенциала территорий и более эффективного его использования

научными сотрудниками ИСЭРТ РАН проведены исследования механизмов привлечения инвестиций, проблем развития туристской инфраструктуры, вопросов использования трудового потенциала в этой сфере. Имеющиеся наработки позволили разработать стратегию и программу развития туристского кластера в Вологодской области.

Современные тенденции развития экономики в изменяющихся рыночных условиях обозначили проблему поиска новых путей и организационно-экономических инструментов достижения социального благополучия в обществе. Одним из таких способов является развитие бизнеса в системе социальной ответственности. Взаимодействие политических, социальных и экономических субъектов, основанное на принципах социального партнерства, позволяет обеспечить стабильное поступательное развитие территории. В рамках исследования проблемы социальной ответственности бизнеса определены основные стадии развития корпоративной социальной ответственности и научно обоснованы направления реализации социально ответственного поведения.

Большой объем научно-исследовательских работ выполнен сотрудниками отдела в интересах Администрации г. Вологды с целью повышения эффективности использования потенциала города. Прежде всего следует назвать разработку проектов стратегий развития промышленности, строительной индустрии, потребительского рынка, бытового обслуживания населения.

Кроме того, в этот период были разработаны стратегии социально-экономического развития Бабаевского и Вологодского муниципальных районов, получившие весьма высокую оценку экспертного сообщества.

Наиболее значимыми научными результатами исследований сотрудников ИСЭРТ РАН по проблемам управления социально-экономическим развитием территорий в этот период стали следующие:

- развитие теоретико-методологических основ региональной социально-экономической политики, эффективности государственного и муниципального управления;

- создание авторских методик оценки эффективности управления социально-экономическим развитием муниципальных районов и региональной социально-экономической политики в отношении муниципальных образований; уровня и дифференциации социально-экономического развития территорий; уровня развития туристской инфраструктуры; интегральной оценки состояния ЖКХ муниципалитетов; комплексной оценки социальной ответственности бизнеса и др.;

- разработка методического инструментария оценки перспектив снижения дифференциации территорий и прогнозирования её последствий; оценки эффективности проектов партнерства на всех стадиях их жизненного цикла с учетом достижения баланса интересов всех основных участников;

- научное обоснование методических рекомендаций по корректировке региональной социально-экономической политики;

- формирование нейросетевой модели управления социально-экономическим развитием территорий.

Результаты исследований по проблемам управления социально-экономическим развитием территорий в период 2010–2015 гг. представлены в таких монографиях, как: «Управление современным городом: направленная модернизация» (Т.В. Ускова, А.Н. Нестеров); «Развитие производственного потенциала сельского района» (Т.Г. Смирнова, С.А. Селякова, Е.Н. Кожина); «Социально-экономический ресурс туризма» (Т.В. Ускова, Л.В. Дубиничева, В.С. Орлова); «Потребительский рынок города: состояние и перспективы» (коллектив авт. под рук. Т.В. Усковой); «Моногород: управление развитием» (коллектив авт. под рук. Т.В. Усковой); «Социально-экономические проблемы локальных территорий» (Т.В. Ускова, Н.В. Ворошилов, Е.А. Гутникова, С.А. Кожевников); «Управление региональной конкурентоспособностью» (А.С. Барбанов; под науч. рук. д.э.н. Т.В. Усковой); «Жилищно-коммунальное хозяйство региона: состояние, проблемы, перспективы» (С.А. Кожевников; под науч. рук. д.э.н. Т.В. Усковой) и др.

Результаты исследований легли в основу диссертаций. По указанной проблематике защищена докторская и семь кандидатских диссертаций.

В процессе становления института местного самоуправления в Российской Федерации складывается и новая система взглядов на процесс управления социально-экономическим развитием муниципальных образований. Связано это прежде всего с тем, что успешное решение задачи модернизации российской экономики напрямую обусловлено уровнем развития территорий. Располагая финансово-экономическими ресурсами, муниципалитеты обладают возможностью определять перспективы и стимулировать варианты развития, в наибольшей степени способствующие решению их социально-экономических проблем. Однако эти возможности в определяющей степени зависят от проводимой государственной экономической политики. Вместе с тем научные исследования свидетельствуют о ее низкой эффективности. Государственная экономическая политика носит ярко выраженный либеральный характер. В результате реализации Правительством РФ комплекса финансово-экономических мер наблюдается усугубление бюджетного кризиса регионов и муниципальных образований.

Этот тезис подтверждается результатами исследования вопросов эффективности государственного управления, начатого

сотрудниками ИСЭРТ РАН в 2009 г. под руководством д.э.н. *В.А. Ильина*, представленными в публикациях [1, 7, 12] (фото).

Углубление и расширение тематики исследований эффективности управления на всех уровнях власти — одно из перспективных направлений научных исследований в последующий период времени. В планах ИСЭРТ РАН развитие теоретико-методологических основ и методического инструментария оценки эффективности государственного (муниципального) управления в субъектах РФ (в муниципальных образованиях), в том числе в разрезе подсистем экономики. При этом перед научными сотрудниками стоит задача расширения спектра применяемого методического инструментария проведения научных исследований, освоения математических методов и приемов экономико-математического моделирования.

Литература

1. Ильин, В.А. Проблемы эффективности государственного управления. Бюджетный кризис регионов [Текст]: монография / В.А. Ильин, А.И. Поварова. — Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. — 128 с.
2. Ильин, В.А. Методы преодоления пространственной социально-экономической дифференциации / В.А. Ильин, Т.В. Ускова // Федерализм. — 2012. — № 3 (67) — С. 7-18.
3. Львов, Д.С. Экономика развития / Д.С. Львов. — М.: Экзамен, 2002. — 512 с.
4. Основы местной социально-экономической политики: рекомендации по разработке и практической реализации [Текст] / под ред. А.Е. Когут. — СПб.: ИСЭП РАН, 1995. — 142 с.
5. Потенциал развития муниципальных образований: содержание, оценка, управление (на материалах Республики Коми) [Текст] / под ред. В.Н. Лажнецова. — Сыктывкар: КНЦ УрО РАН, 2008. — 344 с.
6. Проблемы и пути перехода муниципальных образований к инновационной самоорганизации [Текст]: материалы науч.-практ. конф., г. Великий Новгород, 25-26 ноября 2005 г. / под ред. В.Л. Макаров. — Великий Новгород, 2005. — 240 с.

7. Ильин, В.А. Проблемы эффективности государственного управления. Тенденции рыночных трансформаций. Кризис бюджетной системы. Роль частного капитала. Стратегия-2020: проблемы реализации [Текст]: монография / В.А. Ильин, А.И. Поварова. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2014. – 188 с.
8. Россия – 2015: оптимистический сценарий [Текст] / под ред. Л.И. Абалкина. – М.: ММВБ, 1999. – 416 с.
9. Саморазвивающиеся социально-экономические системы: теория, методология, прогнозные оценки [Текст] / под ред. А.И. Татаркина. – М.: Экономика, 2011. – Т. I: Теория и методология формирования саморазвивающихся социально-экономических системом. – 308 с.
10. Ускова, Т.В. Проблемы функционирования и направления развития института местного самоуправления / Т.В. Ускова, Е.А. Гутникова // Федерализм. – 2012. – № 1. – С. 127-136.
11. Ускова, Т.В. Управление экономикой региона на основе партнёрского взаимодействия органов власти и бизнес-структур / Т.В. Ускова, С.А. Кожевников // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – № 6 (36). – С. 34-46.
12. Ускова, Т.В. Проблемы эффективности государственного управления / Т.В. Ускова, А.И. Поварова // Сборник научных докладов и сообщений Ученого совета ИСЭРТ РАН. – Вып 9. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2014. – С. 4-58.
13. Ускова, Т.В. Управление устойчивым развитием региона / Т.В. Ускова. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2009. – 355 с.
14. Львов, Д. Экономика России на перепутье веков [Текст] / Д. Львов, В. Макаров, Г. Клейнер. – М., 2000. – 88 с.

Сведения об авторе

Тамара Витальевна Ускова – доктор экономических наук, заместитель директора по научной работе, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, tvu@vscc.ac.ru)

Uskova T.V.

Socio-Economic Issues of Territories in the Focus of Attention of Researchers in Vologda

Tamara Vital'evna Uskova – Doctor of Economics, Deputy Director for Science, Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, tvu@vscc.ac.ru)

Abstract. Market transformation in Russia's economy at the end of the 20th century was accompanied by the increase in the autonomy of its territories, and the establishment of the institute of local government. As a result of the separation of powers and responsibilities the local government has become responsible for strategically important and socially significant functions of the state such as preschool, primary, basic and secondary (complete) general education, physical education, social policy, organization of provision of housing and utilities services to the population. However, local government in Russia is in the process of formation, and only few municipalities are able to perform all their functions due to limited budgetary resources. Therefore there are a lot of problems in the socio-economic development of territories that need solving and that require scientific and methodological support as well. The paper describes the main stages of formation and development of scientific objectives with regard to the issues of socio-economic development of territories at the Institute of Socio-Economic Development of Territories of RAS. The author emphasizes that the scope of the research depends to a large extent on the needs of the local government.

Key words: problems of territories, socio-economic development, scientific support, development of territories, methods and tools of management.

References

1. Ilyin V.A., Povarova A.I. *Problemy effektivnosti gosudarstvennogo upravleniya. Byudzhetniy krizis regionov: monografiya* [Public Administration Efficiency. Budget Crisis in the Regions: Monograph]. Vologda: ISERT RAN, 2013. 128 p.
2. Ilyin V.A., Uskova T.V. Metody preodoleniya prostranstvennoi sotsial'no-ekonomicheskoi differentsiatsii [Methods of Overcoming the Spatial Socio-Economic Differentiation]. *Federalizm* [Federalism], 2012, no. 3 (67), pp. 7-18.
3. L'vov D.S. *Ekonomika razvitiya* [Development Economics]. Moscow: Ekzamen, 2002. 512 p.
4. *Osnovy mestnoi sotsial'no-ekonomicheskoi politiki: rekomendatsii po razrabotke i prakticheskoi realizatsii* [Fundamentals of Local Socio-Economic Policy: Recommendations for Their Development and Practical Implementation]. Ed. by A.E. Kogut. Saint Petersburg: ISEP RAN, 1995. 142 p.
5. *Potentsial razvitiya munitsipal'nykh obrazovaniy: soderzhanie, otsenka, upravlenie (na materialakh Respubliki Komi)* [Potential of Development of Municipalities: Content, Assessment, Management (Case Study of the Republic of Komi)]. Ed. by V.N. Lazhentsev. Syktyvkar: KNTs UrO RAN, 2008. 344 p.
6. *Problemy i puti perekhoda munitsipal'nykh obrazovaniy k innovatsionnoi samoorganizatsii: materialy nauch.-prakt. konf., g. Velikii Novgorod, 25-26 noyabrya 2005 g.* [Problems and Ways of Transition of Municipalities to Innovative Self-Organization: Proceedings of the Research-to-Practice Conference, Veliky Novgorod, November 25–26, 2005]. Ed. by V.L. Makarov. Veliky Novgorod, 2005. 240 p.
7. Ilyin V.A., Povarova A.I. *Problemy effektivnosti gosudarstvennogo upravleniya. Tendentsii rynochnykh transformatsii. Krizis byudzhetnoi sistemy. Rol' chastnogo kapitala. Strategiya-2020: problemy realizatsii: monografiya* [Public Administration Efficiency. Market Transformation Trends. Crisis of the Budget System. Role of Private Capital. Strategy-2020: Implementation Issues: Monograph]. Vologda: ISERT RAN, 2014. 188 p.
8. *Rossiya – 2015: optimisticheskii stsenarii* [Russia – 2015: Optimistic Scenario]. Ed. by L.I. Abalkin. Moscow: MMVB, 1999. 416 p.
9. *Samorazvivayushchiesya sotsial'no-ekonomicheskie sistemy: teoriya, metodologiya, prognozyne otsenki. T. 1: Teoriya i metodologiya formirovaniya samorazvivayushchikhsya sotsial'no-ekonomicheskikh sistem* [Self-Developing Socio-Economic Systems: Theory, Methodology, Forecast Assessments. Vol. 1: Theory and Methodology of Formation of Self-Developing Socio-Economic Systems]. Ed. by A.I. Tatarin. Moscow: Ekonomika, 2011. 308 p.
10. Uskova T.V., Gutnikova E.A. Problemy funktsionirovaniya i napravleniya razvitiya instituta mestnogo samoupravleniya [The Problems of Functioning and Directions of the Local Government Development]. *Federalizm* [Federalism], 2012, no. 1, pp. 127-136.
11. Uskova T.V., Kozhevnikov S.A. Upravlenie ekonomikoi regiona na osnove partnerskogo vzaimodeistviya organov vlasti i biznes-struktur [Management of the Regional Economy on the Basis of Partnership Interaction between the Authorities and Business Structures]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2014, no. 6 (36), pp. 34-46.
12. Uskova T.V., Povarova A.I. Problemy effektivnosti gosudarstvennogo upravleniya [Problems of Public Administration Efficiency]. *Sbornik nauchnykh dokladov i soobshchenii Uchenogo soveta ISERT RAN. Vyp 9* [Collection of Scientific Reports of ISEDT RAS Academic Council. Vol 9.]. Vologda: ISERT RAN, 2014. Pp. 4-58.
13. Uskova T.V. *Upravlenie ustoichivym razvitiem regiona* [Management of Sustainable Development of the Region]. Vologda: ISERT RAN, 2009. 355 p.
14. L'vov D., Makarov V., Kleiner G. *Ekonomika Rossii na pereput'e vekov* [Russia's Economy at the Crossroads of Centuries]. Moscow, 2000. 88 p.

Завершился ли переходный период в экономике России?

**Виктор Михайлович
КУЛЬКОВ**

доктор экономических наук, профессор
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
119991, Россия, г. Москва, ГСП-1, Ленгоры, д. 1, стр. 46, vigma@migmail.ru

Аннотация. Несмотря на четверть века с начала рыночной трансформации (транзиции) в России, имеются серьезные сомнения относительно завершения переходного периода. Переход к новому эффективному типу экономики в идеале должен быть одновременно и периодом трансформации, и периодом модернизации, и периодом формирования национальной экономической модели. Лишь в таком случае он может быть квалифицирован как полноценный, адекватный и конструктивный. Такого совмещения в России не произошло, рыночные преобразования проходили как бы сами по себе, и в этом состоит корень ее многих современных проблем. Современный кризис в российской экономике отражает в первую очередь нерешенность указанных задач, требовавших своей реализации с самого начала трансформации. Этот кризис является прежде всего концентрированным выражением и продолжением трансформационного и воспроизводственного кризисов национальной экономики, кризиса сложившейся ущербной экономической модели и проводившейся экономической политики. Внешние факторы стали лишь детонатором обострения внутренних российских проблем. Для эффективного противодействия такому объемному кризису нужно учитывать все его стороны и глубинные причины, восходящие к проблемам переходного периода. Только осуществление модернизации экономики и формирование эффективной национальной экономической модели способны вывести российскую экономику на принципиально новый уровень развития и тем самым преодолеть исторически возникший отрыв трансформации от указанных процессов. Именно в этом случае возникнут веские основания для вывода о преодолении конечной границы переходного периода. Новая модель экономики страны должна быть адекватной всему комплексу национально-специфических факторов и стратегических, жизненно важных целей развития, присущих России. Стержнем модернизации должна стать новая индустриализация, которая характеризуется переходом к автоматизации, информатизации, экологизации индустриальных производств, к новому типу воспроизводства — наукоемкого, высокотехнологичного и эколого-эффективного и сопровождается адекватным изменением характера экономических отношений и институтов.

Ключевые слова: трансформация, модернизация, новая индустриализация, российская модель экономики.

1. Границы переходного периода

Вопрос о переходном (трансформационном, транзитивном) характере российской экономики был крайне актуальным в 1990-е гг., когда в стране осуществлялись радикальные рыночные преобразования. Это отражалось не только в практических действиях, но и в научных обсуждениях, и в экономическом образовании, в структуре которого появились учебные курсы под характерными названиями «Переходная экономика», «Теория трансформационных процессов» и т.п. При всей широте и многообразии указанной проблематики особое внимание привлекал вопрос об этапах и границах переходного периода. С одной стороны, это сам по себе фундаментальный вопрос, давно интересовавший политэкономов; с другой стороны, он имел для России на рубеже веков и практическое значение: стремление быстрого (уже в 1990-е гг.) получения статуса страны с рыночной экономикой диктовалось желанием как приобрести новый имидж и оправдать результативность проводимых преобразований, так и получить некоторые внешнеэкономические бонусы. Официальная позиция в этот период выражалась в том, чтобы превознести рыночный характер российской экономики и избавиться от ярлыка переходности.

Теоретические споры о границах переходного периода в связи с российскими реалиями продолжались и в начале 2000-х годов. Отметим одну из работ того времени под звучным названием «Где начало того конца?» [4], в которой, помимо прочего, указывалось на опасность «стационарной переходной экономики» в случае укоренения неформальных институтов в стране. Переходная проблематика еще сохранялась в учебном процессе: одним из последних крупных учебных изданий в этом ряду можно считать «Трансформаци-

онную экономику России», выпущенную в МГУ в 2006 г. [8]. Но постепенно она стала сокращать свои масштабы. Не то чтобы она иссякла вовсе, но острота и степень ее использования стали заметно снижаться.

Так закончился ли переходный период в России? Каковы критерии поиска адекватного ответа на этот вопрос? Как позиционировать сложившуюся в стране экономику? Эти вопросы требуют размышлений, которые будут представлены в данной статье.

С начала экономических преобразований в России прошла целая четверть века. Уже сама их продолжительность нацеливает на подведение итогов. При утвердительном ответе на вопрос о конечных границах переходного периода применительно к новой России обычно принимают во внимание следующие факты: наличие основных элементов рыночной экономики, рыночных институтов, рыночного поведения субъектов; получение (2004 г.) Россией статуса «страны с рыночной экономикой», подкрепленное несколько лет назад ее вступлением в ВТО; положительная (на протяжении примерно десятилетия, исключая два кризисных спада) макроэкономическая динамика, выход (2007 г.) на дореформенный уровень объема ВВП. К тому же некоторые международные агентства (в данном случае агентство MSCI) включают Россию по критерию состояния рынков (прежде всего, финансовых) не в группу стран с переходными рынками, а в группу стран с развивающимися рынками [10].

Однако могут ли формальные, статусные и статистические изменения быть верным критерием завершения периода трансформации? В данном вопросе надо руководствоваться более существенными характеристиками. Главное — состоялся ли выход страны на качественно новые позитивные рубежи (технологические, структурные, социально-экономические

и иные) в результате трансформационных усилий, сформирован ли уровень развития, принципиально недоступный прежней системе? И тогда во внимание следует принять следующее: сложившиеся в России рыночные отношения и механизмы во многом являются еще неразвитыми и деформированными; сохраняются мотивы к изменению целого ряда институтов (прежде всего, институтов социального, финансово-инвестиционного, структурно-отраслевого, инновационного характера), что по параметрам институционализма считается признаком наличия институционального неравновесия; усилилось отставание от развитых стран по многим содержательным показателям (конкурентоспособность, инновационные и технологические характеристики, состояние человеческого капитала и др.); экономический рост в России в 2000-е гг. не был качественным и устойчивым, не сопровождался глубокими технологическими и структурными сдвигами, а две за последние 8 лет кризисные полосы обнажили хрупкость и уязвимость национальной экономики. Все указанные характеристики объективно не могут свидетельствовать о завершенности периода переходной экономики. В противном случае у перехода нет содержательного целеполагания, и получается, что все сводится лишь к «эффекту разнообразия».

Правильнее говорить лишь о завершении в основном преобразовательного этапа трансформации экономики России, в результате которого были созданы (хотя и в сильно деформированном виде) основы рыночной экономики. Но нельзя сводить переходный период только к преобразовательным мероприятиям.

Каким же образом проходил и должен был проходить переходный период, какие характеристики должен включать в себя, через какие этапы следовать?

2. Этапы переходного периода

В 1990-е гг. в России в ходу была формула «трёхэтапного вхождения в рынок», которая озвучивалась с самых высоких трибун. Считалось, что после первого этапа, включавшего в себя институциональные преобразования и либерализацию экономики, следует этап макроэкономической (точнее, финансовой) стабилизации, после которого в экономике начинается инвестиционный этап или этап роста. Начальный из этих этапов охватывал первую половину 1990-х гг., второй — середину данного десятилетия, а третий намечался на конец 1990-х — начало 2000-х гг. Однако, как известно, намеченная логика, формально реализованная в самых общих чертах на первых двух этапах, завершилась глубоким кризисом 1998 г., проведенным жирную черту под такого рода моделированием трансформационных процессов. И такой финал был неизбежным, поскольку нацеленность на экономический рост в такой конструкции сознательно откладывалась на целое десятилетие. Между тем логика могла быть иной. Либерализация экономики и институциональные преобразования, составлявшие сердцевину первого этапа, должны были быть изначально сориентированы на рост экономики, создавая благоприятные конкурентные и институциональные условия, прежде всего, для реального, а не спекулятивного сектора экономики. Макроэкономическая стабилизация не должна была сводиться к чисто финансовой стабилизации, достижение которой сопровождалось «безденежьем» экономики, чудовищным расширением бартера и неплатежей, вползанием экономики в «ловушку равновесия на нулевом уровне»; она должна была изначально содержать в себе производственное и социальное наполнение, выход на траекторию развития. Отсутствие такой нацеленности на первых

двух этапах рыночных изменений неизбежно привело к негативному результату.

Но что произошло в России потом? В реальности (что называется, «по жизни») получилось так, что Россия вновь вошла в трёхэтапный формат, но только на более широком историческом поле. Первым этапом можно считать все десятилетие 1990-х гг. (без его детализации, приведенной выше). Характеристикой следующего этапа (бо льшая часть «нулевых» годов нового века) стала коррекция экономического курса, сопровождавшаяся снижением уровня накопившихся деформаций и положительным переломом макроэкономики в стране. С конца указанного десятилетия стал позиционировать себя новый этап – этап модернизации: были программно провозглашены (сначала в 2008 г., а затем в конце 2011 г.) модернизационные намерения и в особенности нацеленность на формирование в России инновационной экономики. Сама по себе необходимость модернизации, а следовательно, и данного этапа не вызывает сомнений. Удручает то, что ёмкий и мобилизующий термин «модернизация» стал звучать реже. Замечается ослабление внимания к терминологии и идеологии модернизации. Вероятно, сказалось влияние российского политического цикла. Но было бы непродуктивным подвергать ревизии идею модернизации российской экономики, которая не может быть привязана лишь к конъюнктуре политического цикла и к конкретным политическим персонам, а является давно назревшей. Жизненно важное для России направление, вызвавшее большой научный интерес и реализующее давние и породившее новые надежды, не может оказаться в ряду политико-конъюнктурных лозунгов. Модернизация российской экономики, при всей необходимой коррекции ее научного и практического

оформления, должна оставаться стержнем стратегического курса развития страны.

Итак, обозначились три крупных этапа новой России: преобразовательный этап (одновременно этап трансформационного кризиса); этап коррекции, стабилизации и положительной макроэкономики; этап модернизации. Последний этап в данных координатах выглядит как необходимое звено. В целом же указанная последовательность, во-первых, отражает реалии исторического процесса в новой России, как бы к ним не относиться, а во-вторых, фиксирует необходимость перехода к модернизации – и с этой точки зрения может быть принята. Другое дело, является ли она идеальной и безальтернативной? И ответ, на наш взгляд, должен исходить из того, что логика здесь могла быть иной, как и в отношении разобранных выше «трехэтапного вхождения в рынок». Преобразования должны были сразу содержать нацеленность на задачи модернизации и поддержку инновационного сектора экономики. Огромные финансовые ресурсы, полученные Россией на втором этапе и обеспечившие макростабилизацию и положительную динамику в условиях выгодной внешнеэкономической конъюнктуры, могли бы придать количественному росту модернизационное наполнение, чего практически не происходило в «тучные годы». Отсутствие такой нацеленности на первых двух этапах рыночных изменений привело к явному запозданию российской модернизации: она искусственно была заторможена на полтора десятилетия. Что касается самой модернизации и инновационного развития, то они, во-первых, столкнулись с возникшими кризисными явлениями и вынуждены теперь реализовываться в неблагоприятных условиях, а во-вторых, пока не воплотились в заметные, масштабные конкретные шаги.

Возвращаясь к вопросу о границах переходного периода, отметим теперь, что только осуществление модернизации российской экономики и на этой основе выход на качественно новые технологические и социально-экономические рубежи будет означать завершение указанного перехода. Отмечу в этой связи, что еще в начале 2000-х гг. ряд ученых из постсоциалистических стран Восточной и Центральной Европы, с которыми мне тогда удалось контактировать (в частности, венгерский профессор Т. Бауэр — руководитель кафедры сравнительного анализа и трансформации экономических систем Университета Франкфурта-на-Майне, ФРГ), высказывались в том духе, что рыночные преобразования должны завершиться «европеизацией», означающей, помимо институциональной адаптации, и выход на средневропейский уровень социальных и экономических показателей. Конечно, такая постановка вопроса применительно к России в прямом виде вряд ли оправданна (в силу геополитических, исторических, цивилизационных причин и т.п.), однако в ней содержится важный посыл выделения качественного критерия оценки исторического движения стран с переходной экономикой. Для России завершение переходного периода связано не с «европеизацией» как таковой, а с модернизацией, выводящей страну на качественно новый уровень развития.

Но нужно указать и еще один параметр, до сих пор не вовлеченный в наш анализ: он сводится к формированию адекватной национальной модели экономики, учитывающей весь комплекс национальных особенностей страны. Без формирования такой модели переход к рынку не может быть эффективным. Итогом преобразований должна быть не просто рыночная эконо-

мика, а национальная модель смешанной экономики, адекватная всему набору национально-специфических факторов (как экономических, так и неэкономических; как внутренних, так и внешних), а также стратегическим, жизненно необходимым для России целям национального развития, национальным интересам, особенностям российской цивилизации, при этом сопрягаемая с прогрессивными линиями современного мирового развития и идущая в русле модернизации. Национальная модель должна обеспечить органическое единство экономики, общества, цивилизации. Говорить о такой адекватности сейчас не приходится. Кто-то на это может возразить так: да, конечно, российская экономика несовершенна, но после рыночных трансформаций всё более или менее, образно говоря, «устаканилось», эта экономика не рассыпается, связи внутри нее, так или иначе, налажены, взаимодействие экономических агентов осуществляется, национальные особенности (хорошие или плохие — какие уж есть) впитались в эту экономику — вот это и есть «естественно» сложившаяся экономическая модель или система страны. Но это такая «система», которую можно было бы охарактеризовать словами популярного советского шлягера: «а я его слепила из того, что было». Она причудливо сочетает в себе фрагменты накопленных деформаций, необдуманного импорта институтов, субъективных воздействий, неконструктивной ориентации определенных экономических субъектов и т.п. Скорее, это неадекватная (и в чем-то, особенно для 1990-х гг., антинациональная) модель, в значительной мере не соответствующая особенностям России, ее стратегическим интересам, задачам развития. Экономика с такими характеристиками вряд ли может квалифицироваться в качестве перспективной.

Переход к новому эффективному типу экономики в идеале должен быть одновременно и периодом трансформации, и периодом модернизации, и периодом формирования национальной экономической модели. Только в таком случае этот переход может быть квалифицирован как полноценный, адекватный и конструктивный. Такого перехода и такого совмещения в России не произошло, и в этом корень ее многих современных проблем.

Подведем промежуточные итоги по вопросу о границах и этапах переходного периода. Если последний трактовать расширенно, то, поскольку в России не произошло указанного выше совмещения, необходим переход к новому, заключительному этапу трансформации, включающему в себя модернизацию и формирование адекватной национальной модели и исправляющему негативные последствия предыдущих этапов. Если же отождествлять переходный период только с проведением преобразований и, стало быть, считать этот период уже завершенным в России, то следует признать необходимость нового переходного периода, который должен привести к реализации обозначенных выше конструктивных задач. В любом случае переходность сохраняется. Таким образом, нам в России еще рано отказываться от трансформационной проблематики. К тому же происходят и глобальные трансформационные процессы, в которые так или иначе втянут весь мир. А, кроме того, само указание на переходность позволяет более строго обозначить вектор развития страны и его содержательное наполнение, что крайне важно для современной России. Намного хуже «застой» якобы сложившейся рыночной экономики.

3. Характер современного кризиса в России

Серьезным препятствием для осуществления модернизации в России является «не вовремя» наступивший кризис. Если в предыдущие 2 года можно было говорить о замедлении темпов экономического роста, то в 2015 г. четко обозначились прямые кризисные признаки. Прежде всего, это отразилось в динамике реального ВВП: по данным Минэкономразвития РФ, за первое полугодие этого года он сократился на 3,4% (причем во втором квартале — на 4,4%), а в целом в 2015 г. он может снизиться на 2,8% (прогноз Минэкономразвития РФ), 3,4% (прогноз МВФ), 2,7% (прогноз Всемирного банка) [9]. Имеющиеся положительные прогнозы на последующие годы весьма сомнительны.

Было бы большим упрощением связывать данный кризис (впрочем, как и предыдущий кризис 2009–2010 гг.) только с внешнеэкономическими причинами (снижение цен на нефть и газ, замедление роста у ряда крупных торговых партнеров и др.), добавляя к ним сейчас (в отличие от предыдущего кризиса) и экономические санкции Запада. Этот кризис имеет преимущественно внутреннюю природу и во многом связан с проблемами переходного периода. В этом кризисе переплелось много разных сторон. Отметим наиболее важные из них.

Первая его сторона выражается в том, что он есть продолжение трансформационного кризиса российской экономики, который остро проявился в 1990-х гг., который на самом деле не разрешился и не завершился, несмотря на последующую положительную макродинамику. Проявлением этого является незавершенность структурной перестройки экономики, отсутствие ее масштабной диверсифика-

ции, сохранение сырьевого профиля, а также неразвитость и деформированность многих институтов, включая, в частности, национальную банковскую систему, инвестиционные институты, национальную инновационную систему и др. В этом проявилась незавершенность трансформации российской экономики.

Вторая сторона кризиса состоит в том, что он выступает и как незавершенный воспроизводственный кризис национальной экономики, начавшийся еще в советских условиях 1980-х гг.: за весь прошедший период так и не произошло кардинального обновления элементов основного капитала, выхода экономики страны на новый технологический уровень, а, следовательно, до сих пор не завершился и экономический цикл, который должен был за это время «прокрутиться» несколько раз. Это своего рода автономный национальный циклический кризис, который растянулся на десятилетия и в котором проявилось отсутствие модернизации в период трансформации.

Оба указанных аспекта свидетельствуют о том, что нынешний кризис в России является концентрированным выражением и продолжением трансформационного и воспроизводственного кризисов национальной экономики. Внешние факторы стали лишь детонатором обострения внутренних российских проблем. Положительная макродинамика 2000-х гг., обусловленная главным образом благоприятными внешнеэкономическими факторами, как бы «купировала» указанные кризисы, перевела их в скрытую, латентную форму. И точно так же негативные внешние факторы (ценовые, финансовые, а теперь и геополитические) вскрыли хронические болезни российской экономики. Таким образом, российский кризис имеет преимущественно внутреннюю природу.

Третья сторона кризиса выражается в том, что он представляет собой и кризис сложившейся в России за четверть века национальной экономической модели. Как уже отмечалось выше, это модель ущербная и неперспективная, неадекватная как национально-специфическим факторам, присущим России, так и стратегическим целям национального развития.

Четвертый аспект современного российского кризиса связан с кризисом экономической политики, проводившейся весь этот период. Несмотря на продолжительность и, казалось бы, разнообразие этого периода, он отличался постоянством (с 1992 г. и по сей день) финансового приоритета над нуждами развития реального сектора экономики и новых технологических укладов, что (наряду с другими провалами экономической политики) так и не позволило создать адекватный технологический базис суверенного и перспективного развития страны.

Пятый аспект сводится к морально-ценностному кризису: навязчиво прививавшаяся в российском обществе с начала 1990-х гг. система ценностей, основанная на индивидуализме и стимулах «общества потребления», показала свою односторонность и неадекватность российским условиям, задачам национальной консолидации.

И только в последнюю (шестую) очередь это кризис внешнеэкономический и геополитический, в котором Россия сейчас оказалась — но опять-таки, прежде всего из-за утраченной за прошедший период самодостаточности и крайне ослабленного технологического и экономического суверенитета.

Выделяют и другие стороны кризиса, также подчеркивающие его национальный характер [2, с. 23-28]. Есть и традиционный набор объяснения причин кризисных

явлений (факторы спроса и предложения, их соотношение, структура бюджета и платежного баланса, монетарные причины и т.п.), которые при всей их функциональной и практической важности опускаются в данном анализе из-за их периферийности относительно глубинных причин кризиса.

Таким образом, только вся совокупность предложенных выше характеристик дает полное и системное представление о природе и причинах современного кризиса российской экономики. И, как видно, главное здесь — это внутренние характеристики, большинство из которых восходит к глубинным проблемам трансформации, модернизации и национальной модели экономики или, иначе говоря, к проблемам переходного периода.

Для эффективного противодействия такому объемному кризису нужно учитывать все его стороны. Оно должно охватить и институциональную среду, и структуру национального хозяйства, и технологическую сферу, и параметры национальной экономической модели, и экономическую политику, и морально-ценностную сферу общественной жизни, и требования национальной безопасности. Иначе говоря, антикризисные действия должны носить комплексный характер, учитывающий генезис и реальное состояние российской экономики. Важно то, чтобы они не замыкались в текущей антикризисной «скорлупе», а реализовывались в русле стратегического развития России, включающего в себя осуществление модернизации и формирование адекватной российской модели экономики.

4. Формирование российской национальной модели экономики

Как уже отмечалось, важным признаком оценки успеха трансформационных изменений является завершение формирования национальной экономической

модели, которая адекватна национально-специфическим условиям страны.

Объективными предпосылками формирования такой модели выступают уровень и характер национальных производительных сил, национально-специфические факторы, жизненно необходимые цели национального развития. Данную зависимость можно выразить как необходимость соответствия экономических отношений в стране национальным производительным силам, национальным факторам и целям развития (это своего рода соотношение функции и ее аргументов).

России присуще своеобразие (во многом — уникальность) целого ряда неэкономических факторов, оказывающих устойчивое и долгосрочное воздействие на экономику. Это и природно-климатический, и географический, и геополитический, и социокультурный факторы и многие другие. Они оказывают влияние на соотношение рынка и государства, на степень социальной ориентации экономики, на множество других характеристик экономики — и с этим нужно считаться.

Также необходимо принимать во внимание и долгосрочные цели национального развития России, к числу которых относятся следующие:

- обеспечение суверенного развития и исторически сложившегося статуса страны в мире;
- глубокая модернизация экономики и достижение на этой основе существенного повышения конкурентоспособности национальной экономики;
- «сбережение народа»: улучшение демографической ситуации и наращивание человеческого потенциала России;
- сохранение территориальной целостности страны, обеспечение единого экономического пространства на всей огромной территории.

И реализация указанных целей, и действие названных выше национальных факторов вызывают серьезные последствия, требуя адекватных экономических отношений, касающихся прежде всего регулирующей роли государства и степени социальной ориентации экономики.

Исходя из обозначенных предпосылок и зависимостей, можно сформулировать наиболее важные идеальные черты российской модели экономики в их наиболее общем виде:

— суверенная крупномасштабная экономика, обладающая высокой самостоятельностью (технологической, научно-технической, энергетической, финансовой и т.п.) и способная обеспечить целостное расширенное национальное воспроизводство и реализацию национальных интересов при использовании возможностей, предоставляемых глобализацией;

— смешанный способ координации, более весомая роль государства по сравнению со «стандартными» рыночными экономикami;

— многообразие форм собственности, включая важную роль государственной собственности в стратегически важных сферах («командных высотах»);

— высокая степень социальной ориентации экономики и социальной консолидации;

— активное использование социально-духовных аспектов в экономической жизни с учетом исторически сложившейся системы ценностей;

— инновационная, диверсифицированная экономика;

— новая индустриальная экономика, вбирающая в себя все новые прогрессивные линии развития;

— открытая экономика, сочетающая степень своей открытости с обеспечением национальной безопасности.

Российская экономическая модель в таком качестве будет представлять собой такой тип современной смешанной экономики, который сможет органично соединить национальное своеобразие с передовыми общемировыми процессами, с задачей глубокой модернизации отечественной экономики — иначе говоря, успешно интегрировать «почву» и «проект». Об этом автор писал более подробно [6].

В России, как уже отмечалось, рыночные преобразования проходили как бы сами по себе, без акцента на формирование адекватной и эффективной национальной модели, а та «модель», которая де-факто складывалась в стране, вобрала в себя далеко не лучшие фрагменты, не отражает национальных потребностей и в силу этого не может быть признана перспективной. В силу этого необходим переход к адекватной (по сути, новой) национальной модели экономики, контуры которой были обозначены выше.

5. Модернизация и новая индустриализация в российской экономике

Выше уже подчеркивалось, что рыночная трансформация, начавшаяся в 1990-е годы, должна была изначально исходить из необходимости ее совмещения с модернизацией. Между тем с самого начала преобразований возобладал «рыночный детерминизм», когда сам переход к рынку приобрел самоценное значение. В итоге в России получилась трансформация без модернизации, что стало причиной многих накопившихся в российской экономике проблем. Россия остро нуждается в модернизации — пусть и запоздалой. Ее место в историческом поле современной России определяется тем, что она, во-первых, вынуждена и может выполнить задачи, не решенные на предыдущих этапах или возникшие новые (конкретно — санкции Запада, потребовавшие широкого

импортозамещения); во-вторых, способна дать решающий импульс и материальную основу для завершения формирования национальной модели экономики; в-третьих, позволит вывести экономику на качественно новый уровень. В противном случае мы будем иметь масштабный «трансформационный застой», «стационарную переходную экономику».

Модернизация – термин давний и многоаспектный. Опасно «заболтать» модернизацию, свести ее к периферийным аспектам. Важнейший признак экономической модернизации состоит в неразрывности изменений в экономике с глубокими сдвигами в сфере производительных сил. Он предполагает определенное производственно-экономическое наполнение модернизации. Важнейшими составными частями последней можно считать: технологическую модернизацию (обновление средств производства, формирование нового технологического уклада), структурную модернизацию (перестройка структуры экономики с акцентом на передовых отраслях и сферах), воспроизводственную модернизацию (переход к инновационной экономике, к новому качеству «человеческого капитала», формирование нового типа воспроизводства). Все это должно сопровождаться адекватным изменением характера экономических отношений и институтов.

Жесткий вывод состоит в том, что модернизация российской экономики носит вынужденный характер. В условиях трансформации произошло резкое ослабление экономического потенциала страны, усилилось технологическое отставание от развитых стран. Все это несет серьезную угрозу национальной безопасности России, ставит под сомнение ее возможность обеспечить суверенное развитие, сохра-

нить мировой статус и территориальную целостность. Это подрывает и социальную устойчивость, снижает возможности «сбережения народа» и воспроизводства «человеческого капитала». В этих условиях модернизация в России становится вопросом выживания.

Неизбежным следствием этого становятся ограниченные по времени, исторически сжатые рамки проведения российской модернизации. Другим следствием является нацеленность на высокую верхнюю границу модернизации. Локальный и умеренный характер модернизации не способен в сложившихся условиях сформировать материально-техническую базу суверенного развития России, обеспечить ее технологическую и экономическую безопасность, долгосрочную национальную конкурентоспособность. Занять скромную нишу, встроиться в сложившуюся структуру мировой экономики, не проявлять амбиций – это не тот путь, который соответствует роли, статусу и национальным интересам России. Конечно, нельзя при этом впадать в идеализм, терять под ногами почву, не ощущать реального положения дел в стране и мире. Следует видеть также те возможности, которые предоставляет глобализация для импорта новых технологий, приобретения передового опыта, для международной кооперации и т.п. Курс на технологический изоляционизм, опоры исключительно на внутренние силы – крайне затратен, неэффективен и в настоящее время трудноосуществим. И, тем не менее, следует принимать во внимание особое положение России, специфику ее задач, так же как и имеющийся у нее потенциал.

Внешнее давление, оказываемое в последнее время на Россию в связи с известными геополитическими событиями, показало, насколько опасна для нашей стра-

ны зависимость от импорта технологий. По данным Минпромторга РФ (2014 г.), доля импорта в ряде стратегических отраслей России превышает 80%, при этом в станкостроении – более 90%, в тяжелом машиностроении – до 80%, в легкой промышленности – до 90%, в радиоэлектронике – до 90%, в фармацевтической и медицинской промышленности – до 80% [3]. Эффективное импортозамещение в этих и других сферах должно стать важной частью российской модернизации, перейти в разряд стратегических задач.

Крайне важно теоретически и практически зафиксировать стержень модернизации. Здесь обнаружилось несколько подходов, наиболее выпуклыми из которых являются два.

Один из них можно обозначить как либерально-институциональный подход (А. Кудрин, В. Мау, Е. Ясин и др.) (см., напр., [7]), придающий главное значение рыночно-конкурентной среде и обслуживающим ее институтам, уклоняясь при этом от признания активной, созидательной роли государства и стратегического планирования. Данный подход при этом часто оперирует внешне броскими понятиями «инновационная экономика» и «постиндустриализм», которые выступают, видимо, как заменители важной роли индустрии и промышленной политики. В заметной степени этот подход проявился и в разработанной в основном либеральными экономистами Стратегии инновационного развития РФ (Стратегии-2020).

Другой подход получил название «новой индустриализации» (С. Глазьев, С. Губанов, В. Рязанов и др.) (см., напр., [1]). Еще несколько лет назад указанный термин (лозунг) фигурировал на высоком государственном уровне, но, похоже, был «подмят» Стратегией-2020 и стал вымываться из официального лексикона.

Можно считать, что ориентация на «новую индустриализацию» придавала новое дыхание идее модернизации, сделав ее более определенной, конкретной, содержательно наполненной, тем более что изначально, исторически модернизация привязывалась именно к индустриальному развитию. Выделим ее некоторые содержательные характеристики, более детально изложенные в одной из статей автора [5].

Неоиндустриализм (относительно классического индустриального базиса) характеризуется переходом к автоматизации, информатизации, экологизации индустриальных производств, к формированию нового типа воспроизводства – наукоемкого, высокотехнологичного и эколого-эффективного, выражающего собой развитую ступень интенсивного типа воспроизводства. Таким образом, он не сводится только к важной роли индустрии в структуре отраслей современной экономики (и не надо козырять здесь фактом преобладающей доли сферы услуг в создании ВВП развитых стран), но отражает и новый уровень технологической основы экономики, и новое качество «человеческого капитала», и новый тип воспроизводства. Это явление носит комплексный (а не узкоотраслевой) характер, формируя широкую картину передовых изменений.

В последние полвека в определенном исследовательском сегменте происходило то, что можно было бы назвать «постиндустриальным империализмом»: все научно-технические достижения, относящиеся к двум последним техническим укладам, плюс вся сфера формирования и использования «человеческого капитала», «экономика знаний», «инновационная экономика» и другие подобного рода проявления «новой экономики» объявлялись постиндустриальными, тем самым насаждалась попутно мысль об исторической ущерб-

ности и пространственной ограниченности индустриальной экономики. Однако при внимательном рассмотрении оказывается, что в основе многих новых достижений лежали преимущественно изменения в самом индустриальном базисе или сопряженные с ними, а за «постиндустриализм» выдавалось то, что можно было бы считать новым этапом индустриального общества. Это, скорее, «постстарый индустриализм».

Мировые реалии показывают, что индустриализм, несмотря на его затянувшиеся «похороны», обладает огромным потенциалом, способностью к внутренним изменениям и выходу на новые этапы и не раз демонстрировал это и в XX веке, и начале XXI века. Несмотря на количественное преобладание сферы услуг в отраслевой структуре ВВП развитых стран, их экономики продолжают оставаться по корневым, технологическим основам преимущественно индустриальными. Не стоит забывать и того, что современные государства с развитыми экономиками в международных классификациях по-прежнему именуются «индустриально развитыми странами».

Инновации, часто именуемые «постиндустриальными», как правило, предполагают индустриальное сопровождение или прямо опираются на индустриальный базис, а, кроме того, важное значение в современной экономике продолжают играть и собственно индустриальные инновации. «Новую экономику» нельзя отрывать от индустриальной базы (к тому же постоянно обновляемой) как широкого основания развития. Именно новая индустриализация создает более высокую устойчивость материально-технической базы страны, а также возможность удержания и накопления потенциала «новой экономики».

Интересно и то, что доля индустрии в ряде развитых стран в последние годы начинает расти из-за возвращения на их на-

циональную территорию производств, вынесенных ранее в слаборазвитые страны по мотивам экономии труда (на Западе именно этот процесс стал обозначаться термином «новая индустриализация»). Причем это возвращение в значительной степени связано с еще большей экономией труда, порожденной интенсивной автоматизацией современного промышленного производства и применением робототехники в развитых странах.

Стоит обратить внимание и на то, что на Западе сейчас в ходу термин «третья индустриальная революция» (см., напр., [11]), в центре которой находится переход к использованию возобновляемых источников энергии в единстве с ресурсосберегающими наукоемкими технологиями и продуктами. При этом важно то, что экологический аспект, содержащийся в данной концепции, не выглядит периферийным, локальным. Он существенно воздействует на состояние экономики. Во-первых, экологизация пронизывает все отрасли индустрии, создавая попутно новые производства и отрасли. Во-вторых, она тесно связана с инновациями, с появлением новых технологий. В-третьих, она ведет к повышению экономической эффективности (считается, что «аварийные» расходы в случае отказа от охраны окружающей среды могут выразиться в снижении мирового ВВП на 5–20%). В-четвертых, она повышает качество человеческого капитала, поскольку востребованным становится более высокий уровень квалификаций. В-пятых, она повышает роль долгосрочного коллективного интереса по отношению к краткосрочным частным интересам. В-шестых, она обуславливает также необходимость сильной «экологической индустриальной политики», направленной на стимулирование энергосбережения, поддержку разработки наукоемких, экологически

эффективных технологий, подготовку новых кадров, формирование долгосрочных стратегий развития и т.п. В целом идея третьей промышленной революции служит дополнительным аргументом в пользу концепции новой индустриализации.

Новая индустриализация во всем объеме ее обозначенных выше характеристик должна стать стержнем российской модернизации, способным вывести отечественную экономику на новый уровень. «Постиндустриализм», как было показано выше, не обладает таким качеством и выглядит довольно рыхлым и несамодостаточным, несмотря на романтическую возвышенность самого посыла. Что касается «инновационной экономики», то, при всей привлекательности и перспективности этого феномена, она часто выступает (подается) без необходимого «якоря», каким и могут быть неоиндустриальные технологии: ведь новая индустриализация (если слегка переиначить термин) есть не что иное, как инновационная индустриализация.

Важный вопрос касается соотношения рынка и государства в осуществлении модернизации. Российская модернизация нуждается в установлении такого способа экономической координации, для которого характерна более активная роль государства, задействование инструментов модернизации «сверху». Основаниями этого служат, во-первых, крайне низкая инновационная деятельность частных компаний (включая и крупные); во-вторых, временные ограничения российской модерниза-

ции; в-третьих, объективно сложившаяся в России совокупность указанных выше национально-специфических условий, объективно ограничивающих степень либеральности экономической среды. Внешне привлекательные либерально-институциональные предложения по модернизации не учитывают должным образом всех этих факторов.

Модернизация российской экономики должна быть сопряжена с национальными особенностями России, включая и систему присущих ее социуму ценностей. Опора на национально-духовные ценности не является тормозом модернизации: во-первых, последняя, напротив, получает естественную среду и не требует болезненной цивилизационной «ломки», а во-вторых, традиционные российские ценности, содержа в себе весомый творческий заряд, обладают инновационным потенциалом и в этом смысле крайне перспективны, позволяют органично соединить «почву» и «проект», национальное основание и модернизацию.

Подведем итоги анализа. В России произошел разрыв процессов трансформации, модернизации и формирования национальной экономической модели, что предопределило накопление многих сложных проблем отечественной экономики. Только успешное осуществление модернизации в форме новой индустриализации и создание адекватной российской модели экономики позволит завершить переходный период в России и вывести ее экономику на качественно новый уровень развития.

Литература

1. Губанов, С. Системный выбор России и уровень жизни / С. Губанов // Экономист. – 2011. – № 11. – С. 3-55.
2. Губанов, С.С. Системный кризис и выбор пути развития России / С.С. Губанов // Экономические и социальные перемены: факторы, тенденции, прогноз. – 2015. – № 2. – С. 23-41.
3. Доля импорта в стратегических отраслях превысила 80 процентов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lenta.ru/news/2014/07/10/import>

4. Капелюшников, Р. «Где начало того конца?..» (к вопросу об окончании переходного периода в России) / Р. Капелюшников // Вопросы экономики. – 2001. – № 1. – С. 138-156.
5. Кульков, В. О позиционировании новой индустриализации / В. Кульков // Экономист. – 2014. – № 10. – С. 43-53.
6. Кульков, В.М. Параметры исследования и формирования национальной экономической системы в России / В.М. Кульков // Экономическое возрождение России. – 2014. – № 3. – С. 24-31.
7. Мау, В. Между модернизацией и застоем / В. Мау // Вопросы экономики. – 2013. – № 2. – С. 4-23.
8. Трансформационная экономика России / под ред. А.В. Бузгалина. – М.: Финансы и статистика, 2006. – 616 с.
9. Улюкаев объявил о достижении российской экономикой дна [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lenta.ru/news/2015/07/27/lowest/>
10. Greece First Developed Market Cut to Emerging as UAE Raised [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bloomberg.com/news/2013-06-11/>
11. Jenike, M. Dritte industrielle Revolution / M. Jenike, K. Jakob // Internationale Politik. – 2008. – № 5. – S. 35-41.

Сведения об авторе

Виктор Михайлович Кульков – доктор экономических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (119991, Россия, г. Москва, ГСП-1, Ленгоры, д. 1, стр. 46, viqma@migmail.ru)

Kul'kov V.M.

Is Transition in the Russian Economy Complete?

Viktor Mikhailovich Kul'kov – Doctor of Economics, Professor, Lomonosov Moscow State University (1, Building 46, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation, viqma@migmail.ru)

Abstract. A quarter of a century passed since the beginning of market transformation (transition) in Russia; nevertheless, there are serious doubts about whether the transition is complete. The effective transition to a new type of economy should ideally be a period of transformation, modernization and the formation of a national economic model. Only in this case can it be qualified as full, adequate, and constructive. Such combination has not taken place in Russia; it seems as if the market transformations were taking place independently, and this is the root of Russia's many contemporary problems. The current crisis in the Russian economy primarily reflects the pendency of these tasks that were necessary to be solved from the very beginning of transformation. This crisis is first of all a focused expression and continuation of the transformation and reproduction crises in the national economy, the crisis of the current defective economic models and the then pursued economic policy. External factors only facilitated the exacerbation of Russia's internal problems. In order to respond effectively to such a large-scale crisis it is necessary to consider all its aspects and underlying causes originating in the challenges of the transition period. Only the implementation of economic modernization and the formation of an effective national economic model is able to bring the Russian economy to a new level of development and thus to bring the transformation, which is lagging behind due to historical reasons, in line with these processes. In this case there will be good reason to conclude that the final border of the transition period is overcome. A new model of Russia's economy must be adequate to the entire set of national-specific factors and strategic and vital development goals that Russia has. The core of modernization must be new industrialization, which is characterized by

the transition to automation, computerization, greening of industrial production, the transition to a new type of reproduction – science-intensive, high-tech and environmentally-effective and accompanied by a corresponding change in the nature of economic relations and institutions.

Key words: transformation, modernization, new industrialization, Russian model of economy.

References

1. Gubanov S. Sistemnyi vybor Rossii i uroven' zhizni [The System Choice of Russia and the Standard of Living]. *Ekonomist* [Economist], 2011, no. 11, pp. 3-55.
2. Gubanov S.S. Sistemnyi krizis i vybor puti razvitiya Rossii [Systemic Crisis and the Choice of the Way of Development for Russia]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: faktory, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2015, no. 2, pp. 23-41.
3. *Dolya importa v strategicheskikh otraslyakh prevysila 80 protsentov* [The Share of Import in Strategic Industries Exceeded 80 Percent]. Available at: <http://www.lenta.ru/news/2014/07/10/import>
4. Kapelyushnikov R. "Gde nachalo togo kontsa?.." (k voprosu ob okonchani perekhodnogo perioda v Rossii) ["Where Is the Beginning of That End?.." (On the Question of the Transitional Period in Russia Being over)]. *Voprosy ekonomiki* [Issues of Economy], 2001, no. 1, pp. 138-156.
5. Kul'kov V. O pozitsionirovani novoi industrializatsii [On the Positioning of the New Industrialization]. *Ekonomist* [Economist], 2014, no. 10, pp. 43-53.
6. Kul'kov V.M. Parametry issledovaniya i formirovaniya natsional'noi ekonomicheskoi sistemy v Rossii [Parameters of the Study and the Formation of the National Economic System in Russia]. *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii* [Economical Revival of Russia], 2014, no. 3, pp. 24-31.
7. Mau V. Mezhd modernizatsiei i zastoem [Between Modernization and Stagnation: Economic Policy in 2012]. *Voprosy ekonomiki* [Issues of Economy], 2013, no. 2, pp. 4-23.
8. *Transformatsionnaya ekonomika Rossii* [Transformation Economy of Russia]. Ed. by A.V. Buzgalin. Moscow: Finansy i statistika, 2006. 616 p.
9. *Ulyukaev ob'yavil o dostizhenii rossiiskoi ekonomiki dna* [Ulyukaev Announced Russia's Economy Has Reached Its Bottom]. Available at: <http://www.lenta.ru/news/2015/07/27/lowest/>
10. *Greece First Developed Market Cut to Emerging as UAE Raised*. Available at: <http://www.bloomberg.com/news/2013-06-11/>
11. Jenike M., Jakob K. Dritte Industrielle Revolution. *Internationale Politik*, 2008, no. 5, pp. 35-41.

Современные тенденции и проблемы развития арктических морских грузопотоков*

**Владимир Степанович
СЕЛИН**

доктор экономических наук, профессор
Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина КНЦ РАН
184209, Россия, г. Апатиты, ул. Ферсмана, д. 24а, silin@iep.kolasc.net.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу тенденций и оценке перспектив функционирования Северного морского пути. Показано, что в связи со сменой модели хозяйствования его грузопотоки сократились в четыре раза, а в восточном секторе (за проливом Вилькицкого) в 40 раз. В последние годы отмечалось некоторое оживление перевозок, в том числе транзитных, которые достигли в 2012 году своего максимума – 1,27 млн. тонн. Однако за следующие два года они опять сократились, особенно сильно в 2014 году, и составили всего 240 тыс. тонн. Основная проблема состоит в том, что на эту достаточно сложную систему влияет множество факторов, часто противоречивых и плохо предсказуемых. Так, рост потребности в энергетических ресурсах обуславливает в целом необходимость освоения арктического шельфа. Однако возможное похолодание и ухудшение ледовой обстановки могут внести коррективы в возможности транспортировки этих ресурсов. Далее, украинский кризис и последовавшая «война санкций» обусловит значительное снижение, особенно в среднесрочной перспективе, привлекательности европейского нефтегазового рынка, что вызовет перенос стратегических интересов российских компаний в Азиатско-Тихоокеанский регион. Для этого необходимо модернизирование арктической транспортно-логистической системы с новыми техническими возможностями. Так, даже строящаяся сейчас серия атомных ледоколов ЛА-60Я не сможет обеспечить проводку в восточном секторе Северного морского пути линейных танкеров и газозово дедвейтом более 100 тыс. тонн. Требуется создание ещё более мощных судов классического типа или проектирование принципиально новых моделей. Все эти движущие силы и сдерживающие моменты не всегда предсказуемы в рамках стандартных эконо-

* Статья подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований РАН № 16 «Пространственное развитие России в XXI веке: природа, общество и их взаимодействие» и гранта Российского фонда фундаментальных исследований № 14-06-98800 «Факторный анализ и прогноз грузопотоков на трассе Северного морского пути».

мико-статистических подходов. В этой связи наряду с методами факторного и экономического анализа в исследовании применялись экспертные подходы. Основным результатом является пакет предложений по поддержке арктических морских грузопотоков.

Ключевые слова: Арктика, морские грузопотоки, экономика, ресурсы, шельф, факторы, ледоколы, климат, программа.

Таким образом, основная цель исследования состоит в анализе тенденций и оценке перспектив развития морских коммуникаций российского сектора Арктики. Научная новизна и значимость определяется предпринятым факторным анализом и построением на этой основе модельных сценариев. Проблемам функционирования арктических коммуникаций и их базового элемента – Северного морского пути – посвящены работы Г. Евдокимова, С. Козьменко, В. Михайличенко, А. Пилясова и некоторых других отечественных авторов, однако попытки комплексных оценок последние 5 лет не предпринимались. Серьезные зарубежные исследования по этому направлению вряд ли возможно выделить.

В конце прошлого века в экономике страны наметились радикальные изменения, связанные с ее переходом от целевого критерия управления к критерию экономической эффективности. Этот переход драматически отразился на арктических морских перевозках: достигнув своего максимума в 1987 г. (около 6,5 млн. т), они уже в 1999 г. снизились до 1,6 млн. т (в четыре раза), при этом в восточном секторе они уменьшились в 40 раз (до 30 тыс. т). В последние годы наблюдается постепенный рост грузопотоков, в том числе транзитных, однако в целом он явно не отвечает геоэкономическим задачам и возможностям российской Арктики.

В Баренцевом море за счет освоения Варандейского месторождения в 2010 г. было отгружено 7,5 млн. т сырой нефти. Резкое снижение (до 3,9 млн. т) произошло в 2011 г. за счет уменьшения добычи

на Южно-Хилчюусском месторождении. Однако этот сектор не вошел в акваторию Северного морского пути, хотя остается базовым элементом всех перевозок. До 2010 года грузопотоки СМП не превышали 2 млн. т, причем свыше 80% из них приходилось на Карское море за счет обеспечения деятельности ОАО «Норильский никель» и вывоза нефти и газоконденсата из Обской губы.

Грузоперевозки по Северному морскому пути в 2011 г. составили 3111 тыс. т (по данным администрации СМП), в том числе [8]:

- вывоз (806 тыс. т) – 26% всех перевозок;
- завоз (1471 тыс. т) – 47,2% с учетом междупортовых перевозок по Севморпути;
- транзит (834 тыс. т) – 26,8% перевозок.

Грузопотоки в 2011 году в районах, смежных с СМП, более полугодом покрытых льдом (согласно статье 234 Конвенции ООН по морскому праву относимых к акваториям с особыми условиями регулирования), составили в Печорском море (юго-восток Баренцева моря) – 3900 тыс. т и северной части Берингова моря – 415,3 тыс. т. Всего в Арктике с учетом перевозок в границах СМП (3111 тыс. т) и смежных с ним районов (4315 тыс. т) общие перевозки составили почти 7,5 млн. тонн.

Необходимо отметить, что транзит по Северному морскому пути не является перевозками между зарубежными портами (в 2011 г. таких вообще не было, в 2012 г. – один рейс). Основные грузопотоки проходили между портом Мурманск и портами Юго-Восточной Азии, в том числе 14 рей-

сов было совершено судами дедвейтом свыше 20 тыс. т, из них 10 — дедвейтом свыше 70 тыс. т со следующей географией:

- Мурманск — порты Китая: 492,7 тыс. т;
- Мурманск — порты Южной Кореи: 231,0 тыс. т;
- Мурманск — Бангкок (Таиланд): 90,3 тыс. т.

В 2012 году перевозки выросли практически до 4 млн. т, в том числе транзит — с 0,8 до 1,2 млн. т. Его структура будет показана в следующем разделе.

В 2012 году тенденции роста грузопотоков продолжились. Если в 2011 году было совершено 34 транзитных рейса и перевезено 834 тыс. т грузов, то в следующем году эти показатели составили более 1,27 млн. т и 46 рейсов соответственно. Основные грузы отправлялись по-прежнему из порта Мурманск на азиатско-тихоокеанский рынок со следующими характеристиками [8]:

1. Китай:

- импорт газоконденсата — 181 тыс. т;
- импорт железной руды — 262 тыс. т;
- экспорт генеральных грузов — 30 тыс. т.

2. Южная Корея:

- импорт газоконденсата — 303 тыс. т;
- экспорт авиационного бензина — 198 тыс. т.

3. Сингапур: импорт мазута — 45 тыс. т.

В 2012 году в связи с изменением ситуации на европейском и особенно североамериканском рынках был осуществлен первый (в полном смысле этого слова) транзитный рейс из порта Хаммерфест (Норвегия) в порт Ханчжоу (Китай). Его совершил единственный в мире газовоз ледового класса Ribera Del Duero Knutsen грузоподъемностью 173,4 тыс. куб. м.

Однако в 2012 году был достигнут максимальный уровень так называемого транзита по Северному морскому пути. Если в 2012 году, как уже упоминалось, было совершено 46 рейсов (1270 тыс. т), то в 2013 г.

— только 33 рейса (1160 тыс. т) и в 2014 г. — 24 рейса (240 тыс. т) [12].

При этом необходимо отметить, что в целом перевозки в акватории Северного морского пути были значительно выше — в 2012 г. около 4 млн. тонн, в том числе вывоз нефти из Обской губы — 1,5 млн. т, обеспечение функционирования Норильского промышленного района (с учетом обеспечения файнштейном Кольской ГМК) — около 0,6 млн. т, а также вывоз леса, каботажное плавание и т.п. Только ледокол «Красин» (Дальневосточное морское пароходство) обеспечил проводку в восточном секторе СМП 37 судов, которые завезли 125 тыс. т и вывезли около 105 тыс. т грузов, в том числе и мусора, собранного в ходе выполнения программы по очистке Арктического региона.

Лес достаточно широко экспортируется в десятки стран, география постоянно расширяется. Основными странами-импортерами являются Бельгия, Германия, Великобритания, Венгрия, Нидерланды, Франция и другие страны ЕС. Поставки осуществляются также в Турцию, Иран и некоторые страны АТР. И хотя общий объем их не превышает 500 тыс. т и не соизмерим, конечно, с углеводородами, однако перевозки по СМП тоже составляют сотни тысяч тонн.

Отдельно рассматриваются перевозки в Баренцевом море, относящемся к арктической акватории, но не входящем в зону СМП. Так, компанией «Лукойл» построен стационарный морской ледостойкий отгрузочный причал (СМЛОП) пропускной способностью до 12 млн. т нефти в год. Морской терминал, предназначенный для отгрузки нефти, добываемой в Тимано-Печорской провинции, расположен в поселке Варандей Ненецкого автономного округа. Из Варандея нефть небольшими танкерами-челноками перевозится в порт Мурманск на рейдовый накопитель «Бе-

локаменка» для дальнейшего экспорта. СМЛОП был введен в эксплуатацию в 2008 г. Терминал функционирует круглогодично, для работы в зимний период привлекаются ледокольные суда [2].

Созданная в Заполярье система морской транспортировки нефти не имеет мировых аналогов, помимо Варандейского нефтяного терминала она включает в себя межпромысловый нефтепровод протяженностью 158 км, береговой резервуарный парк емкостью 325 тыс. куб. м, насосную станцию, объекты энергообеспечения, танкерный и вспомогательный флот, состоящий из трех челночных танкеров дедвейтом 70 тыс. т, ледокола, буксира и рейдового перевалочного комплекса вместимостью 250 тыс. т, а также вахтовый поселок.

Отгрузка нефти с терминала, начавшаяся в 2008 г., в 2009 г. достигла максимума – 7,7 млн. т. После этого объемы добычи стали снижаться и в 2012 г. составили 3,9 млн. т, а в 2013 г. – 2,9 млн. тонн. Предполагалось, что с 2014 года она должна была опять увеличиться, однако предварительные данные говорят, что сохранился уровень около 3 млн. т. Отгрузка осуществляется челночными танкерами на рейдовые накопители в Кольском заливе с последующей отправкой европейским потребителям [2].

В 2005 году начал реализовываться проект по освоению Приразломного месторождения в Печорском море, для этого проекта на «Севмаше» (г. Северодвинск) реконструирована первая в стране морская ледостойкая добычная платформа (МЛДП). Ее установка на месторождении неоднократно откладывалась и была завершена только в 2014 г. Максимальная добыча по проекту может достичь 9–10 млн. т в ближайшие три года. Транспортная система обеспечена МЛДП. Данные о перевозке нефти приведены в предыдущем разделе.

Основной российской компанией по морским перевозкам в Арктике выступает «Современный коммерческий флот». На сегодняшний день треть флота группы компаний «Совкомфлот» имеет ледовый класс – это самый крупный, молодой и технически совершенный танкерный флот в мире. Неудивительно, что у компании уже сложилось долгосрочное сотрудничество с ведущими компаниями нефтегазовой отрасли, такими как Газпром и его дочерние общества, Exxon Mobil, Vitol, Glencore... [1]

В настоящее время «Совкомфлот» является и ведущей компанией, осуществляющей транзитную навигацию по Северному морскому пути – перспективной морской трассе, значительно сокращающей путь из Европы в страны Азиатско-Тихоокеанского региона. Так, в период с 2010 по 2013 год суда компании совершили семь рейсов между портами Европейского континента и Юго-Восточной Азии, при этом было перевезено 360 тыс. тонн углеводородов и 67 тыс. тонн железорудного концентрата.

В августе 2010 года крупнотоннажный танкер типоразмера Aframax и ледового класса Arc5 (ICE-1A Super) – «СКФ Балтика» – прошел по маршруту Мурманск (Россия) – Нингбо (Китай). Танкер дедвейтом 117 тыс. тонн стал на тот момент крупнейшим судном, когда-либо работавшим в Арктическом регионе и доказавшим возможность «крупнотоннажного судоходства по Северному морскому пути. Длительность его рейса составила 22 дня, из них 8,4 суток по Северному морскому пути. Экономия времени на этом пути по сравнению с путем через Суэцкий канал составила 18 суток.

В 2011 году еще более крупный танкер типоразмера Suezmax и ледового класса Arc4 (Ice-1A) – «Владимир Тихонов» – дедвейтом 163 тыс. т прошел по высоко-

широтному маршруту – севернее Новосибирских островов, преодолев более 2 тыс. миль по Северному морскому пути всего за 7 суток. Длительность рейса по маршруту Мурманск (Россия) – Маптапхут (Таиланд) составила 28 суток. Экономия времени – 8 суток. В результате был освоен новый глубоководный маршрут, применимый для навигации судов с большой осадкой, которые перевозят более крупные партии грузов. Тем самым была подтверждена целесообразность транзитного коммерческого судоходства по Северному морскому пути [1].

В ноябре 2013 года танкер ледового класса Ice-2 (1С) «Виктор Бакаев» прошел по Северному морскому пути в западном направлении в период интенсивного ледообразования. Была доказана возможность навигации крупного танкера более низкого ледового класса путем совершенствования тактики ледового плавания: улучшения взаимодействия с ледоколами сопровождения и правильного выбора маршрута.

В 2013–2014 годах четыре газовых танкера нового класса Arc6 построил российский «Совкомфлот» для обеспечения проекта «Сахалин-СПГ», а в будущем (с 2016 года) – и «Ямал-СПГ». В то же время сама компания «НОВАТЭК» планирует разместить на японских и южнокорейских верфях заказ на строительство 10 газозовов арктического плавания для транспортировки сжиженного газа с Ямала.

В соответствии со Стратегией развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года одной из важных задач является совершенствование транспортной инфраструктуры в регионах освоения арктического континентального шельфа в целях диверсификации основных маршрутов поставки российских углеводородов на мировые рынки. Можно отметить,

что грузооборот по трассам Северного морского пути принят за одну из основных характеристик социально-экономического развития российской Арктики.

Факторный анализ грузопотоков Северного морского пути показывает, что действие различных сил достаточно противоречиво. Особенно в части прогнозов этих факторов как на ближайшую, так и на отдаленную перспективу. Так, изменения климата могут, по мнению специалистов, в случае продолжения потепления уже к 2020 г. обеспечить «безледокольное» плавание в Карском море судов класса Arc7 (с ледопроеходимостью до 1,5 м). Существуют и противоположные прогнозы – что в ближайшие 5 лет начнется похолодание и восстановится режим, характерный для конца прошлого века, когда в том же Карском море ледокольная проводка требовалась с декабря по май. Соответственно в восточном секторе СМП в таких прогнозах толщина ледового покрова будет колебаться от 2 до 3 м, следовательно, будут меняться и требования к мощности ледоколов [9].

Специалисты отмечают, что арктические навигации последних лет показали, что в действующих климатических условиях плавание грузовых судов по Северному морскому пути в различные порты Юго-Восточной Азии по сравнению с плаванием через Суэцкий канал сокращает время в пути от 7 до 22 дней, что является важным экономическим преимуществом. Плата за ледокольную проводку судов по СМП (с учетом нового гибкого тарифа) может быть приравнена к плате за проход по каналу. Повышенную страховку при плавании по Севморпути с учетом опасности получения ледовых повреждений можно сравнить с повышенной страховкой при проходе Аденского пролива (встречи с пиратами). Дополнительными расходами при прохождении СМП являются затраты

на ледового лоцмана, но они не очень велики (около 10 тыс. долл. за рейс). Исходя из этого, можно считать, что экономия времени рейса на 10 суток эквивалентна уменьшению расходов судовладельца на 250–900 тыс. долл. за рейс в зависимости от объема и вида грузов [4, 5, 8].

Уже отмечавшийся выше «сбой» в транспортной системе Северного морского пути в 90-е годы прошлого века детерминировался переходом национальной системы хозяйствования от принципа государственной целесообразности к принципу экономической эффективности. Соответственно резко сократилась государственная поддержка всех элементов СМП. А для развития транспортной системы на принципах эффективности необходим масштабный рост грузопотоков. Обеспечить его, на наш взгляд, могут только перевозки арктических углеводородных ресурсов.

В связи с этим необходимо отметить, что, во-первых, и в настоящее время они составляют более половины всех перевозок по СМП, а с учетом Баренцева моря (не входит в акваторию СМП, но является арктическим морем) – не менее 70%. Во-вторых, в перспективе это определяется достаточно быстро растущим спросом на энергоресурсы и масштабным характером этого спроса. В глобальном аспекте это связано с существующим неравенством в уровне жизни и, соответственно, потреблении ресурсов. Так, страны так называемой Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) с населением около 1,2 млрд. чел. (15% населения Земли) потребляют 5,5 млрд. т первичных энергоносителей (более 45% от глобального потребления). Очевидно, что это неравенство будет сокращаться и послужит «локомотивом» на рынках нефти и газа [11].

В связи с ростом населения и тенденцией сближения уровней потребления спрос

на энергоресурсы по-прежнему будет стабильно расти. Однако он будет отставать от роста суммарных доходов из-за быстрого изменения эффективности применения ресурсов, в том числе вследствие повышения цен на первичную энергию. Другой эффект повышенных цен выражается в наращивании предложения нетрадиционных энергоресурсов. Чем больше экономика сталкивается с ценовым давлением и чем шире возможности альтернатив, тем более заметную роль играют технологические изменения. В этом отношении энергетические рынки ничем не отличаются от других. Единственно важное отличие в том, что энергетика – достаточно инерционный сектор, в котором структурные изменения происходят медленно. Они не сразу заметны, в том числе из-за того, что в мировой энергетике существуют сегменты, в которых действие рыночных сегментов и конкуренции сильно ограничено.

Ситуацию на мировых рынках производителей углеводородных ресурсов можно рассмотреть на примере нефти и сжиженного природного газа. Традиционно природный газ считался энергетическим сырьем местного потребления и вплоть до 1990 г. передавался исключительно по трубам. Прорыв наступил в начале 90-х годов прошлого века, когда были освоены технологии массового производства и доставки потребителям сжиженного природного газа (СПГ). Производство сжиженного газа, еще в 1995 г. составлявшее менее 10 млн. т, к 2000 г. вплотную приблизилось к 100 млн. т, а в 2011 г., по предварительным оценкам, может превысить 300 млн. т. То есть в настоящее время это составляет почти 15% мировой добычи природного газа или более 40% всего экспорта [6].

Российская Федерация производит примерно 12% мировой нефти и более 18% природного газа. При этом в мировом экс-

порте доля национального нефтяного сектора в 2002 г. не превышала 7%. В 2010 году он достиг своего пика, превысив 12% мирового экспорта, что значительно превосходило долю России в мировых запасах. По мнению ведущих экспертов, в ближайшем будущем, вероятнее всего, добыча российской нефти начнет снижаться. Даже с учетом вступления в активную фазу освоения месторождений Ненецкого автономного округа и Печорского моря. При этом необходимо отметить, что морские арктические перевозки нефти в обозримой перспективе будут происходить только в западном секторе СМП (Баренцево и Карское моря) и вряд ли превысят 40 млн. тонн. Основной ориентацией их будет оставаться европейский рынок.

Это определяется, как минимум, двумя факторами. Во-первых, более привлекательный по темпам роста и состоянию взаимоотношений Азиатско-Тихоокеанский рынок даже в условиях продолжающегося потепления (оптимистический вариант) в восточном секторе СМП будет непроходим в течение 5–6 месяцев без ледокольной поддержки, а с ней, как будет показано ниже, для крупнотоннажных танкеров существуют большие проблемы. Во-вторых, Северо-Американский рынок как минимум до 2030 г. будет «невосприимчив» к экспорту в связи с полной обеспеченностью собственной сланцевой нефтью. К тому же ближайший сосед и союзник США – Канада располагает запасами нефти, в три раза превосходящими запасы России. Нефти тяжелой, в основном битумной, но технический прогресс быстро улучшает показатели освоения таких месторождений. Наконец, нельзя забывать о традиционном «недоверии» САР к российской продукции, особенно усиливающейся сейчас, в период «украинского кризиса».

Рынок СПГ, который, в отличие от рынка «трубного» газа, обеспеченного долгосрочными контрактами, – в значительной мере определяется текущими биржевыми ценами. Его неустойчивость оказалась особенно заметной во время экономического кризиса в 2009 году, дополненного «сланцевой» лихорадкой в США, когда цены на сжиженный природный газ упали почти в 2 раза. Что касается географии экспортных поставок СПГ, то вплоть до 2000 г. около 90% их приходилось на Азиатско-Тихоокеанский рынок (АТР), в первую очередь на Японию и Южную Корею. Европа стала диверсифицировать свои поставки за счет сжиженного газа начиная с 2002 года, и в настоящее время СПГ достигает здесь 20% общего потребления [11].

При этом в предкризисный период (2007–2008 гг.) активно проектировались новые мощности по приемке и регазификации СПГ практически на всех глобальных рынках. Их мощность к 2015 году должна была возрасти более чем в 2 раза и обеспечить приемку 450 млн. т сжиженного газа. Активно прорабатывались в этот период соответствующие проекты и в России.

Почти половина терминалов должна была войти в строй в Соединенных Штатах Америки. Северо-Американский рынок в этом плане являлся для России наиболее предпочтительным, поскольку на европейский рынок мы активно усиливаем «трубные» коммуникации, а азиатско-тихоокеанский рынок СПГ слабодоступен из-за высоких транспортных издержек и вообще экономических рисков при доставке из месторождений Западной Сибири, а тем более Баренцева моря.

Однако САР преподнес всем экспортерам неприятный сюрприз: в связи с резкой активизацией добычи сланцевого газа строительство новых терминалов для импорта СПГ в 2009–2010 гг. было практически

«заморожено». И это при том, что его теплотворная способность в 2 раза ниже, чем у природного газа, и очень велико наличие вредных примесей, что вообще не позволяет подавать его в трубы высокого давления без дорогостоящей очистки [3].

Тем не менее в США продавался самый дешевый газ. В первом полугодии 2012 г. цена его на терминале Henry Hub составила 85 долл. за тысячу кубометров. Причем в отдельные периоды она опускалась до 70 долл., значительно «превосходя» внутрироссийские тарифы. По данным Росстата, средняя цена приобретения газа российскими предприятиями в этом же периоде составила 3,5 тыс. рублей (115 долл.) за тысячу кубометров [10]. В этой связи прогнозировать потенциальную экспортную емкость САР достаточно проблематично. А до тихоокеанского рынка далеко, да и ледокольное сопровождение в арктической транспортной системе здесь необходимо практически круглый год. Но об этом ниже.

В настоящее время известно, что Газпром отложил на неопределенное время как Штокмановский проект, так и строительство заводов сжиженного природного газа на Ямале (Харасавейское месторождение). Зато возник новый масштабный и инновационный проект «Ямал СПГ», который реализуется ОАО «НОВАТЭК», крупнейшим независимым и вторым по объемам добычи производителем природного газа в России. В рамках данного проекта планируется разрабатывать Южно-Тамбейское газоконденсатное месторождение на полуострове Ямал и построить завод по производству СПГ. Предусматривается создание морского порта в пос. Сабетта на восточном побережье полуострова – в Обской губе.

Отдельной стратегической проблемой для арктических грузопотоков является состояние ледокольного флота. В его со-

ставе (находится в федеральной собственности) шесть атомных и пять дизель-электрических ледоколов. Однако к 2022 году, то есть периоду активной фазы освоения шельфа Арктики, в строю останется только половина из них. Учитывая, что последний атомоход «50 лет Победы» строился почти 20 лет в условиях постоянного дефицита средств, можно понять всю остроту проблемы. При этом необходимо иметь в виду, что стоимость двухосадочного ледокола может достигать 1 млрд. долл. США, а линейного ледокола-лидера – до 1–2 млрд. долл.

В настоящее время Транспортной стратегией Российской Федерации на период до 2030 года предусмотрено строительство трех универсальных атомных ледоколов типа ЛА-60Я, которые будут способны работать как на морской проводке в льдах толщиной до 2,8 м, так и в мелководных районах устья Енисея, Обской губы, других прибрежных районах арктических морей. Они заменят ледоколы типа «Арктика» и «Таймир» в обеспечении ледовой проводки судов. Очевидно, что этого явно недостаточно для круглогодичного экспорта продукции Арктической зоны РФ, если ее объемы будут исчисляться в миллионах и десятках миллионов тонн. Рекламируемые сейчас схемы транзита рассчитаны на летний период (июль–сентябрь) и являются малопригодными для массового производства СПГ, требующего постоянной доступности СМП [7].

Еще одна проблема, связанная с ледовой проводкой, – ширина канала. У действующих ледоколов типа «Арктика» она составляет, даже с учетом подлома, 33–34 метра, в то время как ширина танкеров класса «Rapamax» достигает 40 м (дедвейт до 80 тыс. т), а у «Suezmax» – 50 м (дедвейт до 200 тыс. т). Кстати, к этому же классу относятся современные газовозы, водоизмещение которых достигает 170 тыс. тонн.

Уже упоминавшиеся ледоколы серии ЛК-60Я будут создавать канал шириной 37–38 м, поэтому ставится вопрос о новых ледоколах типа ЛК-110Я, способных преодолевать льды толщиной до 3,5 м и проводить суда класса «Panamax» в любой ледовой обстановке (канал 43–44 м).

Теоретические и экспериментальные исследования различных способов проводки крупнотоннажных судов во льдах позволили предложить новое инновационное техническое средство (патент РФ), предназначенное для прокладки широких каналов (50 м и более) во льдах. По каналам такой ширины практически все крупнотоннажные суда смогут безопасно двигаться практически в любых ледовых условиях, включая ледовые сжатия. Создание традиционного однокорпусного ледокола шириной до 50 м приводит к существенному росту ледового сопротивления и, следовательно, большой потребляемой мощности. Поэтому при создании нового устройства одной из важнейших задач было снижение его ледового сопротивления [7].

Решение этой задачи достигнуто за счет создания нового ледокола в виде многокорпусной конструкции, скрепленной единой платформой. Предлагаемый ледокол имеет три или четыре корпуса относительно небольших размеров, поэтому суммарная площадь корпусов значительно меньше ширины создаваемого ледоколом канала. В предлагаемой конструкции отдельные корпуса многокорпусного ледокола не перекрывают друг друга. Такое расположение корпусов позволяет создать для бортовых корпусов благоприятные условия для разрушения льда. Каждый из бортовых корпусов работает на «скол» в канал, проложенный головным корпусом ледокола. Как было показано при исследованиях методов проводки крупнотоннажных судов, работа корпуса на «скол» в канал может

снижать ледовое сопротивление на величину до 40% по сравнению с движением корпуса в сплошном ледяном поле. Таким образом, за счет специального размещения бортовых корпусов удалось достигнуть дополнительного снижения ледового сопротивления и, следовательно, энергетических затрат на прокладку широкого канала.

Предложенное техническое решение прошло всестороннюю проверку в лабораториях Крыловского государственного научного центра. При проведении исследований особое внимание уделялось определению показателей ледовой ходкости и управляемости нового ледокола, а также обеспечению его ледовой прочности. В настоящее время выполняется аванпроект нового ледокола [7].

Начало освоения шельфа, особенно с учетом вероятных изменений климата, может привести к достаточно оптимистическому сценарию. При этом можно отметить, что перевозки в восточном секторе СМП, как и транзит, вряд ли достигнут в ближайшие 10 лет значительных размеров. Что касается 2025 г. и более отдаленной перспективы, то здесь может быть более положительная динамика, особенно если оправдаются мнения экспертов о существенном потеплении и изменении ледовой обстановки в Арктике.

Как уже отмечалось, согласно оптимистическому варианту, по мере потепления, ледяной покров в Арктике будет становиться все меньше и тоньше. Навигация улучшится не только на морских трассах, но и в прибрежной зоне, на основных реках. Усилятся возможности для развития водного транспорта, торговли и туризма. Северный морской путь может стать одним из основных грузовых маршрутов на земном шаре, а уменьшение ледяного покрова будет благоприятствовать развитию добычи нефти и газа на шельфе. Однако специалисты пред-

упреждают и о новых рисках. Под воздействием совокупности таких факторов, как повышение уровня моря, таяние вечной мерзлоты и усиление воздействия волн в результате увеличения площади открытой воды, увеличится эрозия береговых линий в Арктике. Все это создает особо опасные воздействия на всю инфраструктуру, в первую очередь портовую [9].

С учетом всех этих обстоятельств достаточно противоречивые результаты дал экспертный опрос, который проводился в ходе научно-практической конференции «Экономические исследования на Севере: от прошлого к будущему», проходившей в Институте экономических проблем. Предлагавшаяся участникам конференции анкета была посвящена стратегическим проблемам государственной политики на Севере. Ее заполнили 34 участника, в том числе 9 докторов наук, 18 кандидатов наук и 7 специалистов без ученой степени. Наиболее представительная часть опрошенных была от научных организаций (17 чел.), десять специалистов работают в высших учебных заведениях, 4 – в органах региональной и муниципальной власти и 3 – на производственных предприятиях.

Большая группа вопросов была посвящена перспективам освоения арктического шельфа и развития Северного морского пути, что достаточно важно для составления сценарных прогнозов. В целом возможно-

сти добычи газа с морских месторождений в Арктике оцениваются достаточно позитивно: более 70% опрошенных считают, что к 2025 г. на шельфе будет добываться от 100 до 200 млрд. м³ природного газа. Что касается Штокмановского проекта (табл. 1), то большинство ответило, что «первый» газ будет с него получен в 2020 году или за его пределами (60%).

Освоение уникальных газоконденсатных месторождений Карского моря, вероятнее всего, начнется в 2025 году или за его пределами (68% опрошенных), более ранние периоды отметили 32% участников. В отношении необходимости строительства завода по сжижению природного газа (СПГ) на Кольском полуострове твердую уверенность выразили только 20 экспертов (59%), но и отрицательных всего два ответа. Остальные не определились. Отдельные расхождения среди ответивших положительно наблюдаются по срокам ввода и возможной мощности, что показано в таблице 2.

При этом 43% ответов получено в пользу отгрузки СПГ на северо-американский рынок (САР), столько же – на европейский (ЕР). В пользу азиатско-тихоокеанского рынка прозвучал один голос, два эксперта не определились. А в отношении строительства завода СПГ на полуострове Ямал (п. Харасавей) сомнений намного больше: только 14 чел. (40%) считают, что

Таблица 1. Возможные сроки начала освоения ШГКМ

	Годы получения газа			
	2016–2017	2018–2019	2020	За пределами 2020 г.
Штокмановский проект	15	26	33	26

Таблица 2. Оценка сроков строительства завода СПГ на Кольском полуострове

2020 год	Мощность, млн. т	10	20	25	Более 25
	Распределение, %	70	15	15	-
2025 год	Мощность, млн. т	20	30	35	Более 35
	Распределение, %	35	45	10	10

это возможно, а более 50% затруднились дать какой-либо ответ. Наиболее вероятной мощностью в 2020 году опрошенные считают 5 млн. тонн, а для 2025–2030 гг. ответы настолько «разбросанны», что мы не считаем целесообразным их приводить. Что касается ориентации, то 55% считают предпочтительным экспорт в Азиатско-Тихоокеанский регион и 40% – Северо-Американский.

Последним был поставлен связанный с предыдущими вопрос о возможности (в соответствии с Основами государственной политики РФ в Арктике) активизации грузоперевозок на трассе Северного морского пути к 2020 г. Вернее, он задавался в отношении наиболее сложного Восточного сектора СМП (от пролива Вилькицкого до Берингова пролива), где в 2011 г. общий объем грузов составил всего 1,0 млн. т.

Как видно из *таблицы 3*, общие грузопотоки в 2020 г. для 60% экспертов не превысят 3 млн. тонн; 30% считают, что они будут колебаться в пределах от 3 до 10 млн. т (что примерно коррелирует с возможным вывозом СПГ на азиатско-тихоокеанский рынок). Объем транзитных перевозок (по Западному и Восточному секторам) оценивается в масштабе до 1 млн. т (85% опрошенных). При этом необходимо отметить, что в качестве транзитных рассматривались все перевозки грузов для зарубежных портов.

Таким образом, достаточно высокая неустойчивость всех факторов не дает возможности выявить определенные статистические корреляционные зависимости

и вынуждает принять некие крайние экспертные сценарии. Так, в пессимистическом варианте мы будем исходить из следующих основных положений:

- уже в ближайшие пять лет начинается похолодание и ухудшение ледовой обстановки до показателей 1980–1990 гг.;
- мировые рынки не испытывают высокой потребности, спрос растет незначительно, цены не способствуют масштабному освоению арктического шельфа;
- вследствие этого проект «Ямал-СПГ» завершается первой очередью (16,5 млн. т); Новопортовское месторождение осваивается по минимальному варианту; Штокмановский проект в период до 2030 г. не реализуется (не дает продукции);
- транзитные перевозки растут незначительно (не более чем в 2–3 раза по отношению к 2014 г.); внутренние перевозки (включая каботаж), в том числе по обеспечению «северного завоза» и т.п., растут также низкими темпами;
- развитие атомного флота ограничивается строительством трех ледоколов типа ЛК-60Я до 2025 г. и далее еще 2–3 таких же ледоколов в период до 2030 г., что позволяет постоянно находиться на трассе СМП 4–5-ти ледоколам.

Соответственно в оптимистическом варианте климатические и ледовые условия оказываются крайне благоприятными, глобальные рынки растут быстрыми темпами и начинается быстрое освоение шельфа. «Ямал-СПГ» уже в 2025 году достигнет проектной мощности 30 млн. т, в 2026 г.

Таблица 3. Экспортная оценка грузопотоков восточного сектора Северного морского пути к 2020 году

Всего морские перевозки	Млн. т	До 1	От 1 до 3	От 3 до 10	От 10 до 20	Более 20
	Распределение ответов, %	21	39	30	10	-
В том числе транзитные	Млн. т	До 1,0	До 2,0	От 2 до 4	От 5 до 8	Более 8
	Распределение ответов, %	61	24	15	-	-

первый СПГ даст завод в Териберке (Штокмановский проект) и в 2030 г. выйдет на уровень 30 млн. т. Вместе с тем развивается ледокольный флот и вся структура СМП.

Очевидно, что между этими крайними вариантами существует достаточно большое число возможностей развития определяющих факторов, а следовательно, и самих прогнозных показателей динамики СМП. Мы не считаем необходимым, учитывая стохастический характер зависимостей, проводить некие «средние» расчеты и получать «реалистический» сценарий – хотя он действительно может быть получен путем «усреднения». Однако конкретные изменения могут преподнести любые сюрпризы, поэтому практичнее будет периодически вносить изменения в полученные варианты.

Значимость проведенного исследования заключается в предпринятой попытке обосновать влияние на развитие арктических морских коммуникаций отдельных макроэкономических процессов, в частности ситуации на глобальных рынках. С методической точки зрения определенную новизну может представлять соединение факторных подходов и экспертных оценок, обеспечивающее органичное соединение аналитической и прогнозной частей. Что касается прикладных результатов, то к ним следует отнести построение сценариев и обоснование мер по развитию Северного морского пути.

В заключение отметим, что обеспечение положительной динамики грузопотоков Северного морского пути и защита национальных интересов в арктических акваториях должна обеспечиваться целым комплексом мер, куда входят:

1. Оценка изменений климата и формирование системы картографических материалов для различных вариантов ледовой обстановки в Арктике в долгосрочной перспективе.

2. Разработка комплексного сценарного прогноза грузопотоков Северного морского пути на период до 2030 года в зависимости от изменения конъюнктуры основных мировых энергетических рынков.

3. Создание режима благоприятствования для международных перевозок, в том числе с использованием механизма портовых особых экономических зон; формирование транзитного морского коридора «Европа – Азия».

4. Принятие федеральной целевой программы «Развитие транспортной системы в акватории Северного морского пути», которая должна включать следующие направления:

- восстановление метеорологического и гидрографического обеспечения (контроля) на всей трассе СМП;

- восстановление инфраструктуры арктических коммуникаций, в первую очередь портов действующих (Хатанга, Диксон, Тикси, Певек и др.) и вновь создаваемых (Индига, Сабетта, Харасовой и др.), в соответствии с перспективным ростом грузопотоков, в том числе транзитных;

- поддержание ледокольного флота (включая новое строительство) на уровне, необходимом для обеспечения перспективных перевозок в условиях меняющейся ледовой обстановки;

- создание привлекательных для перевозчиков условий на трассе Северного морского пути (тарифное регулирование, страхование, система мер безопасности и т.п.).

5. Нормативное правовое обеспечение «экономики» морской коммуникации, включая принятие системного полномасштабного закона «Об обеспечении национальных приоритетов в акватории Северного морского пути».

Литература

1. Арктика покоряется умелым // Порт-ньюс: портовый сервис. Отчет 2014. – С. 22-25.
2. Варандейский терминал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.arctic_info.ru/Projects Page/varandeiskji-project. Дата доступа: 21.02.2015
3. Галямов, Э. О «сланцевом блефе» США и несимметричном ответе России [Электронный ресурс] / Э. Галямов. – Режим доступа: <http://www.ras.ru/shownews.aspx?id> (дата доступа: 12.10.2014).
4. Евдокимов, Г.П. Перевозки по Северному морскому пути в и развитие арктического флота / Г.П. Евдокимов, Н.А. Высоцкая, И.И. Костылев // Стратегия морской деятельности России и экономика природопользования в Арктике: материалы IV Всероссийской морской научно-практической конференции, г. Мурманск, 7–8 июня 2012 г. – Мурманск: МГТУ, 2012. – С. 99-101.
5. Евдокимов, Г. Арктический транспортный флот / Г. Евдокимов // Морская стратегия России и приоритеты развития Арктики. – Раздел 4.5. – Апатиты: КНЦ РАН, 2013. – С. 170-173.
6. Евдокимов, Г.П. Россия на пути освоения месторождений природного газа: создание флота газозовозов / Г. Евдокимов, И.И. Костылев // Транспорт Российской Федерации. – 2012. – № 1. – С. 86-89.
7. Арктика: настоящее и будущее: Материалы IV Международного форума, г. Санкт-Петербург, 10–11 декабря 2014 г. – СПб.: Арктик, 2014. – С. 32-33.
8. Михайличенко, В.В. Северный морской путь – национальная транспортная магистраль России в Арктике / В.В. Михайличенко // Российский Север: модернизация и развитие. – М.: Центр стратегического партнерства, 2012. – С. 350-353.
9. Корзун, В.А. Глобальное потепление – реальность или политизированный миф / В.А. Корзун. – М.: ИМЭМО РАН, 2009. – 191 с.
10. Россия недооценила «сланцевую революцию» // Независимая газета. – 2012. – 20 авг.
11. Рюль, К. ВР: прогноз развития мировой энергетики до 2030 года / К. Рюль // Вопросы экономики. – 2013. – № 5. – С. 109-127.
12. Северный морской путь в 2014 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.arctic_info.ru/tag/severayj_morskoj_put (дата доступа: 10.02.2015).

Сведения об авторе

Владимир Степанович Селин – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель отдела, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского научного центра Российской академии наук (184209, Россия, г. Апатиты, ул. Ферсмана, д. 24а, silin@iep.kolasc.net.ru)

Selin V.S.

Current Trends and Problems of Development of the Arctic Marine Freight Traffic

Vladimir Stepanovich Selin – Doctor of Economics, Professor, Chief Research Associate, Department Head, Federal State-Financed Scientific Institution G.P. Luzin Institute of Economic Problems of Kola Scientific Centre of RAS (24A, Fersman Street, Apatity, 184209, Russian Federation, silin@iep.kolasc.net.ru)

Abstract. The article analyzes the trends and evaluates the prospects of functioning of the Northern Sea Route. It shows that after the change of its management model its freight traffic has dropped 4-fold, and in the Eastern sector (outside the Vilkitsky Strait) – 40-fold. In the recent years there has been a certain revival of transportation, including transit, which reached its maximum of 1.27 million tons in 2012. However, over the next two years they declined again; the drop was particularly significant in 2014 and amounted to a total of 240 thousand tons. The main problem is that this rather complex system is influenced by many factors, often contradictory and poorly predictable. Thus, the growing need for energy resources

determines the overall need for developing the Arctic shelf. However, the possibility of climate cooling and the deterioration of ice situation can influence the possibility of transporting these resources. Besides, the Ukrainian crisis followed by the “war of sanctions” will cause a significant decline, especially in the medium term, the attractiveness of the European oil and gas market, which will cause the shift of strategic interests of Russian companies to the Asia-Pacific region. This necessitates the modernization of the Arctic transport and logistics system and introduction of new technical solutions. For instance, even nuclear-powered icebreakers series LA-60Ya that are currently under construction will not be able to escort linear tankers and gas carriers with a deadweight of more than 100 thousand tons along the eastern sector of the Northern Sea Route. It is necessary to create more powerful vessels of the classical type or to design new models. All these driving forces and constraints are not always predictable within the framework of standard economic and statistical approaches. In this regard, the study reflected in the article used expert approaches along with the methods of factor and economic analysis. The main result is a package of proposals for the support of the Arctic marine freight traffic.

Key words: Arctic, marine freight traffic, economy, resources, shelf, factors, icebreakers, climate, program.

References

1. Arktika pokoryaetsya umelym [The Arctic Surrenders to the Skilled]. *Port-n'yus: portovyi servis. Otchet 2014* [Port-News: Port Service. 2014 Report]. Pp. 22-25.
2. *Varandeiskii terminal* [The Varandey Terminal]. Available at: http://www.arctic_info.ru/Projects Page/varandeiskji-project. Accessed February 21, 2015
3. Galyamov E. O “slantsevom blefe” SShA i nesimmetrichnom otvete Rossii [On the “Shale Bluff” of the U.S. and the Asymmetric Response of Russia]. Available at: <http://www.ras.ru/shownews.aspx?id> (accessed October 12, 2014).
4. Evdokimov G.P., Vysotskaya N.A., Kostylev I.I. Perevozki po Severnomu morskому puti i razvitie arkticheskogo flota [Transportation along the Northern Sea Route and the Development of the Arctic Fleet]. *Strategiya morskoi deyatel'nosti Rossii i ekonomika prirodopol'zovaniya v Arktike: materialy IV Vserossiiskoi morskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, g. Murmansk, 7–8 iyunya 2012 g.* [Strategy of Maritime Activity of Russia and Environmental Economics in the Arctic: Proceedings of the 4th All-Russian Maritime Research-to-Practice Conference, Murmansk, Russia, June 7–8, 2012]. Murmansk: MGTU, 2012. Pp. 99-101.
5. Evdokimov G. Arkticheskii transportnyi flot [Arctic Transport Fleet]. *Morskaya strategiya Rossii i priority razvitiya Arktiki* [Maritime Strategy of Russia and the Development Priorities of the Arctic]. Section 4.5. Apatity: KNTs RAN, 2013. Pp. 170-173.
6. Evdokimov G.P., Kostylev I.I. Rossiya na puti osvoeniya mestorozhdenii prirodnogo gaza: sozдание flota gazovozov [Russia on Its Way Toward the Development of Natural Gas Fields: Creation of Gas Carriers Fleet]. *Transport Rossiiskoi Federatsii* [Transport of the Russian Federation], 2012, no. 1, pp. 86-89.
7. *Arktika: nastoyashchee i budushchee: Materialy IV Mezhdunarodnogo foruma, g. Sankt-Peterburg, 10–11 dekabrya 2014 g.* [The Arctic: the Present and Future: Proceedings of the 4th International Forum, Saint Petersburg, December 10–11, 2014]. Saint Petersburg: Arktik, 2014. Pp. 32-33.
8. Mikhailichenko V.V. Severnyi morskoi put' – natsional'naya transportnaya magistral' Rossii v Arktike [Northern Sea Route – Russia's National Transportation Route in the Arctic]. *Rossiiskii Sever: modernizatsiya i razvitie* [Russian North: Modernization and Development]. Moscow: Tsentri strategicheskogo partnerstva, 2012. Pp. 350-353.
9. Korzun V.A. *Global'noe poteplenie – real'nost' ili politizirovannyi mif* [Global Warming – a Reality or a Politicized Myth]. Moscow: IMEMO RAN, 2009. 191 p.
10. Rossiya nedootsenila “slantsevuyu revolyutsiyu” [Russia Underestimated the “Shale Revolution”]. *Nezavisimaya gazeta* [Independent Newspaper], 2012, August 20.
11. Ruhl Ch. BP: prognoz razvitiya mirovoi energetiki do 2030 goda [BP Global Energy Outlook 2030]. *Voprosy ekonomiki* [Issues of Economics], 2013, no. 5, pp. 109-127.
12. *Severnyi morskoi put' v 2014 godu* [Northern Sea Route in 2014]. Available at: http://www.arctic_info.ru/tag/severayj_morskoy_put (accessed February 10, 2015).

Основные направления повышения эффективности внешнеэкономической деятельности рыбной отрасли Европейского Севера

Анатолий Михайлович

ВАСИЛЬЕВ

доктор экономических наук, профессор

Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина КНЦ РАН

183010, Россия, г. Мурманск, ул. Халтурина, д. 15, оф. 510, vasiliev@pgi.ru

Аннотация. Анализ Перечня поручений Президента Российской Федерации Владимира Путина показывает, что многие приоритетные направления развития рыбной отрасли, в том числе стимулирование производства рыбопродукции с высокой степенью переработки и ее экспорта, не решены. Анализ экспорта трески, пикши и сайды из России (Мурманская область) и Норвегии свидетельствует о более широком ассортименте продукции из Норвегии с высокой добавленной стоимостью. Удельная стоимость одинаковых видов продукции из Норвегии также значительно выше. Следствием этих факторов является низкая стоимость единицы обезличенной российской экспортной продукции по сравнению с норвежской. В среднем за 2009–2013 гг. по треске она ниже на 2,66 долл. США (на 47,9%), по пикше – на 0,23 долл. США (на 10,6%). В статье оценены валютные доходы, которые недополучены по названным выше причинам. Обоснованы ключевые направления повышения экономической эффективности российского экспорта продукции из трески, пикши и сайды:

1. Изменение доступа хозяйствующих субъектов к промысловым ресурсам путем стимулирования получения больших квот биоресурсов за счет коэффициента рентабельности.
2. Создание организации по экспорту рыбных продуктов. Целью организации будет изучение международных рынков, регулирование внешнеэкономической деятельности и исполнение других функций, изложенных выше, в соответствии с российским законодательством.
3. Исключение посредников в цепочке продаж рыбопродукции путем организации электронных торгов.
4. Исключение оплаты рыбопродукцией кредитов, получаемых в иностранных банках.
5. Использование траулеров, не способных выпускать продукцию с добавленной стоимостью, для обеспечения рыбным сырьем рыбоперерабатывающих предприятий России.

Ключевые слова: экспорт рыбопродукции, Россия (Мурманская область), Норвегия, сравнительная эффективность, создание экспортного совета.

Согласно Перечню поручений по вопросам развития рыбохозяйственного комплекса Президента Российской Федерации Владимира Путина [14] в 2013 г. истек срок, к которому Правительство РФ должно было определить приоритетные направления развития рыбной отрасли страны, в том числе касающиеся обеспечения производства рыбной продукции с глубокой степенью переработки, развитие перерабатывающих мощностей, стимулирование производства рыбопродукции с высокой степенью переработки и ее экспорта. Анализ информации о выполнении Перечня показывает, что названные проблемы не получили должной оценки и пути их решения не определены.

Эффективное использование водных биоресурсов в условиях наблюдающегося истощения их запасов — необходимая и наиглавнейшая задача. Однако ни в планировании, ни в прогнозировании развития рыбной отрасли показатели, характеризующие рациональность и эффективность переработки сырья, не используются, что противоречит задаче «...перехода к 2020 г. развития рыбохозяйственного комплекса от экспортно-сырьевого типа к инновационному типу развития...», предусмотренному Концепцией развития рыбного хозяйства РФ до 2020 г. [6] и другими прогностическими документами.

Проблемы повышения экономической эффективности промысла в Баренцевом и Норвежском морях за счет добычи преимущественно крупной трески рассматривались в монографии В.В. Комличенко, Э.Г. Лукманова, В.Т. Шевченко, М.С. Громова, С.Ю. Фомина, В.В. Шевченко [1, 19], в монографии В.В. Шевченко и В.А. Беляева [17]. На Дальнем Востоке вопросы экономической эффективности промысла основного промыслового объекта — минтая — наиболее информативно рассмотрены в

монографиях В.В. Шевченко и А.В. Датского [18]. Вопросам современного состояния рыболовства и перспективам его развития посвящены многочисленные научные статьи в ведущих журналах России и монографии автора предлагаемого материала.

Цель данного научного исследования — выполнить анализ экспорта рыбопродукции из трески, пикши и сайды, произведенной Россией (Мурманская область) и Норвегией за 2009—2013 гг. Перечисленные гидробионты в экспорте являются основными видами, стоимость которых в значительной мере зависит от ассортимента продукции. К тому же они в экспорте Мурманской области составляли 44,6% от общего физического его объема и 59,1% от стоимости. На основе анализа выявить сравнительную эффективность экспорта, причины, обуславливающие этот факт, и обосновать организационные и стимулирующие меры, позволяющие улучшить внешнеэкономическую деятельность и повысить ее эффективность.

Отечественные рыбодобывающие и, в меньшей степени, рыбообработывающие предприятия в значительной мере вовлечены в систему мировых хозяйственных связей. Российская рыбопродукция конкурентоспособна на внешних рынках и пользуется устойчивым спросом. Объем экспорта с 2009 по 2014 г. составлял от 1,372 до 1,883 млн. т, что составляет 41,5 и 51,2% общего объема выпуска продукции [8, 9, 10, 11, 12, 13]. В экспорте преобладает мороженая рыба с низкой степенью переработки или неразделанная — около 90% общего объема, что является основной причиной низкой экономической эффективности внешней торговли [8, 9, 10]. Например, в 2012 г. российский экспорт в Китай превысил по физическому объему канадский в 13,9 раза, а по стоимости — только в 3,78

раза [7]. Стоимость рыбопродукции, выработывавшейся из одной тонны минтая, составляла на американских траулерах-процессорах в 2012 г., по данным журнала «Economic status of the groundfish fisheries of Alaska», 1011–1329 долл. [20], а на подобных российских траулерах – только 858,6 долл. (расчеты по данным [15]). В норвежском экспорте 2012 г. стоимость рыбопродукции, выработывавшейся из одной тонны трески, составляла 5594,4 долл., что на 77,6% выше цены, сложившейся в российском экспорте в 2013 г. (соответственно 4104,4 долл.), и на 47,9% – в экспорте Мурманской области (собственные расчеты по данным Мурманоблстата [16] и Института рыболовства Nofima (Норвегия) [5]).

В целом в экспорте России в 2012 г. преобладали минтай – 47,0%; сельдь – 12,8%; треска и пикша – 8,7%; лососевые – 4,1%. Большая часть рыбы – 861,5 тыс. т (51,5%) – была вывезена в Китай и в страны Западной Европы, где они перерабатывались в филе и другую конечную продукцию.

В связи с неразвитостью логистических схем перевозки рыбной продукции, большими размерами России и рядом других причин страна и ввозит, и вывозит за рубеж одинаковые виды рыб. Так, при добыче в

2012 г. в российской экономической зоне Тихого океана 391 тыс. т лососевых и 355 тыс. т сельди Российская Федерация импортировала 212,5 тыс. т выращенных в марикультуре семги и форели, которые значительно хуже по качеству, и 95,5 тыс. т сельди, 85,7 тыс. т скумбрии, 61,9 тыс. т сардины и 49,8 тыс. т мойвы [2].

Вывоз рыбопродукции за рубеж рыбаками Мурманской области также имеет тенденцию к увеличению (табл. 1). В 2014 г. его объем составит 326,4 тыс. т, что больше уровня 2009 г. на 114,3 тыс. т (на 53,9%). Доля вывезенной рыбопродукции в общем объеме производства рыбопродукции в 2014 г. составила 60,3%, превысив уровень 2009 г. на 19,2%. Стоимость вывезенной рыбопродукции увеличилась на 548,4 млн. долл. США, в том числе за счет роста объема – на 183,4 млн. долл. США и вследствие увеличения цены – на 365,1 млн. долл. США.

На производство рыбопродукции, отправленной в 2014 г. за рубеж, использовано 497,5 тыс. т рыбы-сырца, что составляет 71,4% общего вылова (табл. 2). По сравнению с показателем 2009 г. доля улова, использованная для этих целей, увеличилась на 24,9%.

Таблица 1. Внешнеторговая деятельность рыбного хозяйства Мурманской области [16]

Показатели	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Произведено рыбопродукции, тыс. т	516,6	554,3	496,2	459,4	564,1	541,7
Вывоз рыбопродукции за пределы России, тыс. т	212,1	273,4	247,3	209,0	304,3	326,4
Доля вывезенной рыбопродукции в общем объеме производства, %	41,1	49,3	49,8	45,5	53,9	60,3
Стоимость вывезенной рыбопродукции, тыс. долл. США	340388,9	567968,3	692864,5	547700,2	627657,4	888863,8
Стоимость 1 т вывезенной рыбопродукции, долл. США	1604,8	2077,4	2801,7	2620,6	2062,6	2723,2
Импорт рыбопродукции, тыс. т	31,6	26,5	15,2	21,3	18,9	5,6
Стоимость импортированной рыбопродукции, тыс. долл. США	28528,6	35338,3	30139,7	31706,3	43404,5	20143,0
Стоимость 1 т импортированной рыбопродукции, долл. США	901,4	1333,0	1982,9	1490,1	2297,6	3597,0
Коэффициент выхода рыбопродукции	84,8	84,1	80,1	79,7	81,0	80,7

Таблица 2. Доля уловов Мурманской области, направленная на экспорт*, %

Виды продукции	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Треска	82,4	72,4	80,9	66,1	72,8	109,3**
Пикша	55,4	50,9	54,9	47,6	47,0	96,8
Сайда	4,9	4,0	12,2	48,2	20,7	11,2
Всего окунь	64,5	69,9	68,7	50,4	82,8	54,6
Всего палтус	46,2	60,2	57,3	35,0	48,7	43,5
Скумбрия	46,9	41,4	26,2	26,6	56,7	38,2
Ставрида	100,9	98,9	96,9	96,8	100,0	99,6
Путассу	37,6	30,2	22,2	33,6	52,5	47,9
Сардина	18,9	47,7	48,7	18,8	11,0	84,5
Сельдь	5,8	-	37,8	-	-	-
Прочие	32,9	54,0	46,9	90,7	85,5	65,3
в т.ч. морепродукты	64,7	15,3	36,5	27,9	32,5	66,3
Всего экспорт	46,4	47,3	51,7	48,7	57,8	74,1

* По расчетным данным автора.

** Цифра более 100 %, очевидно, за счет повторного счета в официальных документах об экспорте.

По данным видам рыб, т.к. они в большей мере отправляются за рубеж, доля улова, использованного на эти цели, в 2014 г. составила 93,4%, что привело к недостатку предложения рыбопродукции и росту цен в г. Мурманске и в области.

За последние 6 лет на производство экспортной рыбопродукции использовано 2094,8 тыс. т рыбы-сырца (54,3% от общего вылова в эти годы), в том числе донных видов рыб, более валютоёмких – 1416,7 тыс. т (71,7% от общего их вылова). Таким образом, это основное направление использования водных биологических ресурсов (ВБР) промысловым флотом Европейского Севера России.

Известно, что донные виды рыб (кроме сайды) добывают в Западной Арктике примерно в равных объемах Россия и Норвегия. Поэтому практический интерес представляют исследования сравнительной экономической эффективности использования уловов трески, пикши и сайды, являющихся наиболее ценными видами и добываемых в наибольших объемах по сравнению с другими донными

рыбами. Поскольку данные по норвежскому рыболовству имеются только за 2009–2013 гг., то исследование выполняется за этот период.

Выше показано, что примерно 72% донных видов рыб, добытых Россией в 2009–2014 гг., использовалось для производства экспортной продукции. По треске эта доля составляла 80,2% (1054,3 тыс. т из 1314,8 тыс. т добытых), по пикше – 56,6% (231,9 из 409,7 тыс. т добытых) и по сайде – 17,1% (11,2 из 65,8 тыс. т добытых). Норвегия использует для производства экспортной продукции примерно 95% как собственных, так и импортируемых уловов.

Основным видом экспортной продукции из трески в России (Мурманская область) является мороженая потрошенная рыба без головы (табл. 3). Доля ее в среднем за анализируемый период составляет 82,5% (333,55 тыс. т из 404,35 тыс. т общего объема экспорта продукции из трески). Наблюдается тенденция уменьшения доли ее выпуска (с 88,2% в 2010 г. до 76,8% в 2013 г.). В составе норвежского экспорта

Таблица 3. Ассортимент и стоимость экспортной продукции из трески за 2009–2013 гг.

Вид продукции	Объем, тыс. т	Стоимость, млн. долл. США	Цена 1 кг, долл. США
Россия (Мурманская область)			
Охлажденная	0,3	0,5	1,7
Мороженая	333,55	824,8	2,47
Филе мороженое	62,5	303,1	4,85
Сушеная	4,46	24,77	5,55
Соленая	3,3	13,09	3,97
Всего	40411	1167,8	2,89
Общий объем экспорта	1155,3	2401,5	2,08
Норвегия			
Охлажденная	126,8	466,9	3,68
Мороженая	242,0	696,9	2,88
Филе охлажденное	22,55	236,9	10,5
Филе мороженое	79,87	517,4	6,48
Филе соленое	1,55	11,0	7,10
Сушеная	21,10	410,5	19,00
Соленая	131,2	692,9	5,28
Клипфиск	207,8	1613,2	7,76
Сушеные головы	4,5	15,9	3,53
Фарш	2,43	6,7	2,76
Всего	839,8	4658,3	5,55
Общий объем экспорта	11828,8	43802,0	3,70

доля трески потрошенной без головы имеет намного меньшее значение – в среднем 28,8% (242 тыс. т из 839,9 тыс. т). Ее значение увеличилось с 22,4% в 2009 г. до 38,8% в 2013 г.

Вторым по значимости видом экспортной продукции из трески в России (Мурманская область) является филе. Среднее значение его доли в составе ассортимента в 2009–2013 гг. составило 15,5% (62,5 тыс. т из 404,35 тыс. т общего объема продукции из трески), в Норвегии – 12,2% (102,4 из 839,9 тыс. т соответственно), в том числе 8,9% (74,4 тыс. т) – мороженое филе и 3,3% (28,0 тыс. т) – более дорогое охлажденное филе.

Экспорт филе рыбной отрасли в Мурманской области возрос за последние 4 года с 7,9 до 20,9 тыс. т (в 2,6 раза), в то время как в Норвегии остался примерно на том же уровне, в середине анализируемого периода несколько увеличивался.

Остальные виды экспортной российской продукции (соленая и сушеная) занимают в ассортименте от 1,0 до 2,7% и не играют существенной роли. В Норвегии, наоборот, клипфиск и другая соленая продукция из трески занимают преобладающие позиции в экспорте: клипфиск – в среднем 24,7% (207,8 тыс. т), соленая – 15,6 (131,2 тыс. т).

Практический интерес представляет сравнительная стоимость одинаковых видов продукции. Так, цена 1 кг мороженой трески потрошенной без головы в норвежском экспорте равна 2,880 долл. США, а в российском – 2,287 долл. США, что меньше на 0,593 долл. США (20,6%). По филе трески мороженому различие в цене 1 кг составило 1,628 долл. США (33,6%). По этой причине рыбаки Мурманской области за 2009–2013 гг. потеряли доходы от экспорта трески потрошенной на сумму 197,8 млн. долл. США, от экспорта филе – 101,75 млн. долл. США.

Следует отметить, что в целях повышения доходов от продажи трески норвежцы экспортируют потрошеную треску и филе в охлажденном виде, что значительно дороже мороженой продукции: различие в их цене в некоторые годы достигает двух раз.

В российском (Мурманская область) экспорте продукции из пикши также преобладает мороженая потрошенная рыба (табл. 4). В среднем за рассматриваемый период ее поставки за рубеж составили 80,0 (84,7 тыс. т), филе мороженой пикши – 19,1% (20,25 тыс. т), остальное – прочая рыбопродукция; в норвежском рыболовстве – соответственно 66,3% (274,4 тыс. т) и 8,9% (37,0 тыс. т), остальная продукция экспортируется в охлажденном виде (потрошенная рыба и филе) и в незначительных объемах – соленая и клипфиск.

Так же как и по треске, наибольший практический интерес представляет соотношение цен на одинаковые виды рыбопродукции российского и норвежского экспорта. В среднем за рассматриваемый период стоимость 1 кг пикши потрошенной мороженой в российском экспорте составляла 1,931 долл. США, что ниже цены

(2,468 долл. США) в норвежском экспорте пикши на 21,76%; стоимость 1 кг филе мороженого ниже на 10,83% (на 0,558 долл. США). На разнице цен на потрошеную мороженую пикшу Мурманская область за 5 анализируемых лет потеряла 45 484 тыс. долл. США экспортной выгрузки, по филе мороженому – 11 300 тыс. долл. США, всего по экспорту пикши – 56 781 тыс. долл. США.

Ассортимент экспортируемой мурманскими рыбаками рыбопродукции из пикши в основном состоял из двух позиций, а у норвежцев – из семи (см. табл. 4). Кроме рассмотренных видов рыбопродукции Норвегия в значительных объемах экспортировала потрошеную охлажденную пикшу и филе охлажденное. При этом цена охлажденной потрошенной рыбы была выше мороженой только в 2009 г., а филе охлажденного – значительно выше во все анализируемые годы. Кроме рассмотренных видов рыбопродукции Норвегия в значительных объемах экспортировала потрошеную охлажденную пикшу и филе охлажденное. При этом цена охлажденной потрошенной рыбы была

Таблица 4. Ассортимент и стоимость экспортной продукции из пикши в 2009–2013 гг.

Вид продукции	Объем, тыс. т	Стоимость, млн. долл. США	Цена 1 кг, долл. США
Россия (Мурманская область)			
Охлажденная	1,19	1,57	1,32
Мороженая	84,7	146,3	1,73
Филе мороженое	20,25	93,0	4,95
Всего	106,14	240,87	2,27
Общий объем экспорта	1155,3		
Норвегия			
Охлажденная	92,7	199,2	2,15
Мороженая	274,4	677,16	2,47
Филе охлажденное	6,02	51,7	8,59
Филе мороженое	37,0	190,58	5,15
Соленая	0,17	0,40	2,35
Клипфиск	0,9	4,60	5,11
Фарш	2,31	5,52	2,39
Всего	413,5	1129,16	2,73
Общий объем экспорта			

выше мороженой только в 2009 г., а на филе охлажденное — значительно выше во все анализируемые годы.

Общий допустимый улов (ОДУ) сайды, выделяемый России в последние 2 года, составляет 12 тыс. т, в предыдущие — 4–6 тыс. т. Поэтому экспорт продукции из нее в 2009–2013 гг. незначителен — 5,1 тыс. тонн и осуществляется в основном в виде потрошенной мороженой рыбы (табл. 5). Цена 1 кг этой российской продукции составляет 1,516 долл. США, норвежской — 1,844 долл. США, что выше на 21,6%. Общий объем продукции из сайды, экспортированной Норвегией за 2009–2013 гг., составил 459,2 тыс. т на сумму 1598,9 млн. долл. США. Цена 1 кг обезличенной продукции — 3,482 долл. США, в российском экспорте — 1,924 долл. США.

Узость российского ассортимента продукции из трески, пикши и сайды, являющегося главными объектами экспорта, превалирование в нем рыбы первичной разделки являются главными факторами низкой стоимости единицы обезличенной

продукции по сравнению с норвежской. В среднем за 2009–2013 гг. цена 1 кг российской экспортной продукции из трески составляла 2,888 долл. США; норвежской — 5,546 долл. США, что выше в 1,92 раза; по пикше — соответственно 2,44 и 2,73 долл. США (на 11,85%).

Значительные различия ассортиментов экспортной продукции России и Норвегии предопределены структурой основных производственных фондов и расположением основных промысловых районов.

Рыночная структура российского рыбного хозяйства на Европейском Севере, можно сказать, сложилась без вмешательства государства — под влиянием рыночных факторов. Происходившие в 1990-х и начале 2000-х годов трансформации на промысловом флоте осуществлялись в целях достижения наибольшей экономической эффективности в сфере рыболовства и удовлетворения частных интересов владельцев промысловых судов. Поскольку морозильные промысловые суда более производительны и не «привязаны» к опре-

Таблица 5. Ассортимент и стоимость экспортной продукции из сайды в 2009–2013 гг.

Вид продукции	Объем, тыс. т	Стоимость, млн. долл. США	Цена 1 кг, долл. США
Россия (Мурманская область)			
Охлажденная	0,49	0,54	1,10
Мороженая	2,89	4,38	1,52
Филе мороженое	1,79	4,85	2,71
Всего	5,17	9,77	1,89
Общий объем экспорта			
Норвегия			
Охлажденная	33,50	64,9	1,94
Мороженая	173,85	320,6	1,84
Филе свежее	2,12	11,40	5,37
Филе мороженое	25,83	119,60	4,63
Клипфиск	224,6	1051,40	4,68
Соленая	3,40	8,30	2,44
Сушеная	3,00	21,8	7,27
Фарш	0,17	0,40	2,35
Всего	466,3	1598,4	3,43
Общий объем экспорта			

деленным береговым пунктам, то траулеры без морозильных установок, предназначенные для снабжения сырьем береговых заводов, были переоборудованы или проданы. Рынок покупателя, существовавший при эксплуатации посольно-свежеевых траулеров, превратился в рынок продавца. Свыше 40 береговых мурманских рыбоперерабатывающих предприятий не могут эффективно развиваться, производить широкий ассортимент продукции, разрабатывать и внедрять новые технологии, так как они не интегрированы с добывающими организациями и не имеют в достаточном количестве рыбного сырья по доступным ценам. В итоге основными продавцами товарной рыбной продукции как на внутреннем, так и на внешнем рынках стали промысловые суда, которые не в состоянии производить рыбопродукцию в широком ассортименте.

Вступление России в 2012 г. в ВТО не способствует улучшению ассортимента экспортной продукции, так как поэтапное обнуление экспортных пошлин предусмотрено на рыбу разделанную, исключая филе и другие виды глубокой разделки. Таким образом, по сути дела, стимулируется снабжение зарубежных стран сырьем ценных видов рыб, популярных среди населения западных стран, Китая, Японии, Кореи и других.

Снижение экспортных пошлин на рыбу мороженую донных видов будет выгодно российским экспортерам и может привести к росту цен в России и сужению рынка белой рыбы, палтуса и окуня. Не исключено, что для стимулирования продаж на внутреннем рынке потребуются использование экономических, организационных и законодательных мер, не нарушающих условия ВТО.

По нашим расчетам, при нынешних структуре и объемах экспорта (2013 г.) Мур-

манской области, от продажи за рубежом трески, пикши и сайды хозяйствующими субъектами будут получены дополнительные доходы в сумме 25–30 млн. долл. США, а государство столько же потеряет. В целом по рыбному хозяйству, судя по данным Росрыболовства, за счет отмены таможенных пошлин хозяйствующие субъекты получают дополнительный доход в сумме 150–200 млн. долл. [7]. В качестве мер, стимулирующих продажи на внутреннем рынке, по нашему мнению, могут быть использованы: введение дифференцированных ставок сборов за биоресурсы, изменение порядка возврата НДС и другие.

Стимулировать увеличение производства рыбопродукции с высокой добавленной стоимостью федеральные власти предлагают путем дифференциации величины сборов за биоресурсы. Однако использованию этого экономического рычага, имеющего признаки налоговых льгот, могут воспрепятствовать страны-импортеры рыбопродукции. Наиболее подходящий вариант стимулирования производства рыбопродукции высокой степени переработки, не противоречащий правилам ВТО, на наш взгляд, заключается в изменении системы доступа хозяйствующих субъектов к промысловым биоресурсам.

Дело в том, что наделение добывающих компаний долями ВБР в конце 2003 г. (2004 г. — начало действия долевой системы) происходило без учета уровня экономической эффективности использования биоресурсов в учетном периоде, что впоследствии, в том числе и в настоящее время, не способствовало увеличению выпуска продукции глубокой разделки. Если к этому добавить конъюнктуру рынков России, зарубежных рынков стран Западной Европы, Китая и Кореи, куда поставляется большая часть разделяемых видов рыб (треска, пикша, минтай, лососевые Тихого

океана и другие), то становится понятным, почему российское рыболовство превратилось в экспортно-сырьевое.

Предлагаемая корректировка доступа хозяйствующих субъектов к водным биологическим ресурсам на исторической основе заключается в учете результатов использования уловов для производства рыбной продукции в предыдущие годы путем умножения их на коэффициент, представляющий частное от деления прибыли на стоимость продукции или затраты.

По другому варианту развивалось и функционирует рыбное хозяйство Норвегии, которое по многим позициям считается передовым в мире. Оно выполняет основную государственную задачу – обеспечение работой населения, проживающего на побережье. В этих целях наличие в составе промыслового флота судов-фабрик и наделение их квотами биоресурсов ограничено и регулируется лицензиями. Например, производство филе судами-фабриками составляет около 15% его общего объема.

Основной состав флота на добычу донных видов рыб (трески, пикши, сайды и других) – малые суда и траулеры-свежевики, пелагических – сейнер-траулеры с RSW-танками. Они снабжают охлажденным сырьем рыбозаводы, расположенные вдоль побережья. Образован и функционирует рынок покупателя. Но, чтобы как фабрики, так и промысловые суда могли эффективно работать, не менее трёх раз в год разрабатываются «минимальные цены» на рыбное сырье и полуфабрикаты, основанные на достоверных данных заводов и промысловых судов. Реализация рыбного сырья осуществляется с помощью электронных торгов под строгим контролем рыбацких кооперативов, которые наделены определенными государственными функциями.

Координацию экспорта рыбной продукции и деятельности важнейших рыбных рынков внутри страны в Норвегии осуществляет полугосударственный орган – Совет по экспорту.

Совет организован в форме государственного акционерного общества. Его работой руководит правление, назначаемое по согласованию с компаниями-членами совета и организациями рыбной отрасли – сроком на два года. Председатель назначается Министерством рыболовства Норвегии на постоянной основе.

Основными функциями Совета являются:

1. Формирование норвежской политики в вопросах экспорта и импорта рыбы и рыбных товаров.

2. Установление двусторонних экспортно-импортных отношений с различными странами и регулирование ценообразования, объемов и ассортимента экспортных поставок.

3. Осуществление маркетинга норвежских товаров *на национальном и международном уровнях.*

4. Сбор информации по вопросам экспорта, изучение рынка, статистический анализ разработка рекомендаций по рынкам экспорта и импорта; согласование списков экспортеров и выдача экспортных лицензий.

5. Регулирование экспортных цен, ассортимента и направлений экспортного рынка (по согласованию с Министерством рыболовства Норвегии).

6. Подготовка рекомендаций по внешнеэкономической и торговой внутренней деятельности, участие в подготовке двусторонних и многосторонних соглашений по торговле рыбой и рыбными товарами; осуществление контроля за экспортно-импортной деятельностью предприятий рыбной отрасли и выполнением ими фи-

нансовых, таможенных и других правил при использовании выданных лицензий.

7. Обработка данных о норвежском экспорте и импорте.

8. Подготовка и распространение статистической и иной информации по экспорту и импорту Норвегии среди членов СЭР; оказание консультативных услуг по вопросам экспорта и импорта, а также маркетинга норвежских рыбных товаров.

Деятельность Совета по экспорту рыбы финансируется частично за счет бюджетных источников, поскольку его председатель назначается министерством. Основными же источниками финансирования являются членские взносы компаний, входящих в состав организации (все экспортеры), и отчисления от продажи продукции на экспорт. Отметим, что в планах Правительства Мурманской области присутствует вопрос создания региональной сбытовой компании для торговли рыбопродукцией внутри региона и за его пределами [3].

Создание органа с использованием опыта Норвегии по лицензированию экспортно-импортных операций с рыбными товарами, изучению внутренних и внешних рыбных рынков и их регулированию, по нашему мнению, является главным мероприятием для повышения эффективности торговли рыбными товарами. Отсутствие единого центра согласования интересов внешнеторговой деятельности в российском рыбохозяйственном комплексе служит серьезной причиной ее низкой эффективности. Политика цен навязывается российским товаропроизводителям зарубежными контрактами, посредниками и трейдерами. При этом каждая уступка в ценовой политике одного российского участника внешнеторговой деятельности, как считают А.В. Иванов и В.А. Теплицкий, наносит ущерб всем остальным [4].

К снижению экспортных цен, на наш взгляд, ведут наличие ненужной конкуренции между российскими участниками внешнеэкономической деятельности и поставки продукции большими партиями. В связи с этим следует проанализировать эффективность поставок рыбопродукции за рубеж прямо с моря по несколько сотен тонн.

Как видится, на структуру экспортной продукции российских хозяйствующих субъектов и уровень цен оказывает влияние система кредитования под будущую продукцию через западных контрагентов ввиду сложности и невыгодности кредитования производственной деятельности в российских банках. Полученные средства направляются на приобретение топлива, продуктов питания, промышленного вооружения и другого снабжения на очередной рейс. При этом в качестве обеспечения (гарантий) такого «кредита» учитывается стоимость бизнеса российской компании. Оценка бизнеса складывается из рыночной стоимости основных фондов предприятия, объема выделенной квоты, сложившейся деловой репутации на рынке и т.д. Такой кредит, предоставляемый на условиях «овердрафта», возвращается в согласованные обеими сторонами сроки, что очень удобно. В случае наработки положительной «кредитной» истории предприятие получает возможность повторного кредитования на указанных выше условиях. Порядок предоставления кредитов по схеме «овердрафта» в российских банках крайне сложен, требует значительного объема предоставляемых документов и практически не учитывает реальную стоимость бизнеса компании в целом (возникают вопросы по залогам). В некоторых банках этот кредит может быть без обеспечения. Сумма рассчитывается в зависимости от оборотов по счетам, про-

ходящим в этом банке. Его особенность: он должен погашаться ежемесячно, поэтому для рыбников он не совсем подходит, так как период оборота больше.

Проблемы занижения таможенной стоимости рыбопродукции при экспорте и реализации ее на внутреннем рынке без множества посредников, как свидетельствует мировой рынок, могут успешно решаться за счет организации продажи рыбопродукции с помощью электронных торгов.

Проблема производства широкого и эффективного ассортимента экспортной рыбной продукции в условиях монополии морозильного промыслового флота во внешнеэкономической деятельности является трудной, но решаемой. Для этого государство должно проводить соответствующую экономическую политику по расширению поставок охлажденного рыбного сырья на береговые рыбоперерабатывающие заводы «по минимальным ценам», ограничив участие во внешнеэкономической деятельности организаций, которые не имеют промысловых судов, оборудованных техникой для глубокой

разделки добытых гидробионтов. В этом случае уменьшатся поставки за рубеж рыбопродукции первичной разделки с моря, а увеличение поставок рыбного сырья на береговые предприятия позволит расширить ассортимент продукции как для экспорта, так и для внутреннего рынка.

Изменение системы доступа хозяйствующих субъектов к промышленным ресурсам, создание организации по экспорту рыбной продукции, исключение посредников во внешнеэкономической деятельности путем организации электронных торгов, оплаты кредитов, полученных в иностранных банках валютой, рационализация направлений использования устаревших траулеров, использование других рекомендаций, обоснованных в статье, позволит повысить экономическую эффективность использования добываемых водных биологических ресурсов во внешнеэкономической деятельности, улучшить народнохозяйственную отдачу от функционирования рыбохозяйственного комплекса страны, стимулирует обновление промыслового флота и развитие береговой рыбоперерабатывающей базы.

Литература

1. Биоэкономическая эффективность использования водных биологических ресурсов Баренцева моря / В.В. Комличенко, Э.Г. Лукманов, В.Т. Шевченко, М.С. Громов, С.Ю. Фомин, В.В. Шевченко // Вопросы рыболовства. — 2008. — № 2 (34). — С. 406-430.
2. Васильев, А.М. Как повысить эффективность рыбной отрасли? / А.М. Васильев // ЭКО. — 2014. — № 4. — С. 96-111.
3. Время требует быстрых решений: интервью с А.М. Глушковым [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.mvestnik.ru/shwpn.asp?pid=201411212> (дата обращения: 17.04.15).
4. Иванов, А.В. Совершенствование управления внешнеэкономической деятельностью рыбохозяйственного комплекса России / А.В. Иванов, В.А. Теплицкий // Рыбное хозяйство. — 2014. — №2. — С. 27-28.
5. Институт рыболовства Nofima (Норвегия) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://nofima.no/en/> (дата обращения: 13.04.15).
6. Концепция развития рыбного хозяйства Российской Федерации на период до 2020 г. (одобрена распоряжением Правительства Рос. Федерации 02 сент. 2003 г., №1295-Р). — М., 2003. — 23 с.
7. Крайний, А. Проблемы рыбохозяйственного комплекса в условиях ВТО и пути их решения [Электронный ресурс] / А. Крайний. — Режим доступа: <http://www.fishnews.ru/interviews/328> (дата обращения: 12.03.14).
8. Материалы к заседанию Коллегии по вопросу: «Итоги деятельности Федерального агентства по рыболовству в 2011 году и задачи на 2012 год» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://fish.gov.ru/files/documents/ob_agentstve/kollegiya/Kollegiya_2012.pdf (дата обращения: 13.04.15).

9. Материалы к заседанию Коллегии по вопросу «Итоги деятельности Федерального агентства по рыболовству в 2012 году и задачи на 2013 год» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://fish.gov.ru/files/documents/ob_agentstve/kollegiya/Rosrybolovstvo_Itogi_2012-18.03.2013.pdf (дата обращения: 13.04.15).
10. Материалы к заседанию Коллегии по вопросу: «Итоги деятельности Федерального агентства по рыболовству в 2013 году и задачи на 2014 год» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://fish.gov.ru/files/documents/ob_agentstve/kollegiya/Materialy_k_zasedaniyu_Kollegii_Itogi_deyatelnosti_Federalnogo_agentstva_po_rybolovstvu_v_2013_godu_i_zadachi_na_2014_god.pdf (дата обращения: 13.04.15).
11. Материалы к заседанию Коллегии по вопросу: «Итоги деятельности Федерального агентства по рыболовству в 2014 году и задачи на 2015 год» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fish.gov.ru/ob-agentstve/kollegiya-gosrybolovstva> (дата обращения: 13.04.15).
12. Материалы к заседанию Коллегии Федерального агентства по рыболовству по вопросу: «Итоги работы Росрыболовства в 2009 году и задачи на 2010 год» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://fish.gov.ru/files/documents/ob_agentstve/kollegiya/Materialy_Kollegii.pdf (дата обращения: 13.04.15).
13. Материалы к заседанию Коллегии Федерального агентства по рыболовству по вопросу: «Итоги работы Росрыболовства в 2010 году и задачи на 2011 год» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://fish.gov.ru/files/documents/ob_agentstve/kollegiya/Material_kollegii1.pdf (дата обращения: 13.04.15).
14. Перечень Поручений Президента Российской Федерации по вопросам развития рыбохозяйственного комплекса. Пр-613 от 21 марта 2013 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://рыбныйсоюз.рф/?p=3802> (дата обращения: 24.03.14)
15. Промысел в России (2013) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ruspelagic.ru/promysel_v_rossii (дата обращения: 20.12.13).
16. Рыбохозяйственный комплекс Мурманской области / Мурманскстат. – Мурманск, 2014. – 49 с.
17. Шевченко, В.В. Биоэкономика промышленного рыболовства Баренцева моря / В.В. Шевченко, В.А. Беляев. – Мурманск, 2009. – 306 с.
18. Шевченко, В.В. Биоэкономика и использования промысловых ресурсов минтая Северной Пацифики. Опыт российских и американских рыбопромышленников / под ред. В.В. Шевченко, А.В. Датского. – М.: ВНИРО, 2014. – 212 с.
19. Шевченко, В.В. Биоэкономическая эффективность использования морских биологических ресурсов Северного бассейна / В.В. Шевченко, И.В. Никоноров, В.В. Комличенко // Вопросы рыболовства. – 2001. – № 2 (6). – С. 194-222.
20. Economic status of the groundfish fisheries of Alaska. – 2009, NOAA. – Dec. 2010.

Сведения об авторе

Анатолий Михайлович Васильев – доктор экономических наук, профессор, зав. отделом, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского научного центра Российской академии наук (183010, Россия, г. Мурманск, ул. Халтурина д. 15, оф. 510, vasiliev@pgi.ru)

Vasil'ev A.M.

Main Directions of Increasing Efficiency of Foreign Trade Activities of the Fishing Industry of the European North

Anatolii Mikhailovich Vasil'ev – Doctor of Economics, Professor, Department Head, Federal State-Financed Scientific Institution G.P. Luzin Institute of Economic Problems of Kola Scientific Centre of RAS (15, Khalturin Street, office 510, Murmansk, 183010, Russian Federation, vasiliev@pgi.ru)

Abstract. Analysis of the List of Orders of the Russian Federation President Vladimir Putin has shown that many priority challenges of the fishing industry development, including promotion of fish production with

a high degree of processing and its exports have not been solved. Analysis of exports of cod, haddock and saithe from Russia (Murmansk Oblast) and Norway proves that there is a wider range of products from Norway with high added value. The unit cost of the same products from Norway is also significantly higher. The consequence of these factors is the low unit cost of Russian exports, compared to Norwegian. For 2009–2013 the average unit cost of cod is lower by 2.66 US dollars (47.9%), of haddock – by 0.23 US dollars (10.6%). The article estimates foreign currency revenues, which were not fully received due to the reasons mentioned above. The author points out key directions of increase of economic efficiency of Russian exports of cod, haddock and saithe:

1. Change in the access of economic agents to marketable resources by stimulating the obtainment of larger quotas of biological resources at the expense of profit ratio.
2. Establishment of an organization for the export of fish products. The purpose of the organization is to study international markets, to regulate foreign trade activities and perform other functions as set forth above, in accordance with the Russian legislation.
3. Exclusion of intermediaries in the sales of fish products by organizing electronic auctions.
4. Prohibition of using fishery products for the payment of loans obtained from foreign banks.
5. Use of trawlers that are not able to produce products with added value, to provide fish processing enterprises of Russia with fish resources.

Key words: exports of fishery products, Russia (Murmansk Oblast), Norway, comparative effectiveness, establishment of an export council.

References

1. Komlichenko V.V., Lukmanov E.G., Shevchenko V.T., Gromov M.S., Fomin S.Yu., Shevchenko V.V. Bioekonomicheskaya effektivnost' ispol'zovaniya vodnykh biologicheskikh resursov Barentseva morya [Bioeconomic Effectiveness of the Usage of Aquatic Biological Resources of the Barents Sea]. *Voprosy rybolovstva* [Issues of Fishery], 2008, no. 2 (34), pp. 406-430.
2. Vasil'ev A.M. Kak povysit' effektivnost' rybnoi otрасli? [How to Improve the Efficiency of the Fishing Industry?]. *EKO* [All-Russian Economic Journal], 2014, no. 4, pp. 96-111.
3. *Vremya trebuets bystrykh reshenii: interv'y u A.M. Glushkovym* [Time Requires Quick Decisions: an Interview with A.M. Glushkov]. Available at: <http://www.mvestnik.ru/shwpgn.asp?pid=2014111212> (accessed April 17, 2015).
4. Ivanov A.V., Teplitskii V.A. Sovershenstvovanie upravleniya vneshneekonomicheskoi deyatel'nost'yu rybokhozyaistvennogo kompleksa Rossii [Improvement of the Management of Foreign Economic Activity of the Fisheries Complex of Russia]. *Rybnoe khozyaistvo* [Fisheries Industry], 2014, no. 2, pp. 27-28.
5. *Institut rybolovstva Nofima (Norvegiya)* [Nofima The Norwegian Institute of Food, Fisheries and Aquaculture Research (Norway)]. Available at: <http://nofima.no/en/> (accessed April 13, 2015).
6. *Kontsepsiya razvitiya rybnogo khozyaistva Rossiiskoi Federatsii na period do 2020 g. (odobrena rasporyazheniem Pravitel'stva Ros. Federatsii 02 sent. 2003 g., №1295-R)* [The Concept for Development of Fisheries Industry of the Russian Federation for the Period until 2020 (Approved by the Order of the Government of the Russian Federation of September 02, 2003 No. 1295-R)]. Moscow, 2003. 23 p.
7. Krainii A. *Problemy rybokhozyaistvennogo kompleksa v usloviyakh VTO i puti ikh resheniya* [The Problems of the Fisheries Complex under the WTO and Their Solutions]. Available at: <http://www.fishnews.ru/interviews/328> (accessed: 12.03.14).
8. *Materialy k zasedaniyu Kollegii po voprosu: "Itogi deyatel'nosti Federal'nogo agentstva po rybolovstvu v 2011 godu i zadachi na 2012 god"* [Materials for the Board Meeting on the Issue: "Results of Activity of the Federal Agency for Fishery in 2011 and the Tasks for 2012"]. Available at: http://fish.gov.ru/files/documents/ob_agentstve/kollegiya/Kollegiya_2012.pdf (accessed April 13, 2015).
9. *Materialy k zasedaniyu Kollegii po voprosu "Itogi deyatel'nosti Federal'nogo agentstva po rybolovstvu v 2012 godu i zadachi na 2013 god"* [Materials for the Board Meeting on the Issue: "Results of Activity of the Federal Agency for Fishery in 2012 and the Tasks for 2013"]. Available at: http://fish.gov.ru/files/documents/ob_agentstve/kollegiya/Rosrybolovstvo_Itogi_2012-18.03.2013.pdf (accessed April 13, 2015).

10. *Materialy k zasedaniyu Kollegii po voprosu: "Itogi deyatelnosti Federal'nogo agentstva po rybolovstvu v 2013 godu i zadachi na 2014 god"* [Materials for the Board Meeting on the Issue: "Results of Activity of the Federal Agency for Fishery in 2013 and the Tasks for 2014"]. Available at: http://fish.gov.ru/files/documents/ob_agentstve/kollegiya/Materialy_k_zasedaniyu_Kollegii_Itogi_deyatelnosti_Federalnogo_agentstva_po_rybolovstvu_v_2013_godu_i_zadachi_na_2014_god.pdf (accessed April 13, 2015).
11. *Materialy k zasedaniyu Kollegii po voprosu: "Itogi deyatelnosti Federal'nogo agentstva po rybolovstvu v 2014 godu i zadachi na 2015 god"* [Materials for the Board Meeting on the Issue: "Results of Activity of the Federal Agency for Fishery in 2014 and the Tasks for 2015"]. Available at: <http://fish.gov.ru/ob-agentstve/kollegiya-rosrybolovstva> (accessed April 13, 2015).
12. *Materialy k zasedaniyu Kollegii Federal'nogo agentstva po rybolovstvu po voprosu: "Itogi raboty Rosrybolovstva v 2009 godu i zadachi na 2010 god"* [Materials for the Board Meeting on the Issue: "Results of Activity of the Federal Agency for Fishery in 2009 and the Tasks for 2010"]. Available at: http://fish.gov.ru/files/documents/ob_agentstve/kollegiya/Materialy_Kollegii.pdf (accessed April 13, 2015).
13. *Materialy k zasedaniyu Kollegii Federal'nogo agentstva po rybolovstvu po voprosu: "Itogi raboty Rosrybolovstva v 2010 godu i zadachi na 2011 god"* [Materials for the Board Meeting on the Issue: "Results of Activity of the Federal Agency for Fishery in 2010 and the Tasks for 2011"]. Available at: http://fish.gov.ru/files/documents/ob_agentstve/kollegiya/Material_kollegii1.pdf (accessed April 13, 2015).
14. *Perechen' Poruchenii Prezidenta Rossiiskoi Federatsii po voprosam razvitiya rybokhozyaistvennogo kompleksa. Pr-613 ot 21 marta 2013 goda* [List of Orders of the President of the Russian Federation on Development of the Fisheries Industry. PR-613 of March 21, 2013]. Available at: <http://rybnisoyuz.rf/?p=3802> (accessed March 24, 2014).
15. *Promysel v Rossii (2013)* [Fishery in Russia (2013)]. Available at: http://ruspelagic.ru/promysel_v_rossii (accessed December 20, 2013).
16. Rybokhozyaistvennyi kompleks Murmanskoi oblasti [The Fisheries Complex of the Murmansk Oblast]. *Murmanskstat* [Regional Office of the Federal State Statistics Service of the Russian Federation in the Murmansk Oblast]. Murmansk, 2014. 49 p.
17. Shevchenko V.V., Belyaev V.A. *Bioekonomika promyshlennogo rybolovstva Barentseva morya* [Bioeconomy of Industrial Fisheries in the Barents Sea]. Murmansk, 2009. 306 p.
18. Shevchenko V.V. *Bioekonomika i ispol'zovaniya promyslovykh resursov mintaya Severnoi Patsifiki. Opyt rossiiskikh i amerikanskikh rybopromyshlennikov* [Bioeconomy and Utilization of the Fisheries Resources of Alaska Pollock in the Northern Pacific. The Experience of the Russian and American Fishermen]. Ed. by V.V. Shevchenko, A.V. Datskii. Moscow: VNIRO, 2014. 212 p.
19. Shevchenko V.V., Nikonorov I.V., Komlichenko V.V. Bioekonomicheskaya effektivnost' ispol'zovaniya morskikh biologicheskikh resursov Severnogo basseina [Bioeconomic Efficiency of the Use of Marine Biological Resources of the Northern Basin]. *Voprosy rybolovstva* [Fisheries Issues], 2001, no. 2 (6), pp. 194-222.
20. *Economic Status of the Groundfish Fisheries of Alaska. 2009*. NOAA, December 2010.

К исследованию роли социального капитала регионов в условиях социально-экономического кризиса

**Дмитрий Владимирович
АФАНАСЬЕВ**

кандидат социологических наук

Череповецкий государственный университет

162600, Россия, г. Череповец, просп. Луначарского, д. 5, afanasevdv@chsu.ru

Аннотация. Концепция социального капитала приобрела значительную популярность в социальных науках, а также в практической политике национального и международного масштаба. Ее эвристический потенциал подтвержден многочисленными исследованиями, демонстрирующими позитивное влияние уровня и типов социального капитала на широкий круг экономических, социальных и политических явлений, и особенно использование концепции социального капитала для изучения проблем экономического роста и развития. Вместе с тем отсутствует как общепринятое определение социального капитала, так и согласие по поводу способов его измерения. Статья содержит обзор современного состояния теоретического поля концепции, показывая, что внимание исследователей разных стран привлекают проблемы воздействия социального капитала на экономический рост и развитие на региональном уровне. Конкретные сравнительные исследования в разных странах и регионах убедительно подтверждают наличие корреляции, что позволяет видеть в социальном капитале один из мощных факторов развития. Однако, поскольку большая часть исследований воздействия социального капитала на экономическое развитие сосредоточена на развитых странах Западной Европы и США, представляется важным оценить потенциал этого подхода для стран пост-коммунистического развития с их иным опытом, в частности к России. В этой связи статья указывает на явный дефицит исследований подобного рода для регионов России, где имеются лишь эпизодические и фрагментарные попытки изучения социального капитала. Цель статьи — дать теоретическое обоснование необходимости и указать на предпосылки эмпирических исследований воздействия социального капитала регионов на их экономический рост и развитие, особенно в ситуации как общего экономического, так и структурного кризиса.

Ключевые слова: социальный капитал, экономический рост, кризис, региональные исследования.

Социальный капитал представляет собой одну из самых мощных и популярных метафор в текущих исследованиях в области социальных наук. В последние годы социальный капитал стал ключевым понятием в академических теориях и исследованиях, а также влиятельной основой для принятия политических решений, которые призваны формировать повседневные практики в деле создания социальной интеграции. Широко понимаемый в контексте социальных связей, которые влияют на личные взаимодействия, концепт используется, чтобы объяснить огромную совокупность явлений, начиная от паттернов голосования до здоровья и экономического успеха стран. В научной литературе появились сотни статей, утверждающих, что социальный капитал значим для понимания индивидуальных и групповых различий и, далее, что эффективная государственная политика должна учитывать влияние принимаемых решений на формирование социального капитала.

Для объяснения такого внимания был предложен ряд связанных с этим причин. Это и озабоченность крайностями сегодняшнего индивидуализма и ностальгия по утраченной сплоченности в прошлом, желание заново привнести нормативный и социальный аспекты в понимание того, как работает общество; стремление к большему контролю над современным обществом, которое становится все более разнообразным и переживает бурные социальные изменения, и в том числе то обстоятельство, что социальный капитал позволяет государству сэкономить на распределительной экономической политике за счет (менее дорогих) неформальных социальных отношений.

Вместе с тем данный концепт нельзя признать устоявшимся. В научном дис-

курсе сосуществуют различные точки зрения, подходы и ожидания, что приводит к расширенному толкованию социального капитала. А это в свою очередь влечет риск размывания и так не сильно выраженной определенности концепции вплоть до утраты ее эвристического потенциала и превращения в популярный публицистический штамп.

В данной статье, во-первых, мы представляем обзор концептуальных вопросов, лежащих в основе исследования социального капитала. Во-вторых, мы определяем плодотворность использования концепции социального капитала для изучения проблем экономического роста и развития как на макроуровне, так и на уровне отдельных регионов. В-третьих, мы делаем ряд предложений о том, как эмпирически исследовать роль и значение регионального социального капитала региона в условиях кризиса.

Социальный капитал: концепция, ее историческое развитие и вариации

Не рассматривая эпизодические и скорее метафорические упоминания социального капитала в некоторых ранних работах (Л. Ханифан, Д. Джейкобс, Г. Лори¹), отметим принципиальный вклад в развитие концепции социального капитала авторов, относимых к представителям классических исследований социального капитала, а именно Джеймса Коулмана, Роберта Патнэма и Пьера Бурдьё. Коулман и Патнэм, с их акцентом на ценностях и сетях, сформировали «мейнстрим» теории социального капитала. Бурдьё, который представляет критическое крыло этого трио, привнес в картину проблемы неравенства и социальной справедливости².

¹ См.: [33; 34; 39].

² Детальное рассмотрение исторических корней концепции см.: [1].

Таблица 1. Количество публикаций с ключевыми словами «социальный капитал» по данным «Web of Science» (1994–2013 гг.)

Год публикации	Количество публикаций
2014	1107
2013	1063
2012	1025
2011	1024
2010	959
2009	872
2008	740
2007	641
2006	514
2005	441
2004	223
2003	217
2002	182
2001	170
2000	113
1999	102
1998	89
1996	25
1995	22
1994	10

Рассчитано по: Web of Science [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.isiknowledge.com/>

В настоящее время литература по социальному капиталу чрезвычайно обширна и продолжает увеличиваться (*табл. 1*). Многочисленные исследователи – представители разных дисциплин внесли свой вклад в наше сегодняшнее понимание предпосылок и последствий социального капитала.

Проблема определения

Термин «социальный капитал» распространился по всей области социальных наук и породил обширную литературу, которая охватывает различные дисциплины. Несмотря на огромное количество исследований о нем, однако, всеобъемлющее определение социального капитала остается неуловимым. Более того, распространено мнение о том, что было бы излишне оптимистичным и старомодным полагать,

будто вообще можно выработать единую концепцию социального капитала, которая объясняла бы и предсказывала столь разнообразные и сложные области, как экономика, политика, социальная сфера, т.е. как новую Grand Theory. В начале века критика неясности и разноречивости различных определений термина «социальный капитал» зашла так далеко, что ряд исследователей предлагали отказаться от него вообще³. Новый подъем популярности понятия связан с его приложением к новой, виртуальной реальности коммуникаций – социальным сетям. С исторической точки зрения, таким образом, можно скорее утверждать, что социальный капитал – это не понятие, а практика, кодовое слово,

³ См., например [13].

используемое для объединения разрозненных, но взаимосвязанных научных интересов и для содействия взаимному обогащению идеями поверх дисциплинарных границ. Успех социального капитала как объединяющего концепта как раз и может быть связан с тем, что ни одна социальная наука не сумела навязать узкое определение этого термина, которое фиксировало бы только то, что исследователи под ним имеют в виду в рамках своей дисциплины.

Иллюстрируя эту пестроту, приведем ряд наиболее влиятельных определений социального капитала. Начнем с Коулмана, который определил социальный капитал так: «...Социальная организация образует социальный капитал, способствующий достижению целей, которые не могут быть достигнуты в случае его отсутствия или могут быть достигнуты только при более высоких издержках» [23, р. 304]. И в другой работе: «Он включает в себя множество различных составляющих, которые характеризуются двумя общими свойствами: они, во-первых, состоят из нескольких социальных структур и, во-вторых, облегчают определенные действия лиц внутри структуры, будь то индивид или корпорация» [2, с. 124].

Р. Патнэм и его коллеги представляют аналогичную характеристику: «...Социальный капитал...обозначает функции социальной организации, такие как доверие, нормы и сети, которые могут улучшить эффективность общества...» [49, р. 167]. Характеристики социальной организации, включающие сети, нормы и социальное доверие, которые способствуют координации и кооперации в интересах общественной цели, он подчеркивает и в другой широко известной работе [51].

Оба определения указывают на предполагаемое благотворное влияние социального капитала на социальное целое. В соот-

ветствии с этими определениями, социальный капитал — это разновидность положительных внешних эффектов группы. Определение Коулмана предполагает, что внешние эффекты возникают из социальной организации. Определение Патнэма подчеркивает особые неформальные формы социальной организации, такие как доверие, нормы и сети.

В своем определении социального капитала Фукуяма утверждает, что только определенные общие нормы и ценности должны рассматриваться как социальный капитал: «Социальный капитал можно определить просто как набор неформальных ценностей или норм, которые разделяются членами группы и которые делают возможным сотрудничество внутри этой группы. ...Само по себе принятие группой людей общих ценностей и норм не производит социальный капитал, потому что ценности могут быть и ложными... Нормы же, которые производят социальный капитал, должны, напротив, включать в себя такие ценности, как: правдивость, выполнение обязательства, сотрудничество с другими людьми» [8, с. 30].

Другие определения характеризуют социальный капитал не только в плане результата, но и с точки зрения отношений или взаимозависимости между людьми. В более позднем исследовании Патнэм определяет социальный капитал как «...связи между индивидами — социальные сети и нормы взаимности и доверия, которые возникают из них» [52, р. 19].

Э. Остром пишет, что «социальный капитал — это общее знание, понимание, нормы, правила и ожидания относительно форм взаимодействия, которые группы индивидов приносят в повторяющуюся деятельность» [45, р. 176].

Приведем еще ряд популярных определений социального капитала.

Таблица 2. Разнообразие определений понятия «социальный капитал»

Автор, год публикации	Определение понятия «социальный капитал»
Бурдье, 1980 [20]	Социальные связи, которые могут выступать ресурсом получения выгод
Нэк и Кифер, 1997 [36]	Доверие, нормы кооперации и ассоциации внутри групп
Нарайан и Притчет, 1999 [43]	Количество и качество ассоциальной жизни и связанные с этим социальные нормы
Вулкок, 2001 [66]	Социальный капитал, в отличие от других его форм, не является исключительной характеристикой индивида, он скорее описывает отношения между людьми, в которые включен данный индивид
Лин, 2001 [38]	Ресурсы, содержащиеся в социальных сетях, получаемые и используемые акторами для действий
Соубел, 2002 [56]	Обстоятельства, в которых индивиды могут использовать членство в группах и сетях, чтобы гарантировать достижение выигрышей
Шихирев, 2003 [11]	Качество социальных связей, основной качественной характеристикой которых является этический уровень
Организация экономического сотрудничества и развития (OECD: Кот, Хили, 2001) [44]	Сети вместе с общими нормами, ценностями и пониманиями, которые облегчают сотрудничество внутри групп и между группами
Мировой банк, 2005 [24]	Нормы и сети, которые способствуют коллективному действию
Полищук, 2010 [5]	Способность общества или сообществ к самоорганизации и совместным действиям

Как мы видим по этой небольшой выборке, сохраняется значительный разброс, и это неизбежно рождает трудности в измерении социального капитала и острую полемику вокруг этой категории; и количество споров только увеличивается.

Не вдаваясь в подробное обсуждение всех существующих определений социального капитала, важно указать, как мы понимаем социальный капитал, именно из-за этих его многообразных интерпретаций. Мы солидарны с выводами Дерлауфа и Фафчампса, которые выделяют три основных идеи, которые прослеживаются почти во всех определениях социального капитала: «Во-первых, социальный капитал порождает (положительные) внешние эффекты для членов группы. Во-вторых, эти внешние эффекты достигаются за счет совместного доверия, норм и ценностей и их последующего воздействия на ожидания и поведение. В-третьих, общее доверие, нормы и ценности возникают из неофициальных форм организации на основе социальных сетей и ассоциаций» [266, р. 1644]. Таким образом, по их мнению, «социальный капитал — это

изучение основанных на сетях процессов, которые генерируют полезные результаты через нормы доверия» [Ibid.].

Хотя в литературе социальный капитал сводят иногда к его отдельным атрибутам или аспектам (к сетям, доверию или участию), представляется, что изолированно ни один из них сам по себе не может рассматриваться как социальный капитал. Социальный капитал обозначает сети социальных отношений, характеризующиеся нормами доверия и взаимности.

Как физический капитал (например, технологии и инструменты) и человеческий капитал (например, образование, талант и навыки), социальный капитал повышает производительность индивидов и групп. В отличие от физического капитала, однако, социальный капитал не изнашивается или обесценивается в процессе его использования. Также в отличие от физического капитала социальный капитал не является эксклюзивным и может быть использован сразу многими людьми. В этом смысле социальный капитал имеет многие атрибуты «общественного блага».

Исследования, которые выявляют и описывают роль социального капитала, дали несколько убедительных ответов на вопрос о популярности проблематики социального капитала и интересе к ней.

Понятие социального капитала основано на идее, что социальные отношения и социальные нормы могут предоставить доступ к ценным ресурсам, которые могут улучшить благосостояние людей [28], семьи [43], сообществ [19] или даже регионов или стран [36]. Преимущества социального капитала в настоящее время хорошо установлены и на микро- и на макроуровне. Одним из устоявшихся утверждений в литературе является то, что социальный капитал может облегчить решение проблем коллективных действий. В политической сфере обобщенное доверие и другие гражданские установки позволяют гражданам объединить свои силы в социальных и политических группах и дают им возможность более легко спланировать в гражданских инициативах. Выявив, что эффекты социального капитала, безусловно, влекут за собой социальные выгоды для индивидов, исследования таким образом показали прямую связь между некоторыми аспектами социального капитала и крупномасштабными результатами, такими как экономический рост [25; 30; 36], низкий уровень преступности [34; 61] и более ответственная перед обществом власть [49].

Несмотря на все споры, исследования показывают, что социальный капитал — это нематериальный фактор и ресурс, который влияет на экономику, на общественное благосостояние, на эффективность социальных программ и на многое другое. От него зависит и качество общественных услуг, таких как образование, здравоохранение, состояние здоровья, репродуктивный потенциал, общественная безопасность, а также качество госуслуг и госуправления.

В социальной сфере обобщенное доверие облегчает жизнь в разнородном обществе и способствует толерантности и принятию различий. Жизнь в мультикультурных обществах легче, счастливее и увереннее при наличии обобщенного доверия [60]. Дети, интегрированные в поддерживающие социальные сети, меньше отчисляются из школ [22], кроме того некоторые исследования обнаружили сильную связь между умственным и даже физическим здоровьем и вовлеченностью в сети [52; 53].

Эти разнообразные примеры воздействий социального капитала демонстрируют кажущийся разнородной в потоке исследований социального капитала. Похоже, что социологическая традиция исследований социального капитала занимается широким спектром позитивных результатов, которые социальный капитал обеспечивает для человека или для отдельных групп. Этот подход действительно очень широк и включает в себя столь разнообразные примеры, как сеть торговцев алмазами, сети озабоченных родителей школьников и сильные семейные отношения как формы социального капитала. Эти сети могут принести пользу отдельным членам сети и другим индивидам, которые не являются их членами (например, другим родителям в школе), или, напротив, иногда эти сети могут быть настолько эксклюзивными, что выгоды становятся своего рода клубными благами, исключая посторонних.

Типы социального капитала

Первоначально социальный капитал рассматривался как одномерный конструкт, который производит исключительно положительные результаты, но сейчас общепризнано, что существуют разные типы социального капитала и что есть также и «темная сторона» социального капитала. Хотя показано, что социальный капитал позволяет и облегчает коллектив-

ные действия, но общества могут иметь пагубные коллективные цели, и наличие социального капитала может позволить им достичь этих целей более легко. Это привело к выводу, что для общества важен не только уровень социального капитала, но и его тип. Не все виды социального капитала рассматриваются как доброкачественные, и только отдельные аспекты социального капитала могут иметь положительные последствия для общества в целом.

В этом отношении еще Патнэм различал два типа социального капитала, а именно **ограничивающий** (bonding) и **перекрывающий** (bridging) социальный капитал⁴. Последний тип может быть определен как узлы связей, которые формируются поверх разнообразных социальных групп, тогда как ограничивающий социальный капитал скрепляет только однородные группы.

По словам Патнэма, перекрывающий социальный капитал обозначает социальные сети, которые объединяют разных людей, а ограничивающий социальный капитал объединяет людей сходных. Это важное различие, потому что внешние эффекты для групп, которые являются перекрывающими, скорее всего, будут положительными, в то время как сети, которые являются ограничивающими (ограничены рамками определенных социальных ниш), подвержены большему риску получения отрицательных внешних эффектов.

Подобное различие в типах социального капитала было предложено и другими исследователями [29; 47; 63], иногда использовавшими иную терминологию, но указывавшими на те же самые основополагающие феномены. Например, Грановеттер ввел полезное различие между сильными и слабыми связями, утверждая, что послед-

ний вид предоставляет различные выгоды для своих членов, особенно в плане поиска работы [31]. Слабые связи открывают более эффективные информационные потоки и поэтому особенно полезны для фасилитации коллективных действий. Полищук и Меняшев оперируют понятиями «открытый и закрытый капитал», а также «группы Патнэма» и «группы Олсона», по сути, отождествляя их с указанными разновидностями капитала по Патнэму [3].

Бёльгейсдейк и Смалдерс [16] показали, что перекрывающий социальный капитал оказывает положительное влияние на экономический рост, в то время как ограничивающий социальный капитал имеет отрицательный эффект на степень социальности вне замкнутого круга общения. Этот результат подтверждает утверждение Фукуямы, что «прочность семьи влечет за собой неустойчивость любых отношений между людьми, которые не состоят в родстве между собой» [8, с. 103].

Стоит еще раз отметить, что для атомизированных агентов любая форма социального взаимодействия – будь то перекрывающий или ограничивающий социальный капитал – дает выгоды и преимущества. Гомогенные ограничивающие группы также могут служить позитивным целям, но есть опасность, что они могут обострять и углублять социальные расколы, особенно в плюралистических обществах, фрагментированных глубоко укорененными этнонациональными, расовыми, религиозными и тому подобными конфликтами.

Важно, что перекрывающий социальный капитал имеет большее (положительное) влияние на экономический рост, чем ограничивающий. Таким образом, мы не утверждаем, что общение с семьей и близкими друзьями – это плохая деятельность сама по себе. Ключевым моментом

⁴ Перевод терминов не устоялся.

является различие между типами общения; инвестиции в перекрывающий социальный капитал лучше с точки зрения экономического роста.

Ряд исследователей [52; 57; 63] выделяют также третий компонент — **соединяющий** (linking) социальный капитал, который описывает связи с людьми во власти и характеризуется отношениями между людьми в иерархии, где существуют различные уровни власти. Он важен для получения поддержки, ресурсов, идей и информации от формальных институтов и лидеров, которые занимают позиции во власти вне круга общения человека и которые могут распределять зачастую редкие ресурсы. Соединяющий капитал отличается от ограничивающего и перекрывающего типов тем, что связан с отношениями между неравными по статусу людьми. Таким образом, характер связей такого капитала является *вертикальным* — он связывает людей на разных уровнях власти. Связи перекрывающего и ограничивающего типа (или горизонтальные сети) также называют сетями доверия, в то время как соединяющая (или по вертикали) связь формирует сети власти.

Социальный капитал, экономический рост и развитие

Как западные, так и отечественные исследователи [6; 15; 36; 66] сходятся во мнении о том, что в реалиях современного экономического развития социальный аспект категории «капитал» приобретает все большее значение. Однако идее социального капитала пока не очень уютно в современной экономической мысли. Хотя она обладает мощной, интуитивно понятной привлекательностью, социальный капитал оказалось трудно отследить в качестве экономического блага. Среди прочего, его крайне трудно измерить — не только из-за недостатка данных, но и по-

тому, что мы не совсем знаем, что именно мы должны измерять. Состоящие из различных типов установок, отношений и обязательств компоненты социального капитала многочисленны, разнообразны и, во многих случаях, нематериальны.

Внимание к социальному капиталу растет из признания того, что его отсутствие является одним из основных препятствий на пути экономического развития. В общем виде вывод о том, что «социальные институты имеют экономическое значение» был сделан впервые Р. Патнэмом и Д. Хэлливелом в их анализе деятельности предприятий в Италии в 1960–1970 гг. [50]. Существенная часть нынешнего интереса к социальному капиталу проистекает из более поздней, ставшей классической книги Патнэма, Леонарди и Нанетти [49], которые утверждали, что Северная Италия развивается быстрее, чем Южная, потому что первая щедрее наделена социальным капиталом, измеряемым через членство в группах и клубах. Исследователи нашли, что высокий уровень «ассоциативной» жизни, доверие и нормы взаимности и гражданского сотрудничества сильно коррелируют с уровнем доходов на душу населения в регионе. Последующая критика выявила как недостаточную валидность и строгость слишком прямолинейных выводов данных авторов, так и несомненное наличие положительных внешних эффектов влияния социального капитала на экономику.

Инициаторами в эмпирическом анализе темы воздействия социального капитала на экономический рост стали Нэк и Кифер [36]. Они построили модель, увязывающую экономический рост стран с уровнем доверия, этическими нормами и членством в объединениях. Они показали, что доверие и гражданское сотрудничество оказывают значительное влияние на экономическую

деятельность, и, кроме того, что не все элементы минимального определения социального капитала значимы — в частности, участие в сетях мало связано с доверием и с экономической результативностью.

Вулкок [63] представил широкий концептуальный анализ роли социального капитала для развития общества и экономики; список влияний социального капитала на экономическое развитие собрали Дасгупта и Серагельдин [25, р. 15], Гротаерт и ван Бастелеар [32]. Уайтли [62] исследовал отношения между социальным капиталом и экономическим ростом в выборке из тридцати четырех стран за период с 1970 по 1992 г. в рамках модифицированной неоклассической модели экономического роста. В целом полученные результаты свидетельствуют о том, что социальный капитал оказывает влияние на рост, которое, по меньшей мере, так же сильно, как у человеческого капитала, бывшего центром внимания множества работ по теории роста.

С. Бёугелсдейк и С. Смалдерс [16], анализируя свойства модели, делают вывод о том, что связь между экономическим ро-

стом и социальным капиталом зависит от внутренних характеристик системы и может иметь различные направления для разных обществ и периодов развития, а именно для более развитых и менее развитых стран. Характеристики текущего состояния могут быть выявлены на основе эмпирического анализа.

Р. Меняшев и Л. Полищук провели пионерское и пока единственное в своем роде исследование влияния социального капитала регионов России на экономические результаты. Опираясь на данные, собранные ФОМ в рамках всероссийского опроса, они использовали факторный и регрессионный анализ, в результате чего пришли к выводу о том, что «несмотря на сомнения в способности российского общества стать самостоятельной движущей силой развития страны, социальный капитал в российских условиях дает осязаемую экономическую отдачу, в первую очередь за счет повышения подотчетности органов власти» [3].

Т. Шаповалова систематизировала позитивные эффекты социального капитала для экономического роста (*рисунки*) [10].

И хотя количественные меры, используемые различными авторами в доказательство тезиса о влиянии социального капитала на экономический рост и развитие, продолжают вызывать полемику, можно суммировать качественные находки, относящиеся к предмету полемики.

Социальный капитал, прежде всего, ведет к снижению трансакционных издержек:

- на поиск информации и проверку контрагентов;
- на координацию (выполнение формальных бюрократических процедур, заключение договоров и др.);
- на контроль и принуждение контрагентов к соблюдению обязательств, на государственную регуляцию (поскольку социальный капитал связан с ожиданием того, что другие экономические агенты будут выполнять свои обязательства без применения санкций).

Таким образом, можно говорить об удешевлении стоимости переговоров, облегчении персонифицированного неформального взаимодействия между участниками экономических отношений, о потенциале саморегулирования экономической деятельности, снижении затрат на содержание государственных институтов и других неярких расходов общества.

Социальный капитал облегчает его владельцам доступ к ресурсам, накопленным (созданным, перераспределяемым) в социальной сети. Следствиями этого являются:

- дешевизна кредита, более широкий доступ к информации, инновациям, лучшим рабочим местам и т.д.;
- снижение уязвимости, получение помощи в случае неудачи, кризиса и иного форс-мажора.

Общими эффектами социального капитала на уровне общества называют:

- компенсацию слабости институциональной среды экономической деятельности, неэффективности формальных институтов;
- повышение социально-политической стабильности, качества управления;
- общее оздоровление социальной ситуации, расширенную возможность сотрудничества, коллективных действий ради общей цели;
- положительное социальное самочувствие индивидов, снижение порога риска для принятия решений в условиях неопределенности.

Социальный капитал и кризисы

Влияние кризиса на социальный капитал и обратное влияние социального капитала на протекание кризиса пока не стало предметом систематического изучения, хотя эпизодические и фрагментарные исследования различных аспектов взаимоотношений этих двух понятий в литературе рассматриваются.

Прежде всего, речь идет о циклических финансово-экономических кризисах, но также нужно говорить о структурных локальных или национальных кризисах, связанных с обесценением отдельных отраслей и сфер экономики и кризисом соответствующих национальных или локальных сообществ (регионов, городов и поселков).

Исследуя воздействие кризисов первого типа (и если верна гипотеза, что существует прямая и сильная взаимосвязь между экономическим кризисом и социальным капиталом), мы можем надеяться найти закономерности динамики социального капитала между 2006 и 2015 гг., коррелирующие с динамикой экономических показателей.

Теоретически в этой связи необходимо задать вопросы о том, что происходит со страной после масштабной экономической травмы, такой как текущий кризис: начи-

нает ли её социальная структура рваться по швам или, наоборот, скорее, люди сплачиваются, чтобы справиться с переживаемыми невзгодами? Становятся ли люди в ситуации кризиса более зависимыми от своих семей и знакомых в качестве средства преодоления своих экономических трудностей, чем до кризиса, и насколько более или менее активно они участвуют в гражданских акциях и политической жизни или же теряют веру в политическое участие? Перекалывают ли они ответственность за выход из кризиса на власти или выстраивают стратегии реакции на кризис в собственных сетях? Эти вопросы вытекают из важной и острой современной социологической проблемы: они являются отправной точкой для исследования социальных последствий экономического кризиса.

С одной стороны, можно предполагать, что экономический кризис сопровождается кризисом доверия. В этом смысле кризис разрушает социальный капитал. И этот процесс запускает порочный круг, поскольку кризис социального капитала, в свою очередь, становится препятствием для скорейшего выхода из кризиса экономики на путях кооперации, координации, совместных действий. Таким образом, можно сформулировать гипотезу о том, что условия кризиса могут угрожать социальной ткани страны за счет роста недоверия. Но возможно, что если рецессия действительно повлияла на уровень доверия, то она снизила его хотя и в значительной, но далеко не в катастрофической степени.

Вместе с тем недостаточно просто показать, что экономический кризис приводит к падению показателей социального капитала. Надо доказать, во-первых, что это не часть других социетальных долгосрочных изменений, а во-вторых, выяснить, о каком именно типе социального капитала идет речь.

Таким образом, можно выдвинуть еще несколько гипотез.

а. Более высокий уровень социального капитала облегчает преодоление кризиса. Регионы с более высоким уровнем социального капитала при прочих равных условиях быстрее выходят из кризиса.

б. Ограничивающий социальный капитал способствует выживанию в краткосрочной перспективе, передавая ресурсы по сетям закрытых групп, что можно было бы подтвердить выявленным увеличением семейных и родственных связей, ослаблением социальной и политической активности и т.п.

с. Перекрывающий капитал способствует преодолению кризиса в долгосрочной перспективе, т.к. он активизирует межсетевые поиски путей и способов выхода из кризиса, привлечения ресурсов.

Кроме того, рассматривать только то, как экономический кризис может негативно повлиять на социальный капитал, недостаточно. С точки зрения социального капитала влияние кризиса на индивидов и общество может быть не только отрицательным, но и положительным.

Можно предположить, что во время экономического кризиса *социальный капитал является защитным фактором*. Социальный капитал и социальные сети, возможно, представляют собой сеть, защищающую от неблагоприятного воздействия быстрых макроэкономических изменений. Это заставляет задаться вопросом, может ли и в какой степени *социальный капитал выступать в качестве средства возмещения ущерба*, созданного жадностью, эгоизмом, недалковидностью или прямой глупостью политиков, банкиров, финансовых спекулянтов и т.д.

Социологи и экономисты должны также рассмотреть, как *существующий запас социального капитала может помочь людям*

справиться с тяжестью кризиса и как этот процесс может с течением времени даже *помочь пополнить запасы социального капитала* страны и региона. Так, Йоханнессон, Скаптадоттир и Бенедиктссон [35, р. 4] показывают, что первоочередными в определении способности человека справиться с экономическим кризисом являются распространенность социальных сетей, способность к инновациям и сильное чувство как индивидуального, так и общественного самосознания, или другими словами, социальный капитал.

Возможно, что сами *индивидуальные и коллективные попытки разрешить кризис могут предотвратить падение социального капитала*. В некоторых случаях период кризиса может *привести к укреплению социальной сплоченности* и даже *генерировать новые отношения, которые улучшают общий социальный капитал*, когда сообщества находят инновационные способы преодоления своих проблем.

Важным фактором для нашего анализа будет не только изменяющийся во время кризиса уровень социального капитала, но и большая или меньшая роль социального капитала во время и после финансово-экономического кризиса, проявляющаяся в гражданской активности и политической деятельности.

Будущие исследования должны обратить внимание и на то, не является ли активное обращение к социальному капиталу (и гражданскому обществу) в кризисном дискурсе замаскированной *попыткой государства переложить на общество часть социальных затрат* в условиях дефицита государственных ресурсов и падения его эффективности.

Воздействие на социальный капитал кризисов второго типа — структурных кризисов, задевающих моноиндустриальные города и регионы (и обратное — социаль-

ного капитала на протекание кризиса), также исследовано слабо и фрагментарно, хотя важность самой темы не вызывает сомнений.

Беренхольдт и Аарсетер используют концепцию социального капитала в связи с разработанной ими концепцией «копинг-стратегии»⁵ [14] региона, стратегии реакции на кризис, которая одновременно и опирается на имеющийся социальный капитал, и способствует его развитию. Работа Йоханнессона, Скаптадоттир и Бенедиктссона также увязывает концепцию социального капитала и потенциала выхода региона из кризиса посредством копинг-стратегии, демонстрируя силу этого подхода на примере регионов Исландии [35].

Пожалуй, наиболее заметным исследованием данного направления является работа Шона Сэффорда, построенная на сравнении историй двух попавших в кризис американских моногородов. Сэффорд, как и другие исследователи, искал ответ на вопрос, почему некоторые города промышленного пояса США пережили резкую реструктуризацию экономики, а потом расцвели в период экономического бума 1990-х — начала 2000-х годов, тогда как другие не смогли. Автор пытается ответить на этот вопрос, исследуя два промышленных города среднего размера — Аллентаун, штат Пенсильвания, и Янгстаун, штат Огайо, когда они столкнулись с крахом своей основной отрасли — металлургии [54; 55]. Сэффорд утверждает, что разная судьба стала прямым результатом различных эволюций социальных сетей в рамках двух городов. Он пришел к выводу, что сообществу, сталкивающемуся с острым экономическим кризисом, лучше всего служат слои независимых ассоциаций,

⁵ Термин «копинг-стратегия» был изначально заимствован из социальной психологии, где обозначал реакции индивида на стрессы различного рода.

которые соединяются в ключевых точках, строя критически важные мосты поверх социальных, экономических и географических разделений внутри сообщества. Сэффорду удалось показать на основе виртуозного анализа сетей, что именно развитые сети перекрывающего типа в одном из городов способствовали более быстрому и успешному выходу из кризиса в противоположность сетям ограничивающего типа, которые больше помогают выживанию и экономическому обмену.

Актуальность такого рода исследований, фокусирующихся на динамичной роли местных социальных систем и структур в реакции сообщества на воздействие экономического кризиса, несомненна, поскольку они предлагают жизнеспособную альтернативу чисто экономическим стратегиям развития в условиях кризиса.

Региональное развитие и социальный капитал

Довольно быстро на повестку исследовательской работы встал вопрос о том, что страновые показатели уровня и типа социального капитала скрывают существенные вариации на региональном уровне. С одной стороны, региональные исследования позволяют выявить корреляции и зависимости на широких представительных выборках, с другой — эмпирически проверить гипотезы о вкладе социального капитала в экономический рост и развитие на основе региональных различий в типах и уровнях социального капитала.

Надо напомнить, что сама концепция социального капитала своему рождению во многом обязана проведенному Патнэмом и Хеллиуэллом сравнительному исследованию регионов Северной и Южной Италии. С. Панебьянко, используя аналогичные индикаторы, воспроизвел результаты их исследований для немецких регионов [46].

Большинство последующих эмпирических исследований показывают положительное влияние социального капитала и его компонентом на региональное развитие. Нэк и Кифер, Ла Порта с коллегами, Зак и Нэк показывают на основе данных Всемирного исследования ценностей для различных регионов и стран мира, что различия в доверии — измеряемые с помощью вопроса «Вообще говоря, Вы бы сказали, что большинству людей можно доверять или что надо быть очень осторожным в общении с людьми?» — оказывают существенное влияние на страновые темпы роста [36; 37; 67].

Бейгельсдейк и ван Шайк, а также Табеллини представили сходные результаты для экономического роста регионов Европы [17; 58]. Табеллини использовал дополнительные переменные, которые имеют отношение к постматериалистическим ценностям, и также нашёл позитивные отношения с региональным ростом. Алган и Каю [12] рассчитали воздействие такого компонента социального капитала, как доверие, на изменение показателя дохода на душу населения по различным странам между 1935 и 2000 годами. Каллуа и Шмитт [21] провели эконометрический анализ данных по сельским районам Франции, используя не прямые индикаторы социального капитала, и установили позитивный эффект влияния всех форм социального капитала на экономический рост, обнаружив комплементарность перекрывающего и ограничивающего типов социального капитала. Блюм и Зак показали различие паттернов социального капитала регионов Западной Германии, влияющих на темпы и характер экономического роста [18].

Таким образом, эмпирическая проверка на материале западных стран подтвердила ранее высказанные гипотезы о позитивном отношении регионального социального

капитала с экономическим ростом. Вместе с тем столь же уверенный вывод о регионах стран, находящихся на более низкой ступени экономического развития, пока невозможен. Применительно к посткоммунистическим странам, в том числе России, имеются лишь фрагментарные и плохо сопоставимые данные.

Статья Й. Дзялека [27] с описанием пространственных структур социального капитала в Польше специально сконцентрирована на его отношениях с экономическим развитием в контексте опыта посткоммунистических стран Центральной Европы. Автор пытался ответить на два основных исследовательских вопроса: насколько диверсифицированы ресурсы социального капитала в польских регионах и полезна ли модель социального капитала для объяснения различий в темпах экономического роста польских регионов.

Дзялек показал, во-первых, что в Польше ресурсы социального капитала характеризуются высокой пространственной дифференциацией, лишь частично связанной с прежними путями развития и историческим наследием регионов. Во-вторых, что такая дифференциация имеет влияние на динамику текущего регионального экономического развития, то есть регионы с более высоким уровнем социального капитала, особенно перекрывающего социального капитала, могут развиваться быстрее, что аналогично тенденциям, выявленным исследованиями, проведенными в регионах Западной Европы.

Вместе с тем общие ресурсы социального капитала польских регионов являются относительно низкими, что делает вклад социального капитала в их экономическое развитие существенно более слабым, чем в развитых странах.

Первые попытки применить концепцию социального капитала для изучения

российских регионов были предприняты в начале века.

В серии работ К. Марша [40; 41; 42] была предложена оригинальная методика измерения индекса социального капитала в ряде субъектов России. Индекс образуют показатели «электоральная активность», «объем издания газет» и «количество гражданских клубов/ассоциаций» в соответствующем регионе РФ. Марш обнаружил корреляцию индекса гражданского сообщества и индекса демократизации. Регионы с более высоким индексом гражданского сообщества демонстрируют более высокий индекс демократизации и наоборот. Однако набор показателей, использованный Маршем, с трудом можно назвать общепринятым, потому данные его слабо сопоставимы с данными других исследователей, да и сами предложенные индикаторы социального капитала должны быть восприняты весьма критично.

Иную шкалу сравнительного измерения социального капитала различных российских регионов предложила Дж. Твиг [59]. Поскольку данные, непосредственно характеризующие социальный капитал в России и такую его характеристику, как доверие, отсутствовали, она оперировала показателями статистики, которые, по ее мнению, выступают «заменителями» прямых индикаторов: «уровень преступности», «культура», «семья» и «работа», и шестью дополнительными индикаторами социального капитала. Также на этой основе она диагностировала существенную дифференциацию регионов по уровню социального капитала. Однако крайне широкое толкование ею социального капитала делает аналитическую ценность полученных материалов весьма небольшой, а данные — несопоставимыми с теми, что получены на основе общепринятых подходов.

Упомянутое выше исследование Р. Меньшева и Л. Полищука отталкивалось от видимой картины значительных перепадов уровня социального капитала между различными регионами и в их пределах [5].

Е. Трубахина, опираясь на методику Бёльгейсдейка и Смалдерса [16], использовала данные «Георейтинга» ФОМ и экономическую статистику (ВРП на душу населения и оборот малого бизнеса на душу населения в регионе), обнаружила положительную связь активности участия в различных группах и организациях (как аспект открытого социального капитала) с величиной ВРП на душу населения. Она также установила, что для развития малого бизнеса значим не только открытый, но и закрытый тип социального капитала. Показатели субъективного доверия оказались незначимы [7].

Конечно, эти данные о российских регионах носят уникальный и фрагментарный характер. Понимая это, сами исследователи пишут, что «важно также найти более убедительные подтверждения *причинной* связи между социальным капиталом и развитием, подобрав для этого подходящие инструментальные переменные» [3, с. 169].

Таким образом, с точки зрения задачи всестороннего исследования взаимосвязей между социальным капиталом российских регионов и другими социальными и экономическими характеристиками налицо ряд препятствий, а именно: относительно ограниченные и недиверсифицированные наборы переменных, используемых для описания широкого спектра различных видов социального капитала; использование переменных, описывающих возможные последствия наличия или отсутствия социального капитала (например, уровень преступности и явку избирателей), а не сам социальный капитал; и неучет факторов экономического и человеческого капитала в моделях влияния социального капитала на экономический рост.

По-прежнему остается открытым вопрос о том, почему некоторые локации (например, региональные индустриальные системы, промышленные кластеры, городские районы) в большей степени способствуют развитию и укреплению общественных отношений и, как следствие, наделены большими ресурсами социального капитала.

Первым шагом для анализа является, таким образом, изучение ресурсов социального капитала и его типов в российских регионах. Только после этого можно будет рассмотреть, имеет ли он положительное или отрицательное воздействие, и проверить гипотезы о связи этого понятия и экономического роста, а также о характере этой связи.

Предпосылки исследования социального капитала в регионах

Итак, в России не проведено всеобъемлющей диагностики социального капитала, которая позволила бы дать обоснованные заключения о его уровне, типах, роли в экономическом и социальном развитии, динамике изменений и вкладе в антикризисные стратегии. Социальный капитал не изучен в различных аспектах и на различных уровнях (временных или географических, относящихся к социальным слоям и профессиональным группам и т.д.). Как следствие, нет базы данных, объединяющей признаки и характеристики социального капитала для целей его изучения и управления и в целом, и в пространственной перспективе, в разрезе регионов. Не менее дефицитными являются пути и средства, необходимые для однозначного измерения капитала и определения механизмов и инструментов для его развития. Все это показывает, что проблема исследования роли социального капитала для социально-экономического развития региона и отдельных локаций в России остается открытой и нерешенной.

Литература

1. Афанасьев, Д.В. Социальный капитал: концептуальные истоки и политическое измерение / Д.В. Афанасьев // Социальный капитал как ресурс модернизации в регионе: проблемы формирования и измерения: материалы Межрегиональной научно-практической конференции, г. Череповец, 16–17 октября 2012 г. – В 2-х ч. – Ч. 1. – С. 11-22.
2. Коулман, Дж. Капитал социальный и человеческий / Дж. Коулман // Общественные науки и современность. – 2001. – № 3. – С. 122-139.
3. Меняшев, Р.Ш. Экономическая отдача на социальный капитал: о чем говорят российские данные? / Р.Ш. Меняшев, Л.И. Полищук // XI Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. – Т. 2. – С. 159-170.
4. Натхов, Т.В. Социальный капитал и образование / Т.В. Натхов // Вопросы образования. – 2012. – № 2. – С. 63-67.
5. Полищук, Л. Социальный капитал в России: измерение, анализ, оценка влияния [Электронный ресурс] / Л. Полищук. – Режим доступа: <http://www.liberal.ru/articles/5265> (дата обращения: 10.05.2015).
6. Полищук, Л. Экономическое значение социального капитала / Л. Полищук, Р.Ш. Меняшев // Вопросы экономики. – 2011. – № 12. – С. 46-65.
7. Трубахина, И.Е. Социальный капитал и экономическое развитие в регионах России / И.Е. Трубахина // INEM – 2012. Труды II Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции в сфере инноваций, экономики и менеджмента. Томск, 24 апр. 2012. – Томск: Томский политех. ун-т, 2012. – С. 357-361.
8. Фукуяма, Ф. Великий разрыв / Ф. Фукуяма. – М.: АСТ, 2008.
9. Фукуяма, Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / Ф. Фукуяма. – М.: АСТ; ЗАО НПП «Ермак», 2004.
10. Шаповалова, Т.В. Вплив соціального капіталу на економічне зростання / Т.В. Шаповалова // Економічний аналіз: зб. наук. праць. – Тернопіль: Видавничо-поліграфічний центр Тернопільського національного економічного університету «Економічна думка», 2013. – Т. 14. – № 1. – С. 167-175.
11. Шихирев, П.Н. Природа социального капитала: социально-психологический подход / П.Н. Шихирев // Общественные науки и современность. – 2003. – № 2. – С. 17-32.
12. Algan, Y. Inherited Trust and Growth / Y. Algan, P. Cahuc // American Economic review. – 2010. – V. 100 (5). – P. 60-92.
13. Arrow, K. Observations on social capital / K. Arrow; P. Dasgupta, I. Seragilden (eds.) // Social Capital: A Multifaceted Perspective. – Washington, DC: World Bank, 2000. – P. 3-5.
14. Baerenholdt, J. Coping strategies, social capital and space / J. Baerenholdt, N. Aarsaether // European Urban and Regional Studies. – 2002. – № 9 (2). – P. 151-161.
15. Exploring Social Capital Debates at the World Bank / A. Bebbington, S. Guggenheim, B. Olson, M. Woolcock // Journal of Development Studies, 2004. – V. 40 (5). – P. 33-64.
16. Beugelsdijk, S. Bonding and Bridging Social Capital and Economic Growth / S. Beugelsdijk, S. Smulders // Center Discussion Paper. – 2009. – № 27. – P. 1-39.
17. Beugelsdijk, J. Differences in social capital between 54 Western European regions / J. Beugelsdijk, T. van Schaik // Regional Studies. – 2005. – V. 39. – P. 1053-1064.
18. Blume, L. Patterns of social capital in West German regions / L. Blume, D. Sack // European Urban and Regional Studies. – 2008. – N 15. – P. 229-248.
19. Bowles, S. Social Capital and Community Governance / S. Bowles, H. Gintis // Economic Journal. – 2002. – V. 112 (483). – P. 419-436.
20. Bourdieu, P. The forms of capital / P. Bourdieu // Richardson, J. (Ed.) Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education. – New York, Greenwood, 1986. – P. 241-258.
21. Callois, J.-M. The role of social capital components on local economic growth: Local cohesion and openness in French rural areas / J.-M. Callois, B. Schmitt // Review of Agricultural and Environmental Studies. – 2009. – N 90 (3). – P. 257-286.
22. Coleman, G. Public and private high schools: The impact of communities / G. Coleman, T. Hoffer. – N.Y.: Basic Books, 1988.

23. Coleman, J. *The Foundations of Social Theory* / J. Coleman. — Cambridge, MA: Belknap of Harvard UP, 1993.
24. *Community driven development and social capital: Designing a baseline survey in the Philippines*. Social Development Department. — Washington, DC: World Bank, 2005.
25. Dasgupta, P. *Social capital: a multifaceted perspective* / P. Dasgupta, I. Serageldin. — Washington, DC: World Bank, 2000.
26. Durlauf, S.N. *Social Capital* / S.N. Durlauf, M. Fafchamps; P. Aghion & S. Durlauf (ed.) // *Handbook of Economic Growth*, Elsevier. — 2005. — V. 1b. — P. 1639-1699.
27. Dzialek, J. *Is social capital useful for explaining economic development in polish regions?* / J. Dzialek // *Geografiska Annaler: Series B, Human Geography*. — 2014. — V. 96. — N. 2. — P. 177-193.
28. Fafchamps, M. *Property rights in flea market economy* / M. Fafchamps, B. Minten // *Economic development and cultural change*, 2001. — Vol. 49. — № 2. — P. 229-267.
29. Fedderke, J.W. *Economic Growth and Social Capital* / J.W. Fedderke, R.H.J. De Kadt, J. Luiz // *Theory and Society*. — 1999. — № 28. — P. 709-745.
30. Fukuyama, F. *Trust: the Social Virtues and the Creation of Prosperity* / F. Fukuyama. — New York: The Free Press, 1995.
31. Granovetter, V.S. *The Strength of Weak Ties* / V.S. Granovetter // *The American Journal of Sociology*. — 1973. — V. 78. — № 6. — P. 1360-1380.
32. Grootaert, C, Bastelaer, van T. *Understanding and Measuring Social Capital. A Multidisciplinary Tool for Practitioners* / C. Grootaert, T. van Bastelaer. — Washington, DC: World Bank, 2002.
33. Hanifan, L.J. *The Rural School Community Centre* / L.J. Hanifan // *Annals of the American Academy of Political and Social Sciences*. — 1916. — V. 67. — P. 130-138.
34. Jacobs, J. *The Death and Life of Great American Cities* / J. Jacobs. — New York: Random House, 1961.
35. Jóhannesson, G. *Coping with social capital? The cultural economy of tourism in the North* / G. Jóhannesson, U. Skaptadóttir, K. Benediktsson // *Sociologia Ruralis*. — 2003. — № 43 (1). — P. 3-16.
36. Knack, S. *Does social capital have an economic pay-off? A cross country investigation* / S. Knack, P. Keefer // *Quarterly Journal of Economics*. — 1997. — № 112 (4). — P. 1251-1288.
37. La Porta, R. *Trust in Large Organizations* / R. La Porta, F. Lopez-de-Silanes, A. Schleifer, R. W. Vishny // *American Economic Review*. — 1997. — V. 87. — P. 333-338.
38. Lin, N. *Social Capital: A Theory of Social Structure and Action* / N. Lin. — Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
39. Loury, G. *A Dynamic Theory of Racial Income Differences* / G. Loury; P. Wallace (ed.) // *Women, Minorities and Employment Discrimination*. — Lexington Books, 1977. — P. 153-186.
40. Marsh, C. *Making Russian Democracy Work* / C. Marsh. — Lewiston: The Edwin Mellen Press, 2000.
41. Marsh, C. *Social Capital and Democracy in Russia* / C. Marsh // *Communist and Post-Communist Studies*. — 2000. — № 33. — P. 183-199.
42. Marsh, C. *Social Capital and Grassroots Democracy in Russia's Regions: Evidence from the 1999–2001 Gubernatorial Elections* / C. Marsh // *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratisation*. — 2002. — V. 10. — № 1. — P. 19-36.
43. Narayan, D. *Cents and Sociability: Household Income and Social Capital in Rural Tanzania* / D. Narayan, L. Pritchett // *American Sociological Review*. — 1997. — № 9. — P. 871-897.
44. OECD. *The Well-being of Nations. The role of human and social capital* / T. Healy and S. Côté. — Paris, 2001.
45. Ostrom, E. *Social capital: Fad or a fundamental concept?* / E. Ostrom; P. Dasgupta, I. Serageldin (eds.) // *Social Capital, a Multifaceted Perspective*. — Washington, DC: World Bank, 2000.
46. Panebianco, S. *The impact of social capital on regional economic development* / S. Panebianco // *ACSP Congress*. — Lovanio, 2003.
47. Paxton, P. *Is Social Capital Declining in United States? A Multiple Indicator Assesment* / P. Paxton // *The American Journal of Sociology*. — 1999. — V. 105. — № 1. — P. 88-127.
48. Putnam, R. *Making Democracy Work: Civic Tradition in Modern Italy* / R. Putnam. — Princeton: Princeton University Press, 1993.
49. Putnam, R.D. *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy* / R.D. Putnam, R. Leonardi, R.Y. Nanetti. — Princeton: Princeton University Press, 1993.

50. Putnam, R. Economic Growth and Social Capital in Italy / R. Putnam, J. Helliwell // *Eastern Economic Journal*. – 1995. – № 21 (3). – P. 295-307.
51. Putnam, R. Bowling Alone: America's Declining Social Capital / R. Putnam // *Journal of Democracy*. – 1995. – January. – P. 65-78.
52. Putnam, R.D. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community / R.D. Putnam. – New York: Simon & Schuster, 2000.
53. Rose, R. How much does Social capital add to individual Health? A Survey Study of Russians / R. Rose // *Social Science & Medicine*. – 2000. – V. 51. – № 9. – P. 1421-1435.
54. Safford, S. Why the Garden Club Couldn't Save Youngstown: Civic Infrastructure and Mobilization in Economic Crises / S. Safford // *Working Paper*. – MIT Industrial Performance Center, 2004.
55. Safford, S. Why the Garden Club Couldn't Save Youngstown: The Transformation of the Rust Belt / S. Safford. – Harvard University Press, 2009.
56. Sobel, J. Can we trust social capital? / J. Sobel // *Journal of Economic Literature*. – 2002. – V. 40. – P. 139-154.
57. Szreter, S. Health by association? Social capital, social theory, and the political economy of public health / S. Szreter, M. Woolcock // *International Journal of Epidemiology*. – 2004. – V. 33. – P. 650-667.
58. Tabellini, G. Culture and institutions: economic development in the regions of Europe / G. Tabellini // *Journal of the European Economic Association*. – 2010. – V. 8 (4). – P. 677-716.
59. Twigg, J.L. Social Capital / J.L. Twigg, K. Schecter // *Social Capital and Social Cohesion in Post-Soviet Russia*. – Armonk: M.E. Sharpe, 2003. – P. 168-188.
60. Uslaner, E. The Moral Foundations of Trust / E. Uslaner. – N.Y.: Cambridge University Press, 2000.
61. Wilson, W.J. The Truly Disadvantaged: the Inner City, the Underclass and Public Policy / W.J. Wilson. – Chicago: University of Chicago Press, 1987.
62. Whiteley, P. Economic growth and social capital / P. Whiteley // *Political Studies*. – 2000. – V. 48. – N 3. – P. 443-466.
63. Woolcock, M. Social capital and economic development: Toward a theoretical synthesis and policy framework / M. Woolcock // *Theory and Society*. – 1998. – № 27 (2). – P. 151-208.
64. Woolcock, M. Social Capital: Implications for Development Theory Research and Policy / M. Woolcock, D. Narayan // *IBRD, Research Observer*. – 2000. – № 15 (2). – P. 225-251.
65. Woolcock, M. Exploring Social Capital Debates at the World Bank / M. Woolcock // *Journal of Development Studies*. – 2004. – № 40 (5). – P. 33-64.
66. Woolcock, M. The place of social capital in understanding social and economic outcomes / M. Woolcock // *Isuma: Canadian Journal of Policy Research*. – 2001. – V. 2:1. – P. 1-17.
67. Zak, P.J. Trust and growth / P.J. Zak, S. Knack // *Economic Journal*. – 2001. – V. 111. – P. 295-321.

Сведения об авторе

Дмитрий Владимирович Афанасьев – кандидат социологических наук, ректор, Череповецкий государственный университет (162600, Россия, г. Череповец, просп. Луначарского, д. 5, afanasev@chsu.ru)

Afanas'ev D.V.

On the Question of Studying the Role of Social Capital under the Conditions of the Socio-Economic Crisis

Dmitrii Vladimirovich Afanas'ev – Ph.D. in Sociology, Rector, Cherepovets State University (5, Lunacharsky Avenue, Cherepovets, 162600, Russian Federation, afanasev@chsu.ru)

Abstract. The concept of social capital has gained considerable popularity in the social sciences, as well as in practical politics on a national and international scale. Its heuristic potential is confirmed by numerous

studies demonstrating the positive impact of the level and types of social capital on a wide range of economic, social and political phenomena, and especially the use of the concept of social capital to study economic growth and development issues. However, there is no universally accepted definition of social capital, and there is no unanimous opinion concerning the ways of measuring it. The paper contains a review of the current status of the theoretical field of the concept; it shows that researchers from different countries are interested in the impact of social capital on economic growth and development at the regional level. Specific comparative studies in different countries and regions strongly support the presence of a correlation that proves social capital is one of the powerful driving forces of development. However, since the majority of studies on the effects of social capital on economic development are concentrated in the developed countries of Western Europe and the USA, it is important to evaluate the potential of this approach in the countries of post-Communist development that have different experience, in particular, in Russia. In this regard, the article points out that there is a clear lack of such studies with regard to Russia's regions, where there are only occasional fragmentary attempts to study social capital. The aim of the paper is to substantiate on the theoretical basis and to indicate the prerequisites for empirical studies on the effects of social capital of regions on their economic growth and development, especially under the conditions of the general economic and structural crisis.

Key words: social capital, economic growth, crisis, regional studies.

References

1. Afanas'ev D.V. Sotsial'nyi kapital: kontseptual'nye istoki i politicheskoe izmerenie [Social Capital: Conceptual Origins and Political Dimension]. *Sotsial'nyi kapital kak resurs modernizatsii v regione: problemy formirovaniya i izmereniya: materialy Mezhhregional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii, g. Cherepovets, 16–17 oktyabrya 2012 g.* [Social Capital as a Resource of Modernization in the Region: Problems of Formation and Assessment: Proceedings of the Interregional Research-to-Practice Conference, Cherepovets, October 16–17, 2012]. In 2 parts. Part 1. Pp. 11-22.
2. Coleman J. Kapital sotsial'nyi i chelovecheskii [Social and Human Capital]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity], 2001, no. 3, pp. 122-139.
3. Menyashev R.Sh., Polishchuk L.I. Ekonomicheskaya otdacha na sotsial'nyi kapital: o chem govoryat rossiiskie dannye? [Economic Returns on Social Capital: What Do the Data on Russia Indicate?]. *XI Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva* [The 9th International Scientific Conference on the Issues of Development of Economy and Society]. Moscow: Izd. dom Vyshei shkoly ekonomiki, 2011. Vol. 2. Pp. 159-170.
4. Natkhov T.V. Sotsial'nyi kapital i obrazovanie [Social Capital and Education]. *Voprosy obrazovaniya* [Education Issues], 2012, no. 2, pp. 63-67.
5. Polishchuk L. *Sotsial'nyi kapital v Rossii: izmerenie, analiz, otsenka vliyaniya* [Social Capital in Russia: Measurement, Analysis, Impact Assessment]. Available at: <http://www.liberal.ru/articles/5265> (accessed May 10, 2015).
6. Polishchuk L., Menyashev R.Sh. Ekonomicheskoe znachenie sotsial'nogo kapitala [Economic Significance of Social Capital]. *Voprosy ekonomiki* [Issues of Economics], 2011, no. 12, pp. 46-65.
7. Trubekhina I.E. Sotsial'nyi kapital i ekonomicheskoe razvitie v regionakh Rossii [Social Capital and Economic Development in the Regions of Russia]. *INEM – 2012. Trudy II Vserossiiskoi (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchno-prakticheskoi konferentsii v sfere innovatsii, ekonomiki i menedzhmenta. Tomsk, 24 apr. 2012* [INEM – 2012. Proceedings of the 2nd All-Russian Research-to-Practice Conference (with International Participation) in the Field of Innovation, Economics and Management. Tomsk, April 24, 2012]. Tomsk: Tomskii politekh. un-t, 2012. Pp. 357-361.
8. Fukuyama F. *Velikii razryv* [The Great Divide]. Moscow: AST, 2008.
9. Fukuyama F. *Doverie: sotsial'nye dobrodeteli i put' k protsvetaniyu* [Trust: Social Virtues and the Creation of Prosperity]. Moscow: AST; ZAO NPP "Ermak", 2004.

10. Shapovalova T.V. Vpliv sotsial'nogo kapitalu na ekonomichne zrostannya [The Impact of Social Capital on Economic Growth]. *Ekonomichnii analiz: zb. nauk. prats'* [Economic Analysis: Collection of Scientific Works], 2013, vol. 14, no. 1, pp. 167-175.
11. Shikhirev P.N. Priroda sotsial'nogo kapitala: sotsial'no-psikhologicheskii podkhod [The Nature of Social Capital: Socio-Psychological Approach]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity], 2003, no. 2, pp. 17-32.
12. Algan Y., Cahuc P. Inherited Trust and Growth. *American Economic Review*, 2010, vol. 100, no. 5, pp. 60-92.
13. Arrow K. Observations on Social Capital. *Social Capital: A Multifaceted Perspective*. Ed. by P. Dasgupta, I. Seragilden. Washington, DC: World Bank, 2000. Pp. 3-5.
14. Baerenholdt J., Aarsaether N. Coping Strategies, Social Capital and Space. *European Urban and Regional Studies*, 2002, no. 9 (2), pp. 151-161.
15. Bebbington A., Guggenheim S., Olson B., Woolcock M. Exploring Social Capital Debates at the World Bank. *Journal of Development Studies*, 2004, vol. 40, no. 5, pp. 33-64.
16. Beugelsdijk S., Smulders S. Bonding and Bridging Social Capital and Economic Growth. *Center Discussion Paper*, 2009, no. 27, pp. 1-39.
17. Beugelsdijk J., van Schaik T. Differences in Social Capital Between 54 Western European Regions. *Regional Studies*, 2005, no. 39, pp. 1053-1064.
18. Blume L., Sack D. Patterns of Social Capital in West German Regions. *European Urban and Regional Studies*, 2008, no. 15, pp. 229-248.
19. Bowles S., Gintis H. Social Capital and Community Governance. *Economic Journal*, 2002, vol. 112, no. 483, pp. 419-436.
20. Bourdieu P. The Forms of Capital. *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. Ed. by J. Richardson. New York, Greenwood, 1986. Pp. 241-258.
21. Callois J.-M., Schmitt B. The Role of Social Capital Components on Local Economic Growth: Local Cohesion and Openness in French Rural Areas. *Review of Agricultural and Environmental Studies*, 2009, no. 90 (3), pp. 257-286.
22. Coleman J., Hoffer T. *Public and Private High Schools: The Impact of Communities*. New York: Basic Books, 1988.
23. Coleman J. *The Foundations of Social Theory*. Cambridge, MA: Belknap of Harvard UP, 1993.
24. *Community Driven Development and Social Capital: Designing a Baseline Survey in the Philippines*. Washington, DC: World Bank, 2005.
25. Dasgupta P., Stiglitz J. *Social Capital: a Multifaceted Perspective*. Washington, DC: World Bank, 2000.
26. Durlauf S.N., Fafchamps M. Social Capital. *Handbook of Economic Growth*. Ed. by P. Aghion, S. Durlauf. Elsevier, 2005. Vol. 1b. Pp. 1639-1699.
27. Dzialek J. Is Social Capital Useful for Explaining Economic Development in Polish Regions? *Geografiska Annaler: Series B, Human Geography*, 2014, vol. 96, no. 2, pp. 177-193.
28. Fafchamps M., Minten B. Property Rights in Flea Market Economy. *Economic Development and Cultural Change*, 2001, vol. 49, no. 2, pp. 229-267.
29. Fedderke J.W., De Kadt R.H.J., Luiz J. Economic Growth and Social Capital. *Theory and Society*, 1999, no. 28, pp. 709-745.
30. Fukuyama F. *Trust: the Social Virtues and the Creation of Prosperity*. New York: The Free Press, 1995.
31. Granovetter V.S. The Strength of Weak Ties. *American Journal of Sociology*, 1973, vol. 78, no. 6, pp. 1360-1380.
32. Grootaert C, van Bastelaer T. *Understanding and Measuring Social Capital. A Multidisciplinary Tool for Practitioners*. Washington, DC: World Bank, 2002.
33. Hanifan L.J. The Rural School Community Centre. *Annals of the American Academy of Political and Social Sciences*, 1916, vol. 67, pp. 130-138.
34. Jacobs J. *The Death and Life of Great American Cities*. New York: Random House, 1961.
35. Jóhannesson G., Skaptadóttir U., Benediktsson K. Coping with Social Capital? The Cultural Economy of Tourism in the North. *Sociologia Ruralis*, 2003, no. 43 (1), pp. 3-16.
36. Knack S., Keefer P. Does Social Capital Have an Economic Pay-Off? A Cross Country Investigation. *Quarterly Journal of Economics*, 1997, no. 112 (4), pp. 1251-1288.
37. La Porta R., Lopez-de-Silanes F., Schleifer A., Vishny R. W. Trust in Large Organizations. *American Economic Review*, 1997, vol. 87, pp. 333-338.

38. Lin N. *Social Capital: A Theory of Social Structure and Action*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
39. Loury G. A Dynamic Theory of Racial Income Differences. *Women, Minorities and Employment Discrimination*. Ed. by P. Wallace. Lexington Books, 1977. Pp. 153-186.
40. Marsh C. *Making Russian Democracy Work*. Lewiston: The Edwin Mellen Press, 2000.
41. Marsh C. Social Capital and Democracy in Russia. *Communist and Post-Communist Studies*, 2000, no. 33, pp. 183-199.
42. Marsh C. Social Capital and Grassroots Democracy in Russia's Regions: Evidence from the 1999–2001 Gubernatorial Elections. *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratisation*, 2002, vol. 10, no. 1, pp. 19-36.
43. Narayan D., Pritchett L. Cents and Sociability: Household Income and Social Capital in Rural Tanzania. *American Sociological Review*, 1997, no. 9, pp. 871-897.
44. Healy T., Côté S. *OECD. The Well-Being of Nations. The Role of Human and Social Capital*. Paris, 2001.
45. Ostrom E. Social Capital: Fad or a Fundamental Concept? *Social Capital, a Multifaceted Perspective*. Ed. by P. Dasgupta, I. Serageldin. Washington, DC: World Bank, 2000.
46. Panebianco S. The Impact of Social Capital on Regional Economic Development. *ACSP Congress*. Lovanio, 2003.
47. Paxton P. Is Social Capital Declining in United States? A Multiple Indicator Assessment. *The American Journal of Sociology*, 1999, vol. 105, no. 1, pp. 88-127.
48. Putnam R. *Making Democracy Work: Civic Tradition in Modern Italy*. Princeton: Princeton University Press, 1993.
49. Putnam R.D., Leonardi R., Nanetti R.Y. *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*. Princeton: Princeton University Press, 1993.
50. Putnam R., Helliwell J. Economic Growth and Social Capital in Italy. *Eastern Economic Journal*, 1995, no. 21 (3), pp. 295-307.
51. Putnam R. Bowling Alone: America's Declining Social Capital. *Journal of Democracy*, 1995, January, pp. 65-78.
52. Putnam R.D. *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York: Simon & Schuster, 2000.
53. Rose R. How Much Does Social Capital Add to Individual Health? A Survey Study of Russians. *Social Science & Medicine*, 2000, vol. 51, no. 9, pp. 1421-1435.
54. Safford S. *Why the Garden Club Couldn't Save Youngstown: Civic Infrastructure and Mobilization in Economic Crises. Working Paper*. MIT Industrial Performance Center, 2004.
55. Safford S. *Why the Garden Club Couldn't Save Youngstown: The Transformation of the Rust Belt*. Harvard University Press, 2009.
56. Sobel J. Can We Trust Social Capital? *Journal of Economic Literature*, 2002, vol. 40, pp. 139-154.
57. Szreter S., Woolcock M. Health by Association? Social Capital, Social Theory, and the Political Economy of Public Health. *International Journal of Epidemiology*, 2004, vol. 33, pp. 650-667.
58. Tabellini G. Culture and Institutions: Economic Development in the Regions of Europe. *Journal of the European Economic Association*, 2010, vol. 8 (4), pp. 677-716.
59. Twigg J.L., Schecter K. Social Capital. *Social Capital and Social Cohesion in Post-Soviet Russia*. Armonk: M.E. Sharpe, 2003. Pp. 168-188.
60. Uslaner E. *The Moral Foundations of Trust*. New York: Cambridge University Press, 2000.
61. Wilson W.J. *The Truly Disadvantaged: the Inner City, the Underclass and Public Policy*. Chicago: University of Chicago Press, 1987.
62. Whiteley P. Economic Growth and Social Capital. *Political Studies*, 2000, vol. 48, no. 3, pp. 443-466.
63. Woolcock M. Social Capital and Economic Development: Toward a Theoretical Synthesis and Policy Framework. *Theory and Society*, 1998, no. 27 (2), pp. 151-208.
64. Woolcock M., Narayan D. Social Capital: Implications for Development Theory Research and Policy. *World Bank Research Observer*, 2000, no. 15 (2), pp. 225-251.
65. Woolcock M. Exploring Social Capital Debates at the World Bank. *Journal of Development Studies*, 2004, no. 40 (5), pp. 33-64.
66. Woolcock M. The Place of Social Capital in Understanding Social and Economic Outcomes. *Isuma: Canadian Journal of Policy Research*, 2001, vol. 2:1, pp. 1-17.
67. Zak P.J., Knack S. Trust and Growth. *Economic Journal*, 2001, vol. 111, pp. 295–321.

Социологические аспекты вахтового труда на территориях севера Западной Сибири*

**Анатолий Николаевич
СИЛИН**

доктор социологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
Тюменский государственный нефтегазовый университет
625000, Россия, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 38, sm-2004@rambler.ru

Аннотация. Рассмотрены особенности мультилокального образа жизни, связанного с вахтовым освоением нефтегазовых ресурсов Северо-Западной Сибири. Показана смена концептуальных подходов к организации вахтового труда, динамика изменения основных параметров, социокультурные особенности мобильного и мультилокального образа жизни вахтовиков. Рассмотрение вахтового метода как сложного и значимого для реализации стоящих задач по освоению арктических и субарктических территорий России социального феномена позволило выявить систему взаимодействия основных элементов вахтового труда и предложить более эффективные в сравнении с традиционными управленческие механизмы и технологии. Приведены некоторые результаты социологических исследований, проведенных автором в нефтегазовых компаниях, дислоцированных в Северо-Западной Сибири. Так, установлены факторы негативного воздействия вахтовых режимов труда на здоровье, физическое и социальное самочувствие ведущих «двойную» и мобильную жизнь людей. Это необходимость длительного нахождения в замкнутом пространстве с незнакомыми людьми, различия в природных условиях мест проживания и работы (перепады давления, дефицит кислорода на Севере, световая аперриодичность, качество воды и пищи, морозы и гнус, отрыв от семьи и др.), повышенные физические и эмоциональные нагрузки. Проводимые автором в течение четырех десятилетий опросы вахтовиков, членов их семей, менеджмента компаний, использующих вахтовый труд в нефтегазовых районах Западно-Сибирского Севера, позволили установить причины неудовлетворенности людей условиями своей жизнедеятельности, отношение их к властям и разным аспектам организации производства и быта, перевозок от места проживания к месту приложения труда и обратно и др. За последние годы изменилась как география вахтовых перевозок, так и уровень удовлетворенности различными

* Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ, проект №15-03-00367а.

элементами вахты. Сохранилась лишь приоритетная значимость для людей оплаты их трудовых усилий. При этом, если в советский период освоения северных нефтегазовых ресурсов основные контингенты вахтовиков прибывали в районы Среднего Приобья, то теперь, в связи с падением здесь объемов добычи нефти, сформированные в регионе коллективы нефтегазодобытчиков начали вахтовое освоение Восточной Сибири, Ямала и др. В работе обоснована необходимость усиления основанных на уже полученных результатах новых междисциплинарных исследований, направленных на нивелирование негативных социальных последствий вахтового труда, а также реализации системы социологического мониторинга.

Ключевые слова: вахтовый метод, мультилокальный образ жизни, социологический мониторинг, Северо-Западная Сибирь, циркумполярные регионы, нефтегазодобывающая компания, Арктика и Субарктика.

Острая потребность в нетрадиционных формах организации труда, отвечающих сложным задачам производства в малоосвоенных территориях с экстремальными природно-климатическими условиями, возникла с начала интенсивного формирования нефтегазового комплекса в Северо-Западной Сибири. Требовалось обеспечить экономичность, высокую мобильность трудовых ресурсов, наличие в полном объеме специалистов необходимого профиля.

Кроме отсутствия производственных, строительно-сырьевых, коммуникационных и трудовых ресурсов неосвоенных территорий, остро стояла проблема экстремальных природно-климатических условий освоения, так как основной объем нефтегазовых месторождений приходится на высокие широты циркумполярного (кругополярного) региона страны. Единственным приемлемым способом организации производства в таких условиях оказался вахтовый метод организации труда.

Идея вахтового метода сама по себе не является инновационной. Археологические раскопки в Египте позволили обнаружить в районе пирамид остатки вахтовых поселков, где проживал сменный персонал участников этих сооружений [6].

В мировой практике эта форма организации труда широко используется как при освоении новых территорий, строительстве

крупных промышленных и инфраструктурных объектов в труднодоступных районах, так и в промышленности, главным образом добывающей и лесной, а также отраслях, имеющих сезонный характер деятельности, геологии и некоторых других. От сменной организации труда вахтовый метод отличается выполнением необходимых работ силами меняемых мобильных подразделений, регулярно выезжающих на объекты, удаленные от дислокации предприятия настолько, что ежедневное возвращение работников к постоянному месту проживания становится либо невозможным, либо экономически нецелесообразным. В России впервые вахтовый метод был широко применен в начале 50-х годов прошлого века при разработке месторождения Нефтяные Камни в Каспийском море.

Вообще, понятие «вахта» взято из морской терминологии, что означает дежурство на корабле, обеспечивающее непрерывность его обслуживания. Впоследствии термин получил более широкое применение и в других сферах деятельности.

В конце 60-х годов прошлого века с учетом необходимости разработки новых малозаселенных территорий была реализована идея «вахтово-экспедиционного метода», целью и главной задачей которой было обеспечение новых отдаленных мест производства работ квалифицированными кадрами из других регионов.

Межрегиональная форма вахтово-экспедиционного метода на Тюменском Севере впервые в крупных масштабах была экспериментально внедрена в Карской нефтегазоразведочной экспедиции в 1974 году, когда регулярно сменяемые вахтовые коллективы вылетали на работу из Тюмени на Ямал (п. Харасавэй) [3].

С 30-х годов прошлого века, начала советской колонизации Крайнего Севера, была принята следующая модель освоения – вблизи нового месторождения (или группы месторождений) строился новый город. Так был создан Норильск, при освоении Медвежьего месторождения появились г. Надым и вахтовый поселок Пангоды, Уренгойского месторождения – г. Новый Уренгой, Смотлора – города Нижневартовск и Мегион и т.д.

В регионе была сформирована уникальная градостроительная система, дифференцированная по неоднородной территории Тюменского Севера. Так, если в Среднем Приобье возле каждого среднего и крупного нефтяного месторождения создавался город, в результате чего менее чем за два десятилетия здесь появилось 17 новых городов и десятки рабочих поселков, то иная ситуация сложилась в газодобывающих районах Приполярья и Заполярья. Именно здесь впервые в стране появилась инновационная категория поселений – вахтовые поселки (в.п.) – в.п. Пангоды в Надымском районе, в.п. Ямбург и в.п. Ново-Заполярный в Тазовском районе Ямало-Ненецкого округа, в.п. Вынгапуровский в Ноябрьском районе, в.п. Пионерный в Томской области и др.

В итоге если в Ханты-Мансийском автономном округе появилась разветвленная сеть поселений, возникли новые крупные города Ханты-Мансийск, Нефтеюганск, Сургут, Когалым, Лангепас, Радужный и

другие, то в Ямало-Ненецком округе были построены лишь Новый Уренгой, Надым и Ноябрьск.

При этом по уровню доходов жителей северные поселения Тюменской области в советский период формирования нефтегазового комплекса значительно опережали другие российские регионы, однако по качеству жизни, развитию социальной инфраструктуры серьезно отставали. Сильные морозы, некачественная вода, гнус, отсутствие свежих овощей и фруктов, недостаток кислорода – далеко не полный перечень особенностей жизни на Севере, за которые шла более высокая, чем в центральных и южных районах страны, зарплата.

Российский Север в целом и северная часть Тюменской области в частности отличаются довольно высокой по сравнению с другими странами плотностью постоянного населения в местах разработки природных ресурсов (в Ханты-Мансийском автономном округе – 2,9, в Ямало-Ненецком автономном округе – 0,7 человека на 1 кв. км).

При этом практически полностью отсутствуют квалифицированные кадры нефтегазоразработчиков среди постоянно проживающих народов Севера. Между тем, численность населения Ханты-Мансийского автономного округа за последние четверть века интенсивного освоения увеличилась в 5 раз, Ямало-Ненецкого автономного округа – в 6 раз и составила в 2010 году по первому 1528,6 тыс. человек, второму – 546,5 тыс. человек.

Смена концепции освоения в России произошла только в середине 80-х годов – через 20 лет после начала формирования Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. Последним крупным городом, созданным в рамках старой модели освоения, стал Новый Уренгой. При разработке

следующего газового гиганта — Ямбурга за основу была принята вахтовая модель. Новый город строить не стали, поселок Ямбург с самого начала создавался как вахтовый, рассчитанный на бессемейное проживание персонала с сокращенным свободным временем. Поэтому одновременно с ограничением количества основных объектов социальной инфраструктуры некоторые функции жизнеобеспечения в нем расширены, в частности сфера питания и бытового обслуживания, обычно выполняемые семьей. Для обеспечения мобильности вахтовые поселки сооружаются из облегченных и сборно-разборных модулей высокой степени заводской готовности, как правило, оснащенных встроенным или комплектно-поставляемым инженерным оборудованием, мебелью, инвентарем.

В настоящее время вахтовый метод законодательно регулируется Трудовым кодексом Российской Федерации, который определяет продолжительность вахты и график работы, систему оплаты и надбавок, стаж работы вахтового персонала и некоторые общие ограничения при использовании этого метода. При этом необходимо отметить, что этот законодательный акт не устанавливает стандартов медицинского обслуживания и промышленной санитарии, организации вахтового поселка, питания работников и т.д.

Таким образом, Трудовой кодекс содержит лишь некоторые рамочные принципы организации вахтового труда и в каждом конкретном случае необходимо проведение социологических, экономических, медико-биологических и иных исследований, реализующих междисциплинарный подход для принятия управленческих решений и необходимых регламентирующих документов всеми взаимодействующими

властными субъектами, связанными с вахтовой организацией труда (руководством компаний, администрациями северных территорий, другими федеральными, региональными и муниципальными структурами).

При этом государственные властные структуры в последнее время фактически отказались от регулирования организации вахтового труда и отдали все на откуп компаниям. Одновременно сократились и научные исследования вахты. В России в последние годы не было проведено ни одной конференции, посвященной исследованию проблем вахтового труда. Между тем, многие страны, напротив, активизируют эту работу. Особенно крупные междисциплинарные исследования проводятся в Австралии и Канаде, а также в Венском университете [8, 9, 11, 12].

Следует отметить, что масштабы использования вахтового метода в России, начиная с 60-х годов прошлого века, постоянно нарастали. Только в постсоветский период, с 1991 по 2011 год, они увеличились более чем втрое, и сегодня каждый четвертый работающий на территории Ямало-Ненецкого округа — вахтовик. По Северо-Западу Сибири в целом доля вахтового персонала несколько ниже, но превышает 10% от общего числа занятых. Сюда прилетают на работу и из старых нефтегазодобывающих регионов (Башкирия, Татария), и жители стагнирующей российской глубинки и стран СНГ, для которых это единственный способ выживания. Объемы межрегионального использования на Западно-Сибирском Севере трудовых ресурсов других районов возрастают сегодня (*табл. 1 и 2*) и, можно сказать, возрастут в еще большей степени, учитывая намеченные объемы работ по освоению Ямала и шельфа северных морей, в перспективный период.

Таблица 1. Численность работающих вахтовым методом на территории Ханты-Мансийского округа – Югра, тыс.чел.

Отрасль приложения труда	2009 г.		2010 г.	2011 г.
	Всего	В т.ч. межрегиональная форма	Всего	Всего
Всего	69,3	65,1	72,3	69,7
Добыча энергоресурсов	35,8	32,8	48,9	48,5
Геологоразведочные работы	3,1	2,9	-	-
Строительство (включая бурение)	20,9	20,1	11,1	9,1
Транспорт и связь	5,7	5,6	6,2	6,0
Электроэнергетика	2,2	2,1	1,7	1,7
Социальная инфраструктура	5,5	5,3	3,2	1,3

Источник: составлено по: Статист. бюллетень «Экономические и социальные показатели районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей». – М.: Росстат, 2012.

Таблица 2. Численность работающих вахтовым методом на территории Ямало-Ненецкого округа, тыс. чел.

Отрасль приложения труда	2009 г.		2010 г.		2011 г.		2012 г.	
	Всего	В т.ч. межрегиональная форма	Всего	В т.ч. межрегиональная форма	Всего	В т.ч. межрегиональная форма	Всего	В т.ч. межрегиональная форма
Всего	84,1	66,3	75,5	58,7	82,9	63,9	90,1	71,3
Из них рабочие	68,7	54,1	62,0	48,4	69,6	54,1	75,7	60,5
Добыча энергоресурсов	27,5	18,4	27,6	18,5	26,9	17,0	27,0	16,7
Строительство	19,2	16,7	18,1	15,8	21,4	18,7	26,8	24,5
Транспорт и связь	15,1	13,1	14,1	12,1	16,7	14,7	18,8	16,6
Электроэнергетика	2,7	2,0	3,6	2,7	4,0	3,1	4,3	3,3
Социальная инфраструктура	2,5	2,2	2,2	2,0	2,0	1,8	1,8	1,6

Источник: составлено по: Статист. бюллетень «Экономические и социальные показатели районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей». – М.: Росстат, 2012.

Для того чтобы быть готовым к этому, необходимо уже сегодня обратить внимание на необходимость проведения междисциплинарных научно-аналитических исследований всех проблем, связанных с масштабным использованием вахтового труда.

Необходимо, выявив все обозначившиеся в вахтовой практике и еще латентные проблемы, определить их иерархию и взаимодействие и найти возможные пути решения, оценив их эффективность. Так или иначе, они связаны с различными элементами вахтовой организации труда (рис. 1) и механизмом управления ею (рис. 2), состоящим из трех блоков, отражающих

жизнедеятельность вахтового персонала, во-первых, в месте проживания, во-вторых, в месте приложения труда и, в-третьих, в процессе доставки из одного места в другое [10]. Представленные на рисунках 1 и 2 модель и механизм отражают концептуальный подход автора к методологии проводимых социологических исследований, которые, по нашему мнению, должны носить междисциплинарный характер и включать широкий круг вопросов, например нормы питания, эстетическое решение социокультурного пространства в вахтовых поселках, психологические особенности вахтового труда и др.

Рисунок 1. Взаимодействие элементов вахтовой организации труда

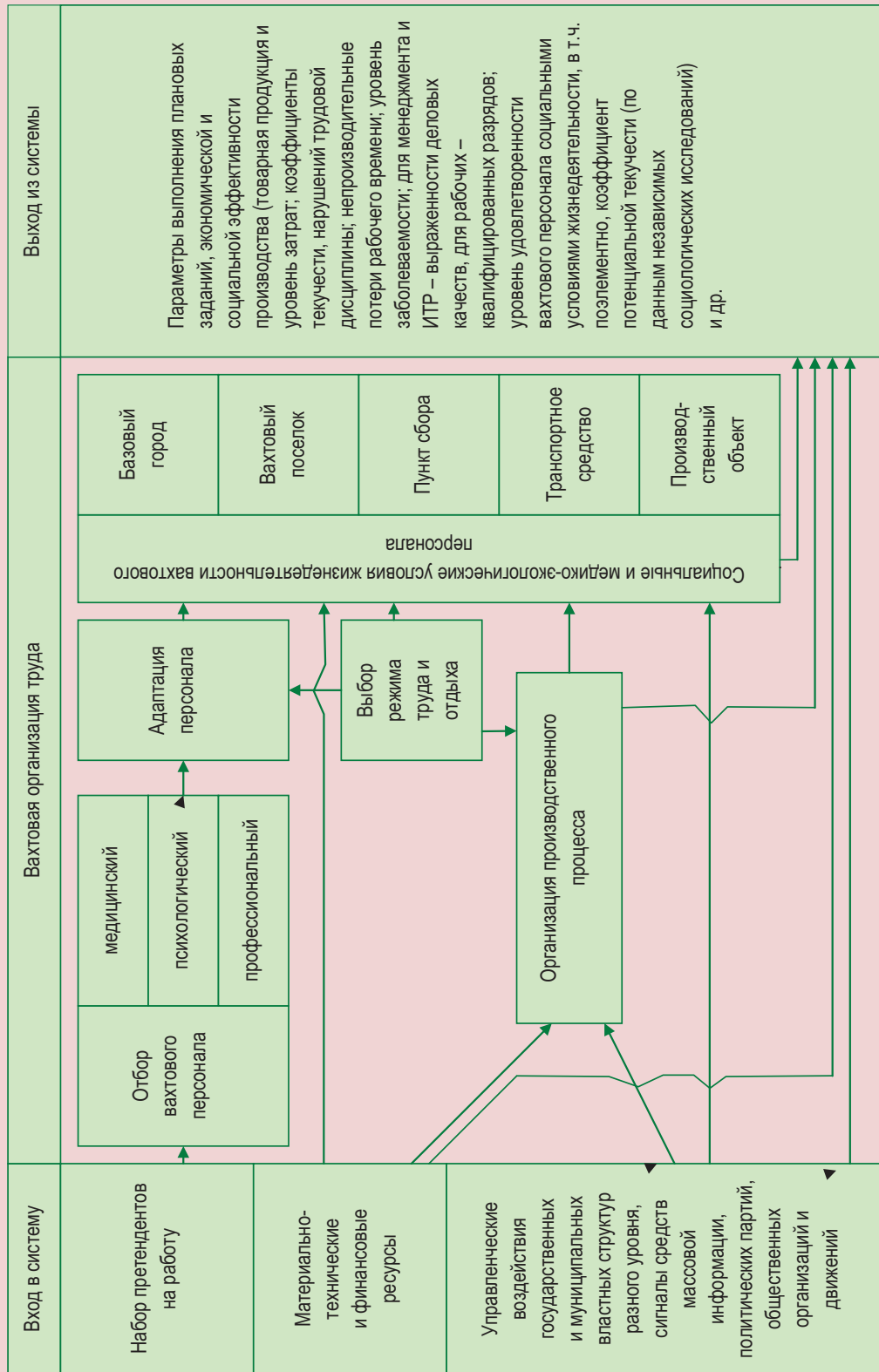
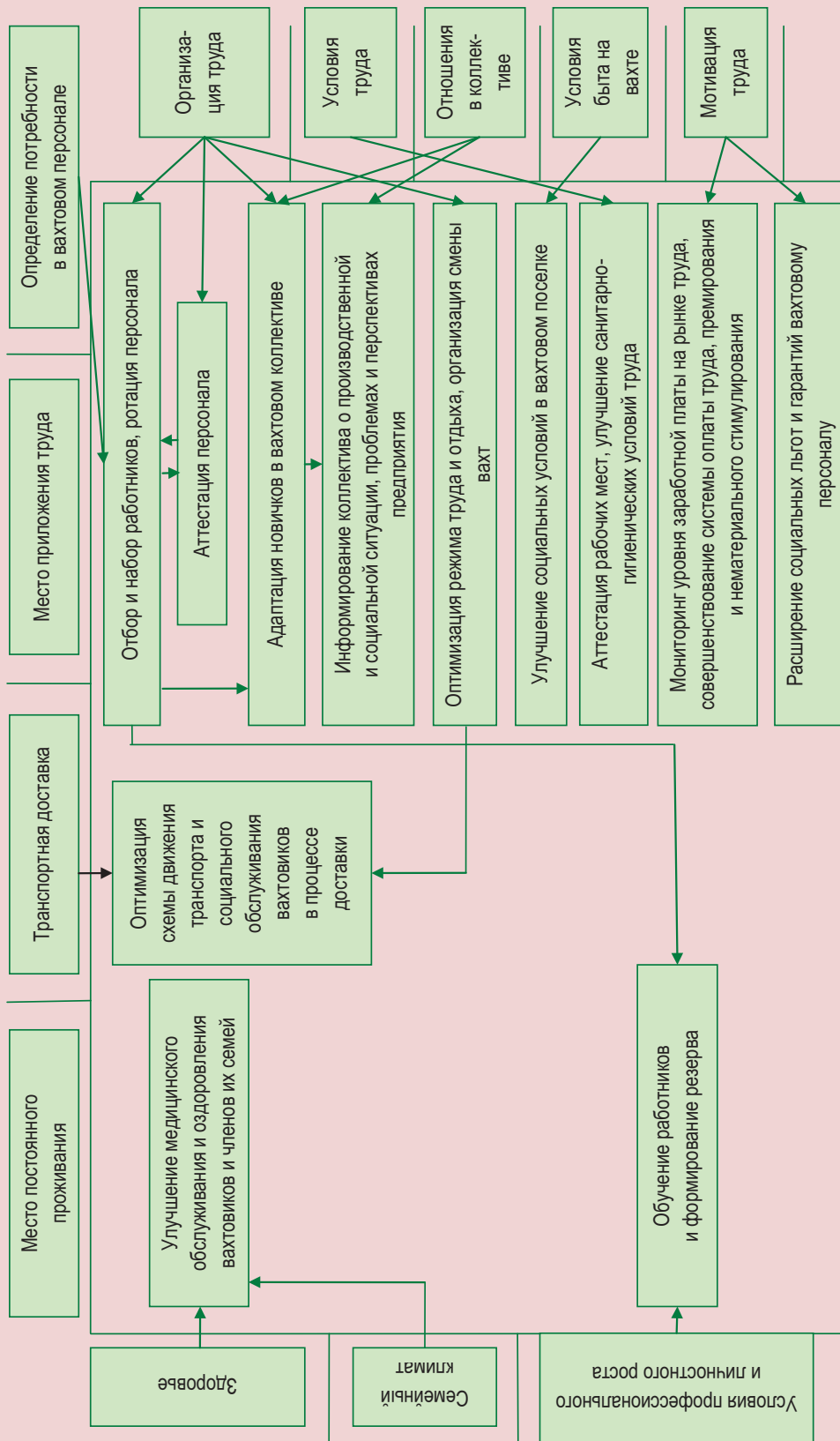

Рисунок 2. Механизм управления вахтовой организацией труда

Так, последние отмечают значимые как информационно-визуальные нагрузки, связанные с вахтовым трудом вследствие недостаточных пространственных и избыточных временных рамок, так и социально-психологические в результате длительной социальной изоляции в малой группе.

Жизнь в движении, мобильный образ жизни вахтовиков требует постоянных комплексных исследований социологов, психологов, физиологов, правоведов, антропологов, представителей других научных направлений. Сами вахтовики оценивают свою жизнь как «состоящую из двух половин» или просто «двойную».

Ясно, что разные жизненные ценности и взгляды на жизнь разновозрастных работников, представителей разных регионов, этносов и конфессий, поневоле оказавшихся на длительное время соседями по комнате вахтового общежития, могут привести (и приводят) к конфликтам, негативным воздействиям на психоэмоциональное состояние вахтового работника, условия его отдыха после напряженной смены. Вахтовики, прибывающие на Север из разных регионов, привозят сюда и ценности своих субкультур, которые нередко сталкиваются между собой [5].

При этом на вахте отсутствует тот элемент социальной инфраструктуры, который создать здесь невозможно при любых инвестициях. Это социально-духовное пространство, включающее родителей и других родственников, бабушек и дедушек, кладбище, где лежат родные люди.

Поэтому даже у многих северян — стационарных работников, выявлены трудности с самоидентификацией, они не уверены, где же их дом: здесь на Севере, где они давно живут или это место, откуда они приехали. Даже у тех, кто большую часть сознательной жизни провел на Севере, обнаруживается чувство «временщика».

Вахтовый метод как социальный феномен напоминает своеобразный айсберг, лишь вершиной которого являются периодические перемещения человека от места постоянного проживания к месту работы, а на самом деле содержащего многообразные социальные явления и процессы, связанные с особенностями жизнедеятельности вахтовиков, реализации ими производственных задач, адаптации и социализации в нетрадиционных условиях, включая сюда и освоение и заселение новой территории, создание новых социально-территориальных общностей и т.д.

Неблагоприятные воздействия на организм вахтового метода работы достаточно многообразны, например, длительное нахождение с одними и теми же незнакомыми людьми. Север не только дает, но и забирает — в условиях Крайнего Севера не хватает кислорода, недостаток около 30% в сравнении со средней полосой России. Хронический дефицит кислорода, резкие перепады давления в течение короткого промежутка времени приводят к развитию сердечно-сосудистых заболеваний, изменению уровня давления у человека, способствуют повышению сахара в крови. Результаты медико-физиологических исследований не рекомендуют работать в условиях Крайнего Севера более 5–7 лет подряд.

При приеме на работу вахтовым методом на Севере работодатель обязательно проверяет состояние здоровья кандидатов, которым предстоит пройти медицинское освидетельствование на предмет отсутствия у них противопоказаний для работы в неблагоприятных для человека условиях. Дополнительным неблагоприятным фактором воздействия на здоровье персонала при вахтовом методе работы является постоянная смена климата при прибытии и убытии к месту производства работ и месту

междувахтового отдыха через часовые и климатические пояса, что не может не сказаться на организме человека. Работник, постоянно проживающий на территориях, граничащих с Западно-Сибирским регионом, легче перенесет условия труда на Крайнем Севере, чем вахтовик из средней полосы России, а тем более из южных регионов страны.

Труд вахтовика отличается высокими эмоциональными нагрузками. Достаточно сказать, что его средняя рабочая неделя, в зависимости от режима труда и отдыха составляет 52–60 часов, что существенно выше нормативных 40 часов. На это накладываются многие эмоциогенные факторы (морозы, гнус, световая аперриодичность в полярные ночи, необходимость постоянной адаптации и реадaptации, повторяющиеся вынужденные коммуникативные связи в вахтовом поселке, бытовые неурядицы, вызванные отрывом от семьи, мысли о детях и т.д.). Вышеперечисленные нагрузки на организм приводят к фрустрации, эмоциональному «выгоранию» и психическим заболеваниям.

Таким образом, целью проводимых нами социологических исследований, некоторые результаты которых отражены в этой статье, стало выявление социальных аспектов использования вахтовой организации труда в циркумполярных районах и разработка на этой основе технологий, позволяющих минимизировать негативные последствия мобильного мультилокального образа жизни вахтовиков, повысить качество их жизнедеятельности.

Автором изучались социальные процессы, связанные с вахтовым трудом на Западно-Сибирском Севере, с 1974 г. и по настоящее время, анализировалась динамика происходящих изменений и влияющие на нее факторы. Для этого регулярно

опрашивались сами вахтовые работники, члены их семей, эксперты. В ходе полевых исследований оказалось, что большая часть работающих в вахтовом режиме (82–88%) в целом удовлетворена им и не собирается возвращаться к традиционному образу жизни.

Методический инструментарий (анкеты, экспертные листы и др.), разработанный автором, в основном сохранялся, что позволяло анализировать динамику происходивших изменений. Опрос проводился на рабочих местах в междусменный период, в общежитиях, учебно-курсовых комбинатах и в пунктах сбора, аэропортах и вертолетных площадках во время ожидания транспорта.

Формирование выборки, основанное на территориальных и социально-демографических критериях отбора единиц наблюдения, состояло из двух стадий: первая – отбор населенных пунктов исходя из их статуса в системе расселения и отраслевой специализации, вторая – отбор респондентов в соответствии с социальной структурой и стажем работы в вахтовом режиме [4].

Между тем, многие элементы социальной ситуации, связанной с вахтовым трудом, с годами менялись (табл. 3).

Так, в советский период наибольшее неудовольствие вахтовиков вызывали организация транспортной доставки, связанная с многочасовыми ожиданиями транспорта в неприспособленных для этого местах, и социальное обслуживание в вахтовых поселках. Мне часто приходилось посещать их и наблюдать, как люди спят на грязных матрацах без постельного белья, а пришедшие с вахты ждут, когда им освободят место. После того я испытал культушонок, побывав в вахтовом комплексе ВР на Аляске. В постсоветский период эти две проблемы были в основном сняты.

Таблица 3. Изменение остроты проблем в вахтовых коллективах (ранг 1 – наибольшая актуальность)

Проблемы	Ранг значимости по годам		
	1990	2005	2014
Неудовлетворенность оплатой труда	1	1	1
Плохие условия труда	2	3	3
Неудовлетворенность материально-техническим обеспечением	8	4	6
Неэффективная организация производства	5	3	2
Плохая забота менеджмента о людях	4	8	4
Отсутствие информации о делах организации	6	5	7
Плохие условия быта	7	6	5
Неудовлетворенность организацией вахтовых перевозок	3	7	8

Основная причина неудовлетворенности и связанных с ней конфликтов в вахтовых коллективах в последние годы – недостаточная, по мнению работников, оплата труда, задержки с ее выплатой, связанные с отъездом домой. Как видно из таблицы 3, именно этот фактор остается наиболее значимым для вахтовиков весь период исследования.

Кроме оценок вахтовиками различных аспектов своей жизнедеятельности, за эти годы изменилась и география вахтовых перевозок. Если в советский период для работы на Тюменском Севере летали главным образом бригады нефтяников из Азербайджана, газовиков из Украины, строителей из Прибалтики и Армении, то в постсоветские годы их заменили вахтовики из российских регионов, жители Казахстана и других центральноазиатских стран.

Многие из опрошенных вахтовиков как одну из главных своих проблем отмечали невозможность побыть в одиночестве. Между тем, известно, что именно эта возможность позволяет человеку не только рефлексировать и заниматься самоанализом, но и снимать психоэмоциональное напряжение.

Установлено, что с ростом вахтового стажа у многих работников появляется бессонница, чувство эмоционального ис-

тощения, отсутствие аппетита (или, наоборот, переедание), злоупотребление никотином, кофе, алкоголем.

Актуальность исследований вахтового труда связана не только с необходимостью освоения новых природных ресурсов севера и востока страны. Не следует упускать из виду и то важное значение, которое приобретает вахтовый метод для многих поселений России и приграничных территорий СНГ с высоким уровнем безработицы, для которых поездки их жителей поработать на Севере являются почти единственной возможностью улучшить уровень и качество своей жизни.

Необходимо, таким образом, исследовать как региональные социальные проблемы (мест и постоянного проживания и приложения труда), так и проблемы межрегионального взаимодействия и, в первую очередь, усиления роли институтов гражданского общества, которые могли бы оказать здесь значимое влияние [1].

Таким образом, вахтовый метод помимо проблем несет и значимые потенциальные возможности для всех взаимосвязанных сторон: самих вахтовиков и их работодателей, северных принимающих городов и регионов-доноров рабочей силы. Эта достаточно гибкая технология позволяет сократить затраты средств и времени для

реализации поставленных целей, своевременно реагировать на динамичную рыночную ситуацию, адаптируясь к изменениям в спросе. Кроме того, вахтовый метод позволяет существенно снизить уровень безработицы и стимулирует социальную мобильность работников и членов их семей, рост уровня и качества их жизни.

Вахтовики связывают своими поездками различные социально-экономические пространства «Большой Земли» и Севера, значимо влияя на те и другие.

Ясно, что при всей своей эффективности вахтовый метод требует значительно больших организационных усилий, чем традиционный. Помимо обычных управленческих функций требуется обеспечить транспортную доставку по схеме «базовый город – вахтовый поселок – месторождение», социальное обслуживание вахтового персонала и многое другое.

В целом вахтовый метод экономически выгоден за счет снижения удельных затрат всех видов ресурсов на создание и содержание населенных пунктов в местах производства работ и уменьшения числа проживающих в них работников нефтегазодобычи (Татария, Башкирия и др.), без переселения их семей на новое место жительства, для самих нефтяников сохраняются привычные условия в обжитых районах страны.

Социальные аспекты использования вахты далеко не так однозначны. Хотя большинство опрошенных вахтовиков все эти годы и оценивали его положительно, не желая работать иначе, однако выявлены объективные негативные факторы, требующие специальных исследований.

В первую очередь они связаны с частыми и значительными перемещениями в пространстве (климато-зональные контрасты, временные градиенты, изменения качества пищи и воды, эпидемиологической и радиационной обстановки и др.), нару-

шениями суточного режима, повышенной интенсивностью труда, физическими и психоэмоциональными нагрузками, отлучением на длительное время от семьи (отключением от воспитания детей, изменением сексологической обстановки) и др. Все это рано или поздно приводит к значительному ухудшению здоровья людей и в конечном итоге неблагоприятно сказывается на здоровье будущих детей. Исследования медиков подтверждают необратимые последствия в изменениях организма при пребывании свыше 10 лет в условиях Крайнего Севера и рекомендации о нежелательности резкой смены климатической зоны для постоянного последующего проживания. Кроме того, жизнь в вахтовых поселках и замкнутых коллективах при практическом отсутствии персонального пространства требует от человека особых личностных качеств: социальной гибкости, владения навыками самореализации своего состояния, умения быстро адаптироваться к коллективу, принимать групповые нормы и ценности.

Социальная неудовлетворенность может проявляться в негативном отношении к властным структурам, приводить к протестным акциям. Нами изучался уровень доверия северян к разным государственным институтам и органам власти (табл. 4).

Как видно, большая часть респондентов слабо верит властным структурам и их представителям. Однако при этом уровень недоверия постоянно живущих на Севере людей оказался заметно выше, чем мобильных работников из других регионов.

Влияние вахтового метода на экологическую ситуацию в северном регионе также неоднозначно. С одной стороны, вахтовый персонал пребывает здесь значительно меньше времени, чем постоянное население, живет без вторых и третьих членов семей, для них требуется сооружение в

Таблица 4. Доверие к власти северян, %

Уровень доверия		Стационарные работники	Вахтовики
Опрос 2007 г.	Доверяю	25,6	32,8
	Не доверяю	40,9	25,4
	Затрудняюсь с ответом	33,8	41,8
Опрос 2010 г.	Доверяю	26,2	31,2
	Не доверяю	30,1	41,4
	Затрудняюсь с ответом	43,0	27,4
Опрос 2013 г.	Доверяю	25,5	28,4
	Не доверяю	38,7	28,6
	Затрудняюсь с ответом	36,3	43,0

меньших объемах объектов социального назначения. Следовательно, существенно сокращается антропогенная нагрузка на природные ландшафты, негативные воздействия на условия жизни аборигенного населения. Вместе с тем очевидны и негативные субъективные последствия психологии вахтовика как временщика, не хозяина этой земли.

Сложные социально-трудовые проблемы возникают у нефтедобывающих компаний Среднего Приобья, где резко сокращаются объемы добычи углеводородного сырья, и сохранение сложившихся коллективов требует использования их трудового потенциала в других регионах. Это обуславливает широкое использование вахтового метода организации труда и в дальнейшем, однако коренным образом меняется его парадигма: теперь жители других регионов не летают работать на обский Север, а, наоборот, все в больших масштабах постоянно живущие здесь нефтяники работают в Восточной Сибири, на Ямале и т.д.

С декабря 2012 года авиакомпания «ЮТэйр» выполняет в аэропорт Талакан Республики Саха (Якутия) чартерные вахтовые рейсы в интересах ОАО «Сургутнефтегаз» на самолетах «Boeing», семейства 737, из Сургута, куда вахтовики прибывают регулярными рейсами ЮТэйр из различных пунктов. Далее пассажиры продолжают

полет к удалённым рабочим площадкам на вертолетах ЮТэйр, которые базируются в аэропорту. В обратном направлении доставляются работники, закончившие вахту. Выполнение полного цикла перевозки с использованием самолетов и вертолетов одной авиакомпании позволяет оптимизировать маршруты и сроки доставки работников, экономит время и сокращает затраты заказчика.

За 2013 год по направлению Сургут–Талакан–Сургут перевезено 84 218 пассажиров. В ближайшие годы с учётом развития Талаканского месторождения ожидается увеличение объема перевозок через Талакан за счет открытия регулярных рейсов для жителей отдаленных районов Якутии, Иркутской области и Красноярского края [2].

Вместе с тем остается много социально-управленческих проблем эффективной реализации вахты: социальное самочувствие работающих, сохранение их здоровья, необходимость улучшения качества жизни и др. Социальные процессы, проходящие в вахтовых коллективах на Севере, требуют тщательного изучения и разработки адекватных управленческих механизмов и технологий, направленных на улучшение социальной ситуации, превращения вахтовиков из «человеческого ресурса» в социальных акторов.

Необходимо создание социальных технологий, позволяющих нивелировать воздействие негативных аспектов вахты. Речь идет в первую очередь о технологиях отбора работников, наиболее пригодных для условий вахтового труда на Севере, их адаптации, мотивации эффективного труда, выбора режимов труда и отдыха, транспортной доставки, социального обслуживания и т.д. Сюда же входят социальные льготы и гарантии вахтовому персоналу, а также механизмы взаимодействия компаний с органами государственной власти как в местах постоянного проживания вахтового персонала, так и на территории приложения его труда.

Автором разработаны, апробированы и внедрены такие технологии в форме стандартов и регламентов вахтового труда для подразделений Главтюменьгеологии,

одной из крупнейших компаний Газпрома – ООО «Газпром добыча Ямбург» и ОАО «Варьеганнефть». Однако очевидно, что требуется их постоянный контроль и, в случае необходимости, с учётом динамичности ситуации, корректирование.

Необходимо также постоянное научное сопровождение использования вахтового труда, особенно межрегионального. Речь идет не только о социологических, медико-биологических, экономических, правовых, психологических и иных исследованиях, но и о создании системы мониторинга, позволяющего на регулярной основе отслеживать изменения в экономической ситуации и протекании социальных процессов в вахтовых коллективах, своевременно принимать необходимые корректирующие управленческие решения.

Литература

1. Маркин, В.В. Региональная социология и управление: «дорожная карта» взаимодействия / В.В. Маркин // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – № 5 (35). – С. 135-142.
2. Ольховская, У. Полный вахтунг / У. Ольховская // Эксперт-Сибирь. – 2011. – № 44. – С. 10-14.
3. Силин, А.Н. О нетрадиционных формах организации труда на Крайнем Севере / А.Н. Силин // Социологические исследования. – 1987. – № 4. – С. 76-78.
4. Силин, А.Н. Межрегиональное использование человеческих ресурсов на Крайнем Севере / А.Н. Силин // Социологические исследования. – 2011. – № 9. – С. 41-47.
5. Силин, А.Н. Мультилокальность образа жизни: опыт социологического исследования / А.Н. Силин // Общество и социология в современной России. – Т 2. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. – С. 41-44.
6. Хайтун, А.Д. Экспедиционно-вахтовое строительство в Западной Сибири / А.Д. Хайтун. – Л.: Стройиздат, 1982. – 176 с.
7. Belonozko, M.L. (2013). Russian North: change of social Situation / M.L. Belonozko, A.N. Silin // Viddle – East journal of Scientific Research. – № 16 (2). – 150-155 p.
8. Buscherm, Urry J. (2009). Mobil Methods and the Empirical / Urry J. Buscherm // European Journal of Social Theory. – 12 (1). – P. 99-116.
9. Saxinger, G. (2014). Ich bin bereit – Die nächste Generation mobiler Fachkräfte in der russischen Erdgas – und Erdölindustrie / G. Saxinger, E. Öfner, E. Shakirova // Austrian Studies in Social Anthropology, 2, – P. 1-24.
10. Silin, A.N. Long Distance Commuting in Oil and Gas Production Industry in the Northwestern Siberia: Sociological Analysis of Change / A.N. Silin // Mediterranean Journal of Social Sciences. – Vol. 6. – 2015. – No 3. – S. 5. – June. – P. 199-206.
11. Storey, K. (2010). Fly-in / K. Storey // Fly-out: Implications for community sustainability // Sustainability 12. – P. 1161-1181.
12. Weichhart, P. (2009). Multilocalität Konzepte, Theorie bezüge und Forschungsfragen / P. Weichhart // Informationen zur Raumanwicklung, 1(2) pp.1-14.

Сведения об авторе

Анатолий Николаевич Силин – доктор социологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение Тюменский государственный нефтегазовый университет (625000, Россия, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 38, sm-2004@rambler.ru)

Silin A.N.

Sociological Aspects of Rotational Employment in the Northern Territories of Western Siberia

Anatoly Nikolaevich Silin – Doctor of Sociology, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Federal Budgetary Educational Institution Tyumen State Oil and Gas University (38, Volodarsky Street, Tyumen, 625000, Russian Federation, sm-2004@rambler.ru)

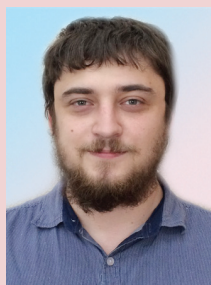
Abstract. The article describes features of the lifestyle associated with rotational employment system in developing oil and gas resources of Northwestern Siberia. It shows the change in conceptual approaches to the organization of commuting, the dynamics of key parameters, the socio-cultural features of mobile and multilocal lifestyle of commuters. The consideration of the rotational method as complex and significant for the implementation of the tasks set for the Arctic and subarctic areas of Russia has allowed to reveal the interaction system of basic elements of commuting and offer more efficient tools and technologies as compared to traditional management. The author presents some results of the sociological research in the oil and gas companies located in Northwestern Siberia. The work discloses the factors of negative impact of commuting on health, physical and social well-being of people leading “double” and mobile lives. They are the following: need for long stay in closed space with strangers, differences in natural conditions of places of residence and work (pressure drops, oxygen deficiency in the North, light aperiodicity, food and water quality, cold and mosquitoes, separation from family, etc.), increased physical and emotional stress. The surveys of employees on rotation, their families and management of the enterprises using this method in the oil and gas areas of the Western-Siberian North, conducted by the author for four decades, have given the opportunity to identify the causes of people’s dissatisfaction with conditions of their life, their attitude to authorities and different aspects of organization of production and life, transportation from place of residence to place of employment and back, etc. Geography of fly-in fly-out transportation and the level of satisfaction with various elements of such work have recently changed. The priority importance of payment for labor efforts has only preserved. Besides, if in the Soviet period of development of northern oil and gas resources the workers were employed in the Middle Ob region, nowadays the fall in oil production volumes has encouraged the formed groups of workers to begin working for the development of Eastern Siberia, Yamal, etc. The article substantiates the necessity of developing new interdisciplinary research on the basis of acquired results to mitigate negative social consequences of commuting and implementing a sociological monitoring system.

Key words: commuting, multilocal lifestyle, social monitoring, Northwestern Siberia, circumpolar regions, oil and gas production company, Arctic and Subarctic.

References

1. Markin V.V. Regional'naya sotsiologiya i upravlenie: "dorozhnaya karta" vzaimodeistviya [Regional Sociology and Management: a "Roadmap" for Interaction]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2014, no. 5 (35), pp. 135-142.
2. Ol'khovskaya U. Polnyi vakhtung [Integrate Commuting]. *Ekspert-Sibir'* [The Expert-Siberia], 2011, no. 44, pp. 10-14.
3. Silin A.N. O netraditsionnykh formakh organizatsii truda na Krainem Severe [On Alternative Forms of Work Organization in the Far North]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 1987, no. 4, pp. 76-78.
4. Silin A.N. Mezhhregional'noe ispol'zovanie chelovecheskikh resursov na Krainem Severe [Interregional Use of Human Resources in the Far North]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2011, no. 9, pp. 41-47.
5. Silin A.N. Mul'tilokal'nost' obraza zhizni: opyt sotsiologicheskogo issledovaniya [Multilocality of a Lifestyle: Experience of Sociological Research]. *Obshchestvo i sotsiologiya v sovremennoi Rossii* [Society and Sociology in Modern Russia]. Vologda: ISERT RAN, 2015, pp. 41-44.
6. Khaitun A.D. *Ekspeditsiono-vakhtovoe stroitel'stvo v Zapadnoi Sibiri* [Expedition-Rotational Construction in Western Siberia]. Leningrad : Stroizdat, 1982. 176 p.
7. Belonozko M.L., Silin A.N. Russian North: Change of Social. *Viddle – East Journal of Scientific Research*, 2013, no. 16 (2), pp. 150-155.
8. Buscherm Urry J. Mobil Methods and the Empirical. *European Journal of Social Theory*, 2009, no. 12 (1), pp. 99-116.
9. Saxinger G., Öfner E., Shakirova E. Ich bin bereit – Die Nächste Generation Mobiler Fachkräfte in der Russischen Erdgas – und Erdölindustrie. *Austrian Studies in Social Anthropology*, 2014, no. 2, pp. 1-24.
10. Silin A.N. Long Distance Commuting in Oil and Gas Production Industry in the Northwestern Siberia: Sociological Analysis of Change. *Mediterranean Journal of Social Sciences*, 2015, no 3, pp. 199-206.
11. Storey K. Fly-in. Fly-out: Implications for Community Sustainability. *Sustainability*, 2010, no. 2, pp. 1161-1181.
12. Weichhart P. Multilocalitat Konzepte, Tgeorie Bezuge und Forschungsfragen. *Informationen zus Rauman Twicklung*, 2009, no. 1(2), pp.1-14.

Анализ миграционных потоков населения районов Вологодской области

Михаил Михайлович

ПАНОВ

Институт социально-экономического развития территорий РАН
160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, mm_panov@mail.ru

Аннотация. В статье представлено исследование основных направлений и масштабов миграции в муниципальных районах Вологодской области. Рассмотрены основные виды миграции и специфика их статистического учёта. На основании данных Росстата проведён общий анализ динамики миграции в районах Вологодской области, представлена её периодизация. Выделено 3 основных периода: «миграционный шок» 1991–1999 гг. после распада Советского Союза, миграционная стабильность 2000–2008 гг. и послекризисный отток сельского населения, начавшийся в 2009 году и увеличивающийся с каждым годом. При этом показатели валовой миграции проявили высокую чувствительность к значимым социально-экономическим переменам, в частности к экономическим кризисам 1999 и 2008 годов. Рассмотрены основные половозрастные характеристики мигрантов; определено, что наиболее активно мигрирующими являются девушки 15–29 лет, переезжающие из сельских населённых пунктов в городские. В целом возрастная группа, наиболее склонная к миграции, находится в промежутке 15–34 лет. Выявлено, что большинство районов области характеризуются повышенным оттоком населения, местами сдерживаемым относительной миграционной привлекательностью ряда районов. Автором обозначены территории региона с наивысшим миграционным притяжением, которые в перспективе могут сыграть роль «точек роста», – Великоустюгский, Чагодощенский районы, а также районы центральной части региона – Усть-Кубинский и Вологодский. Вместе с тем выделены территории, понесшие наибольшие потери от оттока населения, к ним относятся Кичменгско-Городецкий, Вашкинский, Бабушкинский, Нюксенский, Харовский районы. Своевременная и целенаправленная поддержка данных территорий позволит сдержать миграционный отток и тем самым поспособствовать равномерному и устойчивому развитию региона.

Ключевые слова: муниципальные районы, сельская местность, миграция, точки роста.

Неотъемлемым атрибутом экономического роста государства, глобализации и модернизации общества выступает рост мобильности сельского населения. Это проявляется как в профессиональной мобильности (отказ от трудовой деятельности в сельском хозяйстве), так и в пространственной (переезд жителей сельской местности в крупные города) [20]. Постепенный исход трудовых ресурсов из низкооплачиваемой и всё менее зависящей от числа работников сельскохозяйственной отрасли является закономерным спутником модернизационных процессов и в целом способен оказывать положительное влияние на экономическое развитие. При этом сами сельские жители все чаще отказываются от занятия сельским хозяйством в связи с низкой доходностью отрасли [17, с. 14]. В то же время экономический эффект роста пространственной мобильности, которая в основном проявляется в миграции, не столь однозначен. С одной стороны, миграция играет важную роль в распределении трудовых ресурсов на региональном рынке труда. Территориальное перераспределение специалистов позволяет большему числу предприятий использовать передовой опыт организации высокотехнологичного производства. Миграционный приток в города с низким естественным приростом снабжает их работниками. Учебная миграция повышает общий уровень образования и профессиональной подготовки населения страны и региона [10]. Важна также взаимосвязь между пространственной мобильностью и профессиональной, что не в последнюю очередь обусловлено сокращением числа работников сельского хозяйства в пользу экономически более привлекательных видов деятельности, которые, как правило, мало востребованы в сельской местности. С другой стороны,

отток населения из отсталых районов и сельских территорий усугубляет различия в экономическом развитии, приводит к обезлюживанию деревень и малых городов, создает препятствия для равномерного и устойчивого развития регионов страны [13, с. 47]. На этом фоне актуальным является исследование внутренней миграции в регионе с акцентом на муниципальных районах, интенсивность миграционных потоков между которыми может значительно превосходить иностранную и межрегиональную миграцию [9].

Согласно современному определению, миграция — это перемещение населения между разными населёнными пунктами, размещёнными как в одной, так и в нескольких местностях [6, с. 179]. Выделяются два основных вида миграции: возвратная и безвозвратная. Как ясно из названия, возвратная (временная) миграция, независимо от числа завершённых перемещений, изначально предполагает возврат в исходную точку. Возвратная миграция подразделяется прежде всего на сезонную и маятниковую. Сезонная миграция подразумевает смену места пребывания на ограниченный срок с определённой целью (выполнение сезонных работ, прохождение учебного курса, курортный отдых и пр.). В отличие от сезонной, маятниковая миграция ограничена узкими временными рамками и, как правило, выражена ежедневными (или еженедельными) трудовыми или культурно-бытовыми поездками (поездка на заработки в город, отдых за пределами населённого пункта и пр.). Безвозвратная (постоянного населения) миграция, напротив, связана с перемещением «в один конец», т.е. не подразумевает возврат в исходную точку. В результате безвозвратная миграция связана со сменой места жительства, а возвратная — со сменой места

пребывания. Оба вида миграции имеют, в общем и целом, схожую причину: противоречие между потребностями личности и возможностями их удовлетворения в месте постоянного жительства. Как отмечается, индивидуальный выбор между постоянной и временной миграцией определяется территориальной удалённостью и наличием миграционных возможностей (миграционная политика, доступность жилья, наличие рабочих мест, разница в оплате труда и уровне цен и пр.) [16, с. 15].

Наглядно продемонстрировать сходства и в то же время различия названных видов миграции можно на примере учебной миграции. К примеру, житель города Сокол (Сокольского района), обучающийся в вологодском вузе, обычно вынужден ежедневно перемещаться между местом жительства и местом обучения, совершая при этом маятниковую миграцию. Однако если в общежитии появится дополнительное место и студент его займёт, то сроки пребывания в г. Вологде увеличатся до нескольких недель или месяцев, что указывает на сезонный характер совершаемой миграции. В случае если учащийся найдет себе работу по совместительству, благодаря которой будет иметь средства на оплату жилья в городе, он сможет окончательно сменить место жительства и тем самым совершить безвозвратную (с точки зрения терминологии) миграцию. В результате примерно идентичные предпосылки в зависимости от условий приводят к разным видам миграции и, соответственно, по-разному регистрируются.

Учитывать различия между видами миграции, а также их триггерами (побудителями) важно при анализе миграционных потоков, поскольку это напрямую связано с особенностями их статистического учета. Согласно методологии Росстата данные о миграции получаются на осно-

вании официальной отчетности местных подразделений Управления Федеральной миграционной службы России, т.е. включают в себя только информацию о постоянной прописке (месте жительства), о временной регистрации по месту пребывания на срок от 9 месяцев и более [5, с. 403]. В то же время известно, что, из всех пространственных перемещений, сменой постоянного места жительства (или долгосрочной регистрацией) сопровождается лишь малая доля: в крупных городах и мегаполисах объем маятниковой миграции за выходные может превышать объем постоянной миграции за год [11]. Само собой, в большинстве случаев это утверждение не касается международной миграции, при которой подразумеваются строгая регистрация прибытия и контроль пребывания. Поскольку в соответствии с законодательством граждане РФ имеют формальную свободу перемещения, миграционный обмен в пределах Российской Федерации контролируется в значительно меньшей степени. В этом случае данные отечественной службы статистики позволяют оценивать только масштабы безвозвратной миграции, а также частные случаи сезонной (например, проживание в общежитии, требующее временной регистрации). Возможность оценки объема маятниковой миграции на основании официальной отчетности как таковая отсутствует, что исключает из анализа существенную часть миграционного движения, в первую очередь на незначительные расстояния.

Другим значимым ограничением миграционной статистики является её формальная привязка к административно-территориальному делению. Согласно миграционному законодательству¹, гражданин не

¹ О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации: ФЗ от 21.12.2013 № 376.

обязан проходить регистрацию, если место пребывания находится в том же субъекте, что и место проживания. Иными словами, внутриобластная миграция регистрируется лишь на добровольной основе. Более того, перемещения в пределах одного муниципального района, даже в случае регистрации, не фиксируются в статистической отчетности, несмотря на то что расстояние между двумя населенными пунктами одного района может быть больше, чем при переезде из района в район. Вследствие этого в статсборниках не отражаются объемы миграции в пределах одного муниципального района, что делает рамки анализа ещё уже.

Таким образом, в отличие от впечатляющей своей подробностью статистики международной миграции, внутриобластной учет миграционного обмена неточен и отрывочен. В связи с этим анализ миграции между районами неизбежно сопровождается рядом допущений. Первым и основным допущением будет приравнивание тенденций регистрируемой безвозвратной миграции к тенденциям миграции в целом. Как показано на примере выше, временная миграция зачастую приводит к постоянной. Автором [11] отмечается, что наличие опыта миграционной активности способствует формированию миграционных намерений в будущем, т.е. статистический показатель постоянной миграции косвенно указывает на временную миграцию. Другим допущением станет исключение внутрирайонной миграции из анализа общих миграционных потоков. Это может несколько исказить выводы по муниципальным районам с высокой численностью населения либо с двумя и более сравнительно крупными (по сравнению с деревнями) населёнными пунктами, т.к. миграционная активность в пределах района может играть в них значимую роль. Тем не менее, сделав оговорку

на названные ограничения и допущения, можно провести общий анализ основных миграционных потоков в Вологодской области.

Вологодская область, являющаяся типичным регионом Северо-Запада России, характеризуется умеренным миграционным оттоком и естественной убылью, относительно высокой долей сельского населения (28,7% общей численности населения)². Регион находится на 3-м месте в СЗФО по числу мигрантов и на 2-м — по интенсивности внутриобластной миграции [5]. Стоит отметить, что по сравнению с показателями за более ранние годы (конец 1990-х — начало 2000-х) естественный прирост населения существенно улучшился, хотя и не достиг уровня начала 90-х годов (табл. 1). Вместе с тем несколько обострилась проблема миграционного оттока, причем, как и в случае с естественной убылью населения, основные потери приходится на муниципальные районы. Но поскольку основное направление миграции — из районов в крупные города региона³, проблема практически не отражается в статистике по региону в целом.

Наиболее активными мигрантами традиционно считаются молодые люди [7]. Это подтверждается и данными по Вологодской области: в 2013 году на возрастную группу 15–34 лет приходится 52,2% мигрантов. Из них городское население составляет 58,4% прибывших (11 187 человек) и 53,9% выбывших (9944 чел.), сельское — 39,9% прибывших и 59,9% выбывших. Наиболее активными мигрантами при этом яв-

² Для сравнения: в 2013 году средний показатель доли сельского населения по России составил 26%, по СЗФО — 16%.

³ Здесь и далее под крупными городами понимаются города с населением 250–500 тыс. человек (Вологда, Череповец), что соответствует классификации свода правил «Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений» (Минрегионразвития РФ).

Таблица 1. Показатели естественного и миграционного прироста в Вологодской области, чел.

Территория	1991	1994	1999	2003	2007	2010	2011	2012	2013
Нетто-коэффициент миграции									
Региональный баланс	4657	7695	1574	339	441	-194	566	-1053	-1321
Муниципальные районы	3052	1363	639	793	-865	-3762	-3538	-3671	-3269
Крупные города	1605	6332	935	-454	1306	3568	4104	2618	1948
Нетто-коэффициент естественного прироста									
Региональный баланс	-109	-9337	-10098	-11770	-5331	-5072	-3210	-1297	-1504
Муниципальные районы	-991	-7492	-7006	-8354	-4115	-4180	-3235	-2291	-2251
Крупные города	882	-1845	-3091	-3416	-1216	-892	25	994	747
Примечание. Нетто-коэффициент прироста рассчитывается как разница между числом прибывших и ушедших за определенный период. Источники: составлено автором; Демографический ежегодник Вологодской области за указанные годы; Муниципальные образования Вологодской области, 1991–2000 : стат. сборник / Вологодский облкомстат. – Вологда, 2001. – С. 129-148.									

Таблица 2. Миграция в городской и сельской местности Вологодской области в 2013 году

Тип миграции	Число прибывших			Число выбывших			Миграционный прирост (убыль) населения		
	Всего	Из городской местности	Из сельской местности	Всего	В городскую местность	В сельскую местность	Всего	За счет городской местности	За счет сельской местности
Межрегиональная городская	6599	4953	1646	8110	6786	1324	-1511	-1833	322
Внутриобластная городская	11111	3526	7585	9389	3519	5870	1722	7	1715
Межрегиональная сельская	3380	2561	819	3872	3002	870	-492	-441	-51
Внутриобластная сельская	10824	5877	4947	12546	7602	4944	-1722	-1725	3
Примечание. Общий миграционный баланс в области в 2013 году составил 1321 человек. Источник: Демографический ежегодник Вологодской области, 2014.									

ляются девушки 15–29 лет, одновременно лидирующие по числу выбытий из сельской местности (24,5% общего числа выбывших) и прибытий в города (25,8% общего числа прибывших). Другим существенным различием в миграции сельского и городского населения выступает направление миграции. Так, отток жителей городов (в первую очередь крупных) в другие регионы почти столь же масштабен, как и в населенные пункты своего региона (46,3 и 53,7% соответственно), в то время как сельское население перемещается прежде всего в города, расположенные в пределах области (46,3% общего миграционного оттока; табл. 2).

Ежегодный учет миграции позволяет проанализировать динамику этого процесса. Начиная с распада Советского Союза можно условно выделить в районах Вологодской области три периода миграции, неразрывно связанных с социально-экономическими процессами в стране в целом. В начале и середине 1990-х годов, как и в большинстве регионов страны, в области наблюдался существенный миграционный приток жителей из стран постсоветского пространства. Речь идет о так называемой «стрессовой миграции», когда население, вследствие радикальных геополитических преобразований разделённое ново-

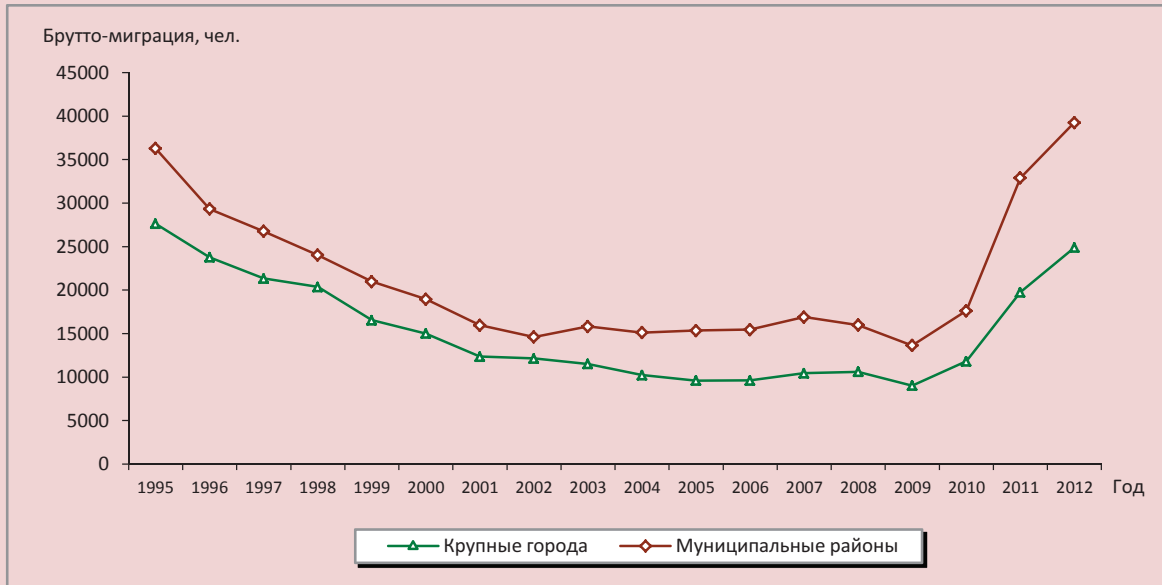
образовавшимися границами, спешило вернуться на родину или перебраться в страну с, предположительно, лучшими перспективами [8]. Наибольшее значение показателя отмечается в 1995 году, в котором население региона пополнилось 6145 бывшими иностранцами (16,7% общего притока населения). С конца 90-х и до конца 2000-х годов, в период экономического роста, большинство регионов Центра и Северо-Запада страны характеризовались снижением интенсивности миграционного обмена. Так, в Вологодской области в 2009 году общее число мигрантов составило всего 11 359 прибывших и 11 296 выбывших, что в 3 раза меньше уровня 1995 года. Внутриобластная и межрегиональная миграция при этом были примерно равны и в совокупности составили более 95% общего миграционного обмена в регионе, соответственно, значительно снизился приток из-за границы. В послекризисные годы (начиная с 2010-го) и по настоящее время наблюдается значительный рост интенсивности миграционных потоков. В этот период на внутриобластную миграцию приходился приблизительно две трети (65,2%) регистрируемой миграционной активности в регионе: 21 935 из 33 622 человек в 2013 году. Еще треть (34,3%) мигрантов уезжают из области в другие субъекты РФ, причем доля прибывших несколько меньше (29,7%).

Вологодскую область с трудом можно назвать объектом миграционной привлекательности для жителей других стран (северный климат, невысокая заработная плата при высоких ценах и т.д.), интенсивность международной миграции в регионе низкая: в 2013 году насчитывается 1708 прибывших и 1026 выбывших, в обоих случаях доля прибывших из стран СНГ составляет более 90%. В целом же изменение интенсивности миграционных потоков может быть рассмотрено с помощью по-

казателя валовой миграции. Валовая или брутто-миграция рассчитывается как сумма числа прибывших и числа выбывших. Этот показатель косвенно свидетельствует о пространственной мобильности населения и помогает выявить миграционные триггеры. На *рисунке 1* представлены тенденции изменения интенсивности миграции в муниципальных районах и крупных городах области (Вологде и Череповце) в 1995–2012 гг. (данные за более ранний период ограничены или отсутствуют). Скачок миграции, который был вызван распадом СССР и пик которого приходился на первую половину 1990-х годов, сменился относительным спадом в период экономического роста в 2000-х годах, однако после кризиса 2008–2009 гг. миграция вновь резко возросла. Причем на муниципальные районы, несмотря на их меньшую суммарную численность населения по сравнению с крупными городами (в 2012 году – 565 519 и 630 677 человек соответственно), во все годы приходилась большая часть миграционного обмена.

Следует отметить, что при большей интенсивности миграционного обмена в муниципальных районах в них преобладает отток населения над притоком. К сожалению, на основании официальной отчетности нельзя четко установить направления миграции. Однако даже при имеющихся данных путём сравнения их графической репрезентации можно выявить общие закономерности. Так, анализируя линии миграционных трендов, можно наблюдать обратную зависимость между изменениями коэффициента миграционного прироста в районах и крупных городах области. Если в период с 1993 по 1995 год приток в крупные города увеличивался, то в муниципальных районах в тот же период значение показателя снижалось (*рис. 2*). Ближе к концу 1990-х годов, когда международная миграция уже

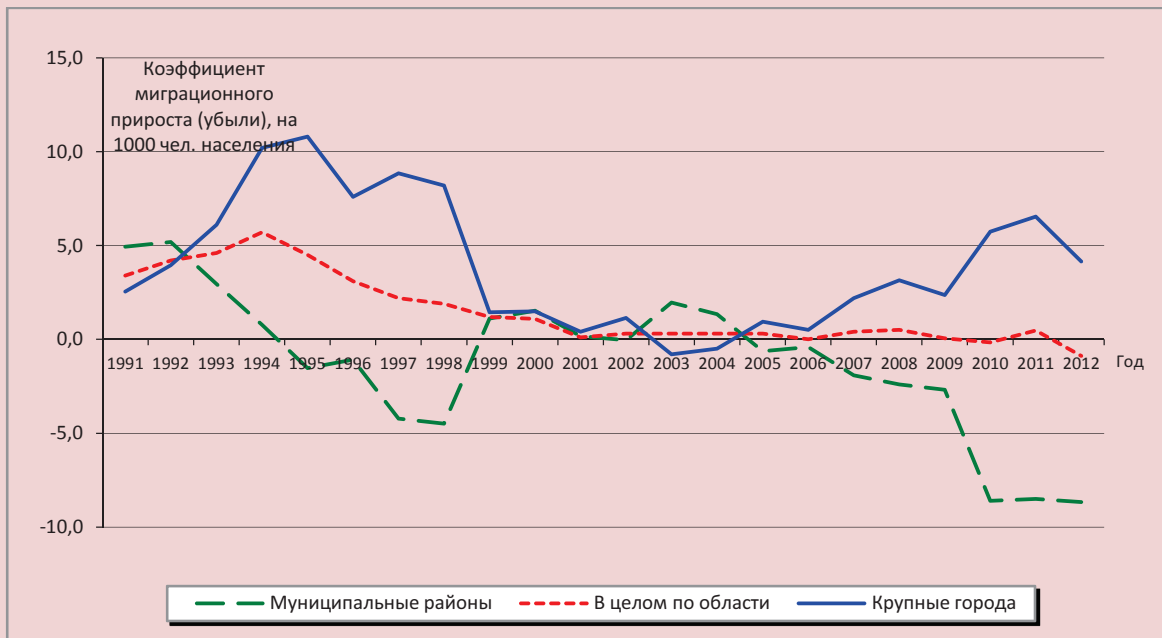
Рисунок 1. Интенсивность миграции в крупных городах и муниципальных районах Вологодской области в 1995–2012 гг.

Примечание. Брутто-миграция рассчитывается как сумма прибывших и выбывших мигрантов за определённый период.

Источники: составлено автором; Демографический ежегодник Вологодской области за указанные годы.

Рисунок 2. Средний коэффициент миграции в районах Вологодской области в 1991–2012 гг.

Примечание. Коэффициент миграционного прироста (убыли) рассчитывается как разница между числом прибывших и выбывших мигрантов относительно численности населения.

Источники: составлено автором; Демографический ежегодник Вологодской области за указанные годы; Муниципальные образования Вологодской области, 1991–2000: стат. сборник / Вологодский облкомстат. – Вологда, 2001. – С. 129-148.

не могла компенсировать отток населения в крупные города, средний по районам коэффициент миграционного притока опустился ниже нулевой отметки. На рисунке можно наблюдать, как миграционный прирост в крупных городах сопровождается миграционной убылью в муниципальных районах.

Хотя тенденции миграции в крупных городах и в муниципальных районах схожи по своей динамике, между ними, тем не менее, существуют значительные различия по миграционной активности и коэффициенту миграционного прироста. Это может быть обусловлено как различными предпосылками миграции (территориальная удалённость, условия труда и проживания и пр.), так и разной восприимчивостью к изменению различных факторов миграции вследствие особенностей экономики района и её организации [18]. Кроме того, в пределах области происходит миграция не только из муниципальных районов в крупные города, но и между самими муниципальными районами, поскольку они не равны по уровню экономического развития (доход, производительность труда, условия проживания и т.д.) [2]. Причин этого может быть несколько. С одной стороны, невозможность или нежелание переселяться в крупный город при невозможности или нежелании оставаться проживать по месту прописки. С другой стороны, потенциальный мигрант, наоборот, может получить возможность поселиться в другом, более привлекательном для него муниципальном районе (получение работы, разница в цене на жильё и т.д.). Добавим, что суммарные издержки при переезде в другой муниципальный район могут быть ниже, чем при переезде в крупный город. В результате, при условии значительной (способной покрыть названные издержки в среднесрочный период) разницы между имеющимся

и потенциальным (в случае переезда) доходом, экономически выгоднее переезжать в другой муниципальный район, нежели в крупный город [19]. Подобная неоклассическая интерпретация актуальна для ранее упомянутых случаев перехода от маятниковой миграции к постоянной, поскольку разница в доходе будет дополняться экономией на транспортных издержках, что повысит экономическую привлекательность смены места жительства. Так или иначе, во всех трёх случаях различия между районами в миграционном приросте определяются различиями их социально-экономического развития.

Учитывая сделанные выводы, возьмем период 2009–2012 гг., который характеризуется ростом интенсивности миграционного обмена (см. рис. 1) и в то же время покрывает период значимых изменений во внутриобластном миграционном обмене (табл. 3).

Как видно из приведенных данных, в 2009–2012 гг. лишь в четырех районах Вологодской области баланс миграционного прироста был положительным: Вологодском (5,1 на 1000 чел. населения), Кадуйском (4,2), Усть-Кубинском (0,2), Шекснинском (0,1; рис. 3). Однако различия по показателю миграционного прироста (убыли) населения весьма существенны даже между районами с отрицательным балансом миграции, особенно центральными и периферийными. Так, муниципальные районы с умеренным миграционным оттоком (Великоустюгский, Кирилловский, Сокольский и др.) по относительному показателю миграции ближе к Вологодскому и Кадуйскому районам, нежели к отстающим: Бабушкинскому, Вашкинскому, Кичменгско-Городецкому. За рассматриваемый период 11 из 26 районов области ежегодно теряли в среднем свыше 1% населения, что в перспективе может не только негативно

Таблица 3. Основные показатели миграции в муниципальных районах Вологодской области в период 2009–2012 гг.

Муниципальный район	Прибыло, на 1000 чел. населения	Выбыло, на 1000 чел. населения	Нетто-коэффициент миграционного прироста, на 1000 чел.	Брутто-коэффициент миграционного прироста, на 1000 чел.
Вологодский	28,2	23,2	5,1	51,4
Кадуйский	31,1	26,9	4,2	58,0
У.Кубинский	26,4	26,1	0,2	52,5
Шекснинский	26,0	25,9	0,1	51,9
В. Устюгский	20,4	21,8	-1,5	42,2
Кирилловский	27,9	29,8	-1,9	57,7
Сокольский	11,9	14,7	-2,8	26,6
Чагодощенский	19,5	22,6	-3,1	42,1
Тотемский	26,6	30,4	-3,9	57,0
Череповецкий	22,5	26,4	-4,0	48,9
Междуреченский	26,2	31,3	-5,0	57,5
Устюженский	19,0	25,3	-6,3	44,3
Вытегорский	14,4	22,1	-7,7	36,5
Сямженский	19,2	27,3	-8,2	46,5
Грязовецкий	14,9	23,2	-8,3	38,1
Верховажский	16,3	26,4	-10,1	42,7
Вожегодский	19,3	30,0	-10,7	49,3
Тарногский	15,0	26,0	-11,0	41,0
Белозерский	20,4	31,7	-11,2	52,1
Бабаевский	13,2	25,1	-11,9	38,3
Никольский	21,8	33,8	-12,0	55,7
Харовский	12,5	25,6	-13,1	38,1
Нюксенский	16,0	29,4	-13,4	45,4
Бабушкинский	10,0	23,9	-14,0	33,9
Вашкинский	13,6	27,7	-14,1	41,3
К.Городецкий	9,2	26,2	-17,0	35,4

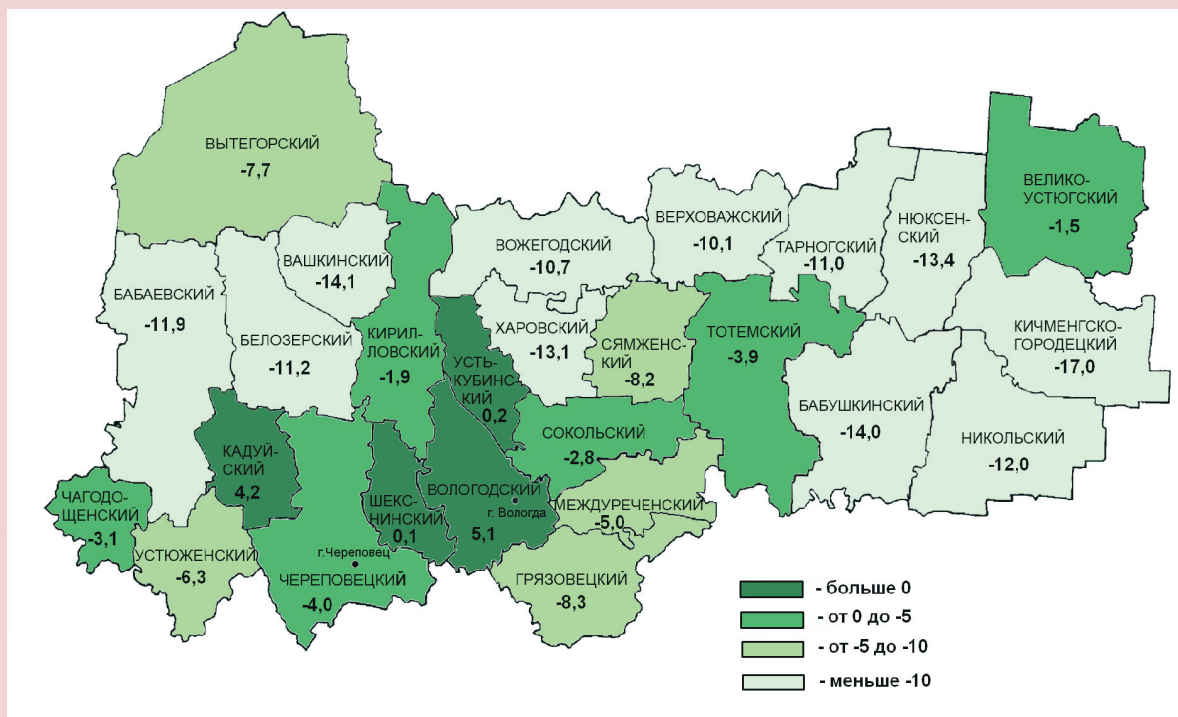
Источники: составлено автором; Демографический ежегодник Вологодской области за указанные годы.

сказаться на демографической ситуации, но и привести к деградации рынка труда в связи с недостатком трудовых ресурсов.

Важно отметить, что в случае с районами Вологодской области роли притока и оттока населения в определении значения миграционного прироста неравномерны. Если обратиться к статистике последних лет (см. табл. 3), можно наблюдать лишь незначительную дифференциацию муниципальных районов по убыли населения. Это означает, что собственно миграционный отток в них примерно одинаков – разница в значении показателя не превышает 10 чел. на 1000 населения. Исключением является Сокольский район, в котором

отток населения значительно ниже, чем в остальных районах, в силу низкой интенсивности миграции. В то же время районы существенно разнятся по миграционному притоку: разброс значений показателя – трёхкратный (от 9,2 чел. на 1000 чел. населения в Кичменгско-Городецком районе до 31,1 в Кадуйском). При этом можно отметить относительно высокое значение коэффициента миграционного прироста у районов с относительно высоким притоком населения. Вместе с тем районы, менее других привлекательные для мигрантов, по большей части имеют наименьшие по области значения коэффициента миграционного прироста.

Рисунок 3. Значение коэффициента миграционного прироста (убыли) населения в районах Вологодской области в период 2009–2012 гг., чел. на 1000 населения

Источники: составлено автором; Демографический ежегодник Вологодской области за указанные годы.

Схожая тенденция наблюдается в районах и в отношении интенсивности миграционных потоков. Районы с положительным значением показателя миграционного прироста характеризуются высокой интенсивностью миграции, в то время как в районах с ощутимой миграционной убылью населения в большинстве случаев интенсивность низкая. Для наглядности можно взять верхнюю по значению коэффициента миграционного прироста группу из 5 районов (Вологодский, Кадуйский, Усть-Кубинский, Шекснинский, Великоустюгский; см. табл. 3) и сравнить её с соответствующей нижней группой (Харовский, Нюксенский, Бабушкинский, Вашкинский, Кичменгско-Городецкий). В первой группе

среднее значение брутто-миграции за анализируемый период составляет 49,1 на 1000 населения, в четырех из пяти районов при этом значение показателя выше 50. Во второй группе валовая миграция на 1000 чел. населения в среднем равна 38,0. Низкая интенсивность миграции отмечается также в Сокольском районе (26,0 на 1000 населения), который территориально близок к областной столице, что позволяет заниматься более доходным трудом без смены места жительства. Кроме того, структура занятости в Сокольском районе тяготеет к обрабатывающим производствам, в которых трудятся 32% работников, что значительно больше, чем в прочих районах области [15]. Развитая промышленность удерживает население за

счет наличия стабильных, существующих многие десятилетия, рабочих мест, в том числе и в обслуживающих её отраслях. Вместе с тем в связи с отраслевой спецификой заработная плата в районе находится на низком уровне: 16 338 рублей в 2012 году, что на 29% ниже средней по области за тот же год. В результате низкий потенциальный доход снижает миграционную привлекательность района.

Исходя из вышесказанного можно сделать ряд выводов и предположений. Во-первых, статистический показатель миграционного прироста (убыли) в районах Вологодской области зависит, в первую очередь, от их миграционной привлекательности. Она определяется рядом разнородных экономико-географических и социально-экономических факторов, к числу которых можно отнести территориальную доступность (удаленность), разницу в уровне доходов, условиях проживания, развитости сферы услуг и пр. Во-вторых, для муниципальных районов Вологодской области характерна компенсирующая роль миграционного притока по отношению к оттоку, дифференциация которого незначительна. Лишь четыре района области (Вологодский, Кадуйский, Усть-Кубинский, Шекснинский) являются достаточно привлекательными для мигрантов, чтобы поддерживать положительный миграционный баланс, несмотря на ежегодный отток 2–3% населения. Из этого следует другая закономерность – прямая зависимость между миграционным притоком и интенсивностью миграционного обмена в районах: чем выше миграционная активность в районе, тем выше значение коэффициента миграционного прироста. В-третьих, основные направления миграционных потоков в регионе нелинейны. Значительная часть сельского населения

(прежде всего девушки 15–29 лет) переезжает либо в сельскую местность других районов, либо в близлежащие городские поселения. Эти мигранты, в некотором смысле, служат заменой для жителей малых городов, которые, в свою очередь, конечным пунктом миграции выбирают прочие города (прежде всего крупные) как в пределах, так и за пределами области. Наибольшим миграционным притяжением обладает центральная, наиболее густонаселённая часть региона (см. рис. 3), в то время как периферийные районы, особенно с преобладающей долей сельского населения, испытывают значительный отток населения. В Великоустюгском и Чагодощенском районах, где удельный вес городского населения составляет 69,9 и 77,3% соответственно, миграционный отток умеренный, даже несмотря на периферийное расположение. Подобные районы служат некими «гравитационными центрами» миграции, т.е. в силу удаленности от крупных городов являются более привлекательными для мигрантов из соседних районов [1]. Схожую роль играют Кадуйский и Усть-Кубинский, которые помимо всего прочего имеют выгодное расположение: с одной стороны, относительная близость к крупным городам, с другой – соседство с районами с высоким миграционным оттоком.

Учет миграционных потоков может способствовать повышению результативности региональной политики. В настоящее время акцент на региональном управлении предполагает стремление к равномерному развитию районов области. Результаты анализа межрайонной миграции позволят выявить наиболее проблемные территории, нуждающиеся в государственной поддержке, а также укажут на наличие в управленческих решениях ошибок, которые приводят к внезапному

увеличению оттока населения. Кроме того, относительно высокая миграционная привлекательность способствует идентификации потенциальных «точек роста» — территорий с наиболее благоприятными условиями для государственных инвестиций, что не в последнюю очередь связано с притоком трудовых ресурсов. Развитие социальной и инженерной инфраструктуры, стимулирование жилищного строительства и создание рабочих мест в таких районах позволит создать платформу экономического роста региона. Прежде всего, это поможет сдержать убыль населения в тех районах, которые мигрирующее население считает соответствующими их требованиям и ожиданиям при смене места жительства. Тот факт, что люди предпочитают переезд именно в эти районы, говорит о наличии в них условий для индивидуальной самореализации, указывает на перспективность их государственной поддержки. Содействие развитию таких территорий, как Великоустюгский, Кадуйский, Чагодощенский, Усть-Кубинский районы, позволит сформировать полицентрическую модель региона, важный элемент пространственной организации населения в условиях перехода к инновационной экономике. Так, в «Транспортной стратегии России на период до 2030 года» отмечается, что инновационный сценарий, подразумевающий полицентрическую модель развития страны и регионов, даст возможность повысить качество жизни населения, усовершенствовать транспортную сеть, повысить пространственную мобильность населения, создать условия для развития высоко-

технологичного производства [14, с. 17]. Создание подобных «экономических опор» способствует росту экономики региона за счет соответствия принципу максимизации экономической эффективности, что в перспективе благоприятно скажется на развитии не только приоритетных районов, но и тех, которые в настоящее время находятся в сравнительном упадке. Это связано как с развитием транспортно-инженерной инфраструктуры, так и с расширением возможностей миграционного обмена между сельскими поселениями и малыми городами в рамках маятниковой и сезонной занятости, что актуально, в частности, для периферийных районов региона.

Таким образом, анализ государственной статистики по межрайонной миграции позволяет определить основные её направления, выявить территории риска и центры миграционного притяжения. Несмотря на значимые ограничения официальной статистической отчетности, можно сделать вывод о высокой интенсивности в Вологодской области внутрирегиональной миграции, направленной преимущественно из сельской местности в малые городские поселения, затем в крупные города. Установление факторов, определяющих потоки миграции в области, и своевременное принятие соответствующих управленческих решений будет способствовать развитию точек экономического роста в регионе. Кроме того, выявление и устранение причин оттока населения поможет сдержать обезлюживание деревень и в перспективе — стабилизировать демографическую ситуацию в сельской местности.

Литература

1. Василенко, П.В. Гравитационные силы и миграционная подвижность населения региона [Текст] / П.В. Василенко // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. — 2013. — № 7. — С. 155-159.

2. Ворошилов, Н.В. Дифференциация социально-экономического развития муниципальных образований Вологодской области за 1991–2011 гг. [Текст] / Н.В. Ворошилов // Проблемы развития территорий. – 2013. – № 3 (65). – С. 31-41.
3. Демографический ежегодник Вологодской области, 1996 [Текст] : стат. сборник / Вологодский облкомстат. – Вологда, 1997. – 57 с.
4. Демографический ежегодник Вологодской области, 2012 [Текст] : стат. сборник / Вологдастат. – Вологда, 2013. – 80 с.
5. Демографический ежегодник России, 2013 [Текст] : стат. сб. / Росстат. – М. : Росстат, 2013. – 543 с.
6. Демографический понятийный словарь [Текст] / под ред. Л.Л. Рыбаковского. – М. : Центр социального прогнозирования, 2003. – 352 с.
7. Карачурина, Л. Миграционная подвижность молодежи и сдвиги в возрастной структуре населения городов и районов России (1989–2002) [Текст] / Л. Карачурина, Н.М. Мкртчян // Географическое положение и территориальные структуры: памяти И.М. Маергойза. – М. : Новый Хронограф, 2012. – С. 688-707.
8. Кресола, Н.С. Основные характеристики миграции современной России [Текст] / Н.С. Кресола // Теория и практика общественного развития. – 2007. – № 1. – С. 22-30.
9. Мкртчян, Н.В. Миграция в Пермском крае: опыт анализа на региональном и муниципальном уровнях [Текст] / Н.В. Мкртчян, Л.Б. Карачурина // Научные труды ИПН РАН / под ред. А.Г. Коровкина. – М. : МАКС пресс, 2009. – С. 688-712.
10. Мкртчян, Н.В. Миграция молодежи в региональные центры России в конце XX – начале XXI века [Текст] / Н.В. Мкртчян // Известия РАН. – 2013. – № 6. – С. 19-32. – (Географическая).
11. Мкртчян, Н.В. Миграционная мобильность в России: оценки и проблемы анализа [Текст] / Н.В. Мкртчян // SPERO. – 2009. – № 11. – С. 149-164.
12. Муниципальные образования Вологодской области, 1991–2000 [Текст] : стат. сборник / Вологодский облкомстат. – Вологда, 2001. – 410 с.
13. Пациорковский, В.В. Сельско-городская Россия [Текст] / В.В. Пациорковский. – М. : ИСЭПН РАН, 2010. – 390 с.
14. Транспортная стратегия России на период до 2030 [Электронный ресурс] / Министерство транспорта Российской Федерации. – 2008. – Режим доступа: http://www.mintrans.ru/upload/iblock/3cc/ts_proekt_16102008.pdf.
15. Труд и занятость в разрезе районов Вологодской области, 2012 [Текст] : стат. бюлл. / Вологдастат. – Вологда, 2013. – 90 с.
16. Шабанова, М.А. Сезонная и постоянная миграция в сельском районе [Текст] / М.А. Шабанова. – Новосибирск : Наука, 1991. – 232 с.
17. Шик, О. Альтернативная несельскохозяйственная занятость в сельской местности России [Текст]: научный отчет / О. Шик, Т. Тихонова. – М. : Институт экономики переходного периода, 2007. – С. 206.
18. Crow, H. Factors influencing rural migration decisions in Scotland: an analysis of the evidence [Электронный ресурс] : научный отчет / H. Crow. – 2010. – Режим доступа: www.scotland.gov.uk/socialresearch.
19. Stark, O. Labor migration as a response to relative deprivation [Текст] / O. Stark, S. Yitzhaki // Journal of Population Economics. – 1988. – № 1. – С. 57-70.
20. Taylor, J.E. Human Capital: Migration and Rural Population Change [Электронный ресурс] / J.E. Taylor, P.L. Martin // Handbook of Agricultural Economics, vol. 1 / под ред. B.L. Gardner, G.C. Rausser. – С. 457-511. – Режим доступа: <http://econpapers.repec.org/bookchap/eehageco/1.html>.

Сведения об авторе

Михаил Михайлович Панов – младший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, mm_panov@mail.ru)

Panov M.M.

Analysis of Migration Flows of the Population of the Vologda Oblast Districts

Mikhail Mikhailovich Panov – Junior Research Associate, Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, mm_panov@mail.ru)

Abstract. The article presents the research on the main directions and scale of migration in municipal districts of the Vologda Oblast and considers the main types of migration and the specifics of their statistical accounting. The data by Rosstat served as a basis upon which a general analysis of migration dynamics in the Vologda Oblast districts was carried out; and the article presents its periodization. Three main periods are defined: the “migration shock” of 1991–1999 after the collapse of the Soviet Union, the migration stability of 2000–2008 and the post-crisis rural out-migration that began in 2009 and is increasing year by year. At the same time, gross migration indicators have shown high sensitivity to significant socio-economic change, in particular, to the economic crises of 1999 and 2008. The article describes the main age and gender characteristics of migrants, it has been determined that the most active migrants are girls aged 15–29, who move from rural to urban settlements. In general, it is the young people aged 15–34 who are most likely to migrate. The author has found out that most of the Vologda Oblast districts are characterized by a higher outflow of the population, which is in some places restrained by a relative migration attractiveness of a number of areas. The author has found out that most districts of the Oblast are characterized by a higher outflow of the population, which is sometimes restrained by relative migration attractiveness of some areas. The author highlights the region’s territories with the highest migration attraction; in the long run they can play the role of “growth points” in the region; these territories comprise Velikoustyugsky and Chagodoshchensky districts, as well as several districts of the central part of the Vologda Oblast – Ust-Kubinsky and Vologodsky. The author also points out the territories that suffered the most from out-migration: Kichmengsko-Gorodetsky, Vashkinsky, Babushkinsky, Nyuksensky, and Kharovskiy districts. Timely and targeted support provided to these territories will help to curb out-migration and thus contribute to an even and sustainable development of the region.

Key words: municipal districts, rural area, migration, growth points.

References

1. Vasilenko P.V. Gravitatsionnye sily i migratsionnaya podvizhnost' naseleniya regiona [Gravitational Forces and Migration Mobility of the Population of the Region]. *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta* [Immanuel Kant Baltic Federal University Bulletin], 2013, no. 7, pp. 155-159.
2. Voroshilov N.V. Differentsiatsiya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya munitsipal'nykh obrazovaniy Vologodskoi oblasti za 1991–2011 gg. [Differentiation of Socio-Economic Development in the Vologda Oblast Municipal Entities in 1991 – 2011]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of Territory's Development], 2013, no. 3 (65), pp. 31-41.
3. Demograficheskiy ezhegodnik Vologodskoi oblasti, 1996: stat. sbornik [Demographic Yearbook of the Vologda Oblast, 1996: Statistics Collection]. *Vologodskii oblkomstat* [Regional Office of the Federal State Statistics Service of the Russian Federation in the Vologda Oblast]. Vologda, 1997. 57 p.
4. Demograficheskiy ezhegodnik Vologodskoi oblasti, 2012: stat. sbornik [Demographic Yearbook of the Vologda Oblast, 2012: Statistics Collection]. *Vologdastat* [Regional Office of the Federal State Statistics Service of the Russian Federation in the Vologda Oblast]. Vologda, 2013. 80 p.

5. Demograficheskii ezhegodnik Rossii, 2013: stat. sb. [Demographic Yearbook of Russia, 2013: Statistics Collection]. Rosstat [Federal State Statistics Service]. Moscow: Rosstat, 2013. 543 p.
6. *Demograficheskii ponyatiinyi slovar'* [Dictionary of Demographic Terms]. Ed. by L.L. Rybakovskii. Moscow: Tsentr sotsial'nogo prognozirovaniya, 2003. 352 p.
7. Karachurina L., Mkrтчyan N.M. Migratsionnaya podvizhnost' molodezhi i sdvigi v vozrastnoi strukture naseleniya gorodov i raionov Rossii (1989–2002) [Migration Mobility of Young People and the Changes in the Age Structure of the Population of Russia's Cities and Districts (1989–2002)]. *Geograficheskoe polozenie i territorial'nye struktury: pamyati I.M. Maergoiza* [Geographical Position and Territorial Structures: in Memory of I. M. Maergoiz]. Moscow: Novyi Khronograf, 2012. Pp. 688-707.
8. Kresova N.S. Osnovnye kharakteristiki migratsii sovremennoi Rossii [Key Features of Labor Migration in Modern Russia]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development], 2007, no. 1, pp. 22-30.
9. Mkrтчyan N.V., Karachurina L.B. Migratsiya v Permskom krae: opyt analiza na regional'nom i munitsipal'nom urovnyakh [Migration in Perm Krai: the Experience of Analysis at the Regional and Municipal Levels]. *Nauchnye trudy IPN RAN* [Scientific Papers of the Institute of Economic Forecasting, RAS]. Ed. by A.G. Korovkin. Moscow: MAKS press, 2009. Pp. 688-712.
10. Mkrтчyan N.V. Migratsiya molodezhi v regional'nye tsenry Rossii v kontse XX – nachale XXI veka [Migration of Young People in Regional Centers of Russia in the Late 20th – Early 21st Century]. *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Series: Geography], 2013, no. 6, pp. 19-32.
11. Mkrтчyan N.V. Migratsionnaya mobil'nost' v Rossii: otsenki i problemy analiza [Migration Mobility in Russia: Valuation and Analysis]. *SPERO*, 2009, no. 11, pp. 149-164.
12. Munitsipal'nye obrazovaniya Vologodskoi oblasti, 1991–2000: stat. sbornik [Municipal Formations of the Vologda Oblast, 1991–2000: Statistics Collection]. *Vologodskii oblkomstat* [Regional Office of the Federal State Statistics Service of the Russian Federation in the Vologda Oblast]. Vologda, 2001. 410 p.
13. Patsiorkovskii V.V. *Sel'sko-gorodskaya Rossiya* [Rural and Urban Russia]. Moscow: ISEPN RAN, 2010. 390 p.
14. Transportnaya strategiya Rossii na period do 2030 [Transport Strategy of Russia for the Period up to 2030]. *Ministerstvo transporta Rossiiskoi Federatsii* [Ministry of Transport of the Russian Federation]. 2008. Available at: http://www.mintrans.ru/upload/iblock/3cc/ts_proekt_16102008.pdf.
15. Trud i zanyatost' v razreze raionov Vologodskoi oblasti, 2012: stat. byull. [Labor and Employment in the Districts of the Vologda Oblast, 2012: Statistics Bulletin]. *Vologdastat* [Regional Office of the Federal State Statistics Service of the Russian Federation in the Vologda Oblast]. Vologda, 2013. 90 p.
16. Shabanova M.A. *Sezonnaya i postoyannaya migratsiya v sel'skom raione* [Seasonal and Permanent Migration in Rural District]. Novosibirsk: Nauka, 1991. 232 p.
17. Shik O., Tikhonova T. *Al'ternativnaya nesel'skokhozyaistvennaya zanyatost' v sel'skoi mestnosti Rossii: nauchnyi otchet* [Alternative Non-Agricultural Employment in Rural Areas of Russia: Scientific Report]. Moscow: Institut ekonomiki perekhodnogo perioda, 2007. P. 206.
18. Crow H. *Factors Influencing Rural Migration Decisions in Scotland: an Analysis of the Evidence. 2010*. Available at: www.scotland.gov.uk/socialresearch.
19. Stark O., Yitzhaki S. Labor Migration as a Response to Relative Deprivation. *Journal of Population Economics*, 1988, no. 1, pp. 57-70.
20. Taylor J.E., Martin P.L. Human Capital: Migration and Rural Population Change. *Handbook of Agricultural Economics*. Ed. by B.L. Gardner, G.C. Rausser. Vol. 1. Pp. 457-511. Available at: <http://econpapers.repec.org/bookchap/eeehageco/1.html>.

ЭКОНОМИКА АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА

DOI: 10.15838/esc/2015.4.40.9

УДК 338.43(470.12+98), ББК 65.325.250(2Ро-4Вол+211)

© Чекавинский А.Н.

Резервы роста молочного скотоводства в Вологодской области в контексте решения стратегических задач государства по освоению Арктики

**Александр Николаевич
ЧЕКАВИНСКИЙ**

Институт социально-экономического развития территорий РАН
160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, Chan@bk.ru

Аннотация. В статье обоснована целесообразность проведения исследований по оценке состояния агропродовольственной системы регионов Европейского Севера России в связи с усилением геополитических рисков и необходимости достижения стратегических задач по развитию арктических территорий. На основе анализа статистической информации, материалов Департамента сельского хозяйства и продовольственных ресурсов Вологодской области проанализировано изменение объемов производства молока, выявлены муниципальные районы, в которых сельхозтоваропроизводители являются драйверами роста агроэкономики, охарактеризованы тенденции в структуре поголовья коров за 2000–2014 гг. Показано, что основной ресурсный потенциал для развития молочного скотоводства в регионе сосредоточен в Вологодском, Грязовецком и Череповецком районах. С помощью аналитической группировки обосновано, что при сложившихся конъюнктуре рынка, состоянии материально-технической базы отрасли и уровне государственной поддержки экономически целесообразно повышение продуктивности коров до 7083 кг, поскольку это позволяет снизить удельные затраты и увеличить рентабельность. Однако для того, чтобы сельхозтоваропроизводители достигли роста продуктивности молочного скота, требуется реализация системных мер их стимулирования со стороны органов государственной власти. Особое внимание в статье уделено масштабам использования сельхозорганизациями современных технических средств для содержания, доения и кормления коров, а также работе, проводимой по повышению племенных и продуктивных качеств скота. Сделан вывод о том, что при условии кардинального изменения государственной аграрной политики Вологодская область может стать «форпостом» обеспечения населения арктических территорий качественной сельхозпродукцией.

Ключевые слова: молочное скотоводство, поголовье коров, резервы роста производства молока.

В XXI веке наблюдается существенное усиление глобализации и роли транснациональных корпораций, ужесточение конкуренции между странами за сферы влияния и контроль за определенными территориями. Справедливость данного утверждения ярко доказывают многочисленные примеры того, как компании в развитых странах, в частности, распространяя системы «быстрого питания», целенаправленно навязывают потребление вредных для человеческого организма ингредиентов, что приводит к росту числа заболеваний диабетом и ожирением. Известны и случаи применения правительствами отдельных стран технологий «искусственного голода» (отравление воды, переселение населения на земли, непригодные для ведения сельского хозяйства), в результате чего происходит не только сокращение населения на зависимой территории, но и переход земель в собственность иностранных лиц, что означает потерю суверенизации¹. Существенное воздействие на состояние национальных агропродовольственных систем оказывают и транснациональные компании, которые, выступая крупнейшими производителями семян, средств защиты растений, фактически определяют аграрную политику правительств ряда государств, имея возможность контролировать цены на продовольствие².

Россия также является страной, подверженной влиянию геополитических

конкурентов³. При этом внешние угрозы возникают на всех государственных границах, в т.ч. и в Арктике. Развитие этого региона – важнейшая стратегическая задача, поскольку, по данным исследований отечественных ученых, в нем сосредоточено 80 млрд. тонн условного топлива в нефтяном эквиваленте, около 19% активных мировых запасов металлов платиновой группы, 10% – никеля и титана, более 3% – цинка, кобальта, золота и серебра [2]. Освоение месторождений в Арктике в ближайшей перспективе сопряжено с реализацией крупномасштабных инвестиционных проектов в инфраструктуре, транспорте, добывающей промышленности, машиностроении⁴. Безусловно, потребуется и увеличение объемов производства продовольствия для удовлетворения потребностей населения Европейского Севера России⁵.

³ Достаточно заметить, что доля зарубежных сортов в общем высеве овощных культур и сахарной свеклы составляет 65%, картофеля – 53%. Около половины поставок племенного скота осуществляются из-за рубежа. Согласно данным Минсельхоза РФ, иностранным корпорациям принадлежит почти 60% рынка переработки молока, 70% рынка соковой продукции, более 80% рынка замороженных овощей, фруктов и пивоварения, около 90% рынка плодовоовощных консервов [8]. Такие транснациональные корпорации, как PepsiCo, Carlsberg, Coca-Cola, Danone и другие, активно скупают российские бренды, увеличивая тем самым уровень монопольной власти в пищевой промышленности и подрывая продовольственную безопасность страны.

⁴ Как следует из Государственной программы РФ «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года» [5], в данном регионе планируется завершить строительство нефтепровода Заполярье–Пурпе, реконструировать аэропортовый комплекс «Талаги», Северо-Двинскую шлюзовую систему, сформировать в Мурманской области основной центр сервисного обеспечения морехозяйственной деятельности в Арктической зоне РФ, создать машиностроительный кластер, включающий предприятия по производству востребованного российской экономикой технологического оборудования.

⁵ В состав регионов Европейского Севера России входят республики Карелия и Коми, Архангельская, Вологодская и Мурманская области.

¹ Подробнее см.: Лукьянович Н. Геополитические аспекты продовольственной безопасности // Экономист. – 2015. – № 3. – С. 14–23.

² За 2000–2014 гг. цены на продовольствие в мире увеличились в 2,2 раза. При этом наибольший пик роста цен наблюдался после 2008 года (рассчитано по данным ФАО. – Режим доступа: <http://www.fao.org/worldfoodsituation/wfs-home/foodpricesindex/en/>).

Таблица 1. Распределение количества сельских населенных пунктов по численности населения (по результатам Всероссийской переписи 2010 г.)

Регион	Количество сельских населенных пунктов														
	Всего	Без населения	%	Менее 25 чел.	%	26–50 чел.	%	51–100 чел.	%	101–200 чел.	%	201–500 чел.	%	Более 500 чел.	%
Республика Карелия	776	109	14,0	300	38,7	75	9,7	76	9,8	54	7,0	76	9,8	86	11,1
Республика Коми	720	36	5,0	177	24,6	73	10,1	91	12,6	91	12,6	153	21,3	99	13,8
Архангельская область	3970	848	21,4	1986	50,0	330	8,3	288	7,3	198	5,0	199	5,0	121	3,0
Вологодская область	8006	2131	26,6	4366	54,5	546	6,8	369	4,6	247	3,1	229	2,9	118	1,5
Мурманская область	112	14	12,5	28	25,0	10	8,9	13	11,6	7	6,3	12	10,7	28	25,0
Итого	13584	3138	23,1	6857	50,5	1034	7,6	837	6,2	597	4,4	669	4,9	452	3,3

Источники здесь и далее: данные Росстата; расчеты автора.

Специализация большинства хозяйствующих субъектов данного региона на добыче полезных ископаемых формирует особую структуру экономики. Поэтому развитие арктических территорий целесообразно рассматривать с учетом развития соседних областей – как единой социально-экономической системы. В значительной мере именно за счет взаимодействия регионов возможно сформировать основу продовольственной безопасности Европейского Севера и обеспечить население качественными продуктами питания местного производства.

Повышение внимания к состоянию агропродовольственной системы данного региона обусловлено не только внешнеполитическими проблемами и стратегическими задачами, но и тем, что от ее устойчивого развития во многом зависит демографическая ситуация, возможность сохранения историко-культурного потенциала российской деревни, контроля над территорией. В настоящее время эта проблема становится весьма актуальной. Так, согласно данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в 23% сельских

населенных пунктов рассматриваемых территорий не осталось постоянных жителей, а в половине – проживает менее 25 человек (табл. 1).

Несмотря на меры государственной поддержки сельского хозяйства⁶, реализованные в рамках приоритетного национального проекта «Развитие АПК», а затем – Госпрограммы, снизить остроту аграрного кризиса, создать запас прочности в отрасли на Европейском Севере не удалось. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что объем производства сельхозпродукции в 2014 г. по сравнению с 2000 годом увеличился в стране в 1,5 раза, тогда как в Республике Коми он составил всего 88%, в Республике Карелия – 81%, Вологодской области – 73%, Архангельской области – 61%, в Мурманской области – 59% (табл. 2).

В результате суммарно регионы Европейского Севера за счет собственных ресурсов обеспечивают минимальные по-

⁶ Подробнее см., например: Чекавинский А.Н. Развитие сельского хозяйства России – составная часть решения продовольственной проблемы в мире // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2012. – № 6 (24). – С. 197-204.

Таблица 2. Производство продукции сельского хозяйства во всех категориях хозяйств (в сопоставимых ценах 2014 года, млн. руб.)

Регион	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2014 г. к 2000 г., %
Республика Коми	11052	9238	9456	10298	10442	9899	9701	87,8
Республика Карелия	6759	5811	5706	5694	5375	5601	5472	81,0
Вологодская область	35446	29956	25538	28245	26833	25035	25736	72,6
Архангельская область	20197	13857	12099	13054	13172	11986	12310	60,9
Мурманская область	4515	3252	3923	3993	3989	3251	2682	59,4
Итого по регионам	77969	62113	56720	61284	59811	55772	55901	71,7
В среднем по РФ, млрд. руб.	2767,0	3102,0	3289,1	4045,6	3851,4	4074,8	4225,6	152,7

Таблица 3. Самообеспеченность регионов Европейского Севера России основными продуктами питания в 2014 году (исходя из рациональных норм потребления)

Продукты	Нормы потребления*, кг (шт.) / чел.	Потребность**, тыс. тонн (млн. штук)	Производство в 2014 г., тыс. тонн (млн. штук)	Самообеспеченность, %
Картофель	100	463,7	578,2	124,7
Мясо и мясопродукты	75	347,7	142,9	41,1
Молоко	340	1576,5	706,5	44,8
Яйца	260	1205,5	777,7	64,5

* Утверждены Приказом Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 2 августа 2010 г. № 593 н.
** Определена как произведение среднедушевой нормы потребления продуктов питания на численность населения.

требности в мясе на 41%, молоке – на 45%, яйце – на 65% (табл. 3). Лишь по картофелю уровень самообеспеченности регионов составляет 125%⁷. Следовательно, имеется объективная необходимость наращивания в данных регионах объемов производства основных видов продовольствия.

Учитывая поставленные стратегические задачи по развитию Арктики, адекватный ответ на геополитические риски, можно подчеркнуть, что регионы Европейского Севера страны должны стать мощной «тыловой базой» продовольственного обеспечения населения арктических территорий. Это особенно относится к Вологодской области, в которой по итогам 2014 года во всех категориях хозяйств произведено 46% общего объема сельхозпродукции рассма-

триваемых регионов. При этом удельный вес области в посевной площади сельхозкультур составляет 69%, поголовье КРС – 59%, свиней – 53%, производстве молока – 63%, скота и птицы – 36%, в валовом сборе зерновых – 97% (рисунок). В связи с вышеотмеченными обстоятельствами исследование современного состояния, факторов и резервов роста производства сельхозпродукции в Вологодской области представляет большой научный интерес.

Вологодская область из-за природно-климатических и исторических условий специализируется на ведении молочно-мясного скотоводства. Имеются ли резервы для повышения эффективности этой отрасли? Данные статистики свидетельствуют, что за 2000–2014 гг. объем производства молока в регионе сократился с 495 до 445 тыс. тонн, или на 10% (табл. 4). При этом в крестьянских (фермерских) хозяйствах этот показатель увеличился в 3,4 раза, в

⁷ При расчете потребностей в продовольствии не учтены расходы сельхозпродукции на производственные нужды (корма, семена, потери), поэтому реальный уровень самообеспеченности может быть еще ниже.

Таблица 4. Производство молока в Вологодской области по категориям хозяйств

Категория хозяйств	1990 г.		2000 г.		2005 г.		2014 г.		2014 г. к 2000 г.	
	Тыс. тонн	В % к итогу	Тыс. тонн	В % к итогу	Тыс. тонн	В % к итогу	Тыс. тонн	В % к итогу	%	п.п.
Хозяйства всех категорий	755,3	100,0	494,9	100,0	470,1	100,0	444,8	100,0	89,9	х
Крестьянские (фермерские) хозяйства	0,0	0,0	3,9	0,8	6,5	1,4	13,4	3,0	В 3,4 р.	+2,2
Сельскохозяйственные организации	583,8	77,3	338,8	68,5	382,1	81,3	408,3	91,8	120,5	+23,3
Хозяйства населения	171,5	22,7	152,2	30,8	81,5	17,3	23,2	5,2	15,2	-25,5

Источники: данные Росстата; расчеты автора.

сельхозорганизациях — на 20,5%, тогда как в секторе личных подсобных хозяйств он снизился в 6,6 раза. В связи с отмеченными тенденциями удельный вес коллективных форм хозяйствования в производстве молока вырос с 69 до 95%.

Половина молока, произведенного в регионе в 2013 г., получена хозяйствами Вологодского, Грязовецкого и Череповецкого районов. По сравнению с уровнем 2000 г. суммарно их доля в валовом производстве увеличилась на 11,8 п.п. (табл. 5). Именно хозяйствующие субъекты агросектора данных муниципалитетов выступают

главными драйверами роста, внедряют современную ресурсоэффективную технику и технологии⁸. В то же время вклад районов, наиболее удаленных от крупных рынков

⁸ Согласно данным Департамента сельского хозяйства и продовольственных ресурсов Вологодской области в 2014 году в Грязовецком районе начато строительство в ПЗ-колхозе «Аврора» комплекса на 500 коров с системой добровольного доения коров (8 роботов), в ООО «Покровское» — фермы на 380 голов (4 робота); в Вологодском районе в СХПК колхоза ПЗ «Родина» проводится реконструкция фермы д. Харачево на 200 голов с системой добровольного доения коров (Публичный доклад о результатах деятельности Департамента сельского хозяйства и продовольственных ресурсов Вологодской области за 2014 год).

Таблица 5. Производство молока в районах Вологодской области во всех категориях хозяйств

Район	2000 г.		2005 г.		2013 г.		2013 г. к 2000 г.	
	Тыс. тонн	В % к итогу	Тыс. тонн	В % к итогу	Тыс. тонн	В % к итогу	%	п.п
По области	494,9	100	470,1	100	430,2	100,0	86,9	х
Вологодский	104,1	21	108,7	23,1	112,5	26,2	108,1	5,2
Грязовецкий	59,3	12	61,7	13,1	80,4	18,7	135,5	6,7
Череповецкий	38,4	7,8	36,2	7,7	33,2	7,7	86,5	-0,1
Тотемский	25,2	5,1	26,2	5,6	23,4	5,4	93,0	0,3
Шекснинский	25,4	5,1	22,2	4,7	21,7	5,1	85,6	0,0
Великоустюгский	18,6	3,8	17,0	3,6	17,8	4,1	95,8	0,3
Устюженский	16,2	3,3	17,0	3,6	15,9	3,7	98,1	0,4
Кирилловский	17,8	3,6	15,6	3,3	15,2	3,5	85,5	-0,1
Верховажский	14,7	3	13,5	2,9	12,9	3,0	87,9	0,0
Сокольский	13,3	2,7	16,2	3,4	11,8	2,7	88,5	0,0
Никольский	17,5	3,5	14,4	3,1	11,3	2,6	64,5	-0,9
Тарногский	14,9	3,0	12,0	2,5	10,4	2,4	70,0	-0,6
Кичм.-Городецкий	16,9	3,4	11,7	2,5	9,8	2,3	57,7	-1,1
Усть-Кубинский	10,9	2,2	13,5	2,9	7,3	1,7	66,7	-0,5
Междуреченский	6,6	1,3	8,8	1,9	6,7	1,5	101,0	0,2
Чагодощенский	8,6	1,7	8,5	1,8	6,3	1,5	73,3	-0,2
Бабаевский	13,3	2,7	9,7	2,1	6,0	1,4	44,8	-1,3
Харовский	10,4	2,1	7,5	1,6	4,9	1,1	47,2	-1,0
Кадуйский	6,0	1,2	5,5	1,2	4,5	1,0	74,9	-0,2
Белозерский	7,3	1,5	6,6	1,4	3,8	0,9	52,2	-0,6
Вожегодский	10,4	2,1	9,2	2,0	3,7	0,9	35,9	-1,2
Бабушкинский	10,7	2,2	8,4	1,8	3,1	0,7	29,3	-1,5
Вашкинский	6,2	1,3	4,4	0,9	2,7	0,6	44,3	-0,7
Нюксенский	5,8	1,2	6,2	1,3	2,6	0,6	44,8	-0,6
Вытегорский	9,6	1,9	4,0	0,8	1,5	0,4	15,7	-1,5
Сямженский	6,8	1,4	5,4	1,2	0,7	0,2	10,6	-1,2

Источники: данные Вологдастата; расчеты автора.

сбыта продукции и центров снабжения материально-техническими ресурсами, снизился. В восьми районах области валовое производство молока за исследуемый период сократилось более чем в 2 раза и даже при благоприятных экономических условиях вряд ли может быть восстановлено.

Обеспечить рост производства молока можно за счет использования как экстенсивных (увеличение поголовья), так и интенсивных (повышение продуктивности) факторов. За анализируемый период по-

головье коров в регионе сократилось со 150 до 76 тыс. голов, или в 2 раза (в т.ч. в сельхозорганизациях – на 31%), что стало следствием банкротства убыточных организаций и сжатия производственной базы в личных подсобных хозяйствах. Преодолеть негативные тенденции удалось лишь в 2014 г., когда в качестве стимулирующей меры поддержки отрасли впервые из областного бюджета выделили субсидии на прирост поголовья. В результате этого число коров в коллективном секторе увеличилось на 2300 голов.

Таблица 6. Структура поголовья коров по уровню продуктивности в сельхозорганизациях Вологодской области [1]

Надой на 1 корову, кг	2000 г.		2009 г.		2013 г.		2013 г. к 2000 г.	
	Тыс. гол.	В % к итогу	Тыс. гол.	В % к итогу	Тыс. гол.	В % к итогу	Тыс. гол.	п.п.
Итого	106,38	100,0	80,10	100,0	71,159	100,0	-35,2	х
До 2000	23,30	21,9	0,80	1,0	0,69	0,96	-22,6	-20,9
2001–3000	32,66	30,7	6,33	7,9	4,41	6,19	-28,3	-24,5
3001–4000	22,55	21,2	13,86	17,3	11,32	15,91	-11,2	-5,3
4001–5000	13,62	12,8	17,38	21,7	9,18	12,90	-4,4	0,1
5001–7000	10,74	10,1	27,39	34,2	25,61	35,99	14,9	25,9
Более 7001	3,51	3,3	14,34	17,9	19,96	28,05	16,5	24,8

Источники: Аналитические материалы Департамента сельского хозяйства и продовольственных ресурсов Вологодской области; расчеты автора.

В структуре дойного стада за последние 13 лет произошли существенные позитивные изменения. Поголовье малопродуктивного скота (с надоем менее 4000 кг) сократилось на 62 тыс. голов (в 4,8 раза). В результате удельный вес коров, дающих более 5000 кг молока в год, увеличился с 13,4 до 64% (табл. 6).

Повышению племенных и продуктивных качеств скота в отдельных хозяйствах области уделяется особое внимание. Показателен в этом отношении пример СХПК колхоза ПЗ «Родина» Вологодского района. В 2006 г. этому хозяйству было выдано авторское свидетельство на селекционное достижение «Вологодский тип черно-пестрого скота». Коровы класса «Элита» и «Элита-рекорд» составляют 99% общего поголовья.

В целом в Вологодской области (согласно сведениям Государственного племенного регистра) на 14 апреля 2015 г. статус племенных организаций по разведению КРС имеют 39 хозяйств (из 189), в т.ч. 15 племенных заводов и 24 племенных репродуктора. В них содержится 57% (39,9 тыс.) коров от всего маточного поголовья и производится 65% (271 тыс. тонн) молока. Причём основная часть данных организа-

ций функционирует в Вологодском, Грязовецком, Великоустюгском и Череповецком районах области (табл. 7).

В пос. Дорожный Вологодского района и д. Солманское Череповецкого района успешно работают 2 племенные организации по искусственному осеменению. В Племенной регистр включены также сервисные организации региона: 4 молочные и 2 иммунологические лаборатории, 1 региональный информационно-селекционный центр.

В результате системной селекционной и племенной работы, сокращения малопродуктивного поголовья, улучшения качества кормовой базы надой на 1 корову в регионе увеличился с 2975 кг в 2000 году до 5930 кг в 2014 г., или в 2 раза. Однако имеются резервы роста данного показателя: например, в племенных заводах он составляет 7589 кг. Следовательно, при снижении уровня макроэкономических, технико-технологических и внешнеторговых рисков, при эффективной, последовательной и предсказуемой аграрной политике, а также благоприятной конъюнктуре продовольственного рынка и наличию в отрасли квалифицированных кадров можно ожидать роста производства молока.

Таблица 7. Распределение племенных организаций по разведению КРС в Вологодской области по районам и маточному поголовью

Племенные заводы				
Район	Маточное поголовье, голов	В % к итогу	Количество хозяйств, ед.	В % к итогу
Вологодский	10113	57,6	9	60,0
Грязовецкий	6100	34,8	4	26,6
Тотемский	825	5,0	1	6,7
Устюженский	520	2,6	1	6,7
Итого	17558	100,0	15	100,0
Племенные репродукторы				
Великоустюгский	3366	15,0	4	16,7
Вологодский	4315	19,2	4	16,7
Грязовецкий	5670	25,5	4	16,7
Череповецкий	3410	15,2	3	12,5
Тотемский	1280	5,8	2	8,3
Устюженский	991	4,4	2	8,3
Кирилловский	1300	5,8	1	4,1
Междуреченский	681	3,0	1	4,1
Кадуйский	630	2,8	1	4,1
Сокольский	465	2,0	1	4,1
Никольский	312	1,4	1	4,1
Итого	22420	100	24	100

Источник: Государственный племенной регистр [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://www.mcx.ru/documents/section/show/3831.85.htm>

Конечно, интенсификация молочного скотоводства, осуществляемая на новой технико-технологической базе, сопряжена с несением дополнительных затрат, повышением капиталоемкости производства, сокращением продолжительности продуктивного использования животных. Так, по данным В.С. Карамаева, высокопродуктивные породы коров (голштинская и голландская) имели самый короткий период использования – 2,4–2,3 лактации (табл. 8).

Группировка сельхозорганизаций Вологодского района позволяет утверждать, что с увеличением надоя от одной коровы с 3723 до 7083 кг рентабельность реализованного молока также возрастает, однако затем, вследствие роста себестоимости производства, резко снижается (табл. 9).

Исходя из отмеченных фактов можно сделать вывод, что повышение продуктив-

ности молочного скота в регионе требует реализации системных мер государственного стимулирования, организации селекционной работы.

Принципиально важно, чтобы при этом хозяйства имели возможность использовать современные технические средства для содержания и доения коров, обеспечивающие высокий уровень производительности труда и конкурентоспособности продукции. Пока же масштабы их применения незначительны. Так, на беспривязное содержание с доением в доильных залах или роботом переведено лишь 18% общего поголовья коров области. Несмотря на ежегодно осуществляемую реконструкцию и модернизацию животноводческих помещений, многие из них слабо механизированы (например, на ферме в СХПК «Искра» Вожегодского района нет даже молокопровода).

Таблица 8. Продуктивность коров в зависимости от породной принадлежности

Показатель	Порода		
	черно-пестрая	голландская	голштинская
Продолжительность продуктивного использования, лактаций	3,8 ± 0,27	2,3 ± 0,34	2,4 ± 0,31
Надой за лактацию, кг	3824	6548	6850
Пожизненный надой, кг	14543	15039	16428
Надой на 1 день лактации, кг	11,3	16,5	16,5

Источник: Карамеев С.В. Продуктивность долголетия коров в зависимости от породной принадлежности // Зоотехния. – 2009. – № 5. – С. 16-17.

Таблица 9. Влияние продуктивности коров на экономические показатели деятельности сельхозорганизаций Вологодского района

Надой от 1 коровы, кг	Количество хозяйств в группе	Надой от 1 коровы, кг	Себестоимость производства 1 т молока, руб.	Рентабельность реализованного молока (без субсидий), %	На 100 га пашни	
					Количество коров, голов	Выручка от реализации молока, тыс. руб.
До 3723	2	3722,9	15190,0	-20,9	15,8	622,5
3724–5307	5	4949,2	9778,8	7,5	18,2	772,5
5308–6442	9	6031,1	10225,0	22,2	26,8	1919,3
6443–7468	5	7082,6	9950,6	31,2	28,0	2480,8
7469 и более	2	7677,8	10607,5	3,3	53,9	4460,5
Итого, в среднем	23	6303,9	10289,2	19,1	26,4	1918,1

Источники: Данные управления социально-экономического развития села Вологодского муниципального района; расчеты автора.

По данным Департамента сельского хозяйства и продовольственных ресурсов Вологодской области, около половины скотопомещений сельскохозяйственных организаций региона эксплуатируется более 20 лет, а 38% – свыше 35 лет. Из-за агрессивной среды и длительного срока эксплуатации техническое состояние четверти объектов животноводства характеризуется как аварийное. Вместе с тем, как считает академик РАН Н.М. Морозов, только за счет создания и поддержания оптимальных температуры, влажности, скорости перемещения воздушных масс в животноводческих помещениях можно увеличить продуктивность коров (на 13–15%), ускорить рост и развитие молодняка, снизить потребление кормов (на 10–15%), падеж скота, а также затраты на лечение животных (на 7–10%) [3].

Особое внимание в хозяйствах важно уделять созданию условий для укрепления технической базы кормопроизводства. В 2013 г. в сельхозорганизациях региона имелось 190 единиц современных кормораздатчиков и мобильных смесителей (миксеров), которые обеспечивали гомогенизированными кормосмесями 79% поголовья дойного стада. В то же время качественное измельчение, смешивание, обогащение белково-минеральными добавками, подогревание корма позволяют повысить продуктивность скота на 12–15%, уменьшить себестоимость молока на 4–6%, сократить потребление кормовых ресурсов на 10–12% и полностью исключить их потери [4]. Следовательно, существует объективная необходимость значительного технического перевооружения хозяйств области, специализирующихся

на ведении молочного скотоводства. Без этого будет весьма затруднительно повысить уровень рентабельности реализации молока, который в целом по региону в 2013 г. составил 15,3%, и, как следствие, перевести отрасль в режим расширенного воспроизводства⁹.

Таким образом, Вологодская область располагает резервами, использование которых может обеспечить рост производства молока и молочной продукции, в т.ч. и для удовлетворения потребностей населения Арктики. Однако для этого требуется существенно трансформировать аграрную политику государства (прежде всего федерального центра). Не вдаваясь в подробности, отметим, что разделяем точку зрения некоторых авторитетных экономистов-аграрников [7, 9], считающих

необходимым изменить действующий экономический механизм поддержки сельского хозяйства, обеспечив ограничение роста цен на материально-технические ресурсы для производства, развитие кооперации и агролизинга, стабильность цен на сельхозпродукцию в течение года, гарантии на получение средств господдержки в течение не менее 3–5 лет, предоставление налоговых льгот (субсидий) на инвестиции. В том случае, если существенных изменений в системе государственного управления АПК не произойдет, противостоять воздействию геополитических рисков, выполнить положения Доктрины продовольственной безопасности РФ, Стратегии и Государственной программы развития Арктики в ближайшее время, на наш взгляд, будет крайне затруднительно.

Литература

1. Анализ производственно-финансовой деятельности сельскохозяйственных организаций Вологодской области за 2013 год [Текст] / Департамент сельского хозяйства, продовольственных ресурсов и торговли Вологодской области. – Вологда, 2014. – 153 с.
2. Губарев, В. Освоение Арктики: планы и реальность [Электронный ресурс] / В. Губарев. – Режим доступа : <http://www.pravda.ru/science/academy/16-02-2015/1248650-arctik-0>.
3. Морозов, Н.М. Новая техника и прогрессивные технологии – важнейшие факторы повышения производительности труда в животноводстве [Текст] / Н.М. Морозов // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2008. – № 9. – С. 5-8.
4. Морозов, Н.М. Стратегия механизации и автоматизации производства – экологические и социальные вопросы [Текст] / Н.М. Морозов // Экология и сельскохозяйственная техника : материалы 6-й Международной научно-практической конференции. – СПб. : ГНУ СЗНИИМЭСХ Россельхозакадемии, 2009. – Т. 3. – С. 8-15.
5. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года» [Электронный ресурс] : постановление Правительства РФ от 21.04.2014 № 366 // КонсультантПлюс : справочно-правовая система.
6. Публичный доклад о результатах деятельности Департамента сельского хозяйства и продовольственных ресурсов Вологодской области за 2014 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://okuvshinnikov.ru/proekty/komanda_gubernatora_vasha_ocenka_2015.
7. Узун, В.Я. Принципы формирования и расходования аграрного бюджета в России, США, Канаде и ЕС [Текст] / В.Я. Узун // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2015. – № 2. – С. 32-41.
8. Участие иностранного капитала в пищевой промышленности России [Электронный ресурс] / Министерство сельского хозяйства Российской Федерации. – Режим доступа: <http://mcx-consult.ru>

⁹ По мнению д.э.н. Д.Б. Эпштейна, устойчиво расширенное воспроизводство способны вести лишь предприятия, имеющие рентабельность 30–35% [10].

9. Ушачев, И.Г. Стратегические подходы к развитию АПК России в контексте межгосударственной интеграции [Текст] / И.Г. Ушачев // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2015. – № 2. – С. 8-15.
10. Эпштейн, Д.Б. Необходима доработка Госпрограммы [Текст] / Д.Б. Эпштейн // Экономика сельского хозяйства России. – 2012. – № 2. – С. 16-21.
11. The State of Food Insecurity in the World 2014. Strengthening the enabling environment for food security and nutrition. – Rome: FAO, IFAD and WFP, 2014. – 55 p.

Сведения об авторе

Александр Николаевич Чекавинский – зам. зав. отделом, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, Chan@bk.ru)

Chekavinskii A.N.

Reserves of Dairy Cattle Breeding Growth in the Vologda Oblast in the Context of Solving State Strategic Tasks to Develop the Arctic

Aleksandr Nikolaevich Chekavinskii – Deputy Head of the Department, Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, Chan@bk.ru)

Abstract. The article substantiates the expediency of conducting research to assess the state of the agro-food system in the regions of the European North of Russia due to the increased geopolitical risks and the need to achieve strategic objectives of the Arctic territories development. Based on the analysis of statistical information, materials of the Department of Agriculture and Food Resources of the Vologda Oblast the author analyzes the change in the value of milk production, identifies municipal regions where agricultural producers boost agricultural economics, describes trends in the structure of livestock in 2000–2014. The work shows that the major resource potential for the dairy cattle breeding development in the region is concentrated in Vologdsky District, Gryazovetsky District and Cherepovetsky District. The analytical grouping helps determine that given current market conditions, state of material and technical base of the industry and level of state support it is economically feasible to increase the productivity of cows to 7083 kg, as it allows to reduce unit costs and enhance profitability. However, for agricultural producers to raise the productivity of dairy cattle, it is necessary to implement systematic measures for their promotion on the part of public authorities. The article draws special attention to the scale of modern technological means used by agricultural enterprises for keeping, milking and feeding cows, as well as to the measures undertaken to improve breeding and productive qualities of cattle. The conclusion of the article proves that the dramatic changes in agrarian policy of the Vologda Oblast can make the region an “outpost” providing the population of Arctic areas with quality agricultural products.

Key words: dairy cattle, cows, reserves of milk production growth.

References

1. Analiz proizvodstvenno-finansovoi deyatel'nosti sel'skokhozyaistvennykh organizatsii Vologodskoi oblasti za 2013 god [Analysis of Production and Financial Activity of Agricultural Organizations in the Vologda Oblast for 2013]. *Departament sel'skogo khozyaistva, prodovol'stvennykh resursov i trgovli Vologodskoi oblasti* [Department of Agriculture, Food Resources and Trade of the Vologda Oblast]. Vologda, 2014. 153 p.

2. Gubarev V. *Osvoenie Arktiki: plany i real'nost'* [Arctic Development: Plans and Reality]. Available at: <http://www.prawda.ru/science/academy/16-02-2015/1248650-arctik-0>.
3. Morozov N.M. Novaya tekhnika i progressivnye tekhnologii – vazhneishie faktory povysheniya proizvoditel'nosti truda v zhivotnovodstve [New Techniques and Advanced Technologies are Key Factors in Increasing Productivity in Livestock Production]. *Ekonomika sel'skokhozyaistvennykh i pererabatyvayushchikh predpriyatii* [Economics of Agricultural and Processing Enterprises], 2008, no. 9, pp. 5-8.
4. Morozov N.M. Strategiya mekhanizatsii i avtomatizatsii proizvodstva – ekologicheskie i sotsial'nye voprosy [Strategy of Mechanization and Automation of Production – Environmental and Social Issues]. *Ekologiya i sel'skokhozyaistvennaya tekhnika: materialy 6-i Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Ecology and Agricultural Technology: Proceedings of the 6th International Research-to-Practice Conference]. Saint-Petersburg : GNU SZNIIMESKh Rossel'khozakademii, 2009, vol. 3, pp. 8-15.
5. Ob utverzhdenii gosudarstvennoi programmy Rossiiskoi Federatsii “Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitiye Arkticheskoi zony Rossiiskoi Federatsii na period do 2020 goda”: postanovlenie Pravitel'stva RF ot 21.04.2014 № 366 [On Approval of the State Program of the Russian Federation “Socio-Economic Development of the Arctic Zone of the Russian Federation for the Period up to 2020”: Regulation of the Government of the Russian Federation of April 21, 2014 No. 366]. *Konsul'tantPlyus: spravochno-pravovaya Sistema* [ConsultantPlus: Reference-Legal System].
6. *Publichnyi doklad o rezul'tatakh deyatel'nosti Departamenta sel'skogo khozyaistva i prodovol'stvennykh resursov Vologodskoi oblasti za 2014 god* [Public Report on the Results of activity of the Department of Agriculture and Food Resources of the Vologda Oblast for 2014]. Available at: http://okuvshinnikov.ru/proekty/komanda_gubernatora_vasha_ocenka_2015.
7. Uzun V.Ya. Printsipy formirovaniya i raskhodovaniya agrarnogo byudzheta v Rossii, SShA, Kanade i ES [Principles of Formation and Spending of the Agricultural Budget in Russia, USA, Canada and the EU]. *Ekonomika sel'skokhozyaistvennykh i pererabatyvayushchikh predpriyatii* [Economics of Agricultural and Processing Enterprises], 2015, no. 2, pp. 32-41.
8. Uchastie inostrannogo kapitala v pishchevoi promyshlennosti Rossii [Participation of Foreign Capital in the Russian Food Industry]. *Ministerstvo sel'skogo khozyaistva Rossiiskoi Federatsii* [Ministry of Agriculture of the Russian Federation]. Available at: <http://mcx-consult.ru>
9. Ushachev I.G. Strategicheskie podkhody k razvitiyu APK Rossii v kontekste mezhgosudarstvennoi integratsii [Strategic Approaches to the Development of Agriculture in Russia in the Context of Interstate Integration]. *Ekonomika sel'skokhozyaistvennykh i pererabatyvayushchikh predpriyatii* [Economics of Agricultural and Processing Enterprises], 2015, no. 2, pp. 8-15.
10. Epstein D.B. Neobkhodima dorabotka Gosprogrammy [It is Necessary to Revise the State Program]. *Ekonomika sel'skogo khozyaistva Rossii* [Economics of Agriculture of Russia], 2012, no. 2, pp. 16-21.
11. *The State of Food Insecurity in the World 2014. Strengthening the Enabling Environment for Food Security and Nutrition*. Rome: FAO, IFAD and WFP, 2014, 55 p.

Социальное измерение особо охраняемых природных территорий

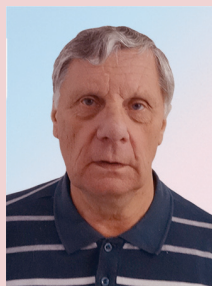

**Галина Викторовна
МИХАЙЛОВА**

кандидат педагогических наук

Институт экологических проблем Севера УрО РАН

163000, Россия, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 23, mihaylov@atknet.ru

**Валерий Антонович
ЕФИМОВ**

Институт экологических проблем Севера УрО РАН

163000, Россия, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 23,
valerefimov@yandex.ru

Аннотация. Подходы, применяемые к рассмотрению функции особо охраняемых природных территорий (ООПТ) в развитии общества направлены на определение размера территории, изъятой из хозяйственного оборота для природоохранных целей, и оценку приносимых этими территориями денежных доходов. Вместе с тем влияние ООПТ на общественную жизнь не ограничивается лишь «монетизацией» территории. Население, проживающее вблизи природоохранной территории и испытывающее преимущества (недостатки) такого соседства, должно быть в фокусе исследования социальной роли ООПТ. В Архангельской области и Республике Карелия выявление социальной роли ООПТ в жизни местных сообществ проводилось путем изучения общественного мнения методом опроса. Всего в опросе приняло участие 575 человек. Исследования проводились в поселениях, расположенных в границах национальных парков Кенозерский и Водлозерский, вблизи заказника Шиловский. При измерении влияния природоохранных территорий на социум сопредельных поселений выделены аксиологическая, эмоционально-психологическая, деятельностьно-регламентирующая, экономическая, прогностическая и комплексная составляющие. Результаты исследований показывают, что населением признается природоохранная ценность ООПТ; многие жители сопредельных территорий не испытывают неудобств в связи с

природоохранном режиме, получают доходы в связи с функционированием ООПТ; отмечается положительное отношение к деятельности ООПТ. В случае прекращения функционирования ухудшений в жизни ожидает треть опрошенных. Особо охраняемые природные территории способствуют социокультурному и духовному развитию местного сообщества в большей степени, чем социально-экономическому. Наличие на территории муниципального образования ООПТ открывает возможности для новых видов экономической деятельности, обеспечивает занятость в сфере рекреации и туризма.

Ключевые слова: особо охраняемые природные территории, социальная функция природоохранных территорий, социологические измерения, природопользование, удаленные сельские поселения.

Особо охраняемые природные территории призваны способствовать сохранению природного многообразия, обеспечивать экологическую безопасность и устойчивое развитие общества. Вместе с тем создание и функционирование природоохранных территорий во благо природы и человека может впадать в противоречие с потребностью в хозяйственном освоении природной среды для удовлетворения экономических и иных нужд общества, его отдельных групп.

Международным союзом охраны природы (МСОП), объединяющим 82 государства, в том числе и Российскую Федерацию в лице Министерства природных ресурсов и экологии, указывается, что особо охраняемые природные территории направлены на сохранение природы и услуг, которые она предоставляет человеку, – снабжение продуктами питания, чистой питьевой водой, защита от последствий стихийных бедствий, смягчение изменения климата. Напротив, сокращение видового разнообразия животного мира и изменение климата способны сильно повлиять на благосостояние людей и доступность средств к существованию, поскольку подрывается природный капитал и устойчивость планетарного, а также местного масштабов [9]. Однако необходимость демонстрации доказательств значительных вкладов ООПТ в экономику и

общество остается актуальной проблемой, требующей решения.

В качестве одного из ключевых индикаторов устойчивого развития территории используется *соотношение площади ООПТ и площади региона*. Согласно международной конвенции стратегический план сохранения биоразнообразия на период 2011–2020 гг. предполагает, что 17% наземной и 10% морской поверхности Земли будут выделены в качестве охраняемых природных территорий [9]. В России доля территории, занятой ООПТ федерального, регионального и местного значения, в 2014 году составила 12% от общей площади территории страны. В результате реализации государственной программы РФ «Охрана окружающей среды» на 2012–2020 годы этот показатель должен достигнуть 13,5% [2]. Отечественными специалистами утверждается, что доля ООПТ не может быть универсальной или сходной для разных регионов страны. Вполне очевидно, что чем менее привлекательны территории по ресурсам, тем более они «беспроблемны» для увеличения площади ООПТ и наоборот [3]. Вместе с тем такое, по сути, директивное указание со стороны международной организации об увеличении площадей ООПТ в регионах РФ на практике становится стимулом для принятия управленческих решений по созданию новых природоохранных территорий.

Другим показателем функционирования ООПТ, имеющим социально-экономический смысл, является *вклад ООПТ в доходную часть бюджета территории (страны)*. В ситуации, когда более половины доходной части федерального бюджета РФ формируется за счет добычи полезных ископаемых, развитие системы ООПТ представляется противоречащим общегосударственным задачам развития экономики страны и регионов. Есть примеры инициатив представителей Комитета по природным ресурсам и охране окружающей среды Совета Федерации по совершенствованию законодательства в части создания, изменения границ и режима охраны ООПТ, а также случаев их ликвидации для нужд недропользователей. При этом «часть прибыли от добычи полезных ископаемых может быть направлена на развитие ООПТ, расширение биологического разнообразия, наполнение доходной части бюджета» [4]. Здесь идет речь главным образом о Сибирском, Дальневосточном и Северо-Западном федеральных округах, где расположено наибольшее число земель ООПТ (47, 25 и 13% территории соответственно) и сосредоточены стратегические запасы полезных ископаемых.

Доход от развития туризма на ООПТ чаще всего соотносят с реальным денежным вкладом этих территорий в доходную часть бюджета. В северных регионах рекреационный потенциал рассматривается как фактор социально-экономического развития. Здесь следует отметить позитивный опыт Республики Карелия, где уже в 2010 году валовой доход от туризма составлял 3,8 млрд. рублей в год, а одной из главных задач Правительством РК обозначено выведение туристической отрасли в тройку основных отраслей региона наряду с лесной и горнопромышленной [12].

В то же время применение к функционированию и развитию ООПТ узконаправленного коммерческого подхода подрывает основы этой деликатной отрасли природопользования, способствует утрате идеи охраны природы. Как показывает анализ мирового опыта построения сети ООПТ, уклон на рекреационные услуги населению, при всей важности для экономики, зачастую не способствует действенной охране окружающей среды и сохранению биоразнообразия [7]. В России для регулируемого туризма предназначены территории (акватории) таких ООПТ, как национальные и природные парки. Цели охраны природы заповедников, природных заказников далеко не всегда могут успешно сочетаться с туристической активностью на данных территориях. По мнению специалиста Минприроды России А.М. Хомяковой, современная система ООПТ синтезирует в себе и «охрану природы» с элементами заповедывания, и «рациональное природопользование», все больше смещая акценты в сторону последнего. Доминирование социально-экономического компонента в концепции развития системы ООПТ ведет к размыванию и дальнейшей девальвации первоначальной идеи создания заповедных территорий [14].

Довольно спорным является использование для оценки эффективности работы национальных парков такого показателя, как *взыскание с нарушителей сумм по предъявленным искам о возмещении ущерба, нанесенного природным объектам*, применяемого Росприроднадзором. Проблема организации охраны природных комплексов и объектов называется одной из основных в деятельности ООПТ и на сайте Министерства природных ресурсов приводится список национальных парков, взыскавших с нарушителей максимальные исковые суммы. Так, в 2006 г. были отмечены 6 националь-

ных парков, каждый из которых взыскал от 1 млн. 800 тыс. руб. до 230 тыс. рублей, что составило 82% от всех исковых сумм по системе парков. Это национальные парки, расположенные на территории Республики Кабардино-Балкария, Ярославской области, Краснодарского края, Красноярского края, на территории Москвы и Московской области, Владимирской области [10].

В социальном контексте оценка деятельности национальных парков по суммам денежных средств, взысканных с нарушителей, может являться характеристикой конфликтности отношений между национальным парком и населением. Как правило, потенциальный конфликт природопользования изначально свойствен всем ООПТ в силу наличия противоречий между приоритетами охраны природы и хозяйственного развития территорий [6]. В условиях, когда режим охраны природы не отвечает требованиям и потребностям населения, возникают непонимание, неприятие и даже противодействие со стороны местного населения, занимающегося природопользованием на территории ООПТ. Густозаселенная, активно посещаемая природоохранная территория отличается повышенной конфликтностью, вызванной наличием негативных последствий антропогенной трансформации окружающей среды. Вместе с тем нередко причины потенциальных и реальных конфликтов кроются именно в недостаточном учете интересов населения на предпроектном этапе создания ООПТ, обусловлены формальным участием населения в природоохранном процессе.

При обсуждении стратегии территориального развития и демонстрации влияния ООПТ на реализацию социально-экономических задач ключевым показателем становится *уровень жизни населения*

сопредельных ООПТ поселений. Однако оценить влияние ООПТ на жизнь местных сообществ нельзя вне учета общей социально-экономической ситуации на данной территории, не принимая во внимание направленность и динамику общественного процесса. Так, период становления национальных парков в северных регионах в 1990-е гг. совпал с повсеместным банкротством и распадом сельскохозяйственных и лесозаготовительных предприятий, снижением доходов населения в удаленных северных поселениях. Состояние деградации и упадка отмечалось в лесных поселках Карелии [11], большая доля населения, живущего за чертой бедности в Архангельской области, приходилась именно на сельских жителей. Иначе говоря, низкий уровень жизни населения сопредельных ООПТ поселений не может являться адекватным показателем влияния природоохранной территории на развитие социума; тем более что данный показатель не учитывает реализуемые населением возможности по самообеспечению, получаемые денежные доходы от сбора ягод, грибов на ООПТ.

Важной задачей деятельности ООПТ становится включение внеэкономических природоохранных ценностей в управление территориальным развитием. Выполнение эколого-экономической оценки природных объектов и экосистемных услуг проводится с использованием унифицированного набора оценочных принципов и методов, разработанных в рамках эколого-экономического учета (Integrated Environmental and Economic Accounting, 1993, 2003) и успешно применяемых в большинстве стран мира. При этом выделяются три основных *подхода к денежной оценке природных объектов и экосистемных услуг*: рыночная оценка; нерыночная прямая (субъективная) оценка;

нерыночная косвенная оценка. Объектами экономической оценки природных ресурсов и экосистемных услуг, предоставляемых территорией ООПТ, являются лесные ресурсы (в том числе древесные ресурсы, недревесные ресурсы, сено (сенокосение), редкие растения, поглощение углерода лесами), рекреационные ресурсы, охотничьи ресурсы, рыбные ресурсы, земельные ресурсы, минерально-сырьевые ресурсы и т.п. Оценка ресурсов ООПТ проводится на основе показателей чистого экономического дохода, который получают местные жители от сбора ресурсов для личного потребления и на продажу. Для территории природного парка Быстринский (Камчатский край РФ) использование природных ресурсов и экосистемных услуг по итогам экономической оценки составило 1 046 095,4 тыс. рублей в год (на примере данных за 2007 год) [15].

Немаловажной является и субъективная составляющая оценки эффективности природоохранных территорий. Результаты социологических опросов местных жителей используются в дополнение к денежной оценке природных объектов и экосистемных услуг ООПТ. Так, при анализе проблемы эффективности ООПТ Республики Коми учитывалось мнение населения о вкладе ООПТ в социально-экономическое развитие региона (поддержание качества жизни, развитие местной экономики, предоставление рабочих мест, создание ограничений для развития региона) и о характере взаимодействия местных жителей и ООПТ (ограничение традиционной деятельности, посещаемости территории) [13].

Всемирным фондом дикой природы применяется методика оценки эффективности и определения приоритетов управления ООПТ, разработанная в 2000 году и опробованная на практике в Алжире, Камеруне, Франции и Габоне, а затем в

Китае, России и Южной Африке [16]. Методика основана на экспертном опросе и позволяет оценивать различные стороны деятельности ООПТ, в том числе социальную значимость. В частности, экспертами оценивается способность ООПТ обеспечивать экономические возможности для лиц, живущих внутри нее или рядом с ней, создавать условия для повышения уровня жизни и/или поддержания традиционного природопользования местного населения, выполнять религиозное или духовное назначение и т.д. [8].

Таким образом, для получения необходимых данных об эффективности ООПТ используются социологические методы, проводятся опросы экспертов или населения – потребителей экосистемных услуг. Для выявления социальной значимости ООПТ, на наш взгляд, важным объектом исследования является именно мнение населения, которое проживает вблизи природоохранной территории и непосредственно испытывает преимущества и/или недостатки такого соседства.

В Архангельской области и Республике Карелия выявление социальной роли ООПТ в жизни местных сообществ проводилось путем изучения общественного мнения методом опроса. Специально разработанная анкета включала вопросы, касающиеся различных сфер жизнедеятельности и природопользования; также были проведены беседы по проблеме функционирования ООПТ с заинтересованными жителями. Исследования проводились сотрудниками Института экологических проблем Севера УрО РАН в поселениях, расположенных в границах национальных парков Кенозерский и Водлозерский, вблизи заказника Шиловский. Водлозерский парк находится на территориях Республики Карелия и Архангельской области, зани-

мает площадь 0,5 миллиона гектаров и является биосферным резерватом UNESCO. В расположенном в западной части парка Куганаволокском сельском поселении на период опроса было зарегистрировано 470 человек. Кенозерский парк расположен на площади 141,4 тыс. га в юго-западной части Архангельской области на стыке Плесецкого и Каргопольского административных районов. Здесь в деревнях Морщихинская, Орлово, Вершинино, поселках Поча, Усть-Поча и других поселениях проживает около 2,5 тыс. человек. Шиловский государственный биологический заказник регионального значения имеет площадь 23,9 тыс. га в Красноборском районе Архангельской области. Заказник образован с целью сохранения редких и ценных в хозяйственном отношении охотничьих животных. К территории Шиловского заказника прилегают муниципальные образования «Пермогорское» (3,2 тыс. чел.) и «Черевковское» (0,7 тыс. чел.).

В качестве отдельных составляющих социологической оценки влияния особо охраняемых природных территорий на социум сопредельных поселений нами выделялись аксиологическая, эмоционально-психологическая, деятельностно-регламентирующая, экономическая, прогностическая и комплексная оценки. В таблице 1 представлены данные, полученные в ходе исследований в Кенозерском национальном парке (2007 г., выборка 349 человек, в т.ч. в Каргопольском секторе парка – 152 чел., в Плесецком секторе парка – 197 чел.), в Водлозерском национальном парке (2008 г., 127 чел.) и Шиловском биологическом заказнике (2007 г., 99 чел.). Выборка доступная, всего в опросе приняло участие 575 человек. Кроме того, перспективы создания национального парка обсуждались с местным населением

д. Сояна во время международной экологической экспедиции на территорию Соянского природного заказника (1998 г.).

В *таблице 1* представлены усредненные значения по указанным территориям. Опросы проводились в разные временные периоды, в различных социально-экономических ситуациях, обусловленных изменением законов, что, разумеется, имело свой резонанс в отношениях населения и ООПТ как проводников преобразований в сфере природопользования. Поэтому, на наш взгляд, наиболее ценный научный результат представляют тенденции, выявленные в приведенных в таблице оценках.

Аксиологическая составляющая оценки относится к ценности, субъективно определяемой значимости, полезности ООПТ для сохранения природы. Степень значимости ООПТ может являться сигналом о согласии или несогласии людей с необходимостью охраны природы и важностью функционирования ООПТ. Здесь следует учитывать, что недооценка уникальности, ценности природы людьми, проживающими вблизи создаваемой природоохранной территории, является характерной особенностью в силу обыденности, привычности для них окружающей природы. «Зачем создавать национальный парк? Мы сами хорошо сохраняем свою природу», – недоумевали жители удаленной северной деревни Сояна. Придание природоохранного статуса территории, интерес со стороны представителей науки, культуры, туристов способствует формированию понимания, осознания особенности данного места, значимости «для себя» и «для других». На исследуемых нами территориях респондентами признается ценность ООПТ: порядка 70% опрошенных выбрали ответы «значима» или «очень значима». Полу-

Таблица 1. Оценка влияния ООПТ на социум поселений (представлено в процентном выражении к числу всех опрошенных жителей)

Варианты ответов	Национальные парки Кенозерский и Водлозерский, заказник Шиловский
Аскиологическая составляющая оценки	
Как Вы можете оценить роль ООПТ для сохранения природы Вашего края и России в целом?	
Очень значимая	19
Значимая	53
Мало значимая	26
Другое (что именно, напишите)	2
Деятельностно-регламентирующая составляющая оценки	
Как часто Вы испытываете неудобства в связи с природоохранным режимом ООПТ?	
Очень часто	4
Часто	11
Редко	29
Очень редко	12
Не испытываю/ затруднились ответить	44
Эмоционально-психологическая составляющая оценки*	
Как Вы относитесь к деятельности ООПТ?	
Положительно	41
Мне все равно	16
Отрицательно	18
Затрудняюсь ответить	25
Экономическая составляющая оценки*	
Получаете ли Вы доходы, связанные с существованием национального парка?	
Да, получаю постоянно	13
Да, получаю иногда	20
Другое / ответили «не получаю» / затруднились ответить	67
Прогностическая составляющая оценки	
Как изменится Ваша жизнь, если прекратится деятельность ООПТ?	
Улучшится	6
Не изменится	46
Ухудшится	36
Другое (в т.ч. затруднились ответить)	12
Комплексная оценка*	
Способствует ли деятельность ООПТ <i>социально-экономическому</i> развитию местного сообщества?	
Способствует	43
Не способствует	48
Другое / затруднились ответить	9
Способствует ли деятельность ООПТ <i>культурному и духовному</i> развитию местного сообщества?	
Способствует	63
Не способствует	31
Другое / затруднились ответить	6
* Приводятся результаты опросов по национальным паркам Кенозерский и Водлозерский; данные по Шиловскому заказнику отсутствуют.	

ченные в ходе опроса результаты могут свидетельствовать о соответствии признанной и узаконенной ценности природной

территории ценностно-смысловой системе опрашиваемого населения сопредельных ООПТ поселений.

Деятельностно-регламентирующая составляющая оценки показывает влияние природоохранного режима ООПТ на жизнедеятельность социума. В целом не испытывают неудобств в связи с природоохранным режимом от 40 до 30% опрошенных жителей. Испытывают неудобства редко от 30 до 25% населения; часто испытывают неудобства в связи с установленными правилами и ограничениями природопользования от 20 до 10% респондентов. Как правило, в национальных парках созданы необходимые условия природопользования, предусмотрены предпочтения для местного населения. Вместе с тем природные ресурсы являются не только ресурсами жизни, но и имеют для людей некую сущностную ценность, когда человек определяет для себя: «Не могу жить без леса, без озера», «Люблю рыбачить, охотиться» (Кенозерский национальный парк), «Лес – это здоровье, заработок, это наша жизнь!» (Шиловский заказник). Любые ограничения воспринимаются жителями сопредельных ООПТ поселений как посягательство на эту ценность, и они испытывают недовольство в связи с необходимостью соблюдать установленные правила (вести лов при наличии путевки и т.д.). По мнению отдельных респондентов, то, что они веками делали, теперь запрещают, вводят плату и контролируют.

Проживающее вблизи Шиловского заказника население заинтересовано в усилении природоохранного режима для приезжих посетителей ООПТ, около половины респондентов согласилось с необходимостью ограничить количество приезжих сборщиков грибов и ягод на территории заказника. Связано это с тем, что повышенный спрос на эти недревесные ресурсы леса провоцирует ажиотаж и варварское отношение к природе. Предприимчивые

люди нанимают и привозят для сбора грибов и ягод всех желающих, в том числе людей случайных, без определенного места жительства. Собираются и принимаются грибы любого качества. Отходы от грибов и другие следы человеческого присутствия остаются в лесу.

Эмоционально-психологическая составляющая оценки акцентируется на характере отношений респондентов к функционированию ООПТ. Полученные результаты показали, что среди местного населения отношение к деятельности национальных парков в целом скорее положительное (41%), чем отрицательное (18%). На неоднозначность в отношении населения к парку может указывать то, что четверть респондентов затруднились с ответом, не смогли определить свое отношение к парку. Трудности у респондентов возникают потому, что у них недостаточно информации и знаний о реализуемых парком задачах, деятельность парка ими оценивается через призму личностных отношений к сотрудникам парка и т.д.

Экономическая составляющая оценки отражает влияние парка на уровень жизни населения. В наших исследованиях от 30 до 40% респондентов получают доходы в связи с деятельностью парка. В их числе и постоянные сотрудники парка, временно трудоустроенные, а также население, имеющее доход в результате самозанятости. Население сопредельных ООПТ поселений получает доходы также от добычи ресурсов – от реализации рыбы, сбора дикоросов и др. Например, Шиловский государственный природный биологический заказник регионального значения, образованный с целью сохранения и восстановления охотничьих животных, является так называемой «родиной белого гриба». По словам местных жителей, в период роста грибов

сборщики зарабатывают до 5 тыс. рублей в день (по данным за 2007 год). В это время года в район приезжают не только многочисленные сборщики грибов, но и покупатели. Цена на грибы может достигать 200 руб. за килограмм. За сезон от сбора грибов, ягод (черники, клюквы) некоторые зарабатывают до 100 тыс. рублей. Для сравнения отметим, что по результатам опроса о доходах респондентов усредненный доход в месяц при расчете на одного человека составил 4,2 тыс. рублей.

Прогностическая составляющая оценки относится к прогнозу изменения жизни населения в случае прекращения деятельности парка. При таком сценарии развития ожидают ухудшений в жизни треть опрошенных (36%). Около половины (46%) респондентов полагают, что их жизнь не изменится. Есть и такие, кто надеется на благоприятные изменения в связи с прекращением деятельности ООПТ (6%). На чем основываются данные позиции, позволяет понять анализ ответов на открытый вопрос: «Как изменилась бы Ваша жизнь, если бы ООПТ перестала функционировать?». Некоторые полагают, если бы не было ООПТ, то продолжалась бы прежняя жизнь, процветали бы совхозы, работали ли бы предприятия. Действительно, создание национальных парков совпало с периодом банкротства сельскохозяйственных предприятий и в обыденном сознании эти два процесса воспринимаются как взаимообусловленные. Также встречается мнение, согласно которому парк рассматривается как конкурент за предоставление туристических услуг, а значит в случае прекращения деятельности парка, полагают отдельные респонденты, жизнь улучшится. При этом люди безосновательно рассчитывают на то, что с исчезновением ООПТ функциональное использование данной территории не

изменится, она также будет изъята из хозяйственного освоения. Они не осознают, что именно благодаря созданному национальному парку данная территория сохраняется, не трансформируется и является привлекательной для туристов. В то же время не осталось и незамеченным происходящее запустение удаленных сельских поселений. Поэтому не случайно значительная часть респондентов прогнозирует, что их населенный пункт без ООПТ опустел бы, так же как опустели многие другие поселения в ближайшей округе уже сегодня.

Комплексная оценка влияния ООПТ на социум поселения показала, что ООПТ (национальные парки) способствуют социокультурному и духовному развитию местного сообщества в большей степени, чем социально-экономическому. Действительно, сохранение, изучение и возрождение историко-культурного наследия является одной из основных задач национальных парков, ими систематически реализуются мероприятия по возрождению святынь, по возвращению утраченной исторической памяти. В Водлозерском парке отправной точкой возрождения духовной жизни этого края было восстановление Ильинского погоста — памятника архитектуры XVIII века; поклонных крестов и часовен, где регулярно совершаются богослужения. На территории Кенозерского национального парка восстанавливаются часовни XVIII—XIX вв., старинные крестьянские избы — памятники гражданской архитектуры, а также гидротехнические сооружения — плотины и мельницы с технологическими процессами. В 2014 году в Кенозерском парке завершены противоаварийные и консервационные работы на объектах культурного наследия, памятниках архитектуры конца XIX века — церкви Сретения Господня в деревне Ряпусовский

Погост и церкви святого Георгия Победоносца в деревне Казариновская. В национальных парках проходят фестивали колокольных звонов, проводятся традиционные праздники, в которых принимают участие местные жители и паломники из разных городов России [1, 5].

Наличие ООПТ на территории муниципального образования открывает возможности для новых видов экономической деятельности, обеспечивает занятость в сфере рекреации и туризма. Отношение респондентов к развитию сферы туризма на ООПТ представлено в *таблице 2*.

К возможности развития туризма от 38 до 74% респондентов относятся положительно. Следует отметить, что население, имеющее опыт занятости в сфере туризма, отличается более позитивным отношением к данному виду деятельности. Напротив, в заказнике, где организованный туризм не

развит, 72% опрошенных не желают принимать участие в сфере рекреации и туризма ни при каких условиях.

В заключение отметим следующее. В современных условиях совершенствование системы ООПТ является необходимой мерой для сохранения биологического разнообразия, природных комплексов, поддержания благоприятной окружающей среды, сохранения культурных ценностей. Одной из главных задач деятельности природоохранных территорий и объектов остается их интеграция в социально-экономическое развитие регионов.

Результаты проведенных исследований показывают, что ООПТ (национальные парки) способствуют социальному и социокультурному развитию территорий. Наличие ООПТ на территории муниципального образования открывает возможности для новых видов экономической

Таблица 2. Распределение ответов на вопросы о развитии туризма на ООПТ, в %

Варианты ответов	Каргопольская часть Кенозерского НП	Плесецкая часть Кенозерского НП	Водлозерский НП	Шиловский заказник
Как Вы относитесь к возможности развития туризма на ООПТ?				
Положительно	74	57	49	38
Мне все равно	22	32	25	5
Отрицательно	3	10	19	49
Другое	1	1	7	8
Как бы Вы хотели участвовать в деятельности ООПТ, в развитии туризма на ООПТ? (респондент мог выбрать несколько вариантов ответа, поэтому общая сумма не равна 100%)				
Быть штатным работником: егерем, охранником, проводником и пр.	30	17	32	15
Предоставлять помещение для проживания туристов	11	10	18	4
Обеспечивать продуктами питания	9	15	8	1
Изготавливать изделия промыслов, сувениры	5	10	4	5
Организовать торговлю изделиями народных промыслов, сувенирами	2	3	4	5
Демонстрировать туристам элементы традиционного уклада жизни, обрядов, промыслов	3	3	8	3
Другое участие	7	14	4	3
Не хочу участвовать в организации туризма ни при каких условиях	23	30	35	72

деятельности, обеспечивает занятость в сфере рекреации и туризма. Это особенно актуально для отдаленных, малочисленных территорий Европейского Севера, где практически нет производственной деятельности.

Предложенный подход к оценке социальной функции ООПТ на основе исследования общественного мнения населения позволяет выявить отношение населения к ООПТ, ее социально-экономическую значимость и может быть использован для изучения роли ООПТ в развитии территории. Результаты исследования социальной значимости ООПТ с выделением аксиологической, эмоционально-психологической, деятельностно-регламентирующей, экономической, прогностической компоненты оценки отражают разносторонний характер влияния ООПТ на людей, проживающих вблизи их, показывают связь природоохранной деятельности с различными сторонами социальной жизни. Последнее имеет значение для понимания механизма реализации идеи гармонично-

го сосуществования природы и человека на основе традиционных для конкретной территории способов рационального природопользования.

При развитии социально-экономического направления в деятельности ООПТ важно сохранить баланс между охраной природы и возможностями хозяйственного использования территории, включая использование биоресурсов. В условиях стабильного возобновления ресурсов (рыба, грибы, ягоды, животные и др.) на территории ООПТ можно допустить их промышленное использование способами, не разрушающими экосистемы и природные комплексы. При планировании создания ООПТ, особенно при разработке положений, необходима реализация реальных полномочий общественности, местного населения в принятии экологически и социально значимых решений, что позволит учитывать его интересы, минимизировать противоречия и конфликты на этапах функционирования и развития природоохранных территорий.

Литература

1. Водлозерский национальный парк: официальный сайт. — Режим доступа: <http://vodlozero.ru/ru/cultura/>
2. Государственная программа Российской Федерации «Охрана окружающей среды» на 2012–2020 годы: утв. пост. Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 326) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://base.garant.ru/70643488/#ixzz3cZDjhUv6>
3. Громцев, А.Н. Общие задачи, критерии и принципы формирования региональной системы природоохранных объектов / А.Н. Громцев, С.В. Сазонов // Научное обоснование развития сети особо охраняемых природных территорий в Республике Карелия. — Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2009. — С. 14-15.
4. Давыдова, М.В. Проблемы недропользования на землях особо охраняемых природных территорий / М.В. Давыдова, Т.Е. Голубинская // Минеральные ресурсы России. Экономика и управление. — 2010. — № 5. — С. 41-45.
5. Кенозерский национальный парк: официальный сайт. — Режим доступа: <http://www.kenozero.ru/sokhranenie-naslediya/restavratsiya-pamyatnikov-arkhitektury.html>
6. Костовска, С.К. Конфликты природопользования на особо охраняемых природных территориях / С.К. Костовска, О.Г. Червякова, В.О. Стулышапку // Проблемы региональной экологии. — 2010. — № 2. — С. 208-214.
7. Куксова, М.А. Анализ зарубежного и российского опыта финансирования особо охраняемых природных территорий (ООПТ) / М.А. Куксова // Теория экономики и управления народным хозяйством: Вестник / Институт дружбы народов Кавказа. — 2008. — № 8. — С. 170-176.

8. Методика быстрой оценки эффективности и определения приоритетов управления системами охраняемых территорий [Электронный ресурс] // WWF-Russia, 2002. – Режим доступа: <http://pandia.ru/text/77/150/7600.php>
9. Официальный сайт Международного союза охраны природы. – Режим доступа: http://www.iucn.org/about/work/programmes/gpap_home/gpap_biodiversity/
10. Официальный сайт Министерства природных ресурсов и экологии РФ. Новости. 04.10.2007. – Режим доступа: http://www.mnr.gov.ru/news/detail.php?ID=16308&sphrase_id=478363
11. Козырева, Г.Б. Проблемы формирования социальных институтов устойчивого лесопользования / Г.Б. Козырева. – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2006. – 254 с.
12. Республика Коми: официальный портал. Новости. – Режим доступа: <http://rkomi.ru/news/7120/>
13. Тихонова, Т.В. Оценка эффективности направлений развития особо охраняемых природных территорий Республики Коми / Т.В. Тихонова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2015. – № 1 (37). – С. 182-195.
14. Хомякова, А.Н. Охраняемые природные территории как предпосылки устойчивого развития / А.Н. Хомякова // Социология власти. – 2010. – № 2. – С. 86-94.
15. Экономическая оценка особо охраняемых природных территорий Камчатки: практические результаты и их значение для сохранения биоразнообразия (на примере природного парка Быстринский) [Электронный ресурс] / Г.А. Фоменко, М.А. Фоменко, А.В. Михайлова, Т.Р. Михайлова; науч. ред. Г.А. Фоменко. – Ярославль: АНО НИПИ «Кадастр», 2010. – 156 с. – Режим доступа: http://www.kad.yaroslavl.ru/docs/kamchatka_2011.pdf
16. Ervin, J. WWF: Rapid Assessment and prioritization of Protected Area Management (RAPAM) Methodology. 2003, WWF Gland, Switzerland [Электронный ресурс] / J. Ervin. – Режим доступа: http://wwf.panda.org/what_we_do/how_we_work/conservation/forests/tools/rappam/

Сведения об авторах

Галина Викторовна Михайлова – кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник, Институт экологических проблем Севера УрО РАН (163000, Россия, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 23, mihaylov@atknet.ru)

Валерий Антонович Ефимов – старший научный сотрудник, Институт экологических проблем Севера УрО РАН (163000, Россия, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 23, valerefimov@yandex.ru)

Mikhailova G.V., Efimov V.A.

Social Assessment of Specially Protected Natural Areas

Galina Viktorovna Mikhailova – Ph.D. in Pedagogy, Senior Research Associate, Institute for Environmental Issues of the North, Ural Branch of RAS (23, Northern Dvina Embankment, Arkhangelsk, 163000, Russian Federation, mihaylov@atknet.ru)

Valerii Antonovich Efimov – Senior Research Associate, Institute for Environmental Issues of the North, Ural Branch of RAS (23, Northern Dvina Embankment, Arkhangelsk, 163000, Russian Federation, valerefimov@yandex.ru)

Abstract. Approaches to the consideration of functions of specially protected natural areas (SPNA) in the development of society seek to determine the size of the territory withdrawn from agricultural use for the purposes of nature conservation; these approaches also aim to evaluate money revenue gained from these territories. However, the influence of SPNA on public life is not reduced to the “monetization” of the territory. People who live near conservation areas and experience the advantages (disadvantages) of such neighbourhood should be the focus of the study of the social role of protected areas. The social role of

SPNA in the life of local communities in the Arkhangelsk Oblast and the Karelia Republic was identified with the help of public opinion survey. In total 575 people participated in the survey. The research was carried out in the settlements located within the boundaries of Kenozersky and Vodlozersky national parks, and near Shilovsky Nature Reserve. When measuring the impact of conservation areas on the society of the neighbouring settlements, the authors define the axiological, emotional-and-psychological, activity-and-regulatory, economic, forecasting and integrated components. The research findings show that the residents acknowledge the conservation value of protected areas; many of the inhabitants of adjacent territories do not experience inconveniences in connection with the special environmental regime, they earn income connected to the operation of SPNA; there is a positive attitude towards the activity of SPNA. If these areas cease functioning, then one third of the respondents expect negative changes in their life. Specially protected natural areas contribute to the socio-cultural and spiritual development of the local community to a greater extent in comparison with its socio-economic development. The presence of SPNA on the territory of the municipality opens up opportunities for new types of economic activities, provides employment in the field of recreation and tourism.

Key words: specially protected natural areas, social function of nature conservation areas, sociological surveys, environmental management, remote rural settlements.

References

1. *Vodlozerskii natsional'nyi park: ofitsial'nyi sait* [Vodlozersky National Park: Official Website]. Available at: <http://vodlozero.ru/ru/cultura/>
2. *Gosudarstvennaya programma Rossiiskoi Federatsii "Okhrana okruzhayushchei sredy" na 2012–2020 gody: utv. post. Pravitel'stva RF ot 15 aprelya 2014 g. № 326* [State Program of the Russian Federation "Environmental Protection" for 2012–2020: Approved by the Resolution of the Government of the Russian Federation of April 15, 2014 No. 326]. Available at: <http://base.garant.ru/70643488/#ixzz3cZDjhUv6>
3. Gromtsev A.N., Sazonov S.V. Obshchie zadachi, kriterii i printsipy formirovaniya regional'noi sistemy prirodookhrannykh ob'ektov [General Objectives, Criteria and Principles of Formation of the Regional System of Environmental Facilities]. *Nauchnoe obosnovanie razvitiya seti osobo okhranyaemykh prirodnykh territorii v Respublike Kareliya* [Scientific Substantiation of Development of a Network of Specially Protected Natural Areas in the Republic of Karelia]. Petrozavodsk: Karel'skii nauchnyi tsentr RAN, 2009. Pp. 14-15.
4. Davydova M.V., Golubinskaya T.E. Problemy nedropol'zovaniya na zemlyakh osobo okhranyaemykh prirodnykh territorii [Problems of Subsoil Use on the Territory of Specially Protected Natural Areas]. *Mineral'nye resursy Rossii. Ekonomika i upravlenie* [Mineral Resources of Russia. Economics and Management], 2010, no. 5, pp. 41-45.
5. *Kenozerskii natsional'nyi park: ofitsial'nyi sait* [Kenozersky National Park: Official Website]. Available at: <http://www.kenozero.ru/sokhranenie-naslediya/restavratsiya-pamyatnikov-arkhitektury.html>
6. Kostovska S.K., Chervyakova O.G., Stulyshapku V.O. Konflikty prirodopol'zovaniya na osobo okhranyaemykh prirodnykh territoriyakh [Conflicts of Nature Management in Specially Protected Natural Areas]. *Problemy regional'noi ekologii* [Issues of Regional Ecology], 2010, no. 2, pp. 208-214.
7. Kuksova M.A. Analiz zarubezhnogo i rossiiskogo opyta finansirovaniya osobo okhranyaemykh prirodnykh territorii (OOPT) [Analysis of the Russian and Foreign Experience of Financing of Specially Protected Natural Areas]. *Teoriya ekonomiki i upravleniya narodnym khozyaistvom: Vestnik. Institut druzhby narodov Kavkaza* [Theory of Economics and Management of National Economy: Bulletin of the Institute of Friendship of Peoples of the Caucasus], 2008, no. 8, pp. 170-176.
8. Metodika bystrogo otsenki effektivnosti i opredeleniya prioritetrov upravleniya sistemami okhranyaemykh territorii [Methodology for Rapid Assessment and Prioritization of Protected Area Management]. *WWF-Russia*, 2002. Available at: <http://pandia.ru/text/77/150/7600.php>
9. *Ofitsial'nyi sait Mezhdunarodnogo soyuza okhrany prirody* [Official Website of the International Union for Conservation of Nature]. Available at: http://www.iucn.org/about/work/programmes/gpap_home/gpap_biodiversity/

10. *Ofitsial'nyi sait Ministerstva prirodnnykh resursov i ekologii RF. Novosti. 04.10.2007* [Official Website of the Ministry of Natural Resources and Environment of the Russian Federation. News. October 04, 2007]. Available at: http://www.mnr.gov.ru/news/detail.php?ID=16308&sphrase_id=478363
11. Kozyreva G.B. *Problemy formirovaniya sotsial'nykh institutov ustoichivogo lesoupravleniya* [Problems of Formation of Social Institutions for Sustainable Forest Management]. Petrozavodsk: Karel'skii nauchnyi tsentr RAN, 2006. 254 p.
12. *Respublika Komi: ofitsial'nyi portal. Novosti* [Komi Republic: Official Portal. News]. Available at: <http://rkomi.ru/news/7120/>
13. Tikhonova T.V. Otsenka effektivnosti napravlenii razvitiya osobo okhranyaemykh prirodnnykh territorii Respubliki Komi [Evaluation of the Efficiency of Development of Specially Protected Natural Areas in the Republic of Komi]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2015, no. 1 (37), pp. 182-195.
14. Khomyakova A.N. Okhranyaemye prirodnye territorii kak predposylki ustoichivogo razvitiya [Protected Natural Areas as a Prerequisite for Sustainable Development]. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power], 2010, no. 2, pp. 86-94.
15. Fomenko G.A., Fomenko M.A., Mikhailova A.V., Mikhailova T.R. *Ekonomicheskaya otsenka osobo okhranyaemykh prirodnnykh territorii Kamchatki: prakticheskie rezul'taty i ikh znachenie dlya sokhraneniya bioraznoobraziya (na primere prirodnogo parka Bystrinskii)* [Economic Assessment of Specially Protected Natural Areas of Kamchatka: Practical Results and Their Importance for Biodiversity Conservation (Case Study of Bystrinsky Nature Park)]. Scientific Editor G.A. Fomenko. Yaroslavl: ANO NIPI "Kadastr", 2010. 156 p. Available at: http://www.kad.yaroslavl.ru/docs/kamchatka_2011.pdf
16. Ervin J. *WWF: Rapid Assessment and Prioritization of Protected Area Management (RAPAM) Methodology*. Available at: http://wwf.panda.org/what_we_do/how_we_work/conservation/forests/tools/rappam/

Исследование устойчивого развития процесса урбанизации в Китае

У Фэнган

Институт промышленной экономики Академии общественных наук провинции Цзянси
Китай

Индустриализация и урбанизация являются двумя основными направлениями модернизации Китая с начала реформы, однако успехи по этим направлениям различны. Индустриализация способствовала росту ВВП. По данному показателю в 2010 году Китай превзошел Японию, став второй экономикой в мире. В 2013 году ВВП Китая составил 56,8845 трлн. юаней, или примерно 10 трлн. долларов США. Однако, несмотря на то, что степень урбанизации Китая выросла, она не совпадает со степенью индустриализации и сильно отстает от уровня развитых капиталистических стран. С 1978 по 2013 год численность постоянного населения континентального Китая увеличилась со 170 до 730 млн. чел., уровень урбанизации постоянного населения — с 17,9 до 53,7%; среднее повышение составило 1,02 процентных пункта. В мегаполисах Пекин, Тяньцзинь, Хэбэй, в дельтах рек

Янцзы и Чжуцзян 18% населения проживает на территории, составляющей 2,8% страны, производят 36% валового внутреннего продукта. Такие мегаполисы являются основными платформами для быстрого экономического роста Китая и стимулирования международного экономического сотрудничества и конкуренции. Можно с уверенностью сказать, что устойчивое развитие процесса урбанизации является основной задачей, стоящей перед Китаем в достижении цели завершения модернизации к 2050 году.

Выполнение этой задачи сопряжено с проблемами народонаселения, ресурсов и окружающей среды.

Во-первых, демографическая проблема. В 2013 году уровень урбанизации постоянного населения составлял 53,73% в континентальном Китае, уровень урбанизации зарегистрированного населения —

35%, разница в 18% свидетельствует о том, что более 200 млн. трудящихся-мигрантов не могут пользоваться городскими базовыми общественными услугами, такими как доход, занятость, жилье, социальное обеспечение, образование детей и т.д. К 2050 году в континентальном Китае уровень урбанизации достигнет 70%, численность населения составит 1,6 млрд. чел., из них 1,1 миллиарда будет проживать в городах. Данный показатель превысит суммарную численность всего городского населения в развитых странах. Но сможет ли это население жить и работать в мире и согласии?

Во-вторых, проблема ограниченности ресурсов. В настоящее время в Китае 118 городов обеспечены ресурсами, в 44 городах ресурсы исчерпаны. Страна характеризуется большой численностью населения и относительно небольшой территорией пахотных земель. С развитием урбанизации более 40 тысяч гектаров пахотных земель будут исчезать ежегодно, приближаясь к критическому уровню в 120 млн. га. В 2000–2011 гг. масштабы городской застройки увеличились на 76,4%, в то время как прирост городского населения составил 50,5%; численность сельского населения снизилась на 133 млн. чел., в то время как площади земельных участков выросли более чем на 2 млн. га. Таким образом, за последние 30 лет рост урбанизации, связанный с относительно широким использованием земель, стал угрозой для продовольственной безопасности. Китай — это страна с серьезной нехваткой воды: более 400 городов из 660-ти страдают от нехватки воды в той или иной степени, 136 городов сталкиваются с острым дефицитом воды. Грунтовые воды в 50% городов загрязнены. Нехватка чистой питьевой воды напрямую влияет на общественное здоровье, а чрез-

мерная добыча подземных вод может привести к опустыниванию пахотных земель и другим бедствиям.

В-третьих, проблема загрязнения окружающей среды. Всемирная организация здравоохранения обнародовала последнюю базу данных о качестве городского воздуха 7 мая 2014 года. Среди 112 китайских городов, перечисленных в базе данных, Ланьчжоу, Урумчи, Сиань, Синин и Пекин имеют самые серьезные степени загрязнения. Пекин с индексом PM2.5, равным 56, занимает 77-е место в мире по уровню загрязнения окружающей среды. ВОЗ отмечает, что уровень загрязнения атмосферного воздуха превышает норму более чем в 2,5 раза в половине городских жилых районов и что только в 12% городских районов уровень соответствует стандартам, установленным ВОЗ. Согласно базе данных, многие города страдают от ухудшения качества воздуха из-за ископаемых источников энергии, большого количества транспортных средств, низкой эффективности использования энергии в городских зданиях и чрезмерного использования биоэнергии для отопления и приготовления пищи.

С развитием процесса урбанизации и ростом городов химические предприятия выстроились вокруг городов, поставив таким образом городскую безопасность под угрозу. Кроме того, в последнее время актуализировалась проблема мусора в городе. Несмотря на то, что Правительство КНР разработало программы, направленные на борьбу с мусором, остается еще много нерешенных проблем.

Устойчивое развитие процесса урбанизации в Китае должно быть личностно ориентировано, основано на институциональных инновациях и интенсивном пути развития. Предпочтение должно быть отдано низкоуглеродному производству.

1. Принцип развития процесса урбанизации.

Урбанизация — это естественный исторический процесс, процесс экономического развития, связанный с социальным развитием. Следовательно, урбанизация должна подчиняться определенным требованиям, наилучшим образом использовать сложившиеся обстоятельства.

Урбанизация — это процесс переселения людей из сельских районов в городские, поэтому необходимо содействовать интеграции города и села, сократить разрыв между городскими и сельскими районами, способствовать равноправному участию фермеров в процессе модернизации. Кроме того, необходимо упорядочить размещение городских и сельских производительных сил, способствовать развитию сельского хозяйства и направить факторы производства в сельскую местность для развития сельских районов. Целесообразно организовать строительство городской и сельской инфраструктуры, а также усилить интеграцию действующих городской и сельской инфраструктур. Экологическая ситуация должна быть под постоянным контролем. Необходимо обеспечить бесперебойную работу коммунальных служб в городах и селах и увеличить объем предоставляемых общественных благ в сельских районах.

Ускорение урбанизации предполагает разработку сложных систем, требующих научного планирования, бережной эксплуатации, уверенной координации и планомерного развития. В стратегии развития процесса урбанизации Китая предлагается два горизонтальных и три вертикальных плана урбанизации. В стране сформировались следующие регионы: регион трех мегаполисов (Пекин—Тяньцзинь—Хэбэй), регион дельты рек Янцзы и Чжуцзян. Кроме того, китайское правительство планирует постепенно сформировать ряд городских

районов на Среднем Западе и Северо-Востоке для развития данных территорий и страны в целом.

2. Личностно ориентированный принцип.

Люди — это ключ к продвижению устойчивого развития процесса урбанизации. Требования к процессу урбанизации в Китае включают задачи расселения сельских жителей в городе и улучшения качества их жизни.

Развитие промышленности способствует развитию города, промышленная агломерация является предпосылкой и основой для роста городской агломерации, поэтому необходимо определить функции промышленности, направления промышленного развития, разработать городские промышленные системы с уникальными характеристиками. В то же время необходимо расширить возможности малых и средних отраслей промышленности, повысить коэффициент значимости сферы услуг и инновационного потенциала городов. Следует ориентироваться на повышение качества жизни мигрантов в городе, их социализацию в обществе, усиление профессиональной подготовки, увеличение финансовых ресурсов, интеграцию профессионального образования и обучения на рабочем месте, реализацию планов повышения профессиональной квалификации мигрантов; создание и совершенствование системы мониторинга кадрового рынка. Целесообразно поощрять выбор мигрантами того профессионального направления, которое соответствует потребностям промышленного развития и изменениям на рынке труда, а также проводить бесплатные курсы профессиональной подготовки для мигрантов. Требуется также совершенствовать механизмы защиты прав трудящихся-мигрантов, стимулировать социальную активность работников, их участие в партийных организациях,

профсоюзах, общественных организациях, общественной деятельности. Обществу следует достойно принимать мигрантов.

Превращение фермеров в городских жителей должно быть добровольным, с учетом их пожеланий. Необходимо разработать конкретные меры в соответствии с местными условиями, контролировать прирост. Дело в том, что мигранты больше заботятся об образовании детей, а не о смене места жительства. Можно выделить следующие причины: во-первых, мигранты не могут найти в городе постоянную работу, во-вторых, в сельской переписи регистрация места жительства связана с правом собственности на землю, многочисленными сельскохозяйственными субсидиями, относительно мягкой демографической политикой. Таким образом, желание привлечь фермеров сменить место жительства и поселиться в городе как путем реформы системы регистрации, так и путем снижения порога в городах — это одностороннее желание. Маленькие города менее привлекательны. Наиболее популярная форма регистрации места жительства, получившая наибольшее одобрение среди населения, — постоянная прописка на селе и временная в городе, дающая право на пользование основными коммунальными услугами. Реформа регистрации места жительства будет сосредоточена на социальной справедливости, восстановлении регистрационного учета населения с помощью его переписи и создании справедливого общества со свободной миграцией населения.

3. Институциональные инновации как базис.

Процесс урбанизации основан на экономическом и социальном развитии. В настоящее время проводится ряд реформ, тесно связанных с развитием этого процесса, требующих тщательного исследования

для стабильного продвижения. Реформа системы управления земельными ресурсами на селе определяет право собственности на землю в сельской местности, ее регистрацию и сертификацию. Она касается улучшения жилищного фонда на селе: сельские коллективные земельные участки, выделяемые для строительства, получают те же права и цены на рынке, что и государственные при условии их соответствия с планами и надлежащего контроля. Реформа системы земельной экспроприации нацелена на снижение спроса на земельные участки, стандартизацию процедуры приобретения земли и защиту интересов фермеров, чьи земли приобретаются. Следующая реформа затрагивает проблемы улучшения финансовой платежной системы. Реформа административной системы управления нацелена на дальнейшее упрощение системы органов власти и делегирование реальных полномочий более низким уровням. Зоны развития и зоны освоения высоких технологий, играющие важную роль в процессе урбанизации, не управляются напрямую государственными органами. Вопросы их функционирования, распределения полномочий в соответствии с обязанностями разрешаются путем инновационных мыслей и подходов.

Продвижение устойчивой урбанизации — это не только строительство городов, но и постоянное совершенствование системы городского управления, поддержание духа города, улучшение городской цивилизации и создание привлекательных образов городов. Городское управление должно измениться по пяти пунктам. Объект управления смещается от простого управления экономическим ростом и территориальным расширением города к контролю над согласованным развитием экономики, общества, культуры и экологической об-

становки, к одновременному достижению максимальных городских благ и устойчивого развития. Управляющий орган превращается из централизованного в сложный орган социального управления, состоящий из государства, предприятий и общества. Концепция управления отказывается от первоочередного внимания строительству объектов, считая значимым и управление городом. Она нацелена на строительство и управление городом, углубление реформы городской системы управления с ориентацией на общественные услуги, увеличение эксплуатационных преимуществ города. Функции городских органов управления изменены. Создаются группы экспертов, выступающих в качестве городских управленческих кадров, опирающихся при строительстве и управлении городом на научные подходы, передовые идеи и опыт. Подход к управлению предполагает участие общества и переход от неэффективного и экстенсивного хозяйствования к научному и эффективному, от традиционного непоследовательного управления к устойчивому и рациональному. Эффективность цели управления определяется переориентацией цели с объекта на человека, что приводит к повышению справедливости и степени цивилизации городов.

Развитие урбанизации требует больших денежных средств. Затраты на переезд 1 мигранта составляют около 100 000 юаней, т.е. на трудовую миграцию работников из сельской местности в город требуется более 20 трлн. юаней. Таким образом, необходимо создать механизм разделения затрат между правительством, предприятиями и физическими лицами и согласовать процесс переселения мигрантов с реформированием системы права собственности на селе. Переезд трудящихся-мигрантов не должен быть основан на предпосылке, что

они потеряют права собственности на селе. Наоборот, необходимо дать возможность фермерам использовать приобретенные в сельской местности ресурсы в городе с помощью рыночных инструментов. Таким образом, сельские трудящиеся-мигранты будут переезжать в города с определенным капиталом, уменьшая затраты на трудовую миграцию.

4. Реализация интенсивного развития, интеллектуального развития, низкоуглеродного производства.

Такое развитие требует повышения эффективности использования земель под городское строительство, поэтому необходимо строго контролировать прирост, оживить фонд, оптимизировать структуру, повысить эффективность городского строительства, ориентируясь на практический результат и углубление реформы. Развитие должно быть ограничено в пределах пахотных земель с учетом не только количества, но и качества построенных сооружений.

При этом должны учитываться местные условия и научный подход для эффективного повышения уровня интенсификации использования земли. Во-первых, необходимо контролировать использование земель, строго определять границы градостроительства, контролировать неограниченное расширение городов. Во-вторых, следует придерживаться интенсивного подхода к использованию земель промышленного назначения, увеличить продуктивность использования земельных участков, предназначенных для строительства. В-третьих, требуется изучать и пропагандировать технологии сохранения земли, сохранять и активизировать развитие городских земель. В-четвертых, следует достичь рационального освоения и использования подземного пространства городов, разработав для этого специальные

программы. В-пятых, необходимо усилить реконструкцию трущобных городов и поселков городского типа, стремиться к улучшению условий жизни населения, внешнего вида города и окружающей среды и к рациональному использованию земель.

Кроме того, нужно уделять внимание защите окружающей среды, строго определять границы градостроительства. Следует объединить город и природу, создать среду, где жители могли бы наслаждаться горами и реками, где жизненное пространство эффективно используется, но сохраняется красота природы. Необходимо сформировать рациональную структуру, в которую входят производственное, жизненное и экологическое пространства.

Умный город – это новые идеи и новые модели городского планирования, строительство, управление и обслуживание с

помощью интернет-ресурсов, больших данных, геопространственной информации и других информационных технологий нового поколения. Строительство умного города важно для ускорения интеграции индустриализации, информатизации, урбанизации и модернизации сельского хозяйства, а также для улучшения устойчивого развития городов. Вместе с тем данная система должна играть роль рынка в распределении ресурсов, укреплять и совершенствовать работу правительства, координировать информационные и интеллектуальные ресурсы, оказывать общественные услуги, обеспечивать комфортабельную жизнь, интеллектуальную инфраструктуру, постоянно повышая жизнедеятельность города, ощущение счастья у горожан, качество и уровень развития процесса урбанизации.

Сведения об авторе

У Фэнган – научный сотрудник, директор Института промышленной экономики Академии общественных наук провинции Цзянси (Китай)

Wu Fenggang

Research on the Sustainable Development of China's Urbanization

Wu Fenggang – Research Associate, Director of Institute of Industrial Economy, Jiangxi Academy of Social Sciences (Nanchang, China)

Низкоуглеродное производство: проблемы и выбор пути (на примере провинции Цзянси)

Гао Мэй

Институт экономики Академии общественных наук провинции Цзянси
Китай

Стремительное экономическое развитие после промышленной революции, характеризующееся высоким потреблением энергии, интенсивным загрязнением окружающей среды и высоким уровнем выброса парниковых газов вследствие использования ископаемых видов топлива, приводит к ряду экологических проблем, таких как глобальное потепление, дефицит энергии и ухудшение экологической обстановки, что вызывает острые противоречия между состоянием окружающей среды и экономическим развитием и является ограничивающим фактором экономического и социального развития. Данные факторы обусловили необходимость разработки и внедрения технологий низкоуглеродного производства, которое постепенно становится новой точкой роста мировой экономики.

I. Рост выбросов углекислого газа и развитие низкоуглеродного производства в Китае.

Согласно данным Института мировых ресурсов (World Resources Institute, WRI) за 2009 год, Китай, США, ЕС, Россия и Индия входят в первую десятку стран с наибольшим объемом выбросов углекислого газа (*табл. 1*).

Из таблицы видно, что, хотя Китай занимает первое место в мире по общему объему выбросов углекислого газа, по объему его выбросов на душу населения он на 72 месте; США занимают 2-е место в мире по общему объему выбросов и 7-е — по объему выбросов на душу населения; Россия занимает 4 место в мире по общему объему выбросов и 18-е — по объему выбросов на душу населения.

Таблица 1. Первые 10 стран с наибольшим объемом выбросов углекислого газа

Страна	Объем выбросов*	В % от мирового объема	Объем на душу населения**
Китай	7219,2	19,12%	5,5 тонн (72)
США	6963,8	18,44%	23,5 (7)
ЕС	5047,7	13,37%	10,3 (39)
Россия	1960,0	5,19%	13,7 (18)
Индия	1852,9	4,91%	1,7 (120)
Япония	1342,7	3,56%	10,5 (37)
Бразилия	1014,1	2,69%	5,4 (74)
Германия	977,4	2,59%	11,9 (25)
Канада	731,6	1,94%	22,6 (8)
Великобритания	639,8	1,69%	10,6 (36)

* В миллионах тонн, в том числе выбросы шести видов парниковых газов, выраженные в эквиваленте углекислого газа (CO₂).

** Ранжировано по объему на душу населения.

Источник: Climate analysis tool of World Resources Institute (WRI) 2009, по данным за 2005 год.

В декабре 2009 года в Копенгагене состоялась конференция ООН по изменению климата, на которой в целях содействия решению проблемы изменения климата Китай со всей ответственностью дал обещание миру: выбросы углекислого газа на единицу ВВП будут сокращены на 40–45% к 2020 году по сравнению с 2005 годом, а доля потребления ископаемых видов топлива составит 15% от потребляемой первичной энергии. Для достижения этой цели правительство Китая создало Руководящую группу по проблемам изменения климата (climate change leading group), Национальное энергетическое бюро (National Energy Bureau), Национальный центр энергосбережения (National Energy Conservation Center) и другие специализированные органы для решения проблемы изменения климата, обеспечения энергетической безопасности и содействия развитию низкоуглеродного промышленного производства. Кроме того, правительство Китая разработало ряд стратегий и мер по развитию низкоуглеродного производства — Закон

КНР о развитии экономики замкнутого цикла, Закон КНР о возобновляемой энергии (поправка), Основные принципы политики Китая в отношении технологии всестороннего использования ресурсов, Заключение об ускорении развития отраслей промышленности, ориентированных на энергосбережение и защиту окружающей среды и др., указав путь к развитию низкоуглеродного производства:

— активное развитие стратегических и перспективных отраслей, характеризующихся низким потреблением энергии и ресурсов, экономической выгодой и рыночными перспективами;

— содействие переводу традиционных отраслей на производство с низким уровнем выбросов углекислого газа и увеличение доли современного сектора услуг в экономике.

Вместе с тем правительство Китая реализует следующие ориентированные на предприятия низкоуглеродных отраслей конкретные проекты: Программа по сокращению энергопотребления для 1000 крупнейших промышленных предприятий

Китая (Top 1000 Energy-Consuming Enterprises Program), Программа по повышению энергоэффективности для 10 000 крупнейших энергоемких предприятий Китая (Top 10 000 Enterprises Energy Efficiency Program) и Программа по ликвидации устаревших производственных мощностей (Eliminating Backward Production Capacity Program). Кроме того, запущены такие специальные проекты, как Программа по производству энергосберегающей продукции на пользу граждан (Energy-saving Products Benefiting People Program), демонстрационный проект «Золотое солнце» (Golden Sun Demonstration Project) в области гелиоэнергетики и др.

II. Состояние и проблемы низкоуглеродной промышленности в провинции Цзянси.

В последние годы в провинции Цзянси по распоряжению её правительства был проведен ряд важных исследований в области организации низкоуглеродных производств и принят ряд мер:

а) внедрение технологических инноваций в энергоемкие производства, расширение и модернизация основного оборудования в энергоемких отраслях промышленности, таких как цементная промышленность, черная металлургия и тепловая энергетика, внедрение технологий энергосбережения и сокращения выбросов в этих отраслях, например установка систем утилизации остаточного тепла и давления на крупных металлургических предприятиях (электрогенераторы дифференцированного давления для доменной печи, электрогенераторы для сухого тушения кокса и др.), использование низкотемпературного остаточного тепла для производства цементного клинкера в новых ротационных сушильных печах и установка оборудования для десульфурзации в тепловой энергетике;

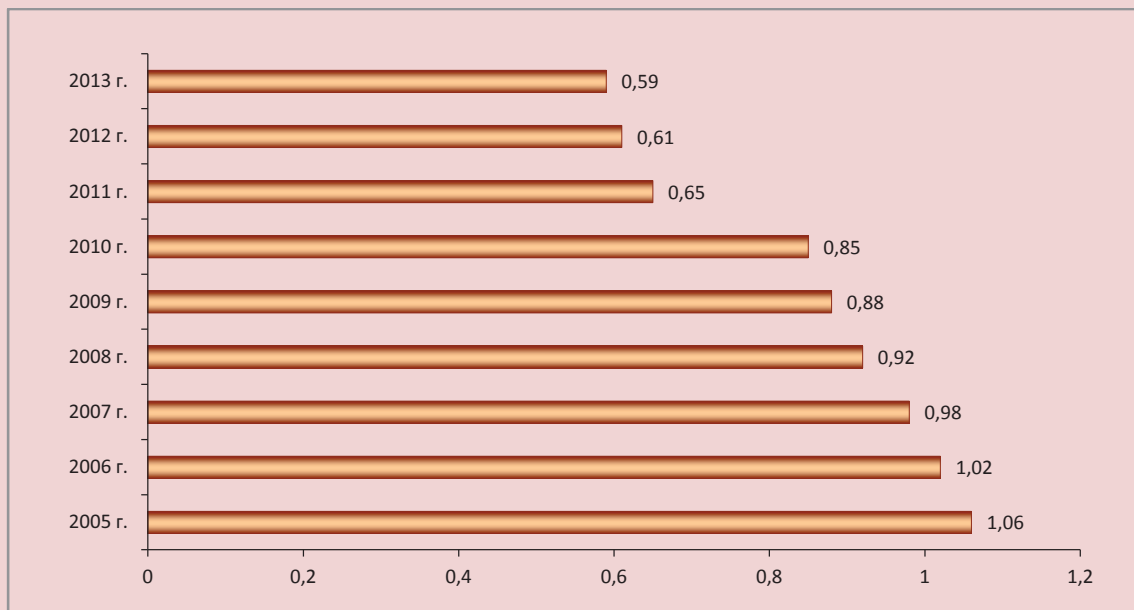
б) ликвидация в тепловой энергетике, металлургической, цементной и других отраслях промышленности отсталых производственных мощностей, вывод из эксплуатации ряда производственных линий, характеризующихся высоким энергопотреблением и уровнем загрязнения;

с) реализация ряда ключевых проектов по энергоэффективности в строительстве, транспортной отрасли и других сферах, например развитие использования экологически чистых строительных материалов, энергоменеджмент, реализация проекта «Golden Sun», развитие экологичного общественного транспорта и др.;

д) развитие стратегических и перспективных отраслей (новые источники энергии, новые материалы, медицина и новые лекарства, новое поколение информационных технологий, авиационная промышленность, производство перспективного оборудования, электромобили), а также экологического туризма, электронной коммерции, программного обеспечения, услуг аутсорсинга и других современных услуг.

Посредством вышеуказанных действий и мер стратегия внедрения низкоуглеродного промышленного производства в провинции Цзянси достигла значительных результатов: в целом в экономике увеличилась доля новых стратегических и высокотехнологичных отраслей промышленности, а общее энергопотребление на единицу ВВП продолжает сокращаться. В 2013 году общий объем потребления энергии на единицу ВВП, равный 10 000 юаней, составил 0,59 тонн стандартного угольного эквивалента, что на 30,6% меньше по сравнению с показателем за 2010 год (рис. 1). Снижился и уровень выбросов при производстве объема продукции, эквивалентного по стоимости 10 000 юаней.

Рисунок 1. Интенсивность использования электроэнергии в провинции Цзянси (тонн стандартного угля эквивалента/10 000 юаней ВВП)

Бесспорно, низкоуглеродное промышленное производство в провинции Цзянси достигло положительных результатов, тем не менее оно столкнулось с рядом трудностей.

1. Сдерживающие факторы средней стадии индустриализации.

Находясь в начале средней стадии индустриализации, провинция Цзянси не полностью реализовала задачу индустриализации, и в течение длительного периода в будущем правительство Цзянси будет вынуждено придерживаться стратегии развития за счет индустриализации, ускорять процесс индустриализации и перенос отраслей как внутри страны, так и за рубежом. Как известно, развитие индустриализации требует больших затрат энергии. Об этом свидетельствует тот факт, что продвижение индустриализации в провинции Цзянси связано с существенным увеличением потребления энергии (рис. 2). Поэтому теоретически динамику роста выбросов углекислого газа в провинции

Цзянси в ближайший период можно отобразить в виде перевернутой U-образной кривой — это показывает, что правительству провинции Цзянси предстоит еще долгий путь к развитию низкоуглеродного промышленного производства.

2. Сдерживающие факторы структуры энергопотребления.

Преимущественное использование угля в энергетической структуре оказывает главное влияние на объем выбросов углекислого газа в провинции Цзянси. В таблице 2 приведены данные о выбросах углекислого газа при использовании первичных энергоресурсов, показывающие наибольший объем выбросов углекислого газа при использовании первичных энергоресурсов для выработки электроэнергии и для отопления.

Доля потребления угля в провинции Цзянси в общем потреблении энергии сохраняется на уровне 67,8–74,5% с начала 2000-х гг. (рис. 3).

Рисунок 2. Динамика общего потребления электроэнергии в провинции Цзянси в 2000–2012 гг. (в 10000 тонн стандартного угольного эквивалента)

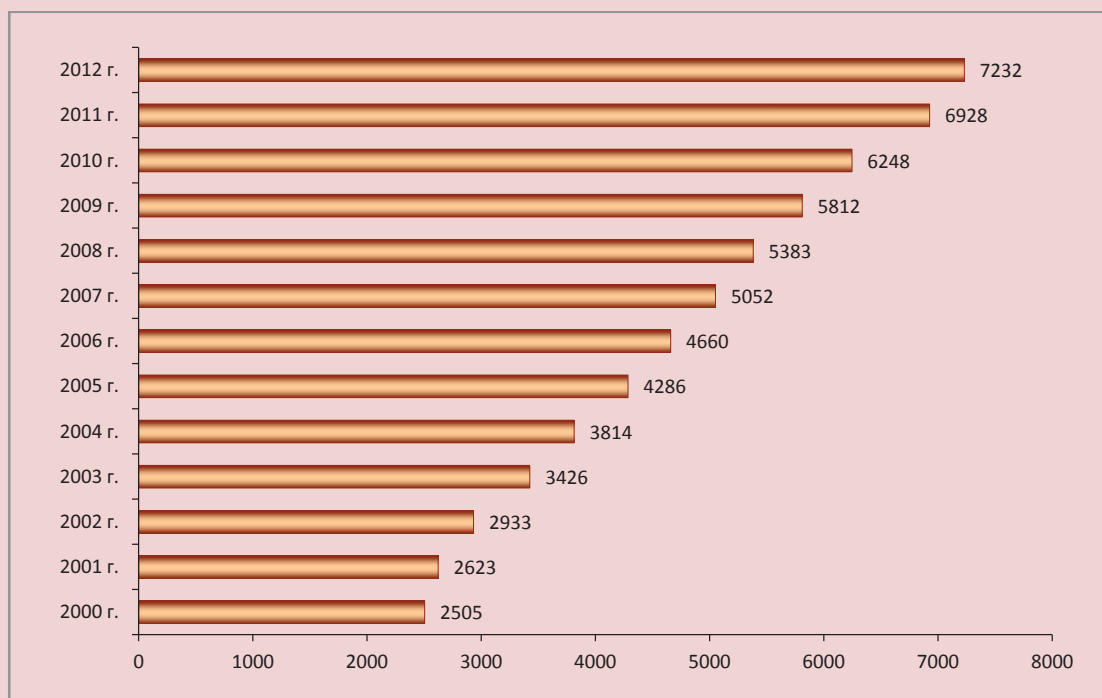

Таблица 2. Сравнение выбросов углекислого газа при использовании различных энергоресурсов для выработки энергии (в г/кВт×ч)

Энергоресурс	Объем выброса CO ₂
Биомасса	409
Энергия ветра (для производства электроэнергии)	24
Солнечная энергия (для производства электроэнергии)	27
Атомная энергия (для производства электроэнергии)	32
Природный газ (отопление)	49
Солнечная батарея	101
Природный газ (пар для производства электроэнергии и отопления)	148
Природный газ (пар для производства электроэнергии)	428
Каменный уголь (отопление)	622
Бурый уголь (отопление)	729
Каменный уголь (для производства электроэнергии)	949
Бурый уголь (для производства электроэнергии)	1153

Источники: German Oeko-institut FR-infografik, World's Wind Power Network.

Рисунок 3. Доля потребления угля в провинции Цзянси в общем потреблении энергии, %

Вследствие специфики структуры энергоресурсов Китая (преобладание запасов угля и недостаток нефтегазовых месторождений) еще долгое время будет очень сложно перевести структуру энергопотребления в провинции Цзянси, основанную на использовании угля и характеризующуюся большим объемом выбросов углекислого газа, на низкоуглеродное производство.

3. Ограничивающие факторы структуры промышленности.

Из трех секторов экономики провинции Цзянси объем выбросов углекислого газа гораздо выше у вторичного сектора, чем у третичного и первичного (табл. 3).

За счет быстрого развития индустриализации в провинции Цзянси в националь-

ной экономике доминирует промышленность, которая входит во вторичный сектор.

Кроме того, во вторичном секторе значительную долю занимает основная химическая промышленность, характеризующаяся большой энергоемкостью, что также значительно затрудняет развитие низкоуглеродных производств в данной провинции.

4. Медленное развитие низкоуглеродных технологий.

Низкоуглеродные технологии являются важной частью развития низкоуглеродного производства. Как слаборазвитый регион, провинция Цзянси не обладает общими передовыми технологиями и имеет ограниченные возможности для НИОКР. Более то-

Таблица 3. Потребление энергии и объем выбросов углекислого газа в трех секторах экономики провинции Цзянси

Сектор экономики	Первичное производство	Вторичное производство	Третичное производство
Среднее энергопотребление (тонн /10000 юаней)	0,11	0,85	0,43
Объем выбросов углекислого газа	Низкий	Высокий	Средний

го, экологически безопасное и эффективное использование возобновляемых источников энергии, «новая энергетика», технология улавливания и хранения двуокиси углерода и другие научные исследования и разработки в области низкоуглеродного производства находятся еще на начальном этапе.

5. Несовершенство соответствующего законодательства и рыночной системы.

Хотя в последние годы правительствами КНР и провинции Цзянси был издан ряд нормативно-правовых документов, непосредственно относящихся к развитию низкоуглеродного производства, в целом политика в сфере низкоуглеродного экономического развития малоэффективна. Производственная деятельность органов власти всех уровней, предприятий и физических лиц не была строго регламентирована, а рыночные стимулы и ограничительные механизмы были недоступны. Правительство провинции Цзянси не распорядилось о создании рынка по торговле квотами на выбросы углекислого газа на провинциальном уровне; не завершена разработка стандартов энергосбережения и сокращения выбросов для различных отраслей промышленности и видов продукции.

III. Выбор пути для развития низкоуглеродного производства в провинции Цзянси.

1. Увеличение доли третичного сектора в экономике.

Из трех секторов экономики уровень выбросов третичного сектора существенно ниже, чем вторичного. Исходя из этого, при выборе пути для развития низкоуглеродного производства правительство провинции Цзянси должно активно развивать третичный сектор, т.е. сектор услуг, постепенно увеличивая его долю в экономике, и найти оптимальное соотношение долей трех секторов, а также способствовать переходу к низкоуглеродному производству.

2. Активизация развития низкоуглеродного производства в трех секторах экономики.

Активное развитие низкоуглеродного сельского хозяйства предполагает, во-первых, значительное сокращение количества удобрений и пестицидов, снижение зависимости сельскохозяйственного производства от ископаемых видов топлива и развитие органического, экологически чистого сельского хозяйства; во-вторых, использование в полном объеме остаточной энергии сельскохозяйственного производства. Кроме того, необходимо активно исследовать новые пути использования ресурсов соломы, остающейся после сбора урожая, развивать применение солнечной энергии, биогаза, использовать крупные животноводческие хозяйства для получения биогаза и биомассы.

Активное развитие низкоуглеродной промышленности предполагает:

- ориентацию на перестройку внутренней производственной структуры в отрасли;
- повышение порога для доступа на рынок некоторых энергоемких отраслей промышленности;
- ликвидацию отсталых производственных мощностей, приоритетное развитие энергосберегающих и экологически чистых производств, новой энергетики и новых материалов, биологии и новой медицины, нового поколения информационных технологий, авиационной промышленности, производства передового оборудования, электротранспортных средств и других стратегических и новых отраслей;
- продолжение снижения потребления энергии на единицу промышленной добавленной стоимости и контроль над ростом общего объема промышленного потребления энергии;

- продвижение передовых и практических технологий, НИОКР в области расширенных технологий, достижение всестороннего усовершенствования традиционных отраслей промышленности, расширение промышленной цепочки;

- повышение эффективности использования энергии в промышленности и снижение эмиссии загрязняющих веществ в черной и цветной металлургии, производстве строительных материалов, химической и других отраслях промышленности, отличающихся высоким энергопотреблением и высокой степенью загрязнения экологии.

Активное развитие низкоуглеродных технологий в секторе услуг предполагает:

- ориентацию на строительство туристических достопримечательностей, экологических отелей, низкоуглеродных туристических городов и экологических предприятий;

- содействие развитию туризма в соответствии со стратегиями развития низкоуглеродной промышленности в провинции Цзянси;

- расширение культурной сферы для СМИ и публикаций, культурных представлений – через анимационные игры, рекламу и выставки;

- ускорение перехода транспортной отрасли на низкоуглеродные технологии, существенно снижающие выбросы углекислого газа и обеспечивающие экономию энергии и воды.

3. Развитие технологических инноваций в низкоуглеродной промышленности.

Начиная с разработки базовых технологий для низкоуглеродной промышленности, необходимо подчеркнуть доминирующую роль предприятий в технологических инновациях, научно обосновать контролируемые функции правительства

и регулировать поведение соответствующих субъектов посредством институциональных инноваций для обеспечения эффективного развития низкоуглеродных промышленных технологий и знаний, а также содействовать инновационному процессу в низкоуглеродном производстве на всех уровнях. Посредством внедрения первоначальных интегрированных инноваций необходимо сконцентрироваться на тех низкоуглеродных технологиях, которые позволяют получить больше выгоды в краткосрочный и среднесрочный период, и самостоятельно разработать уникальную инновационную систему низкоуглеродных технологий.

4. Создание системы низкоуглеродной энергетической структуры.

За счет повышения уровня энергетических технологий и широкой поддержки технологий «чистого угля» и других передовых технологий в сфере энергетики можно будет снизить выбросы загрязняющих веществ, активно развивать экологически чистые источники энергии, включая возобновляемые, постепенно изменить энергетическую ситуацию чрезмерной зависимости от угля, содействовать диверсификации энергоносителей и постепенно увеличить долю новой энергетики и возобновляемых источников энергии в энергобалансе. Кроме того, необходимо развивать гидроэнергетику, ускорить развитие ветроэнергетики и солнечной энергетики, а также развивать атомную энергетику и содействовать развитию выработки энергии с использованием биомассы без ущерба для безопасности.

5. Осуществление переноса промышленных производств внутри страны и за рубежом с условием развития низкоуглеродного производства.

Необходимо акцентировать внимание на вопросах доступа на рынки, строго огра-

ничить перенос высокоуглеродных производств, ограничить перенос низкоуглеродных производств внутри страны и за рубеж, сосредоточиться на руководстве и управлении производственным процессом, развивать институциональные инновации, содействовать переводению отечественных предприятий и предприятий, финансиру-

емых из-за рубежа, на низкоуглеродное производство в провинции Цзянси, обратить пристальное внимание на освоение мировых низкоуглеродных технологий и содействовать развитию инноваций в низкоуглеродной промышленности и развитию новых стратегических отраслей провинции Цзянси.

Сведения об авторе

Гао Мэй – научный сотрудник, заместитель директора Института экономики Академии общественных наук провинции Цзянси (Китай)

Gao Mei

Industrial Low-Carbon: Dilemma and Path Selection (Case Study of Jiangxi Province)

Gao Mei – Research Associate, Vice Director of Institute of Economics, Jiangxi Academy of Social Sciences (Nanchang, China)

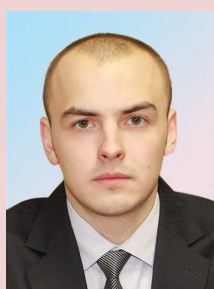
МОЛОДЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ

DOI: 10.15838/esc/2015.4.40.13

УДК338.2, ББК65.291.551-21

© Маковеев В.Н.

Совершенствование механизма управления инновационной деятельностью в обрабатывающей промышленности

**Виталий Николаевич
МАКОВЕЕВ**

Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук
160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, makoveevVN@mail.ru

Аннотация. Переход российской экономики от экспортно-сырьевой модели развития к инновационной является одним из национальных приоритетов, поскольку способствует интенсивному и устойчивому экономическому росту, снижает зависимость экономики страны от конъюнктуры внешних рынков. В развитых странах мира – США, Японии, Германии, Великобритании, Франции и в новых индустриальных странах Юго-Восточной Азии и Китае прирост ВВП на 75–90% достигается за счет «прогресса в знаниях» – интеллектуализации основных факторов производства. Исходя из этого можно сделать вывод, что обеспечение роста уровня жизни населения России, а также преодоление ее технологического и экономического отставания от более развитых государств возможно только на основе повышения производительности труда, конкурентоспособности на международных рынках инновационной продукции, модернизации и устойчивого развития промышленных предприятий через создание нового и широкое освоение накопленного инновационного потенциала. Одним из мощных драйверов инновационного развития экономики является обрабатывающая промышленность, т.к. в ней сконцентрировано основное производство наиболее технологически сложной и наукоемкой продукции с высокой добавленной стоимостью. Однако в процессе рыночных трансформаций продукция отечественных предприятий этого сектора стала значительно уступать в конкурентной борьбе на международных рынках. Наблюдается устойчивая тенденция роста импорта и снижения экспорта продукции обрабатывающих предприятий. В этой связи в статье выявлены факторы, оказывающие наибольшее влияние на развитие инновационной деятельности в рассматриваемой отрасли. Построена многофакторная регрессионная модель, позволяющая определить степень влияния различных социально-экономических факторов на уровень развития инновационной деятельности в обрабатывающих производствах. Предложен организационно-экономический механизм, направленный на ее активизацию и повышение конкурентоспособности продукции предприятий данного сектора.

Ключевые слова: механизм управления, обрабатывающая промышленность, инновации, инновационная деятельность, факторный анализ, моделирование.

Обрабатывающая промышленность является одним из драйверов инновационного развития экономики, поскольку именно в этом секторе сконцентрировано основное производство наиболее технологически сложной и наукоемкой продукции с высокой добавленной стоимостью. Разнообразие технологических переделов, сфокусированных на предприятиях обрабатывающей промышленности, с одной стороны, делает этот сектор главным источником инновационных продуктов, товаров и услуг, а с другой – выступает основным потребителем широкого спектра инновационных разработок.

Обрабатывающая промышленность (ОП) вносит большой вклад в экономическое развитие страны. В 2013 г. предприятия этой отрасли формировали почти 40% ВВП. Социальную значимость подчеркивает то, что в ней работает около 15% общей численности занятых в экономике (табл. 1).

В период рыночных трансформаций в России происходил процесс развития механизма управления инновационной деятельностью, в частности в обрабатывающей промышленности. Данный механизм представляет собой систему, составными элементами которой являются процедуры определения приоритетных направлений развития исследований и

разработок, перечня критических технологий, методики разработки и реализации научных, научно-исследовательских и производственных программ различного уровня и их ресурсного обеспечения, технологии использования полученных результатов, включая проблемы коммерциализации разработок и введения интеллектуальной собственности в хозяйственный оборот [4].

В настоящее время в Российской Федерации сформирована определенная нормативно-правовая база, направленная на стимулирование инновационной деятельности в обрабатывающей промышленности. Разработаны и приняты законы «О науке и государственной научно-технической политике» и «О промышленной политике в РФ», утверждены «Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года» и государственные программы «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности», «Экономическое развитие и инновационная экономика». Аналогичные нормативно-правовые акты, стратегии, программы и дорожные карты принимаются и на региональном уровне.

Приоритетные направления и основные цели государственной поддержки инновационной деятельности определены в рамках «Стратегии инновационного развития

Таблица 1. Доля обрабатывающей промышленности в экономике России, %

Показатель	Год					2013 г. к 2005 г., п.п.
	2005	2010	2011	2012	2013	
Доля ОП в ВВП	41,1	40,8	40,7	40,4	39,3	-1,8
Стоимость основных фондов	8,8	8,6	8,2	8,1	8,3	-0,5
Объем экспорта	17,3	16,4	16,3	16,4	16,6	-0,7
Численность работников	17,2	15,2	15,2	15,0	14,7	-2,5
Налоговые поступления в бюджеты всех уровней	13,8	17,5	17,4	18,0	нд	4,2*
Объем инвестиций	16,4	13,2	12,9	13,4	14,1	-2,3

* 2012 г. к 2005 г., в %.
 Источник: данные Федеральной службы государственной статистики. – Режим доступа: <http://www.gks.ru>.

РФ до 2020 года», утвержденной постановлением Правительства РФ от 08.12.2011 г. № 2227-р. Одними из ключевых показателей, обозначенных в этом документе, являются:

- увеличение доли предприятий промышленного производства, осуществляющих технологические инновации, с 10–15 до 40–50% в общем количестве предприятий промышленного производства;
- увеличение доли экспорта российских высокотехнологичных товаров в общем мировом объеме экспорта высокотехнологичных товаров с 0,3 до 2%;
- увеличение доли инновационной продукции в общем объеме промышленной продукции с 5–7 до 20–35%.

Однако, несмотря на прилагаемые усилия, темпы развития инновационной деятельности в обрабатывающей промышленности по-прежнему остаются крайне недостаточными для достижения обозначенных в Стратегии показателей и превращения этого сектора в локомотив инновационного развития экономики страны. В первую очередь, это подтверждают крайне низкие темпы роста уровня инновационной активности обрабатывающих предприятий.

Хотя данные предприятия вносят существенный вклад (в 2013 г. – почти 72%) в формирование общего объема инновационной продукции, уровень их инновационной активности за период 2005–2013 гг.

не превышал 13%, а доля инновационной продукции в общем объеме отгруженной продукции составляла 12% (для сравнения: в европейских странах уровень инновационной активности промышленных предприятий значительно выше, например в Финляндии он составляет 52,5%, в Германии – 71,8%, во Франции – 40,1%). Это говорит о низком интересе отечественных предприятий обрабатывающего сектора к инновационным разработкам (табл. 2).

Низкая конкурентоспособность продукции, производимой отечественным обрабатывающим комплексом, которая обусловлена слабым развитием инновационной деятельности, привела к тому, что в 2012 г. Россия заняла всего 0,3% мирового рынка машиностроительной продукции (рис. 1).

Сложившаяся ситуация обуславливает необходимость совершенствования действующего механизма управления инновационной деятельностью в обрабатывающей промышленности с учетом основных факторов, оказывающих влияние на развитие в ней процесса создания и внедрения инноваций.

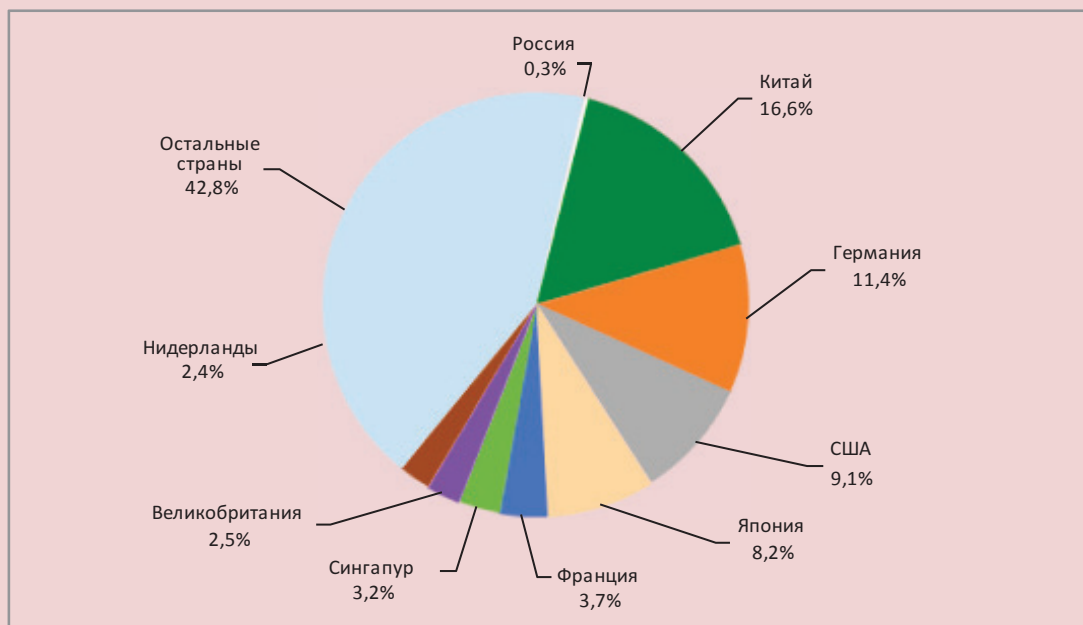
Выявление факторов, в наибольшей степени воздействующих на уровень развития инновационной деятельности в рассматриваемой отрасли, осуществлялось на основе факторного и корреляционно-регрессионного анализа за период 2006–

Таблица 2. Показатели, отражающие уровень развития инновационной деятельности в обрабатывающей промышленности России

Показатель	Год					2013 г. к 2005 г., п.п.
	2005	2010	2011	2012	2013	
Уровень инновационной активности предприятий ОП, %	10,9	11,3	11,6	12,0	11,9	1,0
Вклад ОП в общий объем производства инновационной продукции, %	84,8	79,7	62,1	68,7	71,8	-13,0
Удельный вес инновационной продукции, отгруженной ОП, в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг, %	7,0	6,7	6,8	9,6	11,6	4,6

Источник: данные Федеральной службы государственной статистики. – Режим доступа: <http://www.gks.ru>;

Рисунок 1. Удельный вес стран в мировом экспорте машин и оборудования в 2012 г.

Источники: International Merchandise Trade Statistics [Эл. pec.]. – Реж. дост.: <http://comtrade.un.org/pb/CountryPagesNew.aspx?y=2012>; Eurostat [Эл. Pec.]. – Реж. дост.: <http://epp.eurostat.ec.europa.eu>

2013 г. по всем субъектам Российской Федерации (640 точек наблюдения).

В качестве результативного показателя был выбран индекс, отражающий уровень развития инновационной деятельности в обрабатывающей промышленности, рассчитанный на основе агрегирования четырех следующих показателей в интегральный:

1. Удельный вес инновационной продукции, отгруженной предприятиями обрабатывающего комплекса, в общем объеме отгруженной продукции (этот показатель отражает объем инновационной продукции, выпускаемой предприятиями обрабатывающего комплекса. Чем выше значения этого показателя, тем более крупные предприятия обрабатывающего сектора промышленности активизируют инновационную деятельность, тем динамичнее осуществляется диффузия инноваций).

2. Доля инновационной продукции, отгруженной предприятиями обрабатывающего комплекса, в общем объеме инновационной продукции региона (этот показатель также отражает объем выпускаемой инновационной продукции, однако он позволяет определить вклад предприятий обрабатывающего комплекса в формирование общего объема инновационной продукции, создаваемой в регионе).

3. Уровень инновационной активности предприятий обрабатывающей промышленности (этот показатель позволяет оценить степень вовлеченности предприятий обрабатывающей промышленности в инновационную деятельность).

4. Объем инновационной продукции, отгруженной предприятиями обрабатывающего комплекса, в расчете на одного работника (этот показатель позволяет измерить производительность труда в части производства инновационной продукции).

В качестве зависимых переменных были выбраны 17 социально-экономических показателей, по которым имелась необходимая статистическая база и возможность ее количественной и качественной оценки.

На основе корреляционного анализа было выявлено, что 8 из 17 отобранных показателей имели достаточно тесную связь с уровнем развития инновационной деятельности в обрабатывающей промышленности. Проведение статистического факторного анализа позволило сгруппировать эти 8 показателей в три компоненты: финансовую (Ф), кадровую (К) и производственную (П). В финансовую компоненту были включены такие факторы, как: доля затрат на технологические инновации предприятий обрабатывающего сектора в общем объеме затрат на технологические инновации; доля инвестиций в основной капитал предприятий обрабатывающей промышленности в ВРП; отношение средней заработной платы работников предприятий обрабатывающей промышленности к средней заработной плате по экономике региона. В кадровую компоненту вошли факторы: удельный вес персонала, занятого исследованиями и разработками, в общей численности экономически активного населения; количество выданных охранных документов на изобретения и полезные модели в расчете на 10 тыс. населения; доля населения, имеющего высшее образование, в общей численности занятых в экономике; количество организаций, выполняющих научные исследования и

разработки, в расчете на 10 тыс. населения. В производственную компоненту вошел только один показатель, отражающий степень износа основных фондов обрабатывающих производств.

На основе корреляционно-регрессионного анализа результирующего показателя, в качестве которого использовался индекс, отражающий уровень развития инновационной деятельности в обрабатывающей промышленности (ИД_{оп}), и выделенных компонент получено уравнение регрессии (табл. 3).

Качество полученной модели подтверждают значимые коэффициенты множественной корреляции и детерминации, а также высокие значения критерия Фишера.

Коэффициенты уравнения регрессии свидетельствуют о том, что уровень развития инновационной деятельности в обрабатывающей промышленности в наибольшей степени зависит от финансовых факторов, на долю которых приходится 27% вариации (на долю кадровой и производственной компоненты приходится 24 и 11% соответственно).

Как показывает полученная математическая зависимость, повышение уровня развития инновационной деятельности в обрабатывающей промышленности может быть достигнуто за счет роста финансовых и кадровых факторов (при росте значений финансовой и кадровой компоненты на 1% индекс, отражающий уровень развития инновационной деятельности в обрабатывающей промышленности, увеличивается

Таблица 3. Уравнение связи и его основная характеристика

Уравнение связи	Характеристика модели
$\text{ИД}_{\text{оп}} = 0,39 + 0,12 \times \Phi + 0,04 \times \text{К} - 0,05 \times \text{П}$	$R_{\text{корреляции}} = 0,72$; $R^2_{\text{детерминации}} = 0,52$; $F(3,636)_{\text{Фишера}} = 227,5$; $p = 0,0000001$;
ИД _{оп} – индекс, отражающий уровень развития инновационной деятельности в обрабатывающей промышленности; Φ – финансовая компонента; К – кадровая компонента; П – производственная компонента.	

на 0,12 и 0,04 соответственно), и при снижении негативного производственного фактора (снижение значения производственной компоненты на 1% увеличивает индекс, отражающий уровень развития инновационной деятельности в обрабатывающей промышленности на 0,05).

Принимая во внимание выявленные факторы, можно констатировать, что функционирование организационно-экономического механизма должно быть направлено на активизацию инновационной деятельности в обрабатывающей промышленности путем создания условий для повышения и развития финансового, кадрового и производственного потенциалов (рис. 2).

Главными целями функционирования предлагаемого механизма являются: активизация инновационной деятельности, повышение конкурентоспособности продукции, производимой в исследуемой отрасли.

Формирование и реализация данного механизма осуществляются федеральными, региональными и муниципальными органами власти и управления с опорой на соответствующие нормативно-правовые акты в области инновационной деятельности.

В структуре механизма управления инновационной деятельностью в обрабатывающей промышленности выделено четыре блока.

Первый блок – финансовое обеспечение инновационной деятельности. Он включает в себя исследование финансовых ресурсов, которые могут быть вовлечены в инновационный процесс, условий и предпосылок их мобилизации, а также анализ возможных направлений их использования.

Второй блок – правовое обеспечение – призван формировать правовую базу и

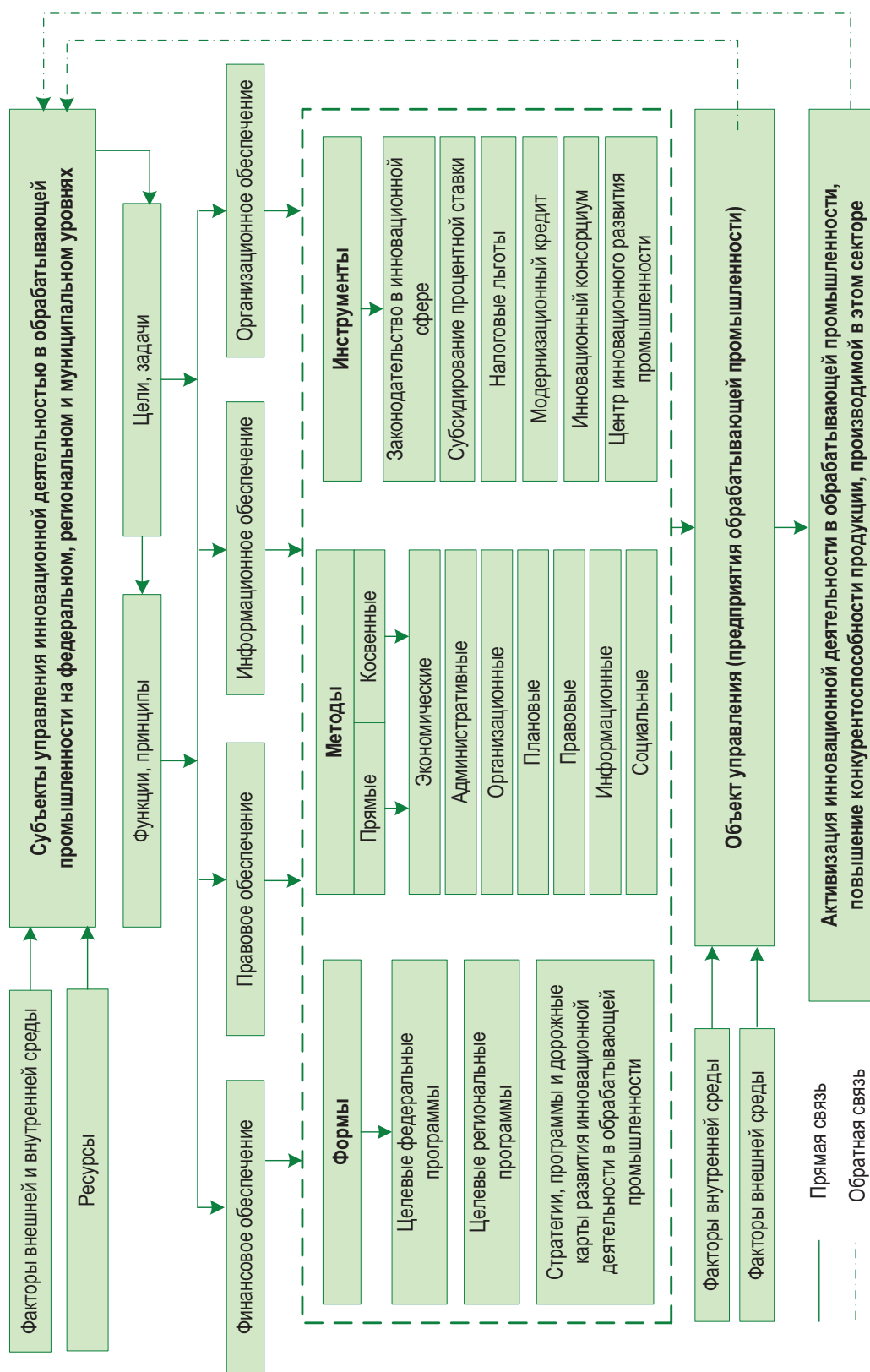
благоприятные институциональные рамки для осуществления инновационной деятельности.

Третий блок – информационное обеспечение. Оно направлено на обеспечение субъекта управления актуальной и достоверной информацией, что будет способствовать осуществлению обоснованного и своевременного управленческого воздействия на процесс создания и внедрения инноваций в обрабатывающей промышленности.

Четвертый блок – организационное обеспечение. Деятельность данного блока направлена на создание организационных структур, необходимых для обеспечения действий по инициации, развитию и контролю за достижением поставленных целей государственного управления инновационной деятельностью в обрабатывающей промышленности.

В качестве основных методов и инструментов предлагается использовать экономические методы прямого (льготное кредитование; бюджетное финансирование; субсидии; беспроцентные ссуды; ценовые компенсации; обеспечение государственным заказом) и косвенного (льготное налогообложение; реструктуризация долгов и платежей предприятий; имущественная поддержка инноваторов; регулирование цен и тарифов; финансовое обеспечение подготовки и переподготовки кадров; страхование рисков, модернизационные кредиты) воздействия, а также организационные (создание специализированных структур, обеспечивающих взаимодействие между участниками инновационной деятельности), плановые (разработка стратегий, программ и дорожных карт развития инновационной деятельности), правовые (совершенствование нормативно-правовой базы), административные (разработка процесса реализации, экспертизы, лицен-

Рисунок 2. Концептуальная схема механизма управления инновационной деятельностью в обрабатывающей промышленности

зирования и мониторинга инновационных проектов) и информационные (формирование системы оказания консалтинговых услуг; формирование баз данных инновационных проектов).

Основным направлением совершенствования методов и инструментов организационно-экономического механизма управления инновационной деятельностью в обрабатывающей промышленности яв-

ляется использование принципа адресной поддержки, учитывающей степень вовлеченности предприятий в инновационную деятельность. Применение такого подхода позволит оказывать им комплексную (финансовую, кадровую, производственную) поддержку на всех этапах инновационного цикла, по разработке, внедрению и продвижению на рынок инновационных продуктов (табл. 4).

Таблица 4. Предложения по совершенствованию методов и инструментов управления инновационной деятельностью в обрабатывающей промышленности с учетом степени вовлеченности предприятий этого сектора в процесс создания и внедрения инноваций

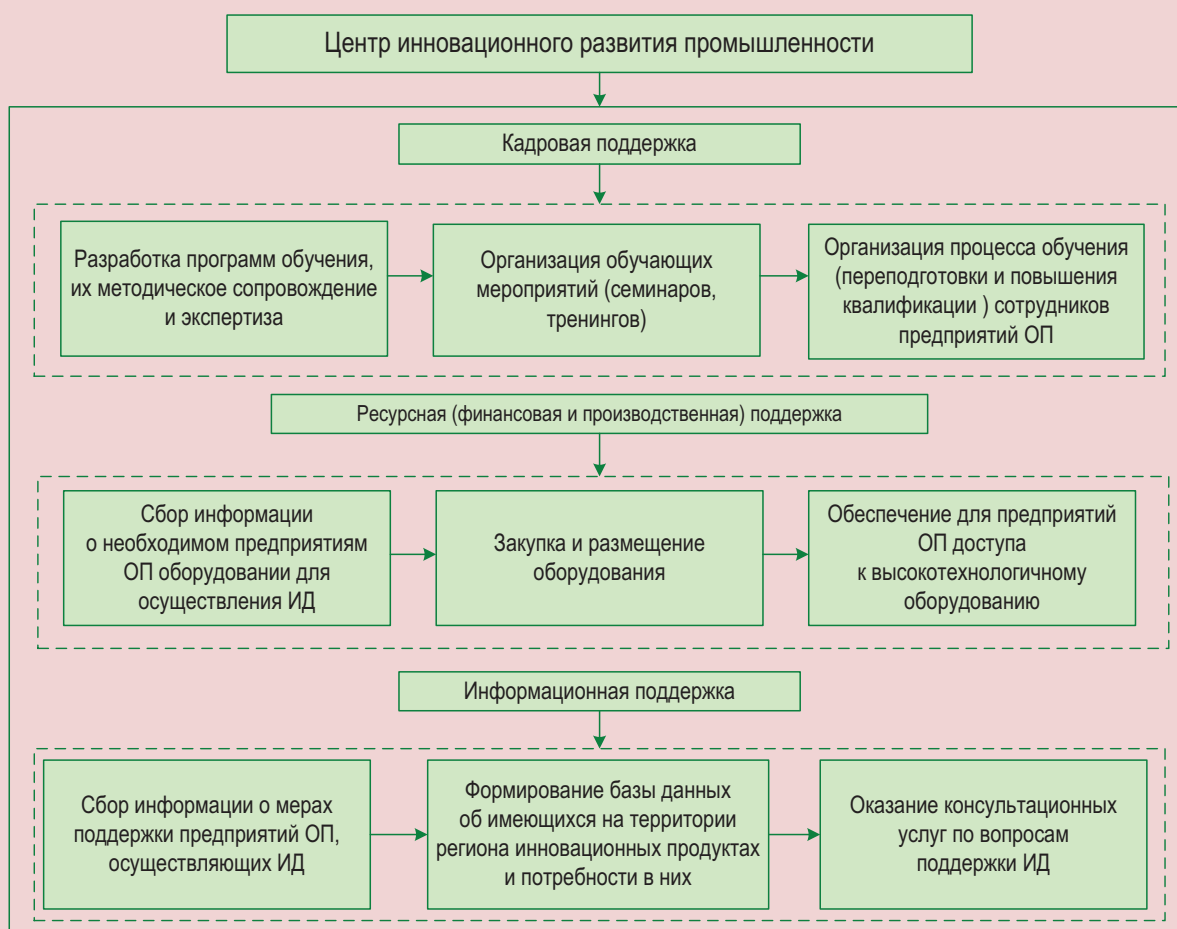
Уровень вовлеченности предприятия ОП в ИД*	Содержание методов и инструментов управления инновационной деятельностью
Предприятия ОП, имеющие полный инновационный цикл	<ol style="list-style-type: none"> 1. Содействие в проведении сертификации инновационной продукции с целью продвижения её на мировой рынок. 2. Обеспечение предприятий ОП государственным заказом. 3. Предоставление налоговых льгот на экспорт инновационной продукции. 4. Проведение маркетинговых исследований потенциальных рынков сбыта инновационной продукции предприятий ОП. 5. Создание и развитие информационного портала, на котором будет размещена информация о коммерциализации и поддержке продвижения инновационной продукции на мировой рынок. 6. Издание каталогов, содержащих информацию об основных инновационных продуктах, производимых предприятиями ОП (на русском и английском языках).
Предприятия ОП, имеющие не менее половины инновационного цикла	<ol style="list-style-type: none"> 1. Предоставление налоговых льгот (инвестиционный налоговый кредит, модернизационный кредит) и субсидирование процентных ставок по кредитам предприятиям ОП, осуществляющим инновационные разработки. 2. Ведение базы данных об условиях предоставления кредитных ресурсов финансово-кредитными институтами предприятиям ОП, осуществляющим инновационную деятельность. 3. Организация участия сотрудников предприятий ОП в бизнес-миссиях за рубежом. 4. Содействие в формировании и развитии инновационных консорциумов. 5. Консультационная поддержка получения государственных и банковских финансовых ресурсов для реализации инновационных проектов. 6. Оказание консультационных услуг в области коммерциализации и международного патентования инновационной продукции. 7. Создание и развитие Центра инновационного развития промышленности.
Предприятия ОП, имеющие одну стадию инновационного цикла или вообще не вовлеченные в процесс создания и внедрения инноваций	<ol style="list-style-type: none"> 1. Создание центров коллективного пользования оборудованием, необходимым для осуществления инновационной деятельности. 2. Предоставление налоговых льгот (инвестиционный налоговый кредит, модернизационный кредит) и субсидирование процентных ставок по кредитам предприятиям ОП, осуществляющим инновационные разработки. 3. Создание и развитие Центра прикладных квалификаций. 4. Создание единого информационного портала, содержащего информацию о мерах государственной поддержки инновационной деятельности в обрабатывающем секторе. 5. Содействие предприятиям ОП в осуществлении взаимодействия с объектами инновационной инфраструктуры. 6. Организация (на регулярной основе) сотрудничества с институтами, деятельность которых направлена на развитие процесса создания и внедрения инноваций на предприятиях ОП: Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере; Фонд развития промышленности; Инвестиционный фонд РФ.
* ИД – инновационная деятельность.	

Одним из приоритетных инструментов, направленных на активизацию инновационной деятельности в обрабатывающей промышленности, является Центр инновационного развития промышленности (рис. 3). В отличие от других создаваемых структур инновационной инфраструктуры (центр прикладных квалификаций, центр коллективного пользования, центр инжиниринга, центр трансфера технологий и др.) он позволяет, во-первых, оказывать комплексную (финансовую, кадровую, производственную) поддержку предприятиям обрабатывающей промышленности по разработке, внедрению и продвижению на рынок инновационных продуктов

на всех этапах инновационного цикла, во-вторых, обеспечить взаимодействие всех участников инновационной деятельности в рамках одной организационной структуры, в-третьих, учитывать степень вовлеченности предприятий обрабатывающей промышленности в инновационную деятельность.

Создание и развитие Центра целесообразно осуществлять на средства федерального и регионального бюджета, а также на средства предприятий. В Постановлении Правительства РФ от 15.04.2014 № 316 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика»

Рисунок 3. Модель функционирования Центра инновационного развития промышленности

(подпрограмма 5 «Стимулирование инноваций» и Подпрограмма 7 «Кадры для инновационной экономики») в качестве одной из приоритетных задач отмечена необходимость создания и развития механизмов комплексной поддержки инновационной деятельности на всех стадиях. В Государственной программе «Экономическое развитие Вологодской области на 2014–2020 годы» (подпрограммы «Развитие отдельных отраслей экономики области и повышение конкурентоспособности» и «Наука и инновации в Вологодской области») также отмечено создание условий для модернизации производства и инновационного развития на территории области.

Эффект от деятельности Центра рассчитывается на основе таких показателей, как: количество созданных при участии Центра инновационных разработок; количество внедренных при участии Центра инновационных разработок на предприятиях обрабатывающей промышленности региона; доля обученных в общем количестве тех, кому необходимо обучение и повышение квалификации; эффективность использования привлеченных и имеющихся ресурсов; востребованность разработанного Центром методического обеспечения для процесса обучения участников инновационной деятельности; сте-

пень износа основных производственных фондов предприятий – участников Центра; количество выданных охранных документов на изобретения и полезные модели, полученных участниками Центра.

Таким образом, для преодоления проблем развития инновационной деятельности в обрабатывающей промышленности, связанных с нехваткой собственных финансовых ресурсов, непривлекательностью этого сектора для инвесторов, сложностью получения заемных финансовых средств, высокой степенью износа основных производственных фондов, нехваткой высококвалифицированных специалистов, отсутствием согласованности между участниками инновационной деятельности, действия федеральных и региональных органов власти и управления должны быть направлены на оказание комплексной поддержки предприятиям этого сектора с преимущественным применением экономических, организационных и информационных инструментов. При этом необходимо оказывать адресную поддержку предприятиям обрабатывающей промышленности, учитывая степень их вовлеченности в инновационную деятельность и социально-экономические факторы, влияющие на процесс создания и внедрения инноваций в этом секторе.

Литература

1. Борисов, В.Н. Модернизация обрабатывающей промышленности РФ на основе устойчивого развития отечественного машиностроения / В.Н. Борисов, О.В. Почукаева // Проблемы прогнозирования. – 2011. – № 2. – С. 55-63.
2. Ильин, В.А. Интеллектуальные ресурсы как фактор инновационного развития / В.А. Ильин, К.А. Гулин, Т.В. Ускова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2010. – № 3. – С. 14.
3. Ильин, В.А. Проблемы эффективности государственного управления. Тенденции рыночных трансформаций. Кризис бюджетной системы. Роль частного капитала. Стратегия-2020: проблемы реализации [Текст]: монография / В.А. Ильин, А.И. Поварова. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2014. – 188 с.
4. Инновационная политика: Россия и Мир. 2002–2010 [Текст] / под ред.: Н.И. Иванова, В.В. Иванов. – М.: Наука, 2011. – 451 с.
5. Мазилев, Е.А. Основные индикаторы и факторы инновационного развития промышленности региона / Е.А. Мазилев // Менеджмент и бизнес-администрирование. – 2013. – № 1. – С. 166-178.

6. Маковеев, В.Н. Инновационные процессы в отечественном машиностроении [Текст] / В.Н. Маковеев // Менеджмент и бизнес-администрирование. – 2013. – №4. – С. 96-106.
7. Прикладная статистика. Основы эконометрики. – Т. 1: Теория вероятностей и прикладная статистика [Текст]: учебник для вузов: в 2-х т. / С.А. Айвазян, В.С. Мхитарян. – 2-е изд., испр. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001. – 656 с.
8. Статистика. Практикум [Текст]: учеб. пособие для вузов / под ред. И.И. Елисеева. – М.: Юрайт, 2011. – 483 с.
9. Теребова, С.В. Промышленный комплекс региона: инновационный аспект развития / С.В. Теребова // Проблемы экономики и менеджмента. – 2011. – № 4. – С. 54-59.
10. Теребова, С.В. Инновационный климат в регионе: состав и факторы развития / С.В. Теребова, А.М. Вячеславов // Проблемы развития территории. – 2011. – № 3. – С. 40.
11. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru>.
12. International Merchandise Trade Statistics [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://comtrade.un.org/pb/CountryPagesNew.aspx?y=2012>.
13. Eurostat [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://epp.eurostat.ec.europa.eu>.

Сведения об авторе

Виталий Николаевич Маковеев – младший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160000, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, makoveevVN@mail.ru)

Makoveev V.N.

Improvement of the Mechanism for the Management of Innovation Activity in the Manufacturing Industry

Vitalii Nikolaevich Makoveev – Junior Research Associate, Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, makoveevVN@mail.ru)

Abstract. The transition of Russia's economy from raw materials exporting model of development to the innovation model is a national priority, since it contributes to intensive and sustainable economic growth and reduces economic dependence on external markets. GDP growth rate of 75–90% in the developed countries such as the USA, Japan, Germany, the UK, France, and also in the newly industrialized countries of Southeast Asia and China, is achieved due to the “progress of knowledge” – the intellectualization of the main production factors. Due to this fact, the increase in the standard of living in Russia, as well as overcoming its technological and economic lagging behind the more developed countries is possible only on the basis of the increase in productivity, enhancement of Russia's competitiveness in international markets of innovative products, modernization and sustainable development of industrial enterprises through the creation of new innovation capabilities and the extensive utilization of that which have already been accumulated. The manufacturing industry is a powerful driving force of innovation economic development, since this sector concentrates the main production of the most technologically sophisticated and knowledge-intensive products with high added value. However, in the process of market transformations the products of domestic manufacturing enterprises have become much less competitive on international markets. There is a steady tendency toward the growth of imports and decrease of exports of enterprises of this sector. In this regard, the article identifies the factors that have the greatest influence on the development

of innovation activities in the manufacturing industry. The author builds a multivariate regression model that determines the degree of influence of various socio-economic factors on the level of development of innovation activity in manufacturing. The paper proposes an organizational-economic mechanism for enhancing innovation in the manufacturing industry and increasing the competitiveness of the products of enterprises in this sector.

Key words: management mechanism, manufacturing industry, innovations, innovation activity, factor analysis, modeling.

References

1. Borisov V.N., Pochukaeva O.V. Modernizatsiya obrabatyvayushchei promyshlennosti RF na osnove ustoichivogo razvitiya otechestvennogo mashinostroeniya [Modernization of the Manufacturing Industry of the Russian Federation on the Basis of Sustainable Development of Domestic Engineering]. *Problemy prognozirovaniya* [Studies on Russian Economic Development], 2011, no. 2, pp. 55-63.
2. Ilyin V.A., Gulin K.A., Uskova T.V. Intellektual'nye resursy kak faktor innovatsionnogo razvitiya [Intellectual Resources as Innovation Development Factor]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2010, no. 3, p. 14.
3. Ilyin V.A., Povarova A.I. *Problemy effektivnosti gosudarstvennogo upravleniya. Tendentsii rynochnykh transformatsii. Krizis byudzhethoi sistemy. Rol' chastnogo kapitala. Strategiya-2020: problemy realizatsii: monografiya* [Public Administration Efficiency. Market Transformation Trends. Crisis of the Budget System. Role of Private Capital. Strategy-2020: Implementation Issues]. Vologda: ISERT RAN, 2014. 188 p.
4. *Innovatsionnaya politika: Rossiya i Mir. 2002–2010* [Innovation Policy: Russia and the World. 2002–2010]. Ed. by N.I. Ivanov, V.V. Ivanov. Moscow: Nauka, 2011. 451 p.
5. Mazilov E.A. Osnovnye indikatory i faktory innovatsionnogo razvitiya promyshlennosti regiona [Key Indicators and Driving Forces of Innovation Development of Industry in the Region]. *Menedzhment i biznes-administrirovaniye* [Management and Business Administration], 2013, no. 1, pp. 166-178.
6. Makoveev V.N. Innovatsionnye protsessy v otechestvennom mashinostroenii [Innovative Processes in Domestic Mechanical Engineering]. *Menedzhment i biznes administrirovaniye* [Management and Business Administration], 2013, no. 4, pp. 96-106.
7. Aivazyan S.A., Mkhitaryan V.S. *Prikladnaya statistika. Osnovy ekonometriki. T. 1: Teoriya veroyatnostei i prikladnaya statistika: uchebnyk dlya vuzov: v 2-kh t.* [Applied Statistics. The Fundamentals of Econometrics. Vol. 1: The Theory of Probability and Applied Statistics: Textbook for Universities: in 2 Volumes]. 2nd edition, revised. Moscow: YuNITI-DANA, 2001. 656 p.
8. *Statistika. Praktikum: ucheb. posobie dlya vuzov* [Statistics. Practical Course: Textbook for Universities]. Ed. by I.I. Eliseev. Moscow: Yurait, 2011. 483 p.
9. Terebova S.V. Promyshlennyy kompleks regiona: innovatsionnyy aspekt razvitiya [Industrial Complex of the Region: the Innovation Aspect of Development]. *Problemy ekonomiki i menedzhmenta* [Problems of Economics and Management], 2011, no. 4, pp. 54-59.
10. Terebova S.V., Vyacheslavov A.M. Innovatsionnyy klimat v regione: sostav i faktory razvitiya [Innovation Climate in the Region: Composition and Development Factors]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of Territory's Development], 2011, no. 3, p. 40.
11. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki* [Federal State Statistics Service]. Available at: <http://www.gks.ru>.
12. *International Merchandise Trade Statistics*. Available at: <http://comtrade.un.org/pb/CountryPagesNew.aspx?y=2012>.
13. *Eurostat*. Available at: <http://epp.eurostat.ec.europa.eu>.

Динамика смертности населения России в контексте концепции эпидемиологического перехода

Александра Владимировна
КОРОЛЕНКО

Институт социально-экономического развития территорий РАН
160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, alexandra_korolenko@mail.ru

Аннотация. В статье кратко представлен современный взгляд на концепцию эпидемиологического перехода, отражены особенности его протекания в России: запаздывание основных этапов по сравнению с развитыми государствами мира и Европы, реализация перехода по ускоренной модели, наложение нерешённых задач предшествующих этапов друг на друга. Авторами рассмотрена полувекровая динамика показателей смертности населения России в сравнении со среднемировыми показателями и показателями ряда развитых государств, демонстрирующая её отставание, несмотря на общий положительный тренд; подтверждено сохранение высокого уровня смертности российского населения в трудоспособном возрасте; произведён расчёт демографических и социально-экономических потерь от преждевременной смертности граждан данной категории. Установлено, что наибольший демографический и социально-экономический ущерб как в стране, так и в регионе наносит смертность от внешних причин: в России она составляет 35% всех потерь ПППЖ и 2,45% общего объёма ВРП, в Вологодской области – 27% всех потерь ПППЖ и 2,7% общего объёма ВРП. Самые высокие демографические потери от внешних причин смерти наблюдаются в наиболее молодых группах трудоспособного возраста (15–24 лет) – более 70% общих потерь ПППЖ в России, 35–40% – в Вологодской области. Кроме того, на примере Вологодской области авторами выявлены значительные гендерные различия в размерах потерь ПППЖ и ВРП: среди мужчин от всех причин смерти они выше в 3 раза, чем среди женщин, от внешних причин смерти – в 4 раза. В ходе исследования обнаружена существенная региональная дифференциация по различным показателям смертности внутри страны. Сформулирован ряд предложений по снижению смертности, в частности от внешних причин среди трудоспособного населения.

Ключевые слова: эпидемиологический переход; смертность населения; показатели смертности населения; динамика смертности в мире, России и других странах; потери от преждевременной смертности; регионы России; Вологодская область.

Смертность населения представляет собой результат взаимодействия структурных, медицинских (биологических) и поведенческих факторов. К числу первых относится демографическая, и в первую очередь возрастная, структура населения. Чем больше в населении территории доля пожилых, тем выше и смертность для данной совокупности. Человек, обладая биосоциальной сущностью, имеет заданные анатомо-физиологические свойства, определяющие его развитие и функционирование. Смерть является естественным завершением жизни любого живого организма, наступающей при естественном изнашивании органов и систем. Роль экзо- и эндогенных факторов смертности раскрыта А. Омраном в предложенной им в 1971 г. концепции эпидемиологического перехода [9, с. 57-91], который представляет собой исторически обусловленную смену одного типа патологии, определяющей характер заболеваемости и смертности населения, другим её типом, одной структуры болезней и причин смерти – другой. В современной версии теории учёные выделяют 4 этапа эпидемиологического перехода, соответственно роли причин экзогенной и эндогенной природы: период эпидемий и голода, период снижающейся пандемии инфекционных заболеваний, период дегенеративных и профессиональных заболеваний, период отложенных дегенеративных заболеваний [12, с. 5].

На первом этапе (период эпидемий и голода) смертность регулировалась главным образом экобиологическими факторами: уровнем неблагоприятных условий

в окружающей среде, степени устойчивости организма, распространённостью тех или иных возбудителей инфекционных заболеваний, а продолжительность жизни населения была минимальной (20–25 лет). Эта стадия в развитых странах мира продлилась вплоть до середины XVIII века. Второй этап начался в конце XVIII века, он характеризовался ростом продолжительности жизни и сокращением смертности от распространённых инфекционных заболеваний. Ведущей детерминантой происходивших в данный период изменений стала трансформация социальной структуры общества: переход от аграрной к индустриальной модели экономического строя, формирование среднего класса, снижение доли бедных и нищих граждан и, как следствие, улучшение уровня жизни населения. Начало третьего этапа пришлось на 30-е гг. XX века и было связано с серьёзными успехами в медицине: открытием и массовым использованием антибиотиков и сульфаниламидов, благодаря которым удалось взять под контроль такие заболевания, как туберкулёз и пневмонию. Это привело к изменению и самой структуры смертности (на первое место вышли сердечно-сосудистые заболевания и новообразования), и её возрастной составляющей – сокращению смертности молодого населения и концентрации в старших возрастах, в результате чего ожидаемая продолжительность жизни выросла до 60 лет [12, с. 8]. Таким образом, ключевую роль здесь сыграла медицинская детерминанта (развитие системы здравоохранения) при одновременном улучшении социально-экономических условий жизни.

В 60–70-е гг. XX века человечество столкнулось с новой проблемой – приходом на смену экзогенным причинам заболеваемости и смертности так называемых квазиэндогенных причин: онкологических, эндокринных, психических заболеваний, болезней пищеварительной и дыхательной систем и т.д., обусловленных издержками научно-технического прогресса, процессами урбанизации и индустриализации. Именно в этот период в работах зарубежных гигиенистов появился термин «болезни цивилизации», которые рассматривались как плата за прогресс экономики, промышленную революцию и вызванные ими загрязнение окружающей среды, рост стрессовых нагрузок в результате быстрых изменений в образе жизни и характере трудовой деятельности значительных масс населения [1]. В настоящее время развитые государства находятся на четвёртой стадии эпидемиологического перехода (период отсроченных дегенеративных заболеваний), который характеризуется первостепенностью и социальных, и медицинских детерминант в формировании структуры смертности и заболеваемости.

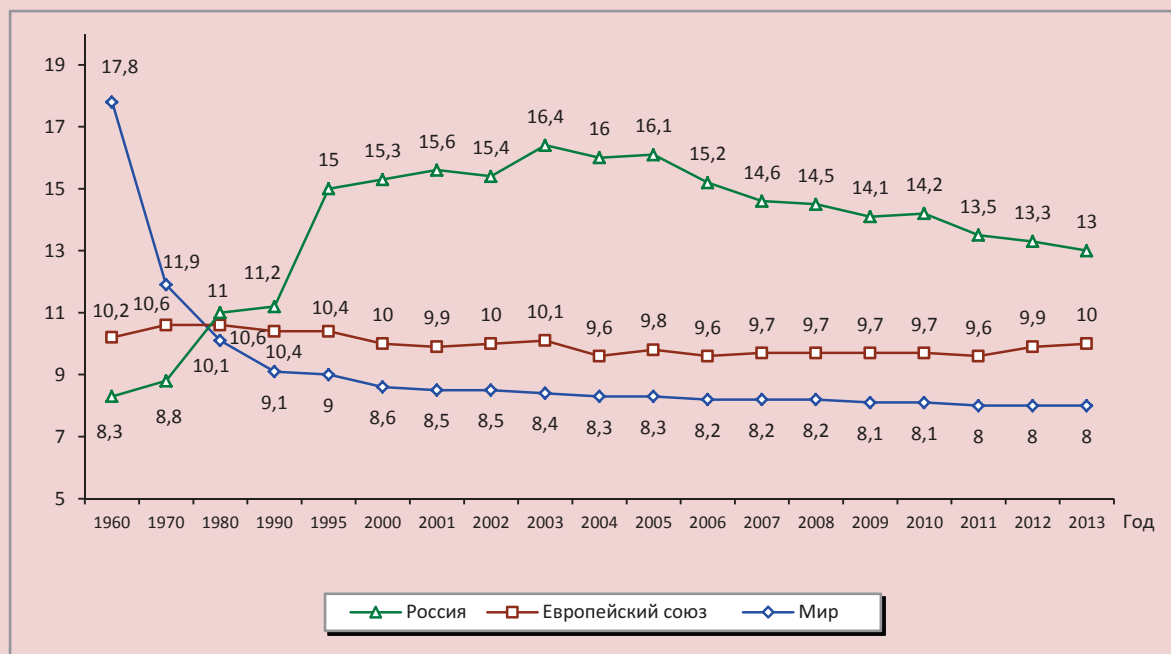
Эпидемиологический переход в России начался позднее, чем в большинстве западных стран, поскольку испытал сильное тормозящее действие многих исторических потрясений, натолкнулся на социокультурную неподготовленность части населения к необходимым переменам [3, с. 258]. Ко второму этапу страна перешла лишь в конце XIX – начале XX в. и завершила его в 1950-е гг. Наиболее успешный и длительный период снижения смертности в российской истории пришёлся на «хрущёвскую оттепель», когда страна быстрыми темпами прошла начальные периоды третьего этапа и к 1965 г. продолжительность жизни населения приблизилась к 70 годам

[12, с. 11]. Со второй половины 1960-х гг. в России наблюдается рост смертности от отравлений и травм, болезней системы кровообращения. Однако в силу специфики системы российского здравоохранения, основная деятельность которого была направлена на борьбу с инфекционными заболеваниями и детской смертностью, проблему высокой смертности населения от поведенчески обусловленных причин (например, алкоголизма) не удалось решить. И лишь в конце 1980-х гг., благодаря проведённой антиалкогольной кампании (1985–1986 гг.), смертность населения, в частности от внешних причин, сократилась, а продолжительность жизни достигла уровня середины 60-х гг. Но положительный эффект проведённых мероприятий продержался недолго, и уже с конца 1987 г. наблюдается рост производства и душевого потребления алкоголя и, как следствие, увеличение уровня смертности населения. После 1991 г. страна вошла в «чёрную демографическую полосу», характеризовавшуюся стремительной убылью населения из-за катастрофического роста смертности и снижения рождаемости, а также сокращением продолжительности жизни, так и не совершив переход к последней стадии.

То есть развитие эпидемиологического перехода в России имеет следующие отличительные черты: запаздывание основных этапов по сравнению с развитыми государствами мира и Европы, реализация перехода по ускоренной модели, наслоение нерешённых задач предшествующих этапов друг на друга.

Остановимся подробнее на показателях смертности населения. На протяжении последних 50 лет общий коэффициент смертности (ОКС) на территории России испытывал значительные колебания, максимальный пик смертности был отмечен в 2003 г. По-

Рисунок 1. Динамика общего коэффициента смертности в мире, странах ЕС и России в 1960–2013 гг. (промилле, умерших на 1 тыс. чел. населения)

Источники: The World Bank. World DataBank [Electronic resource]. – Available at: <http://databank.worldbank.org/data/views/variableSelection/selectvariables.aspx?source=world-development-indicators#>; Population Reference Bureau. Data-Finder [Electronic resource]. – Available at: <http://www.prb.org/>

степенное снижение её уровня наблюдалось начиная с 2004 г. Так, с 2004 по 2013 г. ОКС сократился на 21%. Однако, несмотря на позитивные тенденции в динамике данного показателя, в Российской Федерации значение общего коэффициента смертности стабильно выше, чем в странах Евросоюза [19] (рис. 1). По последним данным Центрального разведывательного управления США на 2014 г. [18] Россия занимает 10-е место из 225 возможных в рейтинге стран мира по уровню смертности населения (13,8‰), соседствуя с такими африканскими государствами, как Сомали и Свазиленд.

По данным ВОЗ на 2012 г., стандартизованные коэффициенты смертности населения от основных классов причин смерти в Российской Федерации значительно превышают аналогичные показате-

тели ведущих развитых стран мира. Так, уровень смертности от инфекционных болезней в нашей стране выше в 3–5 раз, от неинфекционных (хронических) заболеваний – в 2–3 раза, от травм – в 4–6 раз (табл. 1).

В структуре смертности населения России ведущее место занимают болезни системы кровообращения (53,5%). На втором месте – новообразования (15,6%), на третьем – внешние причины (9,9%; см. табл. 2). Среди внешних причин смерти на первом месте располагаются транспортные несчастные случаи, на втором – самоубийства, на третьем – случайные отравления и убийства (табл. 2). Число умерших от этих причин составляет более 50% общего количества умерших от всех внешних причин [11, с. 10].

Таблица 1. Стандартизованные по возрасту коэффициенты смертности по причинам смерти в ведущих развитых странах мира, 2012 год

Страна	Стандартизованные коэффициенты смертности, случаев на 100 тыс. чел. населения			
	Все причины	Инфекционные заболевания	Неинфекционные заболевания	Травмы
Мир	790	178	539	73
США	488	31	413	44
Дания	458	29	406	23
Германия	410	22	365	23
Англия	409	29	359	21
Норвегия	387	25	336	26
Швеция	379	19	333	26
Канада	372	23	318	31
Франция	369	21	313	35
Италия	339	15	304	20
Япония	319	34	244	40
Россия	967	74	790	103

Источник: World Health Statistic 2014. World Health Organization, 2014. – Pp. 72-87.

Таблица 2. Структура смертности населения от основных классов причин смерти в России (умерших на 100 тыс. чел. населения)

Основные классы причин смерти	1990 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2013 к ..., %		
								1990	2000	2012
Умерших от всех причин	1119,1	1529,0	1609,9	1419,2	1347,0	1331,2	1304,3	116,5	85,3	98,0
Болезни системы кровообращения	618,7	846,1	908,0	805,9	753,0	737,1	698,1	112,8	82,5	94,7
Новообразования	194,4	204,7	201,2	205,1	204,6	203,1	203,3	104,6	99,3	100,1
Внешние причины, среди них:	134,0	219,0	220,7	151,7	139,4	135,3	129,2	96,4	59,0	95,5
– транспортные несчастные случаи	29,2	27,2	28,1	20,0	20,7	21,1	20,3	69,5	74,6	96,2
– самоубийства	26,5	39,1	32,2	23,4	21,8	20,8	20,1	75,8	51,4	96,6
– случайные отравления алкоголем	10,9	25,6	28,6	13,4	11,4	10,6	10,1	92,7	39,5	95,3
– убийства	14,3	28,2	24,9	13,3	11,7	10,8	10,1	70,6	35,8	93,5
Болезни органов пищеварения	28,7	44,4	65,5	64,4	62,2	62,1	61,6	214,6	138,7	99,2
Болезни органов дыхания	59,4	70,2	66,2	52,3	51,9	51,6	51,6	86,9	73,5	100,0

* Ранжировано по уровню смертности от различных причин в Российской Федерации в 2013 г.
Источник: Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru/>

Одной из характерных особенностей российской модели смертности является крайне высокий уровень смертности трудоспособного населения, особенно мужчин, по сравнению с аналогичными показателями развитых стран: в России в 2012 г. уровень смертности мужчин

трудоспособного возраста был в 4 раза выше, чем в отмеченных странах, и в 2 раза – чем общемировой (табл. 3). Показатель смертности женщин в нашей стране несколько ниже мирового, но превышает средний по экономически развитым странам.

Таблица 3. Динамика смертности трудоспособного населения (15–60 лет) в ведущих развитых странах мира в 1960–2012 гг. (умерших на 100 тыс. чел. трудоспособного населения)

Регион	1960 г.		1970 г.		1980 г.		1990 г.		2000 г.		2012 г.		2012 к ..., %			
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	1990 г.		2000 г.	
													Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Мир	383	298	283	225	254	184	232	161	220	152	194	138	83,6	85,7	88,2	90,8
США	233	131	237	128	195	103	172	91	144	83	130	77	75,6	84,6	90,3	92,8
Англия	186	109	180	107	162	97	129	78	108	68	90	56	69,8	71,8	83,3	82,4
Швеция	141	95	140	84	142	76	114	66	87	56	68	44	59,6	66,7	78,2	78,6
Канада	193	110	187	103	164	86	127	70	101	61	68	52	53,5	74,3	67,3	85,2
Дания	151	106	159	104	167	106	155	101	126	79	102	61	65,8	60,4	81,0	77,2
Норвегия	142	82	158	76	146	67	132	68	107	61	73	44	55,3	64,7	68,2	72,1
Франция	217	115	204	101	196	85	168	69	138	61	109	52	64,9	75,4	79,0	85,2
Италия	189	109	176	95	165	77	131	61	101	51	70	39	53,4	63,9	69,3	76,5
Германия	Н/д	Н/д	Н/д	Н/д	Н/д	Н/д	158	77	124	63	94	50	59,5	64,9	75,8	79,4
Япония	217	149	173	104	130	69	109	53	98	48	82	43	75,2	81,1	83,7	89,6
Россия	277	127	313	123	362	135	316	116	443	159	339	127	107,3	109,5	76,5	79,9

Источник: The World Bank. World Development Indicators [Electronic resource]. – Available at: <http://databank.worldbank.org/data/views/variableSelection/selectvariables.aspx?source=world-development-indicators#>

Превышение уровня преждевременной смертности мужчин над уровнем смертности женщин – тенденция, наблюдаемая во многих, в том числе развитых, странах мира, однако в России этот показатель достиг беспрецедентно высокого, угрожающего национальной безопасности государства значения. Так, по последним данным Всемирного банка на 2013 г., вероятность дожития до 65-летнего возраста в нашей стране среди мужчин на 30% ниже, чем среди женщин (49% против 79%), тогда как в странах Евросоюза и в мире этот разрыв существенно ниже – 8% [20].

Высокий уровень смертности трудоспособного населения является следствием и отражением комплекса социальных проблем, остро стоящих перед Россией на современном этапе развития. В их число входят низкий уровень жизни населения, алкоголизм, несоответствующие утверждённым нормативам условия труда и высокий производственный травматизм

[16, с. 56]. Кроме того, сверхсмертность граждан трудоспособного возраста несёт в себе прямую и серьёзную экономическую угрозу, так как наряду с недостаточным инновационно-технологическим развитием страны приводит к снижению производительности труда [8].

Интегральной характеристикой демографических потерь от преждевременной смертности населения служит показатель Всемирной организации здравоохранения PYLL (Potential Years of Life Lost), или «потерянные годы потенциальной жизни» (ПППЖ), который описывает масштаб преждевременной смертности и рассчитывается как сумма произведений числа умерших в каждой возрастной группе на количество лет, недожитых ими до возраста ожидаемой продолжительности жизни:

$$ПППЖ = \sum D_i \times a_i,$$

где D – число умерших в i -й возрастной группе, a_i – число недожитых лет, $a_i = T - x_i$,

где T – верхний предельный возраст, до которого рассчитывается недожитие (т.е. возраст, ранее достижения которого все смерти считаются преждевременными), x_i – середина i -го возрастного интервала [8].

Для оценки потерь от смертности трудоспособного населения нами в качестве верхнего предельного возраста бралось рекомендованное ВОЗ значение – 65 лет, а расчёт ПППЖ производился в рамках соответствующих пятилетних половозрастных групп, начиная с 15 лет. Для выражения ущерба в экономических единицах каждый потерянный год жизни умножался на среднедушевой ВРП изучаемого года, т.е. осуществлялась оценка стоимости потерянных лет потенциальной жизни от преждевременной смертности трудоспособного населения:

$$P_t = \text{ПППЖ}_t \times C_t,$$

где P_t – стоимость ПППЖ в результате смертности в году t , ПППЖ_t – число человеко-лет, недожитых вследствие преждевременной смертности населения в году t , C_t – стоимость одного года статистической жизни в году t [8].

Наиболее полный и глубокий анализ демографического и социально-экономического ущерба от разных классов причин смерти позволяет сделать региональная статистика, поскольку она содержит всю необходимую информацию о смертности населения в гендерном разрезе и в разрезе пятилетних возрастных групп. В этой связи оценка ущерба вследствие смертности трудоспособного населения осуществлялась нами на примере Вологодской области в сравнении с общестрановыми результатами.

Произведённые расчёты показали, что наибольший вклад в демографические потери населения страны и региона вносят внешние причины смертности (табл. 4), которые составляют 35 и 27% всей суммы ПППЖ соответственно. Значительную часть потерь составляют болезни системы кровообращения – 25% в России и 18% в Вологодской области. Наибольший размер упущенной социально-экономической выгоды страны и региона выявлен для смертности от внешних причин – 2,45 и 2,7% общего объёма ВРП соответственно.

Таблица 4. Демографический и социально-экономический ущерб от основных классов причин смерти трудоспособного населения России и Вологодской области в 2013 году

Классы причин смерти	ПППЖ, человеко-лет		ПППЖ в % от общих потерь		Упущенная выгода в производстве ВРП, млн. руб.*		Ущерб в % от ВРП**	
	РФ	ВО	РФ	ВО	РФ	ВО	РФ	ВО
Все причины смерти	10 003 450	122 157	100	100	3 765 128,5	34 878,6	6,97	10,22
Внешние причины	3 511 963	32 471	35,1	26,6	1 321 843,2	9 271,2	2,45	2,72
Болезни системы кровообращения	2 464 329	22 452	24,6	18,4	927 531,5	6 410,6	1,72	1,88
Новообразования	1 186 930	10 908	11,9	8,9	446 740,3	3 114,5	0,83	0,91
Заболевания пищеварительной системы	802 195	12 204	8,0	10,0	301 932,6	3 484,5	0,56	1,02
Инфекционные и паразитарные болезни	668 001	2 068	6,7	1,7	251 424,2	590,5	0,47	0,17
Заболевания органов дыхания	454 377	3 970	4,5	3,2	171 019,8	1 133,5	0,32	0,33
* ВРП на душу населения.								
** ВРП в основных ценах.								

При рассмотрении демографического и социально-экономического ущерба вследствие смертности трудоспособного населения от разных классов причин смерти, обращают на себя внимание существенные гендерные различия в его величине. Так, среди мужчин общие потери ПГПЖ и ВРП от всех причин смерти выше, чем среди женщин, в 3 раза, от внешних причин смерти – в 4 раза, причём среди них наибольший урон наносят самоубийства и транспортные несчастные случаи (табл. 5).

Самые высокие потери ПГПЖ от внешних причин смерти наблюдаются в наиболее молодых возрастных группах (в рамках трудоспособного возраста) – 15–19 и 20–24 лет, на каждую из которых приходится: в России более 70% общих потерь ПГПЖ, в Вологодской области – 35–40% соответственно (табл. 6). В старших возрастных группах максимальный ущерб наносит

смертность от болезней системы кровообращения: так, в целом по стране ПГПЖ от данного класса причин смерти в возрасте 50–54 лет достигает 38% всех потерь, в возрасте 55–59 лет – 43%. В Вологодской области эти потери составляют 31 и 41% соответственно.

Для оценки общей картины смертности населения немаловажен и такой индикатор, как младенческая смертность. Говоря о динамике данного показателя в России, стоит отметить, что за период с 1960 по 2013 г. он снизился в 4 раза (рис. 2). На протяжении всего рассматриваемого периода превышение уровня младенческой смертности в нашей стране по сравнению с государствами Евросоюза сократилось с 3-х до 2-х раз. Но при более детальном рассмотрении наблюдаемые успехи кажутся не такими значительными. Так, в 2012 г. уровень младенческой смертности вырос на 18% по сравнению с показателем 2011 г. Такой

Таблица 5. Потери ПГПЖ и ВРП среди мужчин и женщин трудоспособного возраста Вологодской области в 2013 году

Классы причин смерти	Мужчины			Женщины		
	ПГПЖ (человеко-лет)	Ущерб (млн. руб.)*	Ущерб в % от ВРП**	ПГПЖ (человеко-лет)	Ущерб (млн. руб.)*	Ущерб в % от ВРП**
Все причины смерти	93 503	26 697,2	7,82	28 654	8 181,4	2,40
Внешние причины, в том числе:	26 395	7 536,4	2,21	6 076	1 734,8	0,51
– транспортные несчастные случаи	3 634	1 037,6	0,30	1 061	302,9	0,09
– самоубийства	4 166	1 189,5	0,35	1 122	320,3	0,09
– случайные отравления алкоголем	2 457	701,5	0,21	571	163,0	0,05
– убийства	1 727	493,1	0,14	449	128,2	0,04
Болезни системы кровообращения	17 302	4 940,1	1,45	5 150	1 470,4	0,43
Заболевания пищеварительной системы	7 062	2 016,4	0,59	3 679	1 050,4	0,31
Новообразования	5 805	1 657,5	0,49	5 103	1 457,0	0,43
Заболевания органов дыхания	3 206	915,4	0,27	764	218,1	0,06
Инфекционные и паразитарные болезни	1 663	474,8	0,14	405	115,6	0,03
* ВРП на душу населения. ** ВРП в основных ценах.						

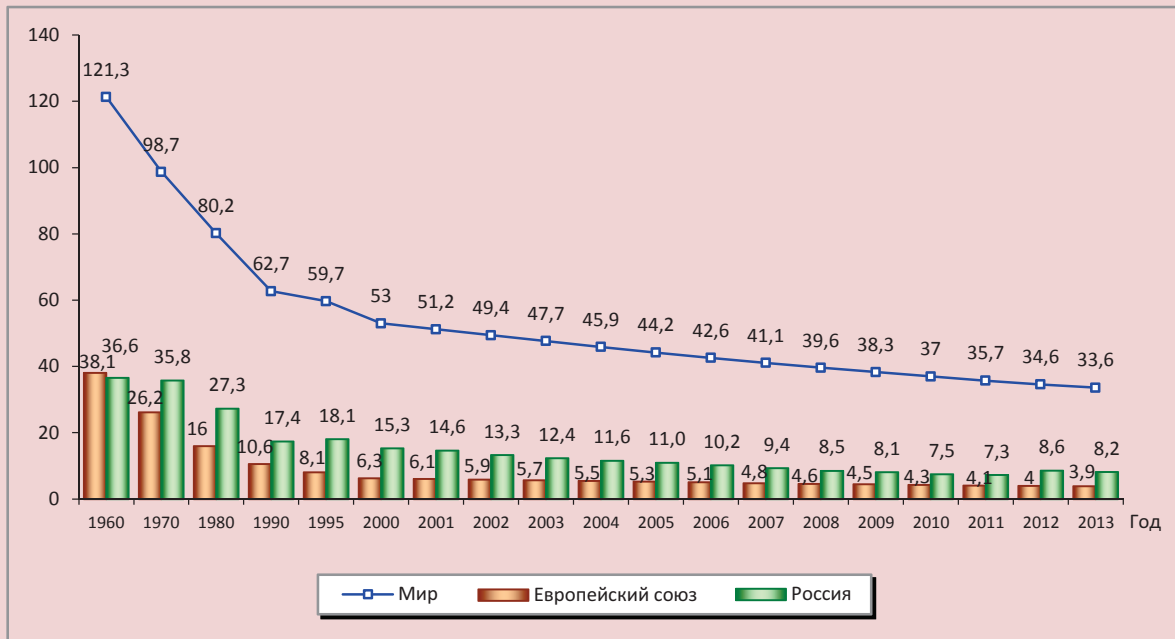
Таблица 6. ПГПЖ от основных классов причин смерти в различных возрастных группах трудоспособного населения России и Вологодской области в 2013 году (лет)

Классы причин смерти	15-19	20-24	25-29	30-34	35-39	40-44	45-49	50-54	55-59
	абс./ в %	абс./ в %	абс./ в %	абс./ в %	абс./ в %	абс./ в %	абс./ в %	абс./ в %	абс./ в %
Российская Федерация									
Все причины смерти	262080 / 100	656137 / 100	1125712 / 100	1460844 / 100	1424080 / 100	1235031 / 100	1221966 / 100	1446640 / 100	1170960 / 100
Внешние причины	190752 / 72,8	464615 / 70,8	634106 / 56,3	635085 / 43,5	524664 / 36,8	372807 / 30,2	293472 / 24,0	255502 / 17,7	140960 / 12,0
Болезни системы кровообращения	14400 / 5,5	45408 / 6,9	117078 / 10,4	211926 / 14,5	282576 / 19,8	334535 / 27,1	407790 / 33,4	550056 / 38,0	500560 / 42,7
Заболевания пищеварительной системы	2496 / 1,0	14706 / 2,2	63536 / 5,6	123849 / 8,5	144256 / 10,1	127236 / 10,3	117414 / 9,6	120614 / 8,3	88088 / 7,5
Новообразования	14736 / 5,6	29713 / 4,5	48488 / 4,3	74217 / 5,1	102340 / 7,2	137747 / 11,2	188604 / 15,4	302445 / 20,9	288640 / 24,6
Заболевания органов дыхания	6384 / 2,4	14792 / 2,3	41572 / 3,7	66066 / 4,5	74424 / 5,2	64722 / 5,2	60606 / 5,0	71331 / 4,9	54480 / 4,7
Инфекционные и паразитарные болезни	3216 / 1,2	24768 / 3,8	104006 / 9,2	193314 / 13,2	150276 / 10,6	83398 / 6,8	50778 / 4,2	38285 / 2,6	19960 / 1,7
Вологодская область									
Все причины смерти	2304 / 100	8944 / 100	14668 / 100	16731 / 100	14896 / 100	15318 / 100	15948 / 100	18668 / 100	14680 / 100
Внешние причины	816 / 35,4	3741 / 41,8	5662 / 38,6	5610 / 33,5	4284 / 28,8	4094 / 26,7	3384 / 21,2	3328 / 17,8	1552 / 10,6
Болезни системы кровообращения	240 / 10,4	344 / 3,8	684 / 4,7	1221 / 7,3	1596 / 10,7	2484 / 16,2	3996 / 25,1	5863 / 31,4	6024 / 41,0
Заболевания пищеварительной системы	0 / 0	172 / 1,9	798 / 5,4	1914 / 11,4	2212 / 14,8	2093 / 13,7	1836 / 11,5	1651 / 8,8	1528 / 10,4
Новообразования	96 / 4,2	215 / 2,4	532 / 3,6	528 / 3,2	896 / 6,0	1357 / 8,9	1890 / 11,9	2626 / 14,1	2768 / 18,9
Заболевания органов дыхания	48 / 2,1	86 / 1,0	380 / 2,6	660 / 3,9	532 / 3,6	391 / 2,6	540 / 3,4	741 / 4,0	592 / 4,0
Инфекционные и паразитарные болезни	0 / 0	215 / 2,4	342 / 2,3	495 / 3,0	308 / 2,1	92 / 0,6	252 / 1,6	260 / 1,4	104 / 0,7

рост связан с переходом России с апреля 2012 г. к использованию нового определения мертво- и живорождения [7, с. 280], что приблизило нашу страну к критериям живорождения ВОЗ. Кроме того, в рейтинге стран мира по уровню младенческой смертности 2014 г. [18] Российская Федерация находится на 160 позиции (7,1 умершего в возрасте до 1 года на 1 тыс. родившихся живыми) из 224 возможных, располагаясь «по соседству» с Чили и Кувейтом.

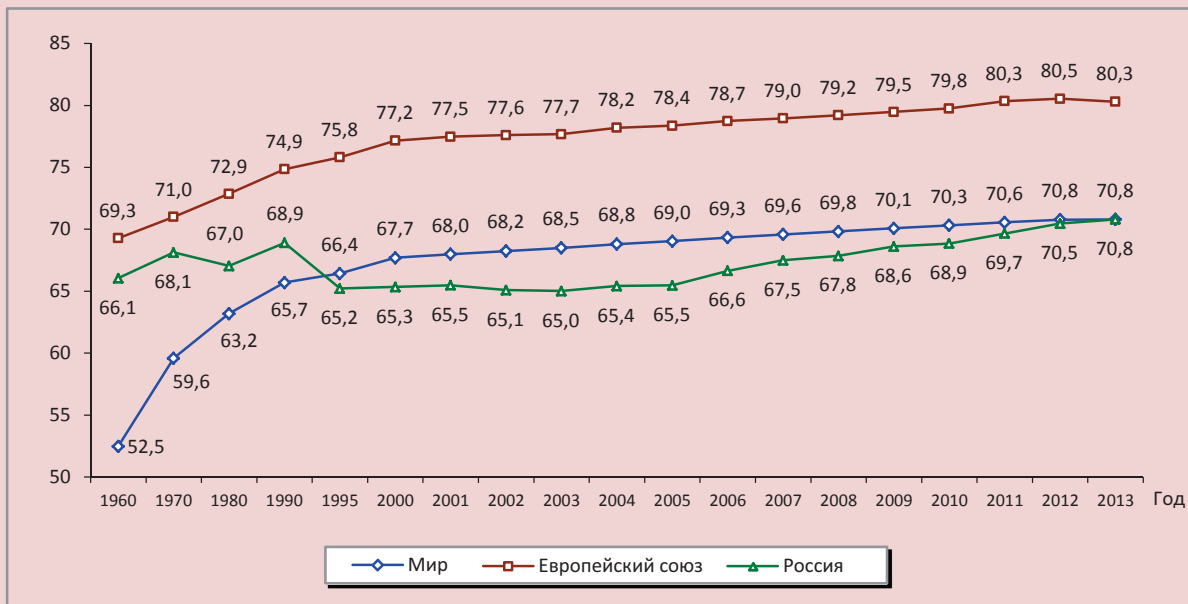
Высокий уровень смертности от внешних причин в значительной степени определяет динамику ожидаемой продолжительности жизни населения. С 1960 по 2013 г. данный показатель в мире вырос на 18 лет, в странах Евросоюза – на 11 лет, достигнув 71 и 80 лет соответственно. Причём наиболее существенный рост продолжительности жизни наблюдался до начала 2000-х гг., после чего его темпы несколько снизились (рис. 3).

Рисунок 2. Динамика коэффициента младенческой смертности в мире, странах ЕС и России в 1960–2013 гг. (умерших на первом году жизни на 1 тыс. родившихся живыми)

Источники: The World Bank. World Development Indicators [Electronic resource]. – Available at: <http://databank.worldbank.org/data/views/variableSelection/selectvariables.aspx?source=world-development-indicators#>; Population Reference Bureau. DataFinder [Electronic resource]. – Available at: <http://www.prb.org/>

Рисунок 3. Динамика ожидаемой продолжительности жизни при рождении в мире, странах ЕС и России в 1960–2013 гг., лет

Источники: The World Bank. World Development Indicators [Electronic resource]. – Available at: <http://databank.worldbank.org/data/views/reports/tableview.aspx>; Population Reference Bureau. DataFinder [Electronic resource]. – Available at: <http://www.prb.org/>

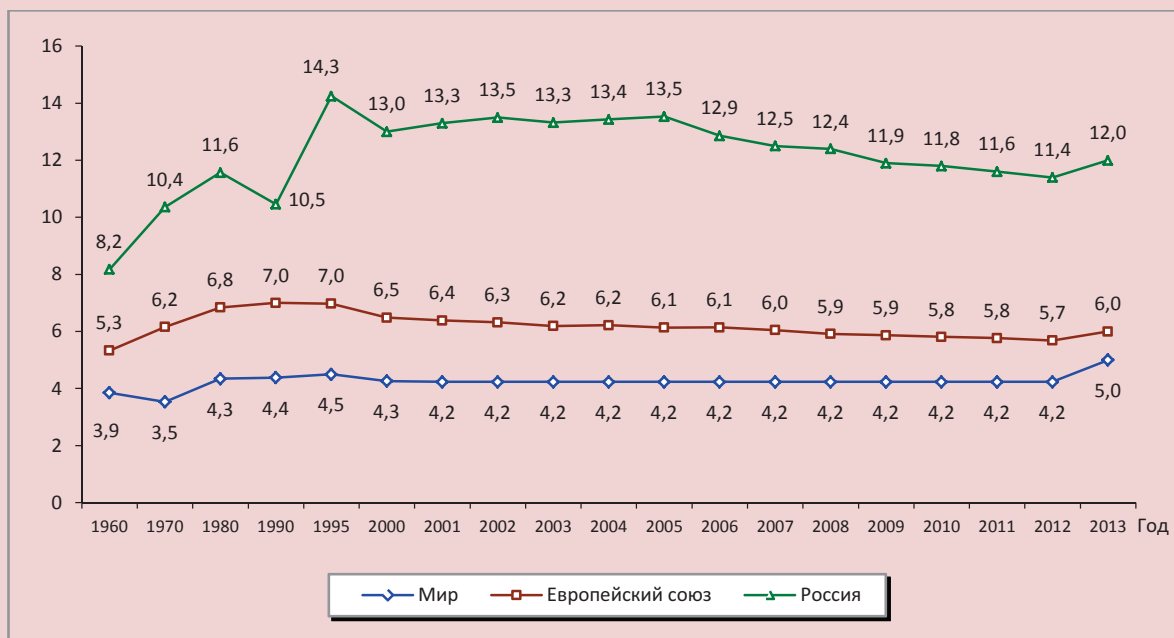
За период 1960–2013 гг. ожидаемая продолжительность жизни населения в России увеличилась не столь значительно – на 5 лет. В отличие от большинства развитых стран мира, где на протяжении последних десятилетий ожидаемая продолжительность жизни устойчиво и довольно быстро повышалась, в нашей стране её уровень заметно варьировался: снижение приходилось в основном на периоды серьёзных финансовых и социально-экономических потрясений. Минимального значения уровень ОПЖ достиг в 1994 г. – 64 года. Начиная с 2003 г. ожидаемая продолжительность жизни населения росла и к 2013 г. составила 70,8 года, что сравнимо с общемировым показателем и ниже аналогичного в странах Евросоюза почти на 10 лет (рис. 3).

Говоря о гендерных различиях в уровне ОПЖ, стоит отметить, что расхождение в данном показателе у мужчин и женщин России в среднем за рассматриваемый временной промежуток составляло 12 лет, тогда как в мире и странах Евросоюза оно держится на отметке 4–6 лет. Наибольший разрыв в уровне продолжительности жизни мужчин и женщин нашей страны пришёлся на 1995 г. (14,3 года; рис. 4).

Кроме вышеперечисленных особенностей российской модели смертности наблюдается существенная дифференциация регионов по её показателям.

В 2013 г. в 52 субъектах Российской Федерации общий коэффициент смертности превышал средний по стране (13‰), для сравнения: в 2000 г. в их число входило 37 субъектов. Всю совокупность регионов РФ по общему уровню смертности можно

Рисунок 4. Гендерный разрыв в ОПЖ в мире, странах ЕС и России* (лет)

* Рассчитано автором на основе данных Всемирного банка и Европейского бюро по проблемам народонаселения. Источники: The World Bank. World Development Indicators [Electronic resource]. – Available at: <http://databank.worldbank.org/data/views/variableSelection/selectvariables.aspx?source=world-development-indicators#>; Population Reference Bureau. DataFinder [Electronic resource]. – Available at: <http://www.prb.org/>

Таблица 7. Распределение субъектов РФ по уровню общего коэффициента смертности населения в 2013 году

Низкий (<10,0‰)	Ниже среднего (от 10,0 до 12,0‰)	Средний (от 12,0 до 14,0 ‰)	Выше среднего (от 14,0 до 16,0‰)	Высокий (>16,0‰)
Респ. Ингушетия (3,5), Чеченская Респ. (4,9), Ямало-Ненецкий АО (5,1), Респ. Дагестан (5,5), Ханты-Мансийский АО (6,3) Тюменская обл. (8,2), Респ. Саха (Якутия) (8,7), Кабардино-Балкарская Респ. (9,0), Карачаево-Черкесская Респ. (9,5), г. Москва (9,6), Респ. Калмыкия (9,9)	Респ. Северная Осетия-Алания, Чукотский АО (10,5), Ненецкий АО (10,7); Респ. Тыва (10,9), Мурманская обл. (11), Респ. Алтай (11,3), Камчатский край (11,4), Томская обл., Ставропольский край (11,7), Респ. Бурятия (11,8), Магаданская обл., Санкт-Петербург (11,9)	Респ. Коми (12,0), Респ. Татарстан (12,1), Астраханская обл. (12,2), Забайкальский край (12,5), Удмуртская Респ., Красноярский край (12,7) Краснодарский край (12,8), Респ. Башкортостан, Чувашская Респ., Респ. Хакасия, Сахалинская обл., Калининградская обл., Респ. Адыгея (13,1), Хабаровский край, Архангельская обл. (13,3), Новосибирская обл., Омская обл. (13,4), Приморский край, Волгоградская обл. (13,5), Иркутская обл. (13,6), Респ. Марий Эл, Свердловская обл. (13,7), Белгородская обл., Ростовская обл. (13,8), Оренбургская обл., Челябинская обл., Амурская обл., Московская обл. (13,9)	Пермский край (14,0), Алтайский край (14,2), Самарская обл. (14,3), Ульяновская обл., Ленинградская обл. (14,4), Кемеровская обл. (14,5), Еврейская АО, Респ. Карелия (14,6), Пензенская обл. (14,7), Респ. Мордовия (14,8), Вологодская обл., Калужская обл., Липецкая обл. (15,2), Кировская обл. (15,4), Воронежская обл. (15,5) Рязанская обл., Ярославская обл. (15,8), Нижегородская обл., Брянская обл. (15,9)	Костромская обл., Курская обл., Тамбовская обл., Курганская обл. (16,1), Орловская обл. (16,2), Ивановская обл. (16,3), Смоленская обл. (16,4), Владимирская обл. (16,7), Тульская обл. (17,4), Новгородская обл. (17,8), Тверская обл. (18,0), Псковская обл. (18,6)
11 субъектов	12 субъектов	28 субъектов	19 субъектов	12 субъектов
Источник: Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/				

разделить на 5 групп¹: регионы с низким (ниже 10‰), ниже среднего (от 10 до 12‰), средним (12 – 14‰), выше среднего (от 14 до 16‰) и высоким (выше 16‰) уровнем смертности (табл. 7). Среди регионов с низким уровнем смертности оказались 11 субъектов РФ (преимущественно Северо-Кавказского ФО), ниже среднего – 12, со средним – 28 (в том числе Вологодская область), выше среднего – 19, с высоким – 12 субъектов РФ.

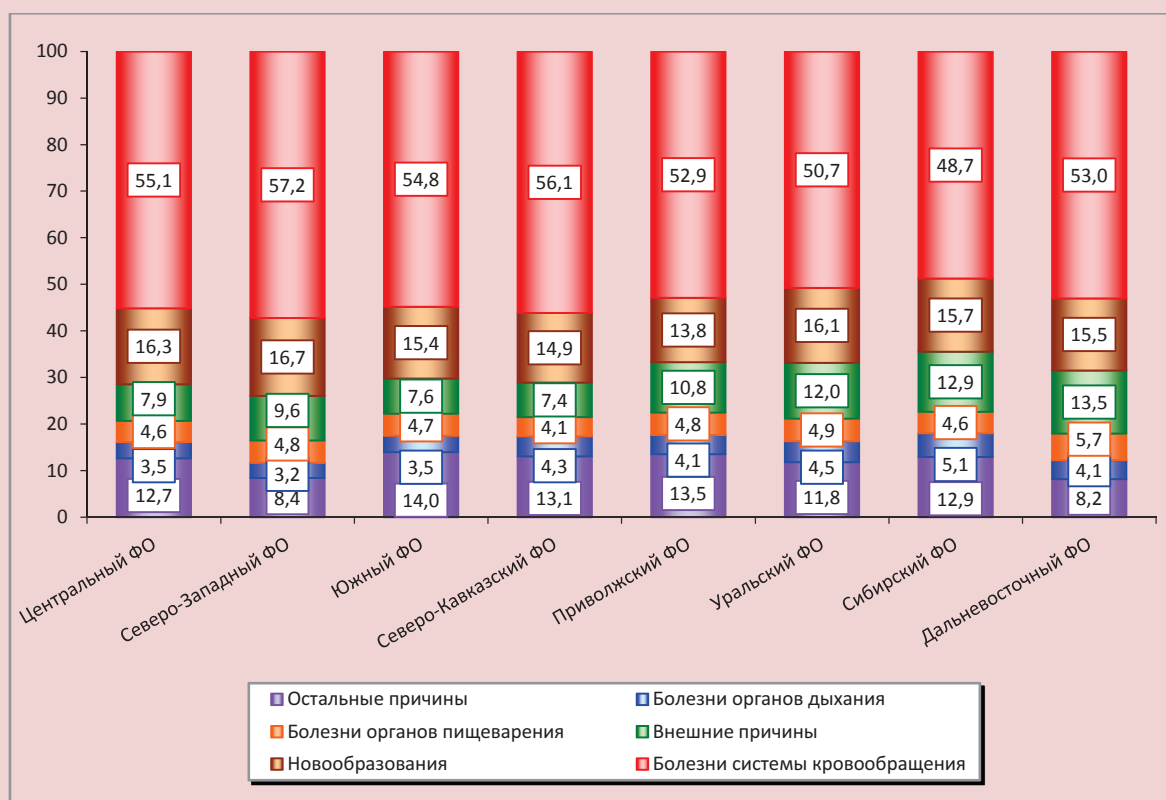
Структура смертности макрорегионов в целом повторяет общероссийскую (см. табл. 2), среди федеральных округов по

¹ При осуществлении группировки регионов за пороговое значение низкого уровня общего коэффициента смертности (ОКС) было принято среднее по странам Евросоюза значение – 10‰. Разбивка субъектов производилась с шагом 2‰. При этом учитывалось, что общероссийское значение показателя составляет 13‰.

уровню смертности от болезней системы кровообращения и от новообразований лидирует Северо-Западный федеральный округ (57 и 17% соответственно), от внешних причин и от болезней органов пищеварения – Дальневосточный (13,5 и 6% соответственно), от болезней органов дыхания – Сибирский (5%; рис. 5).

Гендерный разрыв в уровне смертности трудоспособного населения за период с 2000 по 2013 г. сократился во всех макрорегионах России. В 2013 г. лидером по показателю смертности среди мужчин и женщин трудоспособного возраста стал Дальневосточный федеральный округ (1017,4 и 315,7 умершего на 1 тыс. чел. соответственно), минимальное значение отмечено в Северо-Кавказском федеральном округе (473,1 и 124,7 умершего на 1 тыс. чел.

Рисунок 5. Структура смертности населения федеральных округов России от наиболее распространённых классов причин смерти в 2013 году* (в % от общего уровня смертности)

* Рассчитано автором на основе данных Федеральной службы государственной статистики.

соответственно). Вместе с тем наибольшая гендерная разница в величине данного показателя наблюдалась в Центральном и Приволжском федеральных округах (3,83 раза).

Остановившись на регионах Северо-Западного федерального округа, следует подчеркнуть, что максимальный уровень смертности среди трудоспособных мужчин зафиксирован в Новгородской области (1257,5 умершего на 1 тыс. чел.), среди женщин – в Псковской области (341,4 умершего на 1 тыс. чел.; табл. 8). Наиболее благоприятная ситуация, характеризующаяся самыми низкими уровнями смертности трудоспособных граждан обоих полов, наблюдается в г. Санкт-Петербурге.

Уровень младенческой смертности также сократился за рассматриваемый период во всех макрорегионах Российской Федерации (табл. 9). Однако по отношению к уровню 2010 г. в каждом федеральном округе был зафиксирован рост данного показателя, что, как говорилось выше, объясняется изменением государственной системы регистрации рождений. Наиболее неблагоприятная среди регионов Северо-Западного федерального округа ситуация по уровню младенческой смертности сложилась в 2013 г. в Вологодской области (10,1 умершего на 1 тыс. живорождённых). Наименьшее значение показателя зарегистрировано в Санкт-Петербурге (4,4 умершего на 1 тыс. живорождённых).

Таблица 8. Смертность среди трудоспособного населения федеральных округов России в 2000 и 2013 гг.* (умерших в трудоспособном возрасте на 100 тыс. чел. трудоспособного населения)

Территория	2000 г.			2013 г.			2013 к 2000 г., в %	
	Муж.	Жен.	Гендерный разрыв в K_{τ}^{**} , раз	Муж.	Жен.	Гендерный разрыв в K_{τ}^{**} , раз	Муж.	Жен.
Центральный ФО	1213,4	293,0	4,14	810,2	211,5	3,83	66,8	72,2
Северо-Западный ФО	1260,4	346,3	3,64	850,3	248,0	3,43	67,5	71,6
Республика Карелия	1345,0	372,3	3,61	1103,5	310,6	3,55	82,0	83,4
Республика Коми	1089,3	328,7	3,31	1050,4	271,6	3,87	96,4	82,6
Архангельская область	1361,1	351,2	3,88	964,0	242,9	3,97	70,8	69,2
Вологодская область	1134,8	256,2	4,43	1031,7	253,0	4,08	90,9	98,8
Калининградская область	1234,9	373,6	3,31	826,4	268,9	3,07	66,9	72,0
Ленинградская область	1495,6	412,4	3,63	914,1	291,3	3,14	61,1	70,6
Мурманская область	1063,0	292,6	3,63	822,4	270,8	3,04	77,4	92,5
Новгородская область	1477,8	344,5	4,29	1257,5	315,7	3,98	85,1	91,6
Псковская область	1519,8	423,4	3,59	1135,1	341,4	3,32	74,7	80,6
г. Санкт-Петербург	1187,4	340,7	3,49	619,1	197,2	3,14	52,1	57,9
Южный ФО	938,8	238,4	3,94	759,5	207,7	3,66	80,9	87,1
Северо-Кавказский ФО	Н/д	Н/д	-	473,1	124,7	3,79	-	-
Приволжский ФО	1125,7	272,3	4,13	959,1	250,5	3,83	85,2	92,0
Уральский ФО	1151,9	298,6	3,86	904,0	250,0	3,62	78,5	83,7
Сибирский ФО	1196,7	354,9	3,37	1012,1	302,4	3,35	84,6	85,2
Дальневосточный ФО	1139,4	335,2	3,40	1017,4	315,7	3,22	89,3	94,2

* Трудоспособное население: мужчины 16–59 лет, женщины 16–54 лет.
 ** K_{τ} – коэффициент смертности трудоспособного населения.
 Источники: Демографический ежегодник России 2014 [Электронный ресурс] : стат. сборник / Росстат. – М., 2014. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/B14_16/Main.htm; Демографический ежегодник России 2002: стат. сборник / Росстат. – М., 2002. – С. 269-290.

Таблица 9. Динамика младенческой смертности в федеральных округах России в 1998*–2013 гг. (умерших на первом году жизни на 1 тыс. родившихся живыми)

Территория	1998 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2013 к..., %		
								2000 г.	2010 г.	2012 г.
Центральный ФО	15,0	13,6	10,0	6,6	6,5	7,8	7,6	55,9	115,2	97,4
Северо-Западный ФО	14,0	12,8	9,4	5,6	5,4	6,2	6,2	48,4	110,7	100,0
Республика Карелия	15,3	14,4	9,6	4,9	5,6	7,6	6,4	44,4	130,6	84,2
Республика Коми	16,9	13,0	8,7	5,0	4,4	5,9	6,0	46,2	120,0	101,7
Архангельская область	13,9	14,1	12,6	6,8	6,9	7,1	7,7	54,6	113,2	108,5
Вологодская область	16,6	16,0	11,6	7,4	6,5	8,4	10,1	63,1	136,5	120,2
Калининградская область	17,5	19,6	11,3	4,5	4,5	5,6	6,5	33,2	144,4	116,1
Ленинградская область	9,9	10,3	9,8	6,0	5,4	6,1	5,8	56,3	96,7	95,1
Мурманская область	11,8	12,5	11,2	5,3	8,6	6,6	6,2	49,6	117,0	93,9
Новгородская область	16,9	14,0	9,7	7,2	7,7	8,2	8,5	60,7	118,1	103,7
Псковская область	19,9	15,1	12,8	7,9	6,1	10,0	7,7	51,0	97,5	77,0
г. Санкт-Петербург	11,4	10,7	6,0	4,7	4,3	4,5	4,4	41,1	93,6	97,8
Южный ФО	18,7	16,9	12,2	7,1	7,1	8,4	7,9	46,7	111,3	94,0
Северо-Кавказский ФО	Н/д	Н/д	Н/д	12,0	13,0	14,6	12,2	-	101,7	83,6
Приволжский ФО	15,9	14,4	10,5	6,8	6,3	7,7	7,5	52,1	110,3	97,4
Уральский ФО	15,0	15,4	10,0	6,7	6,6	7,5	7,4	48,1	110,4	98,7
Сибирский ФО	18,1	17,6	12,3	8,4	7,8	9,4	8,5	48,3	101,2	90,4
Дальневосточный ФО	20,1	18,6	13,5	9,6	9,1	10,9	11,0	59,1	114,6	100,9

* Сбор статистических данных по федеральным округам РФ ведётся с 1998 г.
 Источник: Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru/>

Ожидаемая продолжительность жизни при рождении является наиболее адекватной обобщающей характеристикой современного уровня смертности во всех возрастах [15, с. 89]. В ходе анализа её динамики в макрорегионах России было установлено, что за период с 1990 по 2013 г. данный показатель вырос во всех федеральных округах (табл. 10). Наибольшего значения он достиг в Северо-Кавказском федеральном округе (74 года в 2013 г.), среди регионов – в Республике Ингушетия (78,8 года). Самый низкий уровень ОПЖ был зафиксирован в Дальневосточном федеральном округе (67,8 года) и в Республике Тыва (61,8 года). Таким образом, разрыв в продолжительности жизни разных субъектов РФ доходит до 17 лет. Подобные различия обусловлены вариациями социально-экономических, природно-климатических и культурно-этнических факторов [10, с. 129].

Таким образом, развитие эпидемиологического перехода в России имеет следующие отличительные черты: запаздывание основных этапов по сравнению с развитыми государствами мира и Европы, реализация перехода по ускоренной модели, наложение нерешённых задач предшествующих этапов друг на друга. Это выражается в сохранении более высоких показателей смертности, чем в развитых странах, что обусловлено сверхсмертностью населения в трудоспособном возрасте от внешних причин и, как следствие, значительными социально-демографическими и экономическими потерями от неё, а также в существенной региональной дифференциации показателей смертности внутри страны.

Поскольку сверхсмертность населения трудоспособного возраста, особенно среди мужчин, является характерной особенностью российской модели смертности в

Таблица 10. Ожидаемая продолжительность жизни населения федеральных округов России в 1990–2013 гг., лет

Территория	1990 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2013 к...		
								1990 г.	2000 г.	2012 г.
Центральный ФО	69,5	66,1	66,5	69,9	71,2	71,4	71,9	103,5	108,8	100,7
Северо-Западный ФО	69,1	64,5	64,2	68,9	70,1	70,6	71,3	103,2	110,5	101,0
Республика Карелия	68,8	62,9	61,8	66,4	68,0	68,0	69,2	100,6	110,0	101,8
Республика Коми	68,2	63,5	62,1	66,9	68,0	68,3	69,3	101,6	109,1	101,5
Архангельская область	69,1	62,8	63,0	67,9	68,8	69,7	70,2	101,6	111,8	100,7
Вологодская область	69,3	65,7	63,2	67,1	68,4	69,2	69,4	100,1	105,6	100,3
Калининградская область	68,7	63,6	61,5	68,8	69,9	70,1	70,5	102,6	110,8	100,6
Ленинградская область	68,3	63,0	62,4	68,1	69,4	69,8	70,4	103,1	111,7	100,9
Мурманская область	70,2	64,5	63,8	68,4	68,9	69,8	70,5	100,4	109,3	101,0
Новгородская область	67,6	62,8	61,8	65,0	66,5	67,6	67,7	100,1	107,8	100,1
Псковская область	68,1	61,9	60,2	64,6	66,5	66,5	67,8	99,6	109,5	102,0
г. Санкт-Петербург	69,7	66,7	68,0	72,1	73,1	73,4	74,2	106,5	111,2	101,1
Южный ФО	69,7	67,3	68,1	70,1	70,7	71,3	71,8	103,0	106,7	100,7
Северо-Кавказский ФО	Н/д	Н/д	69,9	72,2	72,6	73,2	74,0	-	-	101,1
Приволжский ФО	69,9	65,5	65,3	68,4	69,2	69,2	70,1	100,3	107,0	101,3
Уральский ФО	69,4	64,6	65,2	68,8	69,4	69,7	70,1	101,0	108,5	100,6
Сибирский ФО	67,9	63,7	62,7	67,1	67,7	68,0	68,6	101,0	107,7	100,9
Дальневосточный ФО	67,2	63,2	62,2	65,8	66,4	67,0	67,8	100,9	107,3	101,2

Источник: Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru/>

условиях *незавершённого эпидемиологического перехода*, снижение её уровня представляет одно из приоритетных направлений государственной социальной политики, обозначенное в ведущих концептуальных и нормативно-правовых документах России. В стране реализуются федеральные и региональные программы развития здравоохранения, большое внимание в которых уделено вопросу сокращения смертности от дорожно-транспортных происшествий, снижению потребления алкогольной продукции, ведь, как известно, алкогольный фактор вносит существенный вклад в преждевременную смертность, особенно среди мужского населения [17]. В то же время в данных документах не выработано ни целевых показателей, характеризующих смертность трудоспособного населения, ни механизмов их достижения [13, с. 92], практически не затрагивается проблема высокого производственного травматизма как фактора инвалидизации и последующей преждевременной смертности. По данным за 2013 г. в России при несчастных случаях на производстве с утратой трудоспособности на 1 рабочий день и более пострадало 36 тыс. человек, из них со смертельным исходом – 1,7 тыс. человек. На наш взгляд, в связи с крайне высоким уровнем травматизма на рабочих местах необходимо все силы сконцентрировать на реализации профилактического направления, в рамках которого представляется целесообразным:

– создание и оборудование на предприятиях специальных кабинетов или уголков по технике безопасности для предупреждения несчастных случаев и профессиональных заболеваний;

– пропаганда техники безопасности на производстве в форме систематических лекций, бесед, инструктажей с привлечением специалистов в области без-

опасности жизнедеятельности, а также с использованием наглядных пособий, документальных фильмов, телепередач и т.д.;

– проведение медицинским персоналом инструктажей с работниками предприятий по оказанию первой медицинской помощи пострадавшим в несчастных случаях на производстве.

Учитывая высокие показатели смертности трудоспособного населения в результате дорожно-транспортных происшествий, которые, как известно, занимают 1-е место в структуре смертности от внешних причин, считаем необходимым продолжить реализацию региональных программ профилактики основных факторов риска транспортных несчастных случаев, включая проектирование более безопасной инфраструктуры дорожного движения, повышение доступности и улучшение качества помощи пострадавшим в дорожных авариях [6, с. 90-91]; усилить контроль за соблюдением ПДД.

Ещё одним направлением совершенствования системы профилактики смертности среди трудоспособного населения могут служить механизмы развития и поддержания положительных установок на ведение здорового образа жизни с помощью активного привлечения СМИ, общественных организаций, профсоюзов, органов власти и ведомств к пропаганде ЗОЖ, профилактике саморазрушительных форм поведения.

Литература

1. Андреев, Е.М. Возможно ли снижение смертности в России? [Электронный ресурс] / Е.М. Андреев, Е.А. Кваша, Т.Л. Харькова // Демоскоп Weekly. – 2004. – № 145-146. – Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2004/0145/tema01.php>
2. Вишневский, А.Г. Смертность в России. Главные группы риска и приоритеты действий

- [Текст] / А.Г. Вишневский, В.М. Школьников. – М. : Московский Центр Карнеги, 1997. – 84 с.
3. Демографическая модернизация России: 1900–2000 [Текст] / под ред. А.Г. Вишневского. – М. : Новое издательство, 2006. – 608 с.
 4. Демографический ежегодник России 2014 [Электронный ресурс] : стат. сборник / Росстат. – М., 2014. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/B14_16/Main.htm
 5. Демографический ежегодник России 2002 [Текст] : стат. сборник / Росстат. – М., 2002. – 397 с.
 6. Короленко, А.В. Основные черты современного демографического кризиса в России и пути его преодоления [Текст] / А.В. Короленко // Проблемы развития территорий. – 2014. – № 2 (70). – С. 79-94.
 7. Население России 2012: двадцатый ежегодный демографический доклад [Текст] / отв. ред. А.Г. Вишневский; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 412 с.
 8. Общественное здоровье и экономика [Текст] / Б.Б. Прохоров, И.В. Горшкова, Д.И. Шамаков, Е.В. Тарасова. – М. : МАКС Пресс, 2007. – 292 с.
 9. Омран, А. Эпидемиологический аспект теории естественного движения населения [Текст] / А. Омран // Проблемы народонаселения. О демографических проблемах стран Запада : сб. переводных статей. – М. : Прогресс, 1977. – 303 с.
 10. Прохоров, Б.Б. Условия жизни населения и общественное здоровье [Текст] / Б.Б. Прохоров, И.В. Горшкова, Е.В. Тарасова // Проблемы прогнозирования. – 2003. – № 5. – С. 127-140.
 11. Россия на пути к современной динамичной и эффективной экономике [Текст] : доклад / под ред. А.Д. Некипелова, В.В. Ивантера, С.Ю. Глазьева. – М. : РАН, 2013. – 93 с.
 12. Семёнова, В.Г. Обратный эпидемиологический переход в России [Текст] / В.Г. Семёнова. – М. : ЦСП, 2005. – 287 с.
 13. Смертность трудоспособного населения России и Беларуси как угроза демографическому развитию территорий [Текст] / А.А. Шабунова, Л.П. Шахотько, А.Г. Боброва, Н.А. Маланичева // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2012. – № 2 (20). – С. 83-94.
 14. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru/>
 15. Шабунова, А.А. Здоровье населения в России: состояние и динамика [Текст] / А.А. Шабунова. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2010. – 408 с.
 16. Шабунова, А.А. Экономическая оценка потерь трудового потенциала населения [Текст] / А.А. Шабунова, К.Н. Калашников // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2008. – № 4 (4). – С. 53-61.
 17. Юмагузин, В.В. Факторы смертности от внешних причин и пути ее снижения: опыт экспертного интервью [Электронный ресурс] / В.В. Юмагузин, М.В. Винник // Социальные аспекты здоровья населения: электронный научный журнал. – Режим доступа: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/595/lang,ru/>
 18. Central Intelligence Agency. The World Factbook [Electronic resource]. – Available at: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/>
 19. Population Reference Bureau. DataFinder [Electronic resource]. – Available at: <http://www.prb.org/>
 20. The World Bank. World Development Indicators [Electronic resource]. – Available at: <http://databank.worldbank.org/data/views/variableSelection/selectvariables.aspx?source=world-development-indicators#>
 21. World Health Organization. Global Health Observatory Data Repository [Electronic resource]. – Available at: <http://apps.who.int/gho/data/view.main.680?lang=en>
 22. World Health Statistic 2014 [Text] / World Health Organization, 2014. – 177 p.

Сведения об авторе

Александра Владимировна Короленко – младший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, alexandra_korolenko@mail.ru)

Korolenko A.V.

Dynamics of Mortality in Russia in the Context of the Epidemiologic Transition Concept

Aleksandra Vladimirovna Korolenko – Junior Research Associate, Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, alexandra_korolenko@mail.ru)

Abstract. The article briefly presents a modern view on the concept of epidemiologic transition, reflects features of its course in Russia: a lag of the main stages compared to the developed countries of the world and Europe, implementation of accelerated transition, layering of unresolved problems of previous phases. The author considers half-century dynamics of mortality of the Russian population in comparison with the world average and indicators of some developed countries, demonstrating its backlog, despite the overall positive trend. The work confirms persistence of high mortality of the Russian working-age population; presents calculations of demographic, socio-economic losses from premature deaths of citizens of this cohort. It states that external causes of death bring the largest demographic and socio-economic damage in the country and in the region: in Russia they account for 35% of all losses in PYLL and 2.45% of the total volume of GRP and 27 in the Vologda Oblast – 27% of all losses in PYLL and 2.7% of the total GRP. The highest population losses from external causes of death are observed in the youngest groups of the working-age population – more than 70% of the total losses in PYLL in Russia and 35–40% in the Vologda Oblast. In addition, the authors reveal significant gender differences in the size of losses in PYLL and GRP (on the example of the Vologda Oblast): the losses from all causes of death among men by 3 times higher than among women, from external causes of death – by 4 times. The study indicates significant regional differences in various indicators of mortality in the country. It makes a number of proposals to reduce mortality, particularly from external causes among the working-age population.

Key words: epidemiologic transition; mortality; mortality rates of the population; dynamics of mortality in the world, Russia and other countries; losses from premature deaths; regions of Russia; Vologda Oblast.

References:

1. Andreev E.M., Kvasha E.A., Khar'kova T.L. Vozmozhno li snizhenie smertnosti v Rossii? [Is it Possible to Reduce Mortality in Russia?]. *Demoskop Weekly* [Demoskop Weekly], 2004, no. 145-146. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2004/0145/tema01.php>
2. Vishnevskii A.G., Shkol'nikov V.M. *Smertnost' v Rossii. Glavnye gruppy riska i priority deistvii* [Mortality in Russia. Main Groups at Risk and Priorities for Action]. Moscow : Moskovskii Tsentr Karnegi, 1997. 84 p.
3. *Demograficheskaya modernizatsiya Rossii: 1900–2000* [Demographic Modernization of Russia: 1900–2000]. Under editorship of A.G. Vishnevskii. Moscow : Novoe izdatel'stvo, 2006. 608 p.
4. Demograficheskii ezhegodnik Rossii 2014: stat. sbornik [Demographic Yearbook of Russia 2014: Statistical Digest]. *Rosstat* [Federal State Statistics Service of Russian Federation]. Moscow, 2014. Available at: http://www.gks.ru/bgd/regl/B14_16/Main.htm
5. Demograficheskii ezhegodnik Rossii 2002: stat. sbornik [Demographic Yearbook of Russia 2002: Statistical Digest]. *Rosstat* [Federal State Statistics Service of Russian Federation]. Moscow, 2002. 397 p.
6. Korolenko A.V. Osnovnye cherty sovremennogo demograficheskogo krizisa v Rossii i puti ego preodoleniya [The Main Features of the Current Demographic Crisis in Russia and Ways of its Overcoming]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of Development of Territories], 2014, no. 2 (70), pp. 79-94.

7. *Naselenie Rossii 2012: dvadtsatyi ezhegodnyi demograficheskii doklad* [Population of Russia 2012: Twentieth Annual Demographic Report]. Executive editor A.G. Vishnevskii. Moscow : Izd. dom Vyshei shkoly ekonomiki, 2014. 412 p.
8. Prokhorov B.B., Gorshkova I.V., Shmakov D.I., Tarasova E.V. *Obshchestvennoe zdorov'e i ekonomika* [Public Health and Economy]. Moscow : MAKS Press, 2007. 292 p.
9. Omran A. *Epidemiologicheskii aspekt teorii estestvennogo dvizheniya naseleniya* [Epidemiological Aspect of the Natural Population Change Theory]. *Problemy narodonaseleniya. O demograficheskikh problemakh stran Zapada: sb. perevodnykh statei* [Population Problems. On the Demographic Problems of the West: Collection of Translated Articles]. Moscow: Progress, 1977. 303 p.
10. Prokhorov B.B., Gorshkova I.V., Tarasova E.V. *Usloviya zhizni naseleniya i obshchestvennoe zdorov'e* [Living conditions of the Population and Public Health]. *Problemy prognozirovaniya* [Studies on Russian Economic Development], 2003, no. 5, pp. 127-140.
11. *Rossiia na puti k sovremennoi dinamichnoi i effektivnoi ekonomike: doklad* [Russia on the Way to Modern, Dynamic and Efficient Economy: Report]. Under editorship of A.D. Nekipelov, V.V. Ivanter, S.Yu. Glazyev. Moscow : RAN, 2013. 93 p.
12. Semenova V.G. *Obratnyi epidemiologicheskii perekhod v Rossii* [Reverse Epidemiological Transition in Russia]. Moscow : TsSP, 2005. 287 p.
13. Shabunova A.A., Shakhot'ko L.P., Bobrova A.G., Malanicheva N.A. *Smernost' trudosposobnogo naseleniya Rossii i Belarusi kak ugroza demograficheskomu razvitiyu territorii* [Able-Bodied Population Mortality in Russia and Belarus as a Threat to the Demographic Development of the Territories]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2012, no. 2 (20), pp. 83-94.
14. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki* [Federal State Statistics Service of Russian Federation]. Available at: <http://www.gks.ru/>
15. Shabunova A.A. *Zdorov'e naseleniya v Rossii: sostoyanie i dinamika* [Population Health in Russia: State and Dynamics]. Vologda : ISERT RAN, 2010. 408 p.
16. Shabunova A.A., Kalashnikov K.N. *Ekonomicheskaya otsenka poter' trudovogo potentsiala naseleniya* [Economic Evaluation of Losses in Labor Potential of the Population]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2008, no. 4 (4), pp. 53-61.
17. Yumaguzin V.V., Vinnik M.V. *Fakторы smernosti ot vneshnikh prichin i puti ee snizheniya: opyt ekspertnogo interv'yu* [Factors of Mortality from External Causes and Ways to Reduce it: Experience of Expert Interviews]. *Sotsial'nye aspekty zdorov'ya naseleniya* [Social Aspects of Public Health]. Available at: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/595/lang,ru/>
18. The World Factbook. *Central Intelligence Agency*. Available at: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/>
19. DataFinder. *Population Reference Bureau*. Available at: <http://www.prb.org/>
20. World Development Indicators. *The World Bank*. Available at: <http://databank.worldbank.org/data/views/variableSelection/selectvariables.aspx?source=world-development-indicators#>
21. Global Health Observatory Data Repository. *World Health Organization*. Available at: <http://apps.who.int/gho/data/view.main.680?lang=en>
22. World Health Statistic 201. *World Health Organization, 2014*. 177 p.

НАУЧНЫЕ ОБЗОРЫ. НАУЧНЫЕ РЕЦЕНЗИИ. ОТЗЫВЫ

DOI: 10.15838/esc/2015.4.40.15

Молодежь России на рубеже XX–XXI веков: образование, труд, социальное самочувствие [Текст] : монография / Д.Л. Константиновский, Е.Д. Вознесенская, Г.А. Чередниченко. – М.: ЦСПиМ, 2014. – 548 с.

Отметим, что еще с середины прошлого века молодежь находится в зоне внимания не только политиков, но и ученых. Однако ключевые вопросы: «Молодежь, какая она? Как живет? К чему стремится?» не потеряли своей актуальности и в настоящий момент. В частности, исследователями изучаются аспекты, связанные с ожиданиями и предпочтениями молодежи, социализацией, мотивацией и профессиональным самоопределением. Мониторинговые исследования проводятся начиная с 1960-х гг., накоплен значительный опыт, сформированы обширные базы данных, подготовлен срез аналитической информации. Результатом этого стали многочисленные публикации по проблематике социально-экономического положения молодежи. Среди них исследования Д.Л. Константиновского (Молодежь 90-х: самоопределение в новой реальности, 2000), Г.А. Чередниченко (Когда наступает время выбора. Устремления молодежи и первые шаги после окончания учебных заведений, 2001), Ю.А. Зубок (Феномен риска в социологии: опыт исследования молодежи, 2007), З.А. Даниловой (Девинантное поведение в молодежной среде, 2008), И.М. Ильинского (Молодежь и молодежная политика, 2001) и др.

Особенно хотелось бы выделить коллективные монографии под редакцией Д.Л. Константиновского, в которых пред-

ставлены итоги реализации долгосрочных, начиная с 1960-х гг., исследовательских проектов по определению влияния демографической, образовательной, экономической подсистем на ценностные ориентиры и поведение молодежи. В своем роде это уникальные исследования, которые дают возможность отследить трансформацию отдельных характеристик молодых людей под воздействием изменений внешней среды. Уже тогда было опровергнуто множество мифов, например о равенстве возможностей и доступности образовательных услуг для разных категорий населения, поднимались проблемы трудоустройства молодежи.

Результатом многолетних исследований авторского коллектива под руководством Д.Л. Константиновского стала и монография «Молодежь России на рубеже XX–XXI веков: образование, труд, социальное самочувствие». В ней, так же как и в других, применяется системный подход, реализация которого позволила изучить положение разных групп молодежи (городская и сельская, рабочие и студенты) с позиций образовательного, профессионального уровня, трудовых траекторий и вопросов, связанных с социальным самочувствием.

В этом исследовании обосновывается переход к новой модели образовательного поведения и трудовой занятости, характерными особенностями которой, по

мнению авторов, являются расширение образовательной сферы за счет многообразия форм непрерывного образования, более ранний переход «учеба – работа», попеременная смена этапов обучения и работы на протяжении всей жизни, распространенность различных форм нестандартной занятости. С нашей точки зрения реализация этих условий позволит преодолеть рассогласование образовательной сферы и рынка труда и будет способствовать более эффективному использованию человеческого капитала.

В монографии в рамках изучения воспроизводства человеческого капитала затрагиваются вопросы о влиянии образования на удовлетворенность своим положением и жизнью в целом. Критерием успешности и эффективности образовательной траектории признается материальное положение. Представляется новаторским авторский подход к расчету средневзвешенного индекса материального положения различных групп молодежи, что позволило сделать вывод о росте материального благосостояния в связи с повышением образовательного уровня.

Значительное внимание в работе уделяется не только вопросам использования, но и стратегиям формирования человеческого капитала молодежи, выявлению взаимосвязей между уровнем накопленного человеческого капитала и субъективными оценками населением своего социального и профессионального положения. Интересным представляется феномен, связанный с тем, что более образованные молодые люди по сравнению с остальными в большей степени заинтересованы и в дополнительном профессиональном образовании.

Нельзя не согласиться с авторской версией о причинах подобной ситуации, обусловленной положением на рынке труда. В частности, считается, что молодежь с

высшим образованием нередко занимает рабочие места, на которых предъявляются достаточно высокие требования к образовательной и профессиональной подготовке. В связи с этим для обеспечения полноты соответствия требованиям рабочих мест возникает необходимость в дополнительном обучении. Среди факторов, воздействующих на результаты профессиональной подготовки, называется социально-профессиональный статус. В исследовании сделан вывод о том, что чем он выше, тем чаще молодые люди обращаются к дополнительной подготовке, и сама эта подготовка по-разному влияет на изменение положения работников.

Как несомненное достоинство данного исследования по сравнению с аналогичными следует отметить наличие обширной информационной базы, расширяющей возможности для интерпретации результатов в динамике, а также с учетом социально-экономических характеристик молодежи (квалификация, должность, доход и др.). Обоснованным представляется применение результатов интервьюирования, с целью получения качественных оценок, о потенциале молодежи, о причинах смены образовательных и трудовых траекторий.

Результаты интервьюирования легли в основу подхода авторов к типологизации профессиональных траекторий молодежи, выделению двух основных направлений, таких как изменение профессиональной траектории за счет повышения образовательного уровня и сохранение прежней траектории, с описанием факторов трудоустройства, а также сфер занятости молодежи в каждом из случаев. Авторами отмечается, что при реализации второй траектории, в условиях сохранения уровня образования (например, среднего профессионального), распространены два направления – горизонтальное (профес-

сиональная позиция соответствует уровню образовательной подготовки) и нисходящее (трудоустройство на рабочие места, на которых требуется более низкий уровень образовательной подготовки).

По результатам анализа данных, полученных в ходе интервью, сделаны обоснованные, содержательные выводы о том, что успешность профессиональной траектории во многом определяется как востребованностью специальности на рынке труда, так и уровнем образования работника. Показано, что в условиях приобретения высшего образования в большинстве случаев растет уровень квалификации, укрепляется положение работника на рынке труда. Кроме того, полученная на более ранних этапах обучения специальность оказывает влияние на выбор профессиональной траектории и желание повышать свой квалификационный уровень, а результативность обучения увеличивается при соответствии направленности второго и последующего образования – первому.

Хочется поддержать позицию авторов монографии в отношении оценки роли профессионального самоопределения и ценностных ориентиров молодежи в формировании образовательных и профессиональных траекторий. В частности, отметить результаты типологизации мотивов по нескольким критериям: в зависимости от степени значимости и в зависимости от характера влияния (внешние и внутренние). В исследовании убедительно представлена и структура факторов, воздействующих на образовательные траектории молодежи по таким параметрам, как сословность профессионального образования, принадлежность к семьям с разным уровнем культурного и образовательного капитала, успеваемость, мотивация, а также в зависимости от характера внешнего воздействия на принятие решений.

Интересен раздел монографии, в котором рассматривается взаимосвязь образовательных и профессиональных траекторий. Авторами поднимается проблема трудности их разграничения, вызванная накоплением опыта в виде знаний, навыков, профессиональной практики на протяжении всего жизненного цикла. Вводится авторская трактовка этих понятий. Представлен подход к исследованию образовательных и профессиональных траекторий, предполагающий учет их специфики, определение устойчивости (нестабильности), оценку удовлетворенности работой как результатом реализации той или иной траектории.

В то же время в монографии содержатся некоторые положения, которые являются дискуссионными и требуют дальнейшего развития. Так, представляется дискуссионным вывод о высокой конкурентоспособности выпускников средних школ, а также о достаточности для профессионального развития приобретенного большинством из них высшего образования. На практике каждый пятый в средних и крупных российских компаниях среди барьеров для осуществления инновационных преобразований называл нехватку квалифицированного персонала. А согласно исследованию «Глобальный инновационный барометр 2012» (Global Innovation Barometer 2012), более 40% руководителей российских компаний и более 50% по странам БРИКС считали необходимым для инновационного развития наличие сотрудников с более высоким уровнем технической подготовки.

Ознакомление с исследованием Д.Л. Константиновского убедило нас в том, что молодежь в целом имеет высокую адаптационную способность к происходящим изменениям, однако ее положение в значительной степени обусловлено социально-экономической ситуацией в стране

и в регионе. Кроме того, следует отметить и значительную дифференциацию внутри этой группы населения в зависимости от социальных, образовательных, культурных, материальных условий, что приводит к необходимости разработки адресных мер государственной политики, направленных на эффективное воспроизводство потенциала молодых людей.

Рассматриваемая монография в связи с наличием интересного фактологического материала, обоснованных результатов многолетних исследований, проводимых авторским коллективом, представляет

большую ценность как для научных кругов, так и для читателей, интересующихся вопросами образовательной политики и политики в сфере занятости молодежи.

Отметим, что на региональном уровне проводятся аналогичные исследования, в частности в Вологодской области в 2015 г. запланирован социологический опрос молодежи по социокультурным ценностям. Интересным видится сопоставление результатов, представленных в монографии, с теми, которые будут получены, на предмет выявления схожих тенденций, проблем и механизмов их решения.

к.э.н. Леонидова Г.В.

к.э.н. Устинова К.А.

Сведения об авторах

Галина Валентиновна Леонидова – кандидат экономических наук, доцент, зав. лабораторией, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, galinaleonidova@mail.ru)

Ксения Александровна Устинова – кандидат экономических наук, научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, ustinova-kseniya@yandex.ru)

Leonidova G.V., Ustinova K.A.

Monograph “The Young People of Russia at the Turn of the 21st Century: Education, Employment, Social Well-Being”. D.L. Konstantinovskii, E.D. Voznesenskaya, G.A. Cherednichenko. Moscow: TsSPiM, 2014. 548 p.

Galina Valentinovna Leonidova – Ph.D. in Economics, Associate Professor, Laboratory Head, Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, galinaleonidova@mail.ru)

Kseniya Aleksandrovna Ustinova – Ph.D. in Economics, Research Associate, Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, ustinova-kseniya@yandex.ru)

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Предлагаемые статьи должны содержать результаты исследований, обладающие новизной и практической направленностью, являться доступными по форме изложения для широкого круга читателей, соответствовать научной направленности журнала (экономические и социологические науки).

Статья должна, как правило, содержать следующие аспекты: цель работы; метод и методологию проведения работы; её результаты; область применения результатов; выводы. Выводы могут сопровождаться рекомендациями, предложениями, гипотезами, вытекающими из содержания статьи. При представлении в статье результатов социологических исследований необходимо указать следующую информацию: сведения о методологии и методике; дату, место (территорию) и организацию, проводившую исследование; структуру генеральной совокупности; тип, объем и ошибку выборки; описание методов сбора и анализа данных. Данную информацию следует изложить в одном из следующих вариантов: в специальном разделе (параграфе) статьи; непосредственно в тексте; в сноске. При оформлении таблиц важно пояснить, как считаются проценты: от числа ответивших на данный вопрос или от совокупности опрошенных. Пристатейный список литературы должен быть представительным, демонстрировать профессиональный кругозор и качественный уровень исследований авторов. Работы в пристатейном списке располагаются в алфавитном порядке сначала на русском, затем на английском (или любом другом – на латинице) языке. При ссылке в тексте даётся номер работы в квадратных скобках.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведённых фактов, цитат, статистических и социологических данных, имён собственных, географических названий и прочих сведений, а также за то, чтобы в статье не содержалось данных, не подлежащих открытой публикации.

Приводимые в таблицах (графиках) стоимостные показатели, относящиеся к разным временным периодам, представляются, как правило, в сопоставимой оценке. Если в таблицах (графиках) содержатся сравнительные данные по отдельным территориям, видам экономической деятельности и т.п., то они представляются в ранговом порядке с указанием периода, по которому производится ранжирование.

Объём статьи – не более 40 000 знаков (1 а.л.), включая пробелы и сноски, для докторов и кандидатов наук (в том числе при соавторе, не имеющем учёной степени) и не более 20 000 знаков (0,5 а.л.) – для остальных авторов. Исключения по объёму возможны только по предварительной договорённости с редакцией.

Автор представляет текст статьи и сопроводительные сведения в печатном виде по почте (один экземпляр, на одной стороне листа) и идентичные материалы по электронной почте. Печатный вариант обязательно подписывается автором (авторами).

Текст статьи направляется в формате MS Word в соответствии со следующими параметрами: гарнитура Times Roman, размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5, сноски в порядке упоминания в тексте в конце текста арабскими цифрами. Графики и диаграммы для электронного варианта статьи выполняются в программе MS Excel и даются отдельным файлом, который должен содержать не только сами графические материалы, но и исходные данные (таблицы). Блок-схемы оформляются в формате MS Word или MS VISIO-2003.

Статье должен быть присвоен **индекс УДК** (располагается до заголовка статьи).

Статью должны сопровождать **аннотация** (200 – 250 слов; предполагается описание следующих позиций: формулировка проблемы, указание методики исследования и источников информации, характеристика основных результатов исследования, варианты решения проблемы) и **ключевые слова на русском и английском языках, библиографические списки**.

К статье прилагаются (отдельным файлом) **сведения об авторах статьи**, содержащие: заголовок статьи (**на русском и английском языках**), фамилию, имя, отчество (полностью),

учёную степень, учёное звание, полное название и адрес организации – места работы, занимаемую должность, телефон и факс, адрес электронной почты, почтовый адрес для переписки.

К электронному варианту статьи прилагается **цветная фотография автора (авторов)** размером 4 × 6 см в формате tif (предпочтительно) или jpeg разрешением 300 dpi.

В соответствии с требованиями Гражданского кодекса РФ между авторами и редакцией журнала должен быть заключён Лицензионный договор с приложением к нему Акта приёма-передачи произведения. Эти документы, составленные по приведённой ниже форме и подписанные всеми авторами статьи, представляются в редакцию вместе с текстом статьи. Подписанный редакцией экземпляр договора будет направлен авторам по почте вместе с авторским экземпляром номера журнала.

Рукописи следует направлять **Почтой России** по адресу: 160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а, ИСЭРТ РАН, редакция журнала, с пометкой «для публикации в журнале «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз», а также **на электронный адрес: common@vscc.ac.ru.**

Факс: 8(8172)59-78-02. Тел.: 8(8172)59-78-31.

При полной или частичной перепечатке рукописей в другом издании обязательна ссылка на журнал.

Все рукописи подлежат рецензированию. Если у рецензента возникают вопросы, статья возвращается на доработку. Датой поступления статьи считается дата получения редакцией окончательного варианта статьи. Редакция оставляет за собой право внесения редакторских изменений и сокращений, не искажающих смысла статьи.

С 2010 года в журнале открыта рубрика «Молодые исследователи», в которой публикуются рукописи аспирантов. Статья должна быть без соавтора, заверена научным руководителем, рекомендована научной организацией, за которой закреплён аспирант.

Внимание! В случае несоблюдения указанных требований статья редакцией не рассматривается.

С электронной версией журнала можно ознакомиться по адресу: <http://esc.vscc.ac.ru>.

Лицензионный договор № _____

г. Вологда

« _____ » _____ 20__ года

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук, именуемое в дальнейшем «Лицензиат», в лице _____, действующего на основании доверенности _____, с одной стороны, и _____, именуемый(ая) в дальнейшем «Лицензиар», с другой стороны, именуемые в дальнейшем «Сторона/Стороны», заключили настоящий договор (далее — «Договор») о нижеследующем.

1. Предмет Договора

1.1. По настоящему Договору Лицензиар предоставляет Лицензиату неисключительные права на использование статьи _____

_____ (наименование, характеристика передаваемых Издателю материалов) именуемой в дальнейшем «Произведение», в обусловленных договором пределах и на определенный договором срок.

1.2. Лицензиар гарантирует, что он обладает исключительными авторскими правами на передаваемое Лицензиату Произведение.

2. Права и обязанности Сторон

2.1. Лицензиар предоставляет Лицензиату на срок 5 (Пять) лет следующие права:

2.1.1. право на воспроизведение Произведения (опубликование, обнародование, дублирование, тиражирование или иное размножение Произведения) без ограничения тиража экземпляров. При этом каждый экземпляр Произведения должен содержать имя автора Произведения;

2.1.2. право на распространение Произведения любым способом;

2.1.3. право на переработку Произведения (создание на его основе нового, творчески самостоятельного произведения) и право на внесение изменений в Произведение, не представляющих собой его переработку;

2.1.4. право на публичное использование Произведения и демонстрацию его в информационных, рекламных и прочих целях;

2.1.5. право на доведение до всеобщего сведения;

2.1.6. право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему договору права третьим лицам без выплаты Лицензиару вознаграждения.

2.2. Лицензиар гарантирует, что Произведение, права на использование которого переданы Лицензиату по настоящему Договору, является оригинальным произведением Лицензиара.

2.3. Лицензиар гарантирует, что данное Произведение никому ранее официально (т.е. по формально заключённому договору) не передавалось для воспроизведения и иного использования.

2.4. Лицензиар передает права Лицензиату по настоящему Договору на основе неисключительной лицензии.

2.5. Лицензиар обязан предоставить Лицензиату Произведение в печатной/электронной версии для ознакомления. В течение 60 (Шестидесяти) рабочих дней, если Лицензиатом не предъявлены к Лицензиару требования или претензии, связанные с качеством (содержанием) или объёмом предоставленной для ознакомления рукописи Произведения, Стороны подписывают Акт приёма-передачи Произведения.

2.6. Дата подписания Акта приёма-передачи Произведения является моментом передачи Лицензиату прав, указанных в настоящем Договоре.

2.7. Лицензиат обязуется соблюдать предусмотренные действующим законодательством авторские права, права Лицензиара, а также осуществлять их защиту и принимать все возможные меры для предупреждения нарушения авторских прав третьими лицами.

2.8. Территория, на которой допускается использование прав на Произведение, не ограничена.

3. Ответственность Сторон

3.1. Лицензиар и Лицензиат несут в соответствии с действующим законодательством РФ имущественную и иную юридическую ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязательств по настоящему Договору.

3.2. Сторона, ненадлежащим образом исполнившая или не исполнившая свои обязанности по настоящему Договору, обязана возместить убытки, причинённые другой Стороне, включая упущенную выгоду.

4. Конфиденциальность

Условия настоящего Договора и дополнительных соглашений к нему конфиденциальны и не подлежат разглашению.

5. Заключительные положения

5.1. Все споры и разногласия Сторон, вытекающие из условий настоящего Договора, подлежат урегулированию путём переговоров, а в случае их безрезультатности указанные споры подлежат разрешению в суде в соответствии с действующим законодательством РФ.

5.2. Настоящий Договор вступает в силу с момента подписания обеими Сторонами настоящего Договора и Акта приема-передачи Произведения.

5.3. Настоящий Договор действует до полного выполнения Сторонами своих обязательств по нему.

5.4. Срок действия настоящего Договора автоматически продлевается на каждый следующий пятилетний срок, если ни одна из сторон не выступила с инициативой его расторжения не позднее, чем за один месяц до истечения срока его действия.

5.5. Расторжение настоящего Договора возможно в любое время по обоюдному согласию Сторон, с обязательным подписанием Сторонами соответствующего соглашения об этом.

5.6. Расторжение настоящего Договора в одностороннем порядке возможно в случаях, предусмотренных действующим законодательством, либо по решению суда.

5.7. Любые изменения и дополнения к настоящему Договору вступают в силу только в том случае, если они составлены в письменной форме и подписаны обеими Сторонами настоящего Договора.

5.8. Во всём, что не предусмотрено настоящим Договором, Стороны руководствуются нормами действующего законодательства РФ.

5.9. Настоящий Договор составлен в двух экземплярах, имеющих одинаковое содержание и равную юридическую силу, по одному для каждой из Сторон.

6. Реквизиты Сторон

Лицензиат:

ИСЭРТ РАН
ИНН 3525086170 / КПП 352501001
160014 г. Вологда, ул. Горького, 56а
УФК по Вологодской области (ИСЭРТ РАН
лиц. сч. 20306Ц32570)
Р/с 40501810400092000001
Отделение Вологда
БИК 041909001, ОКПО 22774067
ОКАТО 19401000000

_____/_____
подпись

Лицензиар:

Ф.И.О. _____

Дата рождения: _____
Домашний адрес: _____

Паспорт: серия _____
номер _____
выдан _____
когда выдан _____
ИНН _____
Свидетельство государственного пенсионного страхования _____

_____/_____
подпись / ф. и. о. полностью

АКТ
приёма-передачи произведения

г. Вологда

« ____ » _____ 20__ года

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук, именуемое в дальнейшем «**Лицензиат**», в лице _____, действующего на основании доверенности _____, с одной стороны, и _____, именуемый(ая) в дальнейшем «**Лицензиар**», с другой стороны, именуемые в дальнейшем «**Сторона/Стороны**», составили настоящий акт о том, что Лицензиар предоставил Лицензиату Произведение _____ в печатной/электронной версии для использования в соответствии с подписанным сторонами Лицензионным договором № ____ от « ____ » _____ 20__ года.

Передал
Лицензиар:

Принял
От Лицензиата:

_____ / _____
подпись ф. и. о. полностью

_____ / _____ / _____
подпись

М. П.

ИНФОРМАЦИЯ О ПОДПИСКЕ

Уважаемые коллеги!

Предлагаем Вам оформить подписку на журнал
«**Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз**».

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт социально-экономического развития территорий РАН» (ИСЭРТ РАН).

В журнале публикуются результаты исследований по оценке эффективности функционирования региональных социально-экономических систем Северо-Западного федерального округа России, секторов экономики субъектов округа и муниципальных образований по направлениям:

- стратегия развития;
- региональная экономика;
- социальное развитие;
- внешнеэкономические отношения;
- информационная экономика;
- проблемы расширенного воспроизводства и др.

Журнал включён в **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**.

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России №6/6 от 19 февраля 2010 года журнал включен в Перечень ведущих научных изданий, рекомендуемых для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Главная цель издания – предоставление широким слоям научной общественности и практическим работникам возможности знакомиться с результатами научных исследований в области научного обеспечения региональной экономики, принимать участие в обсуждении этих проблем.

Редакционная коллегия, осуществляющая независимую экспертизу научных статей, состоит из ведущих ученых ряда регионов России.

Журнал выходит 6 раз в год.

Существует несколько способов оформления подписки на журнал «Экономические и социальные перемены: факты тенденции, прогноз»:

- **Подписка на журнал на Почте России.**

Самый простой и традиционный способ — это подписка на Почте. Подписка на журнал осуществляется через объединенный каталог «Пресса России». Подписной индекс журнала «Экономические и социальные перемены: факты тенденции, прогноз» - **41319**.

Поиск журнала по печатному каталогу на Почте довольно прост: по тематике, по алфавиту, по индексам. При оформлении подписки на журнал на Почте России Вы найдете данное издание в разделе «Экономика. Статистика» каталога «Пресса России».

- **Подписка в редакции.**

Наш менеджер будет рад проконсультировать Вас по вопросам подписки.

Журнал можно приобрести за безналичный расчет по договору.

Менеджер: Бушманова Анна Станиславовна

Телефон: 8 (8172)59-78-10 (доб. 387)

e-mail: bushmanova@vscc.ac.ru

- **Онлайн-подписка.**

На сайте <http://www.aks.ru> Вы легко сможете оформить онлайн-подписку на журнал.

Редакционная подготовка	Л.Н. Воронина
Оригинал-макет	Т.В. Попова
Корректор	Н.С. Киселева

Подписано в печать 26.08.2015.
Дата выхода в свет 31.08.2015.
Формат 60×84¹/₈. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 25,8. Тираж 1000 экз. Заказ № 213.
Свободная цена.

Журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз / Economic and social changes: facts, trends, forecast» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство ПИ № ФС77-60248 от 19 декабря 2014 года.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт социально-экономического развития территорий
Российской академии наук (ИСЭРТ РАН)

Адрес редакции, издателя и типографии:
160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а
Телефон (8172) 59-78-03, факс (8172) 59-78-02
E-mail: common@vscc.ac.ru